

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»

На правах рукописи

Рахмеева Ирина Игоревна

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
РЕГИОНАЛЬНОЙ РЕГУЛЯТОРНОЙ СРЕДЫ
В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Диссертация на соискание ученой степени

доктора экономических наук

Специальность 08.00.05 –

Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика)

Научный консультант:

Заслуженный деятель науки РФ,

доктор географических наук, профессор

Анимица Евгений Георгиевич

Екатеринбург – 2021

Содержание

Введение	4
1 Теоретические воззрения на сущность региональной регуляторной среды.....	21
1.1 Парадигмальные установки исследования региональной регуляторной среды	21
1.2 Сущность концепта «региональная регуляторная среда»	53
1.3 Влияние региональной регуляторной среды на предпринимательскую деятельность и развитие социально-экономической системы региона	87
2 Методология и методические подходы к исследованию региональной регуляторной среды	105
2.1 Бифуркационная модель трансформации региональной регуляторной среды в условиях новой реальности.....	105
2.2 Сравнение научных подходов к анализу региональной регуляторной среды и формирование авторской методики ее диагностики	127
2.3 Эконометрическая модель оценки влияния региональной регуляторной среды на социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации.....	143
3 Исследование современных процессов трансформации региональной регуляторной среды	151
3.1 Факторы формирования формальной составляющей региональной регуляторной среды	151
3.2 Детерминанты развития неформальной составляющей региональной регуляторной среды	163
3.3 Научные подходы к обеспечению учета особенностей регионального развития в условиях новой реальности в регуляторной среде субъектов Российской Федерации	177
4 Диагностика регуляторной среды субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, в условиях новой реальности	198
4.1 Анализ состояния региональной регуляторной среды в пространстве Уральского макрорегиона в условиях новой реальности.....	198
4.2 Выявление дисфункций регуляторной среды субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона.....	225
4.3 Обоснование роли региональной регуляторной среды в обеспечении социально-экономического развития субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона.....	240
5 Траектории трансформации региональной регуляторной среды в условиях новой реальности.....	251
5.1 Сценарии будущего развития региональной регуляторной среды в соответствии с бифуркационной моделью	251

5.2 Научные подходы к исследованию трансформации региональной регуляторной среды в условиях новой реальности.....	266
5.3 Траектории трансформации региональной регуляторной среды в пространстве Уральского макрорегиона.....	286
Заключение.....	311
Список сокращений и условных обозначений	330
Список литературы.....	331
Публикации автора по теме диссертации	387
Приложение А Сравнение подходов к определению термина «регуляторная политика»	394
Приложение Б Анализ научных публикаций, содержащих словосочетание «регуляторная среда» в названии, аннотации или ключевых словах, в источниках, входящих в Российский индекс научного цитирования в период по 2019 г.	397
Приложение В Представления о регуляторной политике, взаимосвязи экономики и права в различных экономических теориях	410
Приложение Г Вопросы собственного и совместного с РФ ведения субъектов РФ, оказывающие прямое влияние на хозяйственную деятельность со стороны региональных органов власти.....	413
Приложение Д Факторы экономического роста, изучаемые в экономических теориях.....	416
Приложение Е Методики и показатели оценки регуляторной среды	421
Приложение Ж Параметры, предлагаемые экономистами для оценки качества неформальных институтов	428
Приложение И Направления оценки качества регуляторной среды субъекта РФ.....	431
Приложение К Функциональные роли и активность акторов, задействованных в генерации и функционировании регуляторной среды в пространстве региона	434
Приложение Л Отчет по социологическому исследованию «Готовность студентов УрГЭУ открыть свое дело и вести собственный бизнес».....	439
Приложение М Диагностика регуляторной среды субъектов Уральского макрорегиона	453
Приложение Н Показатели, применяемые в различных методиках оценки системы ОРВ в субъектах РФ.....	459
Приложение П Анализ стратегий социально-экономического развития субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, на предмет включения задач и показателей промышленного развития по направлениям экстрактивного промышленного роста, инклюзивной реиндустриализации и новой индустриализации	462

Введение

Актуальность темы исследования. Актуальность данного исследования определяется необходимостью формирования эффективной инклюзивной регуляторной среды¹ в пространстве региона, способной обеспечить его социально-экономическое развитие на основе новой индустриализации в условиях развертывания четвертой промышленной революции, усиливающейся конкуренции между территориями, сохраняющейся политической нестабильности и социальной напряженности, возрастающих внешних и внутренних экономических, биологических и экологических угроз и вызовов.

Региональная регуляторная среда выступает почвой для функционирования и развития экономики и может как создавать условия для ее роста, так и возводить барьеры. При этом регуляторная политика требует все более ускоренной адаптации к постоянно прогрессирующим технологиям, позволяющей ориентироваться на долгосрочную перспективу и стимулирующей развитие новых направлений экономической деятельности.

Надвигающаяся четвертая промышленная революция способствует существенной трансформации всех сфер жизнедеятельности человека, в том числе влияя на содержание и формы отношений между экономическими агентами и преобразя значение географических факторов. Она обостряет социальные и экономические проблемы, актуализирует исследования как в области позитивной экономики (в частности, апробация моделей эволюции социально-экономических систем, фальсификация теорий экономического роста), так и в области нормативной экономики (в том числе переосмысление концепта «всеобщего благосостояния», формулирование приоритетов нравственной экономики).

¹ В данном исследовании автор подразумевает под регуляторной средой синергию формальных и неформальных институциональных условий предпринимательской деятельности. Содержание определения более подробно раскрывается в главе 1.

Неравномерность распределения человеческого капитала и экономического потенциала в пространстве страны и формирование локальных максимумов (территорий опережающего социально-экономического развития) выдвигает дополнительные условия к процессу генерации и трансформации регуляторной среды в пространстве региона.

Новая экономическая парадигма требует изучения закономерностей эволюции региональной регуляторной среды во взаимодействии и взаимовлиянии с технологическим развитием общества с целью создания теоретической основы для эффективного функционирования территориальных сообществ в новом мирохозяйственном укладе.

Наличие существенных особенностей регуляторной политики и взаимодействий в триаде «предприниматель – государство – общество» на уровне субъекта Российской Федерации (далее – РФ), не позволяющих напрямую транслировать методы и подходы, используемые на национальном уровне и в зарубежной практике, требует углубленного исследования регуляторной среды именно в рамках региональной науки в границах отдельных регионов – субъектов РФ. Значительная дифференциация субъектов РФ и внутреннего пространства регионов по структуре и темпам роста экономики, уровню предпринимательской активности, степени доверия власти и контрагентам, развитию институтов защиты прав хозяйствующих субъектов, качеству административной среды и другим факторам, определяющим благоприятный климат для ведения экономической деятельности, предопределяет важность задач по грамотному управлению региональной регуляторной средой и выстраиванию эффективного взаимодействия экономически активной части общества, власти и населения в пространстве региона.

Для стимулирования имманентности регуляторных норм для всех акторов региональной экономической системы и обеспечения пространственного баланса интересов таких акторов, достижения высокой результативности действия правовых норм в сфере экономики должны быть задействованы механизмы эффективного вовлечения всех адресатов регулирования к продуцированию регуляторной

политики, способствующей добросовестному экономическому поведению хозяйствующих субъектов.

Наблюдаемый многовековой «эффект колеи» в истории социально-экономического развития России требует осмысления ведущих к нему наследуемых признаков и поиска механизмов смещения с такой «колеи». Для этого экономисты должны обратить свой взор в непривычную область – неформальные институты, в частности надконституционные правила.

Перечисленные выше новые вызовы требуют уточнения подходов к управлению регуляторной средой субъектов РФ, поиску и применению новых методов. Так, значительный потенциал имеет оценка регулирующего воздействия (далее – ОРВ) – всемирно признанный, но достаточно молодой для России, особенно для субнационального уровня, инструмент управления регуляторной средой.

Несмотря на накопленные глубокие научные знания в сфере формирования экономической политики, влияния институтов на экономический рост, растущий интерес ученых к аспектам регулирования экономического поведения, широкое применение «умного регулирования» в экономически развитых странах, наличие отдельных исследований по вопросам создания комфортной административной среды, до сих пор не познана суть региональной регуляторной среды и не обосновано ее влияние на социально-экономическое развитие территории, не выработана методология анализа качества регуляторной среды и управления ею в субъектах РФ. Неоклассический мейнстрим экономической мысли, поддерживаемый властными элитами и окологосударственным научным сообществом, старается игнорировать роль институциональных условий и настаивать на сохранении статус-кво в активном управлении технологическим и социально-экономическим будущим.

Современные условия накладывают новые ограничения на взаимодействие экономических агентов и регулирование их поведения, требуют выстраивания новой научной парадигмы, позволяющей усовершенствовать теоретические, методологические и прикладные основы управления региональной регуляторной средой.

Исследование, выявление и систематизация региональных особенностей формирования и трансформации регуляторной среды в пространстве субъекта РФ

способствуют пониманию глубинных взаимосвязей во внутренней структуре региональной экономики в рамках современной экономической парадигмы, выработке эффективных механизмов влияния на новую индустриализацию и социально-экономическое развитие территории.

Степень научной разработанности проблемы. Многогранность исследуемой темы обуславливает широкий спектр научных исследований в различных областях экономического знания, переход от концепции *homo economicus* к более реалистическим моделям человека в экономике, учитывающим систему ценностей и мотивов поведения, а также высокий интерес к предмету данной работы со стороны других специалистов – юристов, политологов и социологов.

Имеющиеся в научной литературе публикации по разрабатываемой в диссертации проблематике можно условно систематизировать следующим образом:

– теории регионального роста и развития, исследования факторов регионального развития, в том числе институциональных, изучение пространственного неравенства, методология управления социально-экономическим развитием с учетом территориальных аспектов представлены в трудах таких зарубежных ученых, как У. Айзард, Р. Будвиль, А. Вебер, Х. Р. Ласуэн, А. Лёш, Т. де Монбриаль, Г. Мюрдаль, Ф. Перру, П. Потье, Д. Рикардо, Дж. Сакс, В. Тоблер, Й. Тюнен, М. Фуджита, Э. Хекшер, Б. Олин, С. Т. Э. Хегерstrand, и российских специалистов, таких как О. В. Артемова, Е. Г. Анимица, С. Д. Бодрунов, В. С. Бочко, Е. М. Бухвальд, А. Г. Гранберг, Р. С. Гринберг, Н. В. Зубаревич, С. Г. Кирдина-Чэндлер, В. В. Климанов, Ю. Г. Лаврикова, П. А. Минакир, Т. В. Миролубова, А. С. Новоселов, И. Ю. Окунев, В. М. Полтерович, И. Е. Рисин, О. А. Романова, Я. П. Силин, Н. М. Сурнина, А. И. Татаркин;

– теоретико-методологические представления о сущности институциональной среды, формировании регуляторной политики, экономического анализа права, исследования институционального влияния на экономический рост, которые заложены во многих трудах зарубежных экономистов, среди которых Д. Аджемоглу (Асемоглу), К. Дж. Будро, Г. Беккер, С. Дьянков, Т. Горгенс, Г. Калабреззи, С. Джейкобсон, Р. Коуз, К. Льюэллин, К. Маклиш, Д. Норт, И. Пере, Р. Познер,

Дж. Ролз, Р. М. Рамало, Дж. Робинсон, Дж. Стиглер, Э. де Сото, Ф. А. фон Хайек, и отечественных ученых, в числе которых А. А. Аузан, В. В. Вольчик, Г. А. Гаджиев, С. Ю. Глазьев, А. Б. Дидикин, А. А. Ефремов, А. Г. Карапетов, Г. Б. Клейнер, С. Н. Левин, В. А. Мау, А. С. Новоселов, С. В. Орехова, В. М. Полтерович, Е. В. Попов, И. Е. Рисин, С. А. Сеницын, О. С. Сухарев, В. Л. Тамбовцев, Ю. А. Тихомиров, Д. Б. Цыганков, А. Е. Шаститко, М. С. Шклярчук, К. Э. Яновский;

– теоретическое осмысление влияния неформальных институтов и процессов принятия коллективных решений на поведенческие особенности экономических агентов, действующих в рамках правовых норм, на эффективность предпринимательства и конкурентоспособность территориальных сообществ получило освещение в трудах зарубежных экономистов Я. Алгана, Г. Беккера, Й. Бентама, Дж. Бьюкенена, М. Вебера, Т. Веблена, Д. Канемана, Дж. Коммонса, Дж. Коулмана, Л. Мизеса, Т. де Монбриаля, Д. Норта, М. Олсона, Р. Пайпса, К. Полянши, К. Санстейна, Г. Таллока, А. Тверски, Р. Талера, Ф. Фукуямы, Дж. Ходжсона, Й. Шумпетера, П. Эванса, К. Эрроу и российских ученых А. А. Аузана, В. А. Вайпана, В. В. Вольчика, С. Ю. Глазьева, А. К. Ляско, В. В. Радаева;

– теоретико-эмпирический анализ влияния промышленных технологических революций и новой реальности на общественные отношения и социально-экономическое развитие прослеживается в работах М. Кастельса, Н. Д. Кондратьева, К. Маркса, К. Шваба, Й. Шумпетера, а среди современных российских ученых, чьи труды посвящены сущности и тенденциям четвертой промышленной революции, отметим Е. Г. Анимицу, С. Д. Бодрунова, С. Ю. Глазьева, Н. В. Новикову, Е. В. Попову, О. А. Романову, Я. П. Силина, Д. Е. Сорокина;

– концепции модернизации государственного регулирования экономики, развития национальной и субнациональной системы оценки регулирующего воздействия в России нашли отражение в работах Н. В. Брюхановой, А. Б. Дидикина, А. А. Ефремова, А. В. Клименко, В. В. Колегова, И. Д. Тургель, Д. Б. Цыганкова, А. Е. Шаститко, А. Г. Шеломенцева;

– моделирование образа предпринимателя находим в трудах Дж. К. Гэлбрейта, Р. Кантильона, К. Маркса, Л. Мизеса, А. Смита, К. Шваба, Й. Шумпетера;

– изучением основ регуляторной политики в пространственном аспекте и в рамках новой индустриализации, перспектив применения оценочных и прогнозных методов для обеспечения сбалансированного и устойчивого социально-экономического развития региона занимается уральская школа экономической науки, в частности В. В. Акбердина, Е. Г. Анимица, В. С. Антонюк, О. В. Артемова, А. Ю. Даванков, И. В. Данилова, Е. Б. Дворядкина, С. В. Дорошенко, Н. Ю. Владова, Ю. Г. Лаврикова, М. Г. Лапаева, А. Н. Митин, В. И. Некрасов, Н. В. Новикова, С. В. Орехова, Е. В. Попов, О. А. Романова, Я. П. Силин, Н. М. Сурнина, А. И. Татаркин, И. Д. Тургель, А. Г. Шеломенцев.

Результаты исследований названных ученых в той или иной мере оказали влияние на формирование научного мировоззрения автора. Отмечая многообразие фундаментальных подходов и прикладных исследований по формированию регуляторной политики, пространственному развитию, влиянию институциональных факторов на сбалансированное и устойчивое социально-экономическое развитие, следует подчеркнуть, что концептуальные и методологические аспекты формирования эффективной региональной регуляторной среды, в том числе увязанные с обеспечением конкурентоспособности и экономического роста региона, не нашли должного освещения в научной литературе. Данные обстоятельства наряду с актуальностью выбранной проблематики обусловили выбор темы работы, объекта и предмета исследования, формулировку цели и задач, определили логическую структуру диссертации.

Объектом исследования является регион, в пространстве которого сформировалась определенная регуляторная среда и происходит ее трансформация под воздействием внешних и внутренних факторов.

Область исследования. Содержание диссертации соответствует п. 3.1 «Развитие теории пространственной и региональной экономики; методы и инструментарий пространственных экономических исследований; проблемы региональных экономических измерений; пространственная эконометрика; системная диагности-

ка региональных проблем и ситуаций»; п. 3.9 «Роль институциональных факторов в развитии региональных экономических систем. Региональные особенности трансформации отношений собственности, их влияние на структуру и эффективность функционирования и развития региональных экономических систем»; п. 3.17 «Управление экономикой регионов. Формы и механизмы взаимодействия федеральной, региональной, муниципальной власти, бизнес-структур и структур гражданского общества. Функции и механизмы управления. Методическое обоснование и разработка организационных схем и механизмов управления экономикой регионов; оценка их эффективности» Паспорта специальности ВАК РФ 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством: региональная экономика.

Предметом исследования выступает совокупность социально-экономических отношений и взаимодействий, возникающих в процессах формирования, функционирования и трансформации регуляторной среды в пространстве региона, рассматриваемых в контексте новой реальности.

Цель диссертационного исследования состоит в развитии теоретико-методологических основ исследования региональной регуляторной среды, процессов ее трансформации в периоды промышленных революций и воздействия на региональную социально-экономическую систему для обеспечения новой индустриализации и социально-экономического развития региона в условиях новой реальности.

Полигон исследования – субъекты РФ, расположенные в пространстве Уральского макрорегиона. Выбор данного полигона исследования обусловлен высоким уровнем значимости традиционно высокоиндустриального Урала для совершения технологического прорыва в контексте новой реальности и схожестью характеристик выбранных регионов – субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, – для проведения теоретического, эмпирического осмысления и естественного эксперимента¹.

¹ Естественный эксперимент в экономике – исследование на базе объектов, схожих по основным показателям и подвергшихся дифференцированному воздействию интересующего учебного аспекта при прочих равных условиях.

Для достижения поставленной цели автором решались следующие задачи:

1) раскрыть парадигмальные установки изучения региональной регуляторной среды, в соответствии с которыми сформулировать концепт¹ «региональная регуляторная среда», обосновав его содержание и функции в обеспечении социально-экономического развития субъекта РФ;

2) развить методологию и методические подходы к исследованию региональной регуляторной среды, на основе которых разработать концептуальную модель трансформаций такой среды в период промышленных революций, предложить и апробировать методики диагностики регуляторной среды субъектов РФ и анализа их способности обеспечивать социально-экономическое развитие традиционно-промышленных регионов;

3) определить региональные аспекты формирования и функционирования регуляторной среды субъектов РФ, их трансформацию под воздействием четвертой промышленной революции и подходы к их учету в регуляторной среде региона;

4) диагностировать состояние регуляторной среды субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, выявив дисфункции и обосновав связь такого состояния с уровнем социально-экономического развития территории;

5) построить траектории развития регуляторной среды субъектов РФ и проанализировать аспекты склонности к ним в пространстве Уральского макрорегиона; систематизировать принципы, механизмы и методы управления региональной регуляторной средой, предложив на их основе корректирующие меры для создания регуляторной среды субъектов РФ, способствующие социально-экономическому развитию регионов на основе новой индустриализации и формирования нравственной экономики.

Теоретической и методологической основой исследования послужили фундаментальные положения концепций и теорий региональной экономики, го-

¹ Под концептом в работе понимается смысловая единица речи сообщества, опосредованная культурой и сознанием, репрезентация которой происходит языковыми средствами одновременно с наличием невербализированной части содержания, склонная к трансляции между предметными областями.

сударственного регулирования экономики, включая заметное усиление в них региональной парадигмы исследования пространственного неравенства, институциональной теории, прaksiологии, диалектики, общей теории систем и синергетики, теории новой индустриализации, теорий долгосрочного технико-экономического развития, экономического роста, нравственной экономики, циклично-волновой и эволюционной экономики в рамках новой экономической парадигмы.

Основными методологическими подходами автора при исследовании регуляторной среды в субъектах РФ явились региональный (мезоэкономический), синергетический, институциональный и эволюционный подходы, а также нравственный подход к экономике роста, позволившие выявить и исследовать особенности формирования и управления регуляторной средой в пространстве субъекта РФ в функциональном и пространственном аспектах.

Основные научно-методические подходы исследования обусловлены спецификой диссертационной работы, предопределившей необходимость использования совокупности как базовых общепринятых методов исследования (сравнение, синтез, обобщение, индукция, дедукция, логический и причинно-следственный анализ), так и специфических подходов к исследованию и синтезу методик (эволюционно-синергетический подход, методы мезоэкономической диагностики, системно-структурный и факторный анализ, эконометрический анализ, естественный эксперимент, моделирование, абстрагирование и агрегирование, сценарный метод и др.).

Нормативно-правовая база диссертации основана на Конституции РФ, федеральных законах, указах Президента РФ, постановлениях Правительства РФ и нормативных правовых актах субъектов РФ в сферах совершенствования государственного управления, государственного регулирования экономики и территориального развития.

Информационно-эмпирическую основу диссертации составили материалы и данные Федеральной службы государственной статистики и ее территориальных подразделений, нормативные, аналитические, программные и стратегические материалы Правительства РФ и органов власти субъектов РФ, данные офи-

циальных интернет-сайтов, публикации в научных изданиях, результаты социологических исследований, материалы научно-практических конференций, а также собственные методические и аналитические разработки автора.

Обоснованность и достоверность научных результатов, положений и рекомендаций, содержащихся в диссертационной работе, обеспечивается применением совокупности общенаучных и специальных методов познания, отвечающих цели и задачам исследования, опорой на междисциплинарный подход и фундаментальные труды ведущих ученых из разных областей науки, использованием официальной информации и статистических данных, эконометрического анализа для их обработки и обоснования выдвигаемых автором гипотез.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в развитии новой экономической парадигмы регионального развития, включающей, в отличие от неоклассического понимания, теоретические воззрения на значимость влияния институтов и нравственных принципов на социально-экономическое развитие, формирование в системе теорий региональной экономики нового научного направления, связанного с раскрытием содержания концепта «региональная регуляторная среда», ее сущности и принципов трансформации, выявлением институциональных инвариант развития регионов, созданием бифуркационной модели трансформации региональной регуляторной среды и территориальных сообществ в контексте новой реальности.

В диссертации получены и вынесены на защиту **следующие научные положения и результаты, определяющие новизну исследования.**

1. Уточнены парадигмальные установки исследования региональной регуляторной среды, синтезирующие теории региональной, институциональной, эволюционной и нравственной экономики, включающие, в отличие от неоклассического подхода, теоретические воззрения на значимость влияния институтов и нравственных принципов на социально-экономическое развитие, в соответствии с которыми:

– сформулирован новый концепт «региональная регуляторная среда», под которым понимается синергия системы правовых норм, механизмов поощрения и принуждения, устойчивых ценностей и практик взаимодействия предпринима-

телей друг с другом, обществом и властью в экономическом пространстве региона, раскрыты его сущностно-содержательные черты;

– обосновано влияние региональной регуляторной среды на социально-экономическое развитие субъекта РФ;

– доказана необходимость формирования в системе теорий региональной экономики научного направления, связанного с раскрытием сущности и принципов трансформации региональной регуляторной среды (п. 3.1 Паспорта специальности ВАК РФ 08.00.05) (гл. 1, § 1.1–1.3).

2. В рамках предложенной научной парадигмы раскрыта методологическая платформа исследования функционирования региональной регуляторной среды, объединяющая институциональную мезоэкономику, эволюционно-синергетическую и нравственную методологию экономического развития, позволившая:

– сформировать бифуркационную модель трансформации регуляторной среды субъектов РФ в условиях новой реальности, подразумевающую описание, во-первых, совокупности факторов, формирующих точку бифуркации, в числе которых надвигающаяся четвертая промышленная революция, постпандемийные условия, критический уровень социального неравенства и обостренная потребность в устойчивом развитии, во-вторых, новых аттракторов, различимых на основании изменения уровня справедливости, доверия, качества жизни и экономической активности в территориальном сообществе;

– разработать авторскую методику диагностики региональной регуляторной среды, отличающуюся от существующих подходов к оценке институциональных условий и государственного управления узкой направленностью оценки именно на качество регуляторной среды, а не на качество государственного управления (т. е. смещение акцента на анализ условий и ограничений хозяйственной деятельности, детерминирование и стимулирование технологической, новаторской деятельности), оценкой с позиции создания условий для долгосрочного экономического роста территории, а не обеспечения максимальной экономической свободы и минимального государственного вмешательства, региональным аспектом методики;

– предложить эконометрическую модель для анализа способности региональной регуляторной среды обеспечивать социально-экономическое развитие региона (п. 3.1 Паспорта специальности ВАК РФ 08.00.05) (гл. 2, § 2.1–2.3).

3. Определены концептуальные основания формирования и развития регуляторной среды отдельных субъектов РФ, включающие социально-экономические, географические, исторические, технологические детерминанты, а также изменение степени их влияния в контексте новой реальности; сформулированы научные подходы к обеспечению учета особенностей регионального развития в содержании регуляторной среды субъектов РФ, заключающиеся в формировании актуального правового поля, среды доверия и корректировке территориального планирования для эффективного функционирования цифровой экономики, детерминации коридоров технологического развития региона, создании каналов перетока инноваций для сглаживания усиливающегося межтерриториального технологического неравенства (п. 3.17 Паспорта специальности ВАК РФ 08.00.05) (гл. 3, § 3.1–3.3).

4. Разработан авторский методический подход к диагностике состояния региональной регуляторной среды, интегрировавший институционально-мезоэкономический, эволюционно-синергетический и нравственно-экономический подходы, позволивший:

– выявить ключевую институциональную инварианту, ведущую к «эффекту колеи» в субъектах РФ, локализованных в пространстве Уральского макрорегиона, – государствоцентрированный «вертикальный» общественный договор, определяющий перечень сопутствующих системных дисфункций, среди которых экстрактивный характер управления, высокий уровень коррумпированности, ограниченность органов власти субъектов РФ в определении приоритетов развития территории и реализации регионального потенциала, низкий уровень правовой защиты бизнеса в целом и гарантий защиты интеллектуальной собственности, несбалансированность интересов развития и безопасности, низкая адаптивность правовой среды к «ускорению» ускорения технического прогресса, реактивность региональной регуляторной среды;

- составить профили состояния региональной регуляторной среды субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, и распределить их по группам «стимулирующая» и «вязкая» среда;

- доказать статистическую обусловленность уровня социально-экономического развития субъектов РФ комплексом сохраняющегося воздействия ресурсной зависимости, усиливающегося влияния институциональных факторов при одновременно уменьшающейся значимости транспортно-географического положения в условиях новой реальности (п. 3.9 Паспорта специальности ВАК РФ 08.00.05) (гл. 4, § 4.1–4.3).

5. На основе предложенной методологической платформы исследования региональной регуляторной среды:

- обоснованы методические подходы и предложена технология построения траекторий ее развития с учетом новой реальности;

- проанализирована склонность регуляторной среды субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, к выявленным дихотомическим аттракторам: негативному, связанному с ухудшением регуляторной среды, сопровождающимся спадом экономической активности, качества жизни, уровней доверия и справедливости, и позитивному, характеризующемуся улучшением регуляторной среды, сопровождающимся ростом уровней доверия, справедливости, равенства возможностей, положительных ожиданий и экономической активности, и выявлена траектория их движения к негативному аттрактору;

- выявлены на основе декомпозиции задач и целевых показателей промышленного развития регионов три типа промышленной политики в субъектах РФ: экстрактивный промышленный рост, инклюзивная реиндустриализация и новая индустриализация;

- систематизированы принципы, методы, механизмы и инструменты управления региональной регуляторной средой, позволившие предложить корректирующие меры для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, отличающиеся от традиционных подходов ориентацией на новую индустриализа-

цию и формирование нравственной экономики в субъектах РФ (п. 3.17 Паспорта специальности ВАК РФ 08.00.05) (гл. 5, § 5.1–5.3).

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что сформулированные теоретико-методологические положения, полученные выводы и результаты развивают и дополняют многие разделы региональной экономики как науки, в том числе при исследовании процессов пространственного развития, становлении новых инструментов и методов изучения и раскрытия содержания нового концепта «региональная регуляторная среда».

Теоретические изыскания в области факторов формирования и трансформации региональной регуляторной среды, а также ее влияния на социально-экономическое развитие территории могут быть использованы при выполнении фундаментальных работ по региональной экономике и региональному развитию, активизации процессов новой индустриализации и формированию ноономики, общества, построенного на нравственных ценностях, в условиях новой реальности.

Практическую значимость диссертационной работы определяет перспектива использования полученных выводов и результатов работы федеральными, региональными и муниципальными органами власти для обоснования региональной инновационной политики, формирования нормативной правовой базы для активизации процессов новой индустриализации в пространстве региона, подготовки стратегических и программных документов социально-экономического развития территории, а также возможность применения гражданским обществом, в частности, общественными объединениями, положений диссертации для выстраивания эффективной коммуникации с органами власти и участия в принятии управленческих решений, запуска перехода к «горизонтальному» общественному контракту.

Материалы диссертации могут применяться в образовательном процессе при составлении учебных программ по таким курсам, как «Региональная экономика», «Инновационная политика региона», «Регуляторная политика», а также при разработке специальных учебных курсов.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные теоретико-методологические подходы и научно-практические рекомендации диссертационного исследования нашли применение:

– при выполнении гранта Российского фонда фундаментальных исследований на реализацию научного проекта № 20-010-00824 «Инкрементальный подход к формированию и реализации стратегий социально-экономического развития регионов различных иерархических уровней Российской Федерации: единые правила стратегирования» (2020–2021 г.);

– при проведении исследования предпринимательской среды в регионах России АНО «Информационно-консультационный центр «Бизнес-Тезаурус» (2019 г.);

– при реализации научного проекта «Анализ правовых основ и правоприменительной практики цифровых подходов в области технического регулирования и оценки соответствия в разных странах, оценка возможности их применения в законодательстве Российской Федерации и наднациональном законодательстве в этих сферах и разработка рекомендаций по внесению изменений в законодательство Российской Федерации и национальное законодательство в области технического регулирования и оценки соответствия для возможности применения цифровых технологий», шифр «Цифра ТР 10-18» (по заказу Министерства промышленности и торговли Российской Федерации), АНО «Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства» (2018 г.).

Научные разработки и практические рекомендации, содержащиеся в диссертационном исследовании, использованы:

– Министерством экономического развития РФ при проведении анализа качества оценки регулирующего воздействия в субъектах РФ и подготовке методических рекомендаций по организации процедур оценки регулирующего воздействия проектов, экспертизы и оценки фактического воздействия нормативных правовых актов в субъектах РФ;

– Аппаратом полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе при анализе предпринимательской среды и инвестиционного климата, а также подготовке поручений по повышению инвестиционной привле-

кательности, совершенствованию промышленной политики и проведению регуляторной реформы в субъектах РФ, входящих в состав Уральского федерального округа;

– Министерством экономики и территориального развития Свердловской области для повышения качества оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, экспертизы действующей системы регулирования, организации эффективного взаимодействия с экспертным сообществом и снижения административной нагрузки на хозяйствующие субъекты при осуществлении контрольно-надзорной деятельности;

– Министерством экономики Новосибирской области при реализации мер по совершенствованию процедур принятия регуляторных решений, оценки их социально-экономического воздействия и публичного обсуждения на местном уровне;

– Администрацией Екатеринбурга для правового и методического обеспечения процедур оценки регулирующего воздействия, организации эффективного взаимодействия с экспертным сообществом и снижения административной нагрузки на хозяйствующие субъекты при осуществлении контрольно-надзорной деятельности;

– Свердловским областным союзом промышленников и предпринимателей, Фондом «Сибирский экспертный центр „Модернизация“» для выстраивания эффективных каналов коммуникации с областными органами власти и подготовки аргументированных предложений по совершенствованию региональной регуляторной среды;

– Ассоциацией саморегулируемой организации «Гильдия строителей Урала» при подготовке и обосновании предложений для региональных органов власти по совершенствованию регулирования строительной отрасли регионов Урала в целях снижения административных барьеров при поддержании достаточного уровня безопасности в сфере строительства;

– Институтом экономики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Уральским государственным экономи-

ческим университетом в образовательном процессе при проведении занятий по ряду дисциплин.

Практическое внедрение результатов диссертационного исследования подтверждается соответствующими документами.

Основные теоретические положения, выводы и результаты научной работы докладывались и обсуждались автором более чем на 20 международных, всероссийских, региональных научно-практических конференциях, форумах и симпозиумах, в том числе в таких городах, как Прага (2021), Брянск (2019), Екатеринбург (2015–2021), Пермь (2018), Уфа (2020), Хабаровск (2020) и др., где получили поддержку научного сообщества.

Публикации. Результаты исследования представлены в 41 публикации общим объемом 48,6 п. л., в том числе авторских 36,4 п. л. Из них 2 монографии, в том числе 1 авторская; 16 публикаций в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий ВАК РФ; 7 публикаций проиндексированы в международных базах цитирования Web of Science и Scopus.

Структура и объем диссертации соответствуют предмету, цели, задачам и логике исследования. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка литературы и 13 приложений. Основное содержание работы изложено на 393 страницах машинописного текста и включает 13 таблиц, 39 рисунков; список литературы насчитывает 602 наименования.

1 Теоретические воззрения на сущность региональной регуляторной среды

1.1 Парадигмальные установки исследования региональной регуляторной среды

Важнейшей целью экономической науки является предсказание развития общества¹, что предполагает решение задачи объяснения социально-экономических явлений, процессов и взаимосвязей. С развитием науки экономисты все глубже начинают понимать первоосновы функционирования общества, переходя от внешних и явных факторов к внутренним источникам развития социально-экономических систем. Всеобщее признание находит роль институтов² в определении перспектив развития сообществ. Научная мысль в этой области движется от общих теоретических установок с конца XIX века (старый институционализм) к фальсификации своих гипотез на макроуровне с середины XX века (новый институционализм). В XXI веке накопленный теоретический и эмпирический по-

¹ Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / пер. с англ. Ю. В. Автономова; под ред. В. С. Автономова. – 2-е изд. – М.: Журнал «Вопросы экономики», 2004. – С. 370.

² О признании институциональной экономики в научном сообществе свидетельствует присуждение ряда Нобелевских премий по экономике за исследования в данной области: Дж. Бьюкенен (1986 г., за исследование договорных и конституционных основ теории принятия экономических и политических решений), Р. Коуз (1991 г., за открытие и иллюстрацию важности трансакционных издержек и прав собственности для институциональных структур и функционирования экономики), Г. Беккер (1992 г., за исследования широкого круга проблем человеческого поведения и реагирования, не ограничивающихся только рыночным поведением), Д. Норт (1993 г., за новое исследование экономической истории с помощью экономической теории и количественных методов для объяснения экономических и институциональных изменений), Дж. Акерлоф, М. Спенс, Дж. Стиглиц (2001 г., за анализ рынков с асимметричной информацией), Л. Гурвиц, Р. Майерсон, Э. Маскин (2007 г., за создание основ теории оптимальных механизмов), О. Уильямсон, Э. Остром (2009 г., за исследования в области экономической организации), Ж. Тироль (2014 г., за анализ рыночной власти и ее регулирования), О. Харт, Б. Хольмстрем (2016 г., за вклад в развитие теории контрактов).

тенциал, признание роли регионов как «акторов национальных процессов»¹ выводят на первый план институциональную мезоэкономику, понятийный аппарат и методический инструментарий которой находятся в стадии становления. Это вызывает потребность в формировании парадигмальных установок исследования и раскрытии сущности новых концептов мезоуровня, к числу которых относится региональная регуляторная среда.

Содержание концепта «регуляторная среда региона» как синергии формальных и неформальных институциональных условий субъекта РФ, ключевой функцией которой служит обеспечение роста благосостояния общества в пространстве региона, будет подробно раскрыто в следующем параграфе. Для этого прежде необходимо сформулировать парадигмальные установки ее изучения, поскольку предлагаемый концепт вступает в противоречие с традиционным неоклассическим теоретико-методологическим подходом, не позволяя объяснить взаимосвязи регуляторной среды с процессами трансформаций социума и экономики региона.

Данная работа сформирована в рамках складывающейся новой научной парадигмы, переосмыслившей ряд ключевых теоретических и методологических вопросов и утвердившей междисциплинарный подход к исследованиям. Это вызвано кризисом неоклассического подхода, который выражается в утрате его способностей к объяснению и предсказанию ряда экономических, социальных, политических событий и явлений, а также к удовлетворению потребностей в управлении социально-экономическим развитием общества. Институциональная, технологическая и промышленная революции XXI века привели к новому пониманию роли государства в управлении общественными процессами, степени влияния разнообразных факторов развития, места индивида в системе принятия управленческих решений личного, местного и национального характера.

¹ Региональная экономика: курс лекций / кол. авт.; под общ. ред. Я. П. Силина, Е. Г. Анимы. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2020. – С. 29.

Выдающиеся современные методологи науки¹ предлагают определить «твердое ядро» научной исследовательской программы путем дефиниции ключевых понятий и уточнения содержания новой научной парадигмы.

Раскроем подробнее положения, составляющие ядро новой научной парадигмы (рисунок 1), на которые опирается диссертационное исследование и которые составляют его методологические предпосылки, раскрываемые во второй главе.

Экономическое направление	Новое содержание
Эволюционная и циклично-волновая экономика	Множественность аттракторов развития (точек равновесия) и циклично-волновое развитие. Изменчивость, наследственность, отбор
Институциональная экономика и прагматология	Новая модель человека (индивидуализм). Сообщества как активно-деятельные образования. Сетевое общество. Институты и коллективные решения
Нравственная экономика	Новая модель общественного благосостояния. Включение принципа справедливости и моральных благ в экономические модели
Мезоэкономика (региональная экономика)	Роль региона. Влияние географических факторов и закономерности пространственного развития
Экономика роста	Новые факторы развития (технологические, институциональные). Новое толкование общественного благосостояния
Синергетика и экономика сложности	Суперпозиция факторов. Операционализм и законы-тенденции с границами применимости
Современный диалектический подход	Единство и борьба права и экономики, формальных и неформальных институтов. Взаимовлияние технологического и институционального прогресса

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 1 – Содержание ядра новой научной парадигмы

¹ Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / пер. с англ. Ю. В. Автономова; под ред. В. С. Автономова. – 2-е изд. – М.: Журнал «Вопросы экономики», 2004. – 416 с.; Кун Т. С. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1975. – 288 с.; Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М.: Медиум, 1995. – 236 с.; Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.; Хайек Ф. А. фон. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. – М.: Либеральная миссия, 2003. – 286 с.

1. Эволюционная и циклично-волновая экономика утверждает существование множественности точек равновесия (аттракторов) и эволюционного характера развития общественных систем.

Неоклассическая экономика несколько десятилетий подталкивала экономистов к поиску единственной устойчивой точки равновесия, отрицая изменчивость мира и базовых законов. Однако неуспех в решении этой задачи и кардинальные изменения в обществе в XXI веке позволили осознать необходимость отказа от данной предпосылки¹.

«Твердым ядром» новой экономической парадигмы становится представление о непрерывном развитии от аттрактора к аттрактору, отраженное в концепции циклично-волнового развития русского экономиста Н. Д. Кондратьева², эволюционной теории американских экономистов Р. Нельсона и С. Уинтера³, концепции технологических укладов академика РАН С. Ю. Глазьева⁴. Технологические циклы на уровне региональных экономических систем также попадают в фокус внимания современных экономистов: например, они представлены в трудах коллектива Пермского государственного национального исследовательского университета⁵.

Эволюционный взгляд на развитие опирается на следующие предпосылки: объект развивается под воздействием активной внешней среды посредством механизмов изменчивости (случайных мутаций), наследственности (закрепления от-

¹ Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / пер. с англ. Ю. В. Автономова; под ред. В. С. Автономова. – 2-е изд. – М.: Журнал «Вопросы экономики», 2004. – С. 267; Попов Е. В. Моделирование экономических институтов: монография / отв. ред. А. Д. Некипелов. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2019. – С. 27; Артемова О. В., Савченко А. Н. Основные тренды регионального развития: коридор возможностей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2019. – Т. 13, № 3. – С. 6.

² Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М.: Экономика, 2002. – 768 с.

³ Nelson R., Winter S. An evolutionary theory of economic change. – Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1982. – 437 p.

⁴ Глазьев С. Ю. Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике: науч. докл. – М.: ГУУ, 2008. – 91 с.

⁵ Буторина О. В., Третьякова Е. А., Карпович Ю. В. Методический инструментальный анализа технологического цикла на уровне региональных экономических систем // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 249–267.

дельных характеристик) и отбора (выживания наиболее конкурентоспособных). Таким образом, эволюционный подход к исследованию развития институциональных структур становится «сердцевиной институционального описания экономических систем»¹.

Для общественных наук предметом анализа становятся не строгие законы, а каркасы, законы-тенденции (в терминологии М. Блауга²), порядок (в терминологии Ф. А. фон Хайека³), позволяющие с высокой долей вероятности строить правильные прогнозы о действиях общества и их результатах, исходя из знаний об отдельных характеристиках системы и заданных условий.

Различают порядок устроенный, принудительно упорядоченный, организованный (в приложении к нашему исследованию можем относить к нему формальные институты) и стихийный, возникший, самопорождающийся, самоорганизующийся (применительно к исследованию – неформальные институты)⁴. Устроенный порядок есть результат осознанных целеустремленных действий, вследствие чего он является конкретным, т. е. охватывает отдельные явления, параметры, без возможности осознать весь сложный спектр вовлекаемых отношений и последствий. Дж. Коммонс назвал правовой порядок «чиновниками-в-действии»⁵. Стихийный порядок (совокупность неформальных институтов) формируется из регулярных практик, он более сложный. Методологический спор здесь возникает относительно

¹ Попов Е. В. Моделирование экономических институтов: монография / отв. ред. А. Д. Некипелов. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2019. – С. 32.

² Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / пер. с англ. Ю. В. Автономова; под ред. В. С. Автономова. – 2-е изд. – М.: Журнал «Вопросы экономики», 2004. – С. 118–122.

³ Хайек Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. – М.: ИРИСЭН; Челябинск: Социум, 2016. – С. 53.

⁴ Там же. – С. 55.

⁵ Коммонс Дж. Р. Правовые основания капитализма / пер. с англ. А. Апполонова, А. Маркова; под ред. М. Одинцовой. – М.: Высшая школа экономики, 2011. – С. 127.

наделения неформальных институтов целевым аспектом и уходит корнями в дискуссию о приемлемости концепции государства как общественного договора¹.

Автор не согласен с позицией австро-британского экономиста и политического философа Ф. А. фон Хайека, что у стихийного порядка «не может быть предназначения, хотя его существование может быть очень полезным для индивидуумов, <...> мы не предполагаем осознания цели элементами (индивидуумами. – *И. Р.*)»². Соглашаясь с положением институциональной теории, что неформальные институты не всегда могут быть осознаны и сформулированы, автор полагает, в том числе опираясь на теорию праксиологии, что именно целевой характер человеческой деятельности³ приводит к формированию определенных порядков, т. е. реализуется следующая принципиальная схема: цель действия → конкретное поведение → регулярная практика → порядок (неформальный институт). Данное утверждение является предпосылкой научных исследований автора. Его косвенным подтверждением может служить явление зарождения формальных институтов из неформальных, когда политический актер, наблюдая хозяйственную практику, осознает ее цель и формулирует ее в конкретном правиле. Такой меха-

¹ Концепция государства как общественного договора сформирована в трудах Т. Гоббса, Ж. Ж. Руссо, Дж. Локка (Hobbes T. *Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Common-Wealth Ecclesiasticall and Civil.* – London: A. Crooke, 1651. – 396 p.; Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права / пер. с фр. А. Д. Хаютина, В. С. Алексеева-Попова. – М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998. – 170 с.; Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения: в 3 т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 3. – С. 137–405). Современные сторонники институциональной и эволюционной теории во многом поддерживают ее, хотя признают абстрактность данной конструкции (D'Agostino F., Gaus G., Thrasher J. *Contemporary approaches to the social contract* // *The Stanford encyclopedia of philosophy* / ed. by N. Z. Edward. – Stanford: Stanford University, 2014. – URL: <https://plato.stanford.edu/entries/contractarianism-contemporary> (дата обращения: 25.09.2021); Аузан А. А. Общественный договор и гражданское общество // *Мир России. Социология. Этнология.* – 2005. – Т. 14, № 3. – С. 3–18; Сидорина Т. Ю. Операция «Welfare State»: решило ли государство всеобщего благосостояния проблемы идеального государства? // *Terra Economicus.* – 2012. – Т. 10, № 3. – С. 84–99).

² Хайек Ф. А. фон. *Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики.* – М.: ИРИСЭН; Челябинск: Социум, 2016. – С. 57.

³ Схожие рассуждения приводит американский экономист Дж. Коммонс: «Экономическая теория начинается с цели... и спрашивает сперва, была ли эта цель полезной или бесполезной, законной или незаконной, моральной или аморальной, правильной или неправильной» (Коммонс Дж. Р. *Правовые основания капитализма* / пер. с англ. А. Апполонова, А. Маркова; под ред. М. Одинцовой. – М.: Высшая школа экономики, 2011. – С. 403).

низм появления характерен в том числе для ключевых норм: прав собственности, прав интеллектуальной собственности, контрактного права.

Переход общества от аттрактора к аттрактору приводит к смене порядков (изменчивости, адаптации), вместе с тем ряд институтов как «социальная инварианта»¹ наследуется, приводя к «эффекту колеи»². Такими социальными инвариантами становятся надконституционные правила – сильные неформальные институты, «ценности очень высокого порядка, которые задают многие вещи в поведении нации»³. Одной из задач экономистов является выявление «неэффективных» институтов и их исправление.

Сторонники новой экономической парадигмы утверждают, что четвертая технологическая революция является точкой бифуркации, из которой общество перейдет к новому аттрактору. Новые общественные отношения будут основаны на цифровых технологиях во всех сферах человеческой жизнедеятельности⁴ и сетевых коммуникациях⁵. Вместе с тем только совместные усилия научного, политического, гражданского сообществ позволят из множества аттракторов приблизиться к новому обществу, построенному на власти технократов и нравственной экономике⁶, ключом принятия решений в котором станут нематериальные ценности и индивид. От усилий региональных органов власти также будет зависеть скорость перехода территории на новый путь развития, что является критически

¹ Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. Дни поражений и побед: в 2 т. – М.: Евразия, 1997. – Т. 1. – С. 7.

² Аузан А. А. Общественный договор и гражданское общество // Мир России. Социология. Этнология. – 2005. – Т. 14, № 3. – С. 5; Попов Е. В., Лавров И. В. Институты экономики благосостояния: теория и методология // Социум и власть. – 2009. – № 3 (23). – С. 70.

³ Аузан А. А. Общественный договор и гражданское общество // Мир России. Социология. Этнология. – 2005. – Т. 14, № 3. – С. 5.

⁴ Анимца Е. Г., Рахмеева И. И. Третья институциональная революция и изменение структуры экономических отношений // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2020. – Т. 222, № 2. – С. 206–218.

⁵ Castells M. The rise of the network society, the information age: economy, society and culture. – Vol. I. – 2nd ed. – Oxford: Blackwell, 2009. – 556 p.

⁶ Бодрунов С. Д. Ноономика: монография. – М.–СПб.–Лондон: Культурная революция, 2018. – 432 с.; Глазьев С. Ю. О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 56. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/56_2016glazyev.htm (дата обращения: 24.01.2018); Львов Д. С. Нравственная экономика // Свободная мысль. – 2004. – № 9. – С. 24–36.

важным для обеспечения конкурентоспособности в условиях ускорения технологического развития в мировом масштабе.

Более того, в соответствии с первым законом географии, или первым законом Вальдо Тоблера¹, и концепцией диффузии инноваций, регионы – лидеры технологической и институциональной перестройки станут катализаторами модернизации и новой индустриализации всей страны. Еще раз подчеркнем, что такой переход может произойти как в сторону аттрактора ноономики, нравственной экономики, так и в направлении отличного от него аттрактора общественных отношений, основанных на манипулировании² на базе больших данных и цифровых технологий и усилении неравенства на базе цифровых компетенций.

2. Новая экономическая парадигма заставляет пересмотреть роль и место человека в обществе и экономике, где роботы и искусственный интеллект начинают массово замещать человеческий труд, а принятие многих управленческих решений базируется на данных и алгоритмах. Регионалисты также стремятся осмыслить «роль и место человека в городском пространстве»³.

Неоклассическая модель человека представляет его как «черный ящик», а состояние общества – как агрегированные результаты действий «усредненных индивидов»⁴.

Новая парадигма предлагает модель человека, построенную на концепции ограниченной рациональности⁵, дополненной поведенческими особенностями

¹ Американско-швейцарский географ и картограф Вальдо Тоблер в 1970-х годах сформулировал и с помощью математического моделирования подтвердил «первый закон географии»: всё влияет на всё, но то, что ближе, влияет сильнее. См.: Tobler W. R. A computer movie simulating urban growth in the Detroit region // *Economic geography*. – 1970. – Vol. 46. – P. 234–240.

² Щербакова Л. Н., Евдокимова Е. К., Савинцева С. А. «Человек информационный» как новый субъект цифровой экономики // *Фундаментальные исследования*. – 2019. – № 11. – С. 202.

³ Артемова О. В., Логачева Н. М., Савченко А. Н. Гармонизация пространства промышленного города: социальные ориентиры // *Экономика региона*. – 2021. – Т. 17, № 2. – С. 538.

⁴ Блауг М. *Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют* / пер. с англ. Ю. В. Автономова; под ред. В. С. Автономова. – 2-е изд. – М.: Журнал «Вопросы экономики», 2004. – С. 251.

⁵ Simon H. A. *Administrative Behavior*. – New York: Macmillan, 1947. – 159 p.

ми¹ и когнитивными механизмами, а также восприятием моральных ценностей и широкого спектра прав от социальных до экологических² как вида востребованного экономическим агентом блага³. Новая научная парадигма настаивает на биосоциальной природе человека⁴, «находящегося под перекрестным воздействием своей биологической природы и общества»⁵, которая должна учитываться при исследованиях принятия решений и их последствий. Этические ценности индивида интернализируются в субъективную шкалу предпочтений экономического агента⁶, что делает рациональным жертвование личной выгодой, если в противном случае поведение индивида нарушит моральные принципы или приведет к несправедливости⁷. Такие ценности включают не только личные выгоды, но и заботу об окружающих и общественном благе. Даже ярый сторонник классической рациональности Р. Познер считал, что счастье другого человека может являться частью рациональных предпочтений индивида⁸. Эта идея уходит корнями еще в научные мысли

¹ См., например: Tversky A., Kahneman D. Judgment under uncertainty: Heuristics and biases // *Science*. – 1974. – Vol. 185, no. 4157. – P. 1124–1131; Kahneman D., Tversky A. *Choices, Values and Frames*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 840 p.; Thaler R. H., Sunstein C. R. *Nudge: improving decisions about health, wealth, and happiness*. – New Haven: Yale University Press, 2008. – 293 p.

² Аузан А. А. Общественный договор и гражданское общество // *Мир России. Социология. Этнология*. – 2005. – Т. 14, № 3. – С. 15.

³ Калабреззи Г. Будущее права и экономики: очерки о реформе и размышления / пер. с англ. И. Кушнарева; под науч. ред. М. Одинцовой. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. – С. 162; Хайек Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. – М.: ИРИСЭН; Челябинск: Социум, 2016. – С. 475; Монбриаль Т. де. Действие и система мира / пер. с фр. В. М. Володина. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 37.

⁴ Абалкин Л. И. Эволюционная экономика в системе переосмысления базовых основ обществоведения // *Эволюционная теория и «мэйнстрим»: доклады и выступления участников международного симпозиума (г. Пущино, 29 мая – 1 июня 1998 г.)*. – М.: Наука, 2000. – С. 7–14; Попов Е. В. Институты / отв. ред. А. Д. Некипелов. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2015. – С. 40; Бочко В. С. Экономическая самостоятельность регионов в условиях новой реальности // *Экономика региона*. – 2016. – Т. 12, № 2. – С. 343.

⁵ Автономов В. С. Модель человека в экономической науке. – СПб.: Экономическая школа, 1998. – 229 с.

⁶ Карапетов А. Г. Экономический анализ права. – М.: Статут, 2016. – С. 49.

⁷ Там же. – С. 54.

⁸ Posner R. A. *Economic analysis of law*. – 7th ed. – Austin: Wolters Kluwer Law & Business, 2007. – P. 4.

философов Д. Юма и И. Канта о ценностях как направляющем факторе любых рациональных построений¹.

Такой сдвиг в научной парадигме обоснован, по мнению автора диссертации, в том числе отмеченной профессором С. Д. Бодруновым тенденцией смены «структуры человеческих потребностей вместе с глубокими сдвигами в способах их удовлетворения» и целей и мотивов человеческой деятельности в сторону «собственно человеческих целей и потребностей: саморазвития, общения и т. д.»². Данный вывод соотносится с результатами Всемирного обзора ценностей (World Values Survey), проходящего этапами с 1981 г.³

Таким образом, новая научная парадигма смещает фокус внимания с представлений о «человеке как атомарном субъекте экономической деятельности» к институтам⁴. Основы такого представления развили «старые» институционалисты, обогатившие экономический понятийный аппарат новыми научными категориями на стыке различных общественных наук: Т. Веблен (инстинкты, потребительское поведение и пр.)⁵, Ф. А. фон Хайек (паттерны)⁶, Дж. К. Гэлбрейт (мотивация)⁷, Дж. Коммонс (привычка и обычай)⁸, Р. Нельсон и С. Уинтер (рутина)⁹.

Развивая данные идеи, автор диссертационного исследования предлагает уточнить модель человека в новой парадигме.

¹ Цит. по: Хайек Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. – М.: ИРИСЭН; Челябинск: Социум, 2016. – С. 25.

² Бодрунов С. Д. Ноономика: монография. – М.–СПб.–Лондон: Культурная революция, 2018. – С. 38.

³ World Values Survey. – URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSCContents.jsp> (дата обращения: 09.04.2021).

⁴ Попов Е. В. Институты / отв. ред. А. Д. Некипелов. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2015. – С. 19.

⁵ Veblen T. The vested interests and the common man. – New York: B. W. Huebsch, 1919. – 183 p.

⁶ Hayek F. A. von. Sensory order: an inquiry into the foundations of theoretical psychology. – Chicago: University of Chicago Press, 1952. – 244 p.

⁷ Galbraith J. K. The new industrial state. – Boston: Houghton Mifflin, 1967. – 443 p.

⁸ Commons J. Institutional economics. Vol. 1, 2. – Madison: The University of Wisconsin Press, 1959. – 921 p.

⁹ Nelson R., Winter S. An evolutionary theory of economic change. – Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1982. – 437 p.

Во-первых, предлагается расширить понимание «рационального максимизатора богатства» с финансовых выгод до субъективных моральных ценностей для индивида, а трактование рациональности дополнить разумным сбережением когнитивно-эмоциональных ресурсов человека на принятие решений, стремлением к сокращению трансакционных издержек на выполнение общественных правил (законов и обычаев), интуитивным восприятием правил группы как эволюционно отобранным механизмом выживания и конкурентоспособности сообщества¹.

Во-вторых, толкование общественного благосостояния дополнить не только качеством жизни, в частности, уровнем образования и медицины, но и удовлетворенностью морально-психологических потребностей, в частности, в равенстве и справедливости.

В-третьих, соглашаясь одновременно с иррациональностью² и неповторимой индивидуальностью каждой личности и производством «социальных макрофеноменов... из миллионов конкретных поведенческих актов отдельных индивидов»³, автор настоящего исследования предлагает анализировать макропоказатели «по аналогии с квантовой физикой, когда частица не имеет определенного состояния, а предсказание состояния материи и процессов исходит из суперпозиции состояний с различной статистической вероятностью»⁴. Это соответствует праксиологическому подходу к региональному сообществу как активно-деятельному образованию, внутри которого существует устойчивая система практик взаимодействия, создающая эффект для всей группы⁵.

Новая научная парадигма допускает, что существует расчетливость и индивидуальное стремление к максимизации личной функции полезности («проблема

¹ В такой интерпретации становится экономически рациональным альтруистическое поведение человека.

² Ариэли Д. Предсказуемая иррациональность: скрытые силы, определяющие наши решения. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010. – С. 67.

³ Карапетов А. Г. Экономический анализ права. – М.: Статут, 2016. – С. 62.

⁴ Анимца Е. Г., Рахмеева И. И. Методология анализа регуляторной среды региона // Общественные науки и современность. – 2020. – № 6. – С. 130.

⁵ Монбриаль Т. де. Действие и система мира / пер. с фр. В. М. Володина. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 20.

овец на общинных землях»¹), что приводит к неравномерному распределению коллективных благ и возможностей, а также что совокупность индивидуальных решений «может не сложиться в оптимальную стратегию индустриализации»² и повышения благосостояния общества в отсутствие «институционализированных механизмов, сдерживающих атомизированную рациональность»³, или «институтов экономики благосостояния»⁴.

Предложенный автором научный подход позволит приблизить экономические исследования к реальности, повысит их прогностическую и управленческую ценность и сгладит ряд междисциплинарных противоречий с социологией, психологией, правовой наукой.

3. Нравственная экономика изменяет подход к пониманию экономических благ и общественного благосостояния.

Уже в 1970-х годах лауреат Нобелевской премии по экономике Ф. А. фон Хайек констатировал в качестве ключевых причин провала демократических, либеральных обществ всеобщего благосостояния «утрату веры в справедливость, <...> использование законодательных полномочий для санкционирования насилия, направленного... на достижение конкретных результатов для определенных лиц или групп, <...> формулирование правил справедливого поведения и контроль над деятельностью правительства одними и теми же представительными собраниями»⁵.

Нарастающие диспропорции в доходах населения в мировом и российском срезе, обнищание значительной доли населения все чаще заставляют экономистов задумываться о пересмотре фундаментальных целей и оснований экономики. Несмотря на позиционирование достойного качества жизни человека как ключевой стратегической цели России и большинства ее регионов, по-прежнему основным

¹ Olson M. The logic of collective action: public goods and the theory of groups. – Cambridge: Harvard University Press, 1965. – 208 p.

² Hirschman A. The strategy of economic development. – New Haven: Yale University Press, 1958. – 217 p.

³ Evans P. B., Rueschemeyer D., Skocpol T. Bringing the state back in: new perspectives on the state as institution and social actor. – New York: Cambridge University Press, 1985. – P. 45.

⁴ Попов Е. В. Моделирование экономических институтов: монография / отв. ред. А. Д. Некипелов. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2019. С. 494.

⁵ Хайек Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. – М.: ИРИСЭН; Челябинск: Социум, 2016. – С. 21.

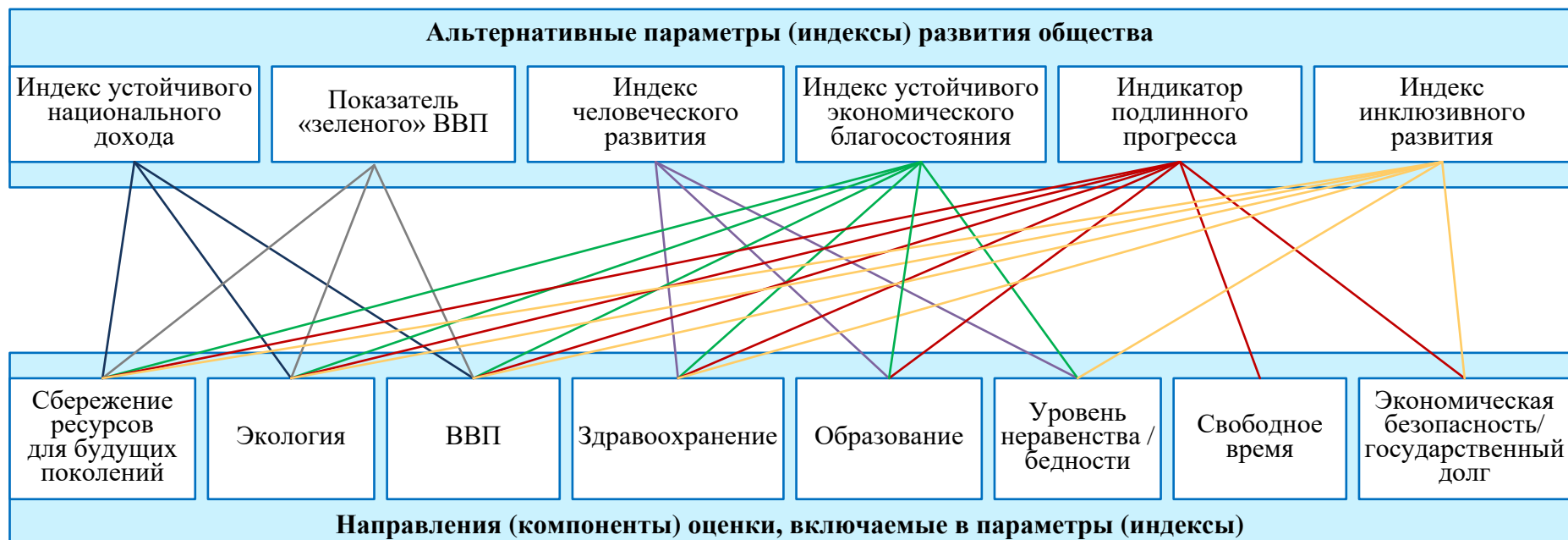
показателем развития служит валовой внутренний (региональный) продукт. Государственные политика и инструменты, де-юре нацеленные на повышение качества жизни, а де-факто направленные на рост ВВП и ВРП, не могут разрешить обозначенный конфликт между развитием экономики и ухудшением благосостояния значительной доли граждан. Задача экономистов – предложить новый параметр развития социально-экономической системы и базовые принципы государственной политики и ведения хозяйственной деятельности, обеспечивающие его достижение.

Решением этой задачи занимаются и зарубежные, и отечественные ученые. Предлагаются международные альтернативные параметры модифицированного ВВП (рисунок 2). Большинство из них учитывает сохранение природных ресурсов и состояние экологии, что отвечает концепции устойчивого развития, зародившейся в 1970-е годы, сопровождавшейся нарастанием заботы о будущем следующих поколений. Лауреат Нобелевской премии по экономике Р. Солоу выдвигает в 1986 г. парадоксальный для традиционного мейнстрима тезис о том, что сохранение производственной способности в форме месторождений полезных ископаемых, капитального оборудования и технологического знания – вопрос скорее эффективности, чем справедливости¹. Однако данное утверждение становится логичным для новой научной парадигмы.

К началу 1990-х годов мировое сообщество осознало необходимость дополнения индексов развития составляющими человеческого капитала (например, индекс человеческого развития учитывает продолжительность жизни и среднюю продолжительность обучения²), а затем и социальной справедливости.

¹ Solow R. On the intergenerational allocation of natural resources // Scandinavian journal of economics. – 1986. – Vol. 88. – P. 142.

² Human Development Report 1990: Concept and Measurement of Human Development. – New York: United Nations Development Programme, 1990. – 189 p.

Примечание – Составлено автором по: De Boer B., Huetting R. Sustainable national income and multiple indicators for sustainable development. – Paris: OECD Publishing, 2004. – 427 p.; Wasting assets, natural resources in the national income accounts / R. Repetto, W. Magrath, M. Wells et al. – Washington: World Resources Institute, 1989. – 68 p.; Human Development Report 1990: Concept and Measurement of Human Development. – New York: United Nations Development Programme, 1990. – 189 p.; Daly H. E., Cobb J. B. For the common good. – Boston: Beacon Press, 1989. – 482 p.; Beyond GDP: The need for new measures of progress / R. Costanza, M. Hart, J. Talberth, S. Posner. – Boston: Pardee/Center for the Study of the Longer-Range Future, 2009. – 37 p.; The inclusive development index 2018: summary and data highlights. – Geneva: World Economic Forum, 2018. – 25 p.

Рисунок 2 – Альтернативные параметры развития общества

Например, в индексе устойчивого экономического благосостояния сделаны поправки на уровень неравенства в доходах¹; индикатор подлинного прогресса включает использование свободного времени (ценность досуга, неоплачиваемая домашняя работа, воспитание детей, общественная и благотворительная деятельность)². В 2007 г. Организацией Объединенных Наций был учрежден Всемирный день социальной справедливости.

Один из последних предложенных показателей для международного сопоставления – индекс инклюзивного развития, базирующийся на показателях роста (ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, производительность труда, занятость населения, ожидаемая продолжительность здоровой жизни), справедливости по отношению к будущим поколениям и устойчивости развития (скорректированные чистые сбережения, государственный долг, парниковая интенсивность ВВП, коэффициент демографической нагрузки) и инклюзивности (медианный доход домохозяйства, уровень бедности, неравенство по доходам и богатству)³.

Не ставя задачи сформулировать такой универсальный параметр в данном диссертационном исследовании, автор констатирует необходимость включения нового понимания общественного благосостояния, дополненного удовлетворенностью морально-психологических потребностей, в том числе в равенстве и справедливости, в «твердое ядро» новой научной парадигмы, а теорию нравственной экономики – в ее «защитный пояс». Автор разделяет позицию профессора В. А. Вайпана, что «представления о справедливости... закладывают основу любого социально-экономического порядка и духовно-нравственных ценностей»⁴.

Требуется уточнение использования концепта нравственной экономики в контексте данного исследования, поскольку данный термин не является устойчивым

¹ Daly H. E., Cobb J. B. For the common good. – Boston: Beacon Press, 1989. – 482 p.

² Beyond GDP: The need for new measures of progress / R. Costanza, M. Hart, J. Talberth, S. Posner. – Boston: Pardee/Center for the Study of the Longer-Range Future, 2009. – 37 p.

³ The inclusive development index 2018: summary and data highlights. – Geneva: World Economic Forum, 2018. – 25 p.

⁴ Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика. – М.: Юстицинформ, 2017. – С. 7.

и общепринятым в профессиональном сообществе. Предлагаются термины «духовно-нравственная экономика»¹, «моральная экономика»², «культурная экономика»³, «социокультурная экономика»⁴, «ноономика»⁵ и пр., обладающие разными смысловыми оттенками. Заслуга введения в научную лексику российских экономистов словосочетания «нравственная экономика» принадлежит академику РАН Д. С. Львову⁶, и в данной диссертации будет использоваться именно этот фразеологизм как наиболее емкий.

Под нравственной экономикой автор будет понимать совокупность научных идей, предпосылок и теорий, базирующихся на принципах учета нравственных аспектов: во-первых, в целевом направлении (признание значимости обеспечения духовных, нравственных, моральных потребностей индивида как блага, равноправного с материальными), во-вторых, в функциональном (осознание влияния культуры, менталитета на экономические явления и результаты). В нравственной экономике социальные принципы становятся на один уровень с хозяйственными принципами при решении вопросов производства, распределения, потребления и обмена. Концепция нравственной экономики, новая парадигма общественного развития⁷ помещают потребности человека в центр принимаемых решений мезо- и макроуровней.

Зарубежные труды в сфере реализации нравственных принципов в экономике преимущественно посвящены идеям обеспечения справедливости и равен-

¹ Ветошкин А. П., Каратеева Н. А., Миняйло А. М. Духовно-нравственная экономика. – Екатеринбург: УрГУ, 2008. – 702 с.

² Григорьев С. И., Колокольцев М. Г., Колокольцева Н. Ю. Социальная экономия и моральная экономика – альтернатива развития российского общества, основанная на социально-исторической эволюции // Уровень жизни населения регионов России. – 2015. – № 2 (196). – С. 123–129.

³ Тросби Д. Экономика и культура / пер. с англ. И. Кушнаревой. – 2-е изд. – М.: Высшая школа экономики, 2018. – 254 с.

⁴ Аузан А. А. Социокультурная экономика // Наука и инновации. – 2017. – № 2 (168). – С. 4–10.

⁵ Бодрунов С. Д. Ноономика: монография. – М.– СПб.–Лондон: Культурная революция, 2018. – 432 с.

⁶ Львов Д. С. Нравственная экономика // Свободная мысль. – 2004. – № 9. – С. 24–36.

⁷ Глазьев С. Ю. О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 56. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/56_2016glazyev.htm (дата обращения: 24.01.2018).

ства, создания социального рыночного хозяйствования. Фундаментальный труд в этой сфере «Теория справедливости» принадлежит авторству Дж. Ролза, считавшему, что «институты справедливы, когда между людьми не делается произвольных различий в отношении основных прав и обязанностей»¹. Один из основоположников экономического анализа права Г. Калабрезе предлагает включить в анализ экономической эффективности норм «моральные экстерналии»², а в вопросе обеспечения общественных благ через установление минимальных, основополагающих прав исходить из чувства оскорбленности достаточного количества членов общества³. Французский экономист Т. де Монбриаль считает, что «эффективность не обходится без связи со справедливым распределением»⁴, а «рыночная экономика и социальная справедливость ни в коей мере не являются антиномическими»⁵. Лауреат Нобелевской премии по экономике Ф. А. фон Хайек утверждал, что наилучшим условием достижения общих целей «является свобода каждого использовать свои знания для достижения собственных целей, ограничиваемая только правилами справедливого поведения»⁶.

Следует отметить практическую реализацию указанного подхода в странах, относящихся к англосаксонской правовой системе, где суды могут использовать «право справедливости» при вынесении судебного решения в условиях неопределенности толкования нормы.

Австралийский экономист, один из основоположников экономики культуры Д. Тросби постулирует несколько положений, которые мы относим к составляющим нравственной экономики: «экономика не может быть свободна от ценно-

¹ Rawls J. A theory of justice (1971). – Harvard: Belknap Press of Harvard University Press, 1999. – P. 5.

² Калабрезе Г. Будущее права и экономики: очерки о реформе и размышления / пер. с англ. И. Кушнарева; под науч. ред. М. Одинцовой. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. – С. 59.

³ Там же. – С. 93.

⁴ Монбриаль Т. де. Действие и система мира / пер. с фр. В. М. Володина. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 264.

⁵ Там же. – С. 375.

⁶ Хайек Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. – М.: ИРИСЭН; Челябинск: Социум, 2016. – С. 73.

стей»¹ (как в части влияния на восприятие ученого или политика, так и в части влияния культурного контекста на решения экономических агентов и придаваемой ими стоимости отдельным благам), «идеи справедливости и честности играют важную роль в общей экономической политике»², культура воздействует на экономическую эффективность через поддержку ценностей, определяющих процессы производства, на справедливость через влияние на решения по поводу распределения и на цели группы и коллективные результаты³.

Можно наблюдать полемику западной, восточной и славянской научной мысли в части более конкурентного духовного основания экономического успеха сообществ. Так, немецкий экономист-социолог М. Вебер видел первоисточник расцвета капитализма в Германии и Англии в протестантской трудовой этике⁴, а Дж. С. Милль считал англосаксонский дух индивидуализма катализатором первой индустриальной революции именно в Великобритании⁵. Американский экономист японского происхождения Ф. Фукуяма, японские экономисты И. Хаями, Т. Озава и ряд других ученых объясняли азиатское «экономическое чудо» религиозными факторами, берущими свое начало в конфуцианстве: ориентированностью на взаимное уважение, кооперацию, благополучие группы, строгую иерархию, трудовую этику⁶. Российские же экономисты, затрагивающие вопросы духовного начала экономического процветания, предлагают православную этику в качестве основополагающей.

В российской науке идеи нравственной экономики берут свое начало в трудах экономистов-славянофилов. Так, русский экономист и философ С. Н. Булгаков

¹ Тросби Д. Экономика и культура / пер. с англ. И. Кушнारेвой. – 2-е изд. – М.: Высшая школа экономики, 2018. – С. 25.

² Там же. – С. 88.

³ Там же. – С. 95–96.

⁴ Weber M. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism* (1905). – London: Allen & Unwin Human, 1930. – 292 p.

⁵ Милль Д. С. *Основы политической экономии*: в 3 т. – М.: Прогресс, 1980–1981.

⁶ Fukuyama F. *Trust: the social virtues and the creation of prosperity*. – New York: The Free Press, 1995. – P. 161–193; Hayami Y. *Toward an east Asian model of economic development // The institutional foundations of east Asian economic development*. – London: Macmillan, 1998. – P. 14–17; Ozawa T. *Exploring the Asian economic miracle: politics, economics, society, culture, and history – a review article // Journal of Asian studies*. – 1994. – Vol. 53. – P. 124–131.

видел в экономическом прогрессе условие духовного развития русского общества, подчеркивал наличие ценностных и институциональных аспектов хозяйствования¹, а русский экономист С. Ф. Шарапов считал капитализм катастрофой для русского общества и видел путь к экономическому процветанию России в духовном возрождении и христианской морали². Взгляды экономистов-славянофилов разделяют и некоторые современные российские ученые, предлагающие «моральную экономику как альтернативу развития традиционного потребительского стихийно-эксплуататорского общественного устройства»³.

По мнению академика РАН О. Т. Богомолова, «экономическому и технологическому прорыву должны предшествовать подъем науки и культуры, возрождение в людях нравственных идеалов и ценностей, совершенствование демократического устройства государства, восстановление правопорядка и торжество социальной справедливости»⁴.

Уральский коллектив исследователей описал нравственные нормы хозяйствования с позиции православия⁵, детализирующие «Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании», предложенный по итогам VIII Всемирного Русского Народного Собора в 2004 г.⁶ Центральными звеньями современной православной идеологии хозяйствования служат идеи, во-первых, о справедливом обмене и распределении; во-вторых, о труде и предпринимательстве как средстве самореализации личности, обеспечении достойной жизни отдельного индивида и общества в целом, о социальной ответственности предпринимателя; в-третьих,

¹ Булгаков С. Н. Философия хозяйства / отв. ред. О. Платонов. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2009. – 464 с.

² Шарапов С. Ф. Бумажный рубль: его теория и практика. – СПб.: Обществ. польза, 1895. – 156 с.

³ Григорьев С. И., Колокольцев М. Г., Колокольцева Н. Ю. Социальная экономия и моральная экономика – альтернатива развития российского общества, основанная на социально-исторической эволюции // Уровень жизни населения регионов России. – 2015. – № 2 (196). – С. 123.

⁴ Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние: научные записки и очерки / науч. ред. О. Т. Богомолов. – М.: Ин-т экон. стратегий, 2008. – С. 3.

⁵ Ветошкин А. П., Каратеева Н. А., Миняйло А. М. Духовно-нравственная экономика. – Екатеринбург: УрГУ, 2008. – 702 с.

⁶ Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании. Принято на итоговом пленарном заседании VIII Всемирного Русского Народного Собора // Безопасность Евразии. – 2004. – № 2 (16). – С. 37–45.

об этичности ведения бизнеса (культуре деловых отношений, честности, уважении наемных работников); в-четвертых, о необходимости разделения политической и экономической власти и о роли государства как структуре, заботящейся о благе общества; в-пятых, об уважении к институту собственности. Хозяйствование, основанное на подобных принципах, не приведет к снижению экономической эффективности и устойчивости развития общества, а скорее наоборот, могло бы способствовать его процветанию.

Хотя с древнейших времен на протяжении истории человечества можно проследить негативное с позиций морали и справедливости отношение к предпринимательству¹, автор диссертации видит ряд оснований для исследования предпринимательской деятельности в рамках нравственной экономики. Так, профессор О. Я. Гелих отмечает, что «эгоистический интерес предпринимателя» представляет собой «сложный комплекс», включающий «социальный индивидуализм», под которым понимается работа предпринимателя «не только на свое, но и на общественное благо»². Кроме того, он подчеркивает «осязаемый» обществом результат предпринимательской деятельности, изменяющий быт человека³. При этом российский дореволюционный публицист А. И. Каминка считал предпринимателя «той центральной фигурой, энергией, находчивостью, способностями которой в значительной степени обуславливается благосостояние страны»⁴. Профессор В. А. Вайпан, проводя схожие рассуждения, приходит к выводам, что «вопрос о справедливости имманентно присущ предпринимательству»⁵, а «самоуважение и самоутверждение, с которыми прямо связано признание» являются движущими силами предпринимательства, в то время как получение прибыли пред-

¹ Например, первый исторически достоверный древнегреческий поэт Гесиод в VIII–VII вв. до н. э. изображал в своих поэмах несправедливость предпринимательства. Одним из наиболее ярких научных трудов, критикующих предпринимательство с позиций справедливости, следует назвать «Капитал» К. Маркса.

² Гелих О. Я. Предпринимательство как социальный феномен // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2003. – Т. 3, № 5. – С. 225.

³ Там же. – С. 228.

⁴ Каминка А. И. Основы предпринимательского права. – Петроград: Труд, 1917. – С. 3.

⁵ Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика. – М.: Юстицинформ, 2017. – С. 156.

ставляет собой лишь средство и индикатор его способностей¹. Предприниматель, удовлетворяя потребности общества и создавая рабочие места, берет на себя финансовую, моральную и социальную ответственность². При этом в условиях честной конкурентной экономики, представляющих аспект «социальной справедливости»³, предприниматель будет не только извлекать «социально справедливую прибыль», но и «справедливо распределять результат»⁴.

Профессор В. Ю. Катасонов видит нарушение нравственных принципов прежде всего в государственном секторе, удалившемся от народа и своей перво-степенной задачи управления народным хозяйством, в том числе отказе государства «в защите интересов работникам наемного труда перед натиском корпораций-работодателей, от регулирования цен и тарифов», от защиты и дешевых кредитов для отечественного товаропроизводителя, в том, что «государство не бросает отечественному товаропроизводителю „спасательный круг“ во время кризисов»⁵.

Профессор М. А. Вахтина, чьи исследования посвящены вопросам основания справедливой рыночной экономики, отводит существенную роль институциональным механизмам обеспечения социальной справедливости и формирования нравственной экономики, при этом она считает укорененность принципов социальной справедливости в неформальных и формальных институтах фактором повышения институционального и межличностного доверия в обществе, производительности труда, мотивации к труду и предпринимательству⁶.

Политика и действия органов власти определяют институциональную среду хозяйственных процессов и жизнедеятельности, а также уровень институцио-

¹ Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика. – М.: Юстицинформ, 2017. – С. 152.

² Хизрич Р., Питерс М. Предпринимательство, или Как завести собственное дело и добиться успеха: пер. с англ. – М.: Прогресс-Универс, 1991. – 160 с.

³ Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика. – М.: Юстицинформ, 2017. – С. 142.

⁴ Мороз Ю. Л. На пути к метабизнесу: для интеллектуалов. – Ростов н/Д: Феникс, 2003. – С. 326.

⁵ Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия. «Бумажный рубль» С. Шарапова. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2014. – С. 29.

⁶ Вахтина М. А. Институциональные основания справедливой рыночной экономики. – Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2013. – 255 с.

нального доверия в обществе. Профессор А. А. Аузан так отвечает на вопрос, что в России препятствует инновационному развитию: «Высокая дистанция власти (т. е. представление о том, что невозможно повлиять на власть). И самое трудное и важное – так называемое высокое избегание неопределенности. В России при наличии высокого избегания неопределенности никакого значительного инновационного процесса не будет. Нам надо сначала поднять склонность к риску, к движению вперед. Самые сложные мои дискуссии с коллегами в Правительстве России, с экономистами связаны с культурными ограничениями и возможностями их использования для построения будущего»¹.

Методолог науки М. Блауг, отмечая на невозможность освободить экономическую теорию от ценностей, предлагает в качестве одного из оснований новой научной парадигмы согласие с релятивистским характером ответов на экономические вопросы и стремление к открытому обсуждению нормативных ценностей при формулировке предпосылок позитивных экономических исследований². Его идеи мы предлагаем транслировать и в сферу государственного управления.

Отмечаемая профессором А. Г. Карапетовым, признанным специалистом в области экономического анализа права, проблема недостаточности «научных исследований, анализирующих справедливость и иные политико-правовые аспекты решаемой проблемы», вынуждает «российские правотворческие органы блуждать впотьмах и полагаться на чистую интуицию»³. Это обстоятельство указывает на актуальность развития нравственной экономики и научного обоснования включения вопросов справедливости в теоретические подходы к формированию политики и принятия регуляторных решений.

По мнению автора, нравственная экономика призвана закрепить в обществе нравственные принципы хозяйствования и примирить идейную борьбу между «инструментальной» и «процедурной» рациональностями, к чему призывал француз-

¹ Аузан А. А. Социокультурная экономика // Наука и инновации. – 2017. – № 2 (168). – С. 7.

² Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / пер. с англ. Ю. В. Автономова; под ред. В. С. Автономова. – 2-е изд. – М.: Журнал «Вопросы экономики», 2004. – С. 203.

³ Карапетов А. Г. Экономический анализ права. – М.: Статут, 2016. – С. 15.

ский экономист Т. де Монбриаль¹, между экономической эффективностью и справедливостью, заложив новые основания для повышения благосостояния общества.

4. Новая экономическая парадигма, решая задачу понимания глубоких внутренних взаимосвязей и движущих факторов, механизмов индивидуального и коллективного принятия решений, выдвигает на первый план мезоуровень² как интегратор индивидуальных и общественных потребностей «в конкретно-историческом территориальном контексте»³, при этом «особое значение приобретает разработка основных контуров системы институционального управления социально-экономическим развитием регионов, так как эффективность управления именно на региональном и муниципальном уровне определяет конкурентоспособность регионов и условия для развития бизнеса и жизнедеятельности населения»⁴.

Региональная экономика с ее аналитическим каркасом пространственной неоднородности и диффузии социально-экономических параметров позволяет включить ее в «защитный пояс» новой научной парадигмы.

Рассмотрим подробнее методологию региональной науки и перспективы ее применения для изучения региональной регуляторной среды.

Предметом региональной экономики являются разнообразные пространственно локализованные социально-экономические системы, факторы, процессы, явления и объекты в определенных пространственных границах, вопросы районирования страны, прогноз и управление развитием территорий⁵. Мезоэкономический институциональный подход предлагает инструменты как для изучения влия-

¹ Монбриаль Т. де. Действие и система мира / пер. с фр. В. М. Володина. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 40.

² Мезоэкономика: элементы новой парадигмы: монография / под ред. В. И. Маевского, С. Г. Кирдиной-Чэндлер. – М.: Ин-т экономики РАН, 2020. – 392 с.; Орехова С. В., Евсеева М. В. Технологические системы в экономике: гетеродоксальный подход и институциональные основы // Журнал институциональных исследований. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 34–53.

³ Одинцова А. В. Пространственная экономика в работах представителей французской школы регуляции // Пространственная экономика. – 2011. – № 3. – С. 56.

⁴ Новоселов А. С., Волянская Т. В., Фалеев А. В. Основные контуры современной институциональной системы управления региональным развитием // Анализ, Моделирование, Управление, Развитие социально-экономических систем (АМУР-2019): сб. науч. тр. XIII Всерос. с междунар. участием школы-симпозиума (Симферополь – Судак, 14–27 сентября 2019 г.). – Симферополь – Судак: ИП Корниенко А. А., 2019. – С. 3024.

⁵ Региональная экономика: курс лекций / кол. авт.; под общ. ред. Я. П. Силина, Е. Г. Анимицы. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2020. – С. 18.

ния институтов на социально-экономическое развитие регионов¹, так и для исследования эволюции самих региональных институтов, в том числе региональной регуляторной среды².

Ключевым признаком регионального исследования служит территориальность. Таким образом, одной из задач изучения регуляторной среды в рамках региональной науки является выделение специфических «территориальных» особенностей регуляторной среды, локализованной в пространстве конкретного региона, а также выявление влияния региональной регуляторной среды на процессы и состояние социально-экономических систем в пространстве региона.

Теоретико-методологические основы, формирующие «твердое ядро» региональной экономики, включают закономерности и принципы развития регионов и хозяйственной деятельности в пространственно-временном контексте, концепции регионального управления.

Американский экономист и географ У. Айзард способствовал созданию единой науки о пространстве, учитывающей все многообразие и сложность взаимодействий подсистем региона³.

Теории регионального развития направлены на разработку методологии комплексного подхода к развитию территорий, в том числе формирования эффективных производственных систем. В современной региональной науке элементом

¹ См., например, исследование воздействия экспансии крупных компаний на институциональную инфраструктуру региона (Иванова Ю. Н., Иванов В. В. Проблемы региональной экспансии российских компаний // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 1. – С. 275–279), изучение институционального регулирования использования ограниченных природных ресурсов и перераспределения имущественных прав на различных типах товарных рынков (Пахомова Н., Рихтер К. Экономический анализ экологического права // Вопросы экономики. – 2003. – № 10. – С. 34–49); и др.

² См., например, комплексное исследование территориального развития институтов (Лаженцев В. Н. Опыт комплексного исследования проблем территориального развития / отв. ред. Н. П. Юшкин. – Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 2003. – 192 с.), межрегиональное сопоставление институтов (Кутилина О. М. Межрегиональные сопоставления как системный элемент институционального обеспечения территориального развития. – М.: Реглант, 2003. – 114 с.) и их оценка (Курочкин В. А. Социально-экономическое развитие регионов Российской Федерации: методика количественного оценивания. – СПб.: СПбГУЭФ, 2004. – 37 с.); и др.

³ Айзард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. – М.: Прогресс, 1966. – 659 с.

«твёрдого ядра» служит парадигма саморазвития территориальных экономических систем.

«Предпосылкой формирования региона является территориальное разделение труда», обусловленное инерционностью и неперемещаемостью многих природных и производственных факторов и ресурсов, тенденциями к специализации и концентрации деятельности¹.

Представители «физических» региональных концепций, опираясь на идею общности закономерностей в процессах и явлениях различной природы, перенесли положения естественных наук, в первую очередь физики, на региональную экономику (например, гравитационная модель У. Рейли² или первый закон географии Вальдо Тоблера³).

Представители «общей» теории размещения (А. Вебер⁴, А. Лёш⁵ и др.) искали оптимальное распределение в пространстве отдельных хозяйствующих субъектов и их совокупности с учетом гетерогенности и поляризованности экономического пространства. Неизбежно в фокусе их исследований оказывались агломерационные процессы, и в этой области стоит выделить наиболее развитую теорию агломераций П. Кругмана⁶.

Идея полюсов роста принадлежит французскому экономисту Ф. Перру, полагавшему, что любые технические нововведения образуют концентрации, группируясь вокруг лидирующей отрасли. Ф. Перру представлял экономическое пространство как гетерогенное силовое поле с набором центров напряженности, а со-

¹ Региональная экономика: курс лекций / кол. авт.; под общ. ред. Я. П. Силина, Е. Г. Анимы. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2020. – С. 28.

² Reilly W. J. The law of retail gravitation. – New York: Knickerbocker Press, 1931. – 75 p.

³ Tobler W. R. A computer movie simulating urban growth in the Detroit region // *Economic geography*. – 1970. – Vol. 46. – P. 234–240.

⁴ Вебер А. О теории размещении промышленности: чистая теория штандорта / пер. с нем. Н. Морозов под ред. Н. Баранского. – Л.–М.: Книга, 1926. – 223 с.

⁵ Lösch A. Die räumliche Ordnung der Wirtschaft: eine Untersuchung über Standort, Wirtschaftsgebiete und internationalem Handel. – Jena: Fischer, 1940. – 380 S.

⁶ Krugman P. Increasing returns and economic geography // *Journal of political economy*. – 1991. – No. 99. – P. 483–499.

циальные и экономические потоки обусловлены центростремительными и центробежными силами, продуцируемыми полюсами роста¹.

Французский экономист Ж. Будвиль развил теорию Ф. Перру, заложив основы современной мезоэкономики, расширив понятие полюса роста до совокупности развивающихся и расширяющихся отраслей, локализованных в урбанизированной зоне и обладающих потенциалом стимулировать прогресс экономики².

Большой вклад в теорию полюсов роста внес испанский профессор Х. Р. Ласуэн³, выдвинувший тезисы о экспортных отраслях экономики территории как источников образования полюса роста и приемниках рожденных общенациональным спросом импульсов роста, а также возможности локализации полюса в нескольких географических центрах.

Теория полюсов роста способствовала закреплению современного подхода к управлению региональным развитием на принципах полицентризма, «указывающих на необходимость превращения централизованного экономического пространства в полицентричное сетевое-узловое»⁴. Нарастающие процессы урбанизации, концентрации населения в комфортных для проживания городах и «вымирание» сельских территорий, малых поселений и моногородов повышают актуальность поиска методов формирования полицентричного экономического пространства страны. Региональная регуляторная среда направляет поведение индивидов, в том числе при выборе видов и локации экономической деятельности, места проживания, образа жизни. Таким образом, она влияет на распределение населения и хозяйствующих субъектов в пространстве региона и может выступать инструментом формирования узлов, полюсов роста.

¹ Perroux F. Economic space: theory and applications // Quarterly journal of economics. – 1950. – Vol. 64, no. 1. – P. 89–104.

² Boudeville J. Les espaces économiques. – Paris: PUF, 1970. – 126 p.

³ Lasuen J. R. On growth poles // Urban studies. – 1969. – No. 6. – P. 137–152.

⁴ Региональная экономика: курс лекций / кол. авт.; под общ. ред. Я. П. Силина, Е. Г. Анимы. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2020. – С. 20.

Проблема отношения полюсов роста с периферией региона нашла отражение в теории «центр – периферия» Дж. Фридмана¹, в которой центр вытягивает производственные ресурсы из периферии, и модели «ядро – периферия» Г. Мюрдаля², согласно которой вследствие возрастающей отдачи от масштаба и агломерационных эффектов случайно зародившийся производственный центр превращается в разрастающееся ядро.

После закрепления в научном сообществе идеи полюсов роста регионалисты обратили пристальное внимание на процессы перетока между ними факторов производства и развития. Испанский профессор Х. Р. Ласуэн утверждал, что импульсы роста передаются от ведущих отраслей к второстепенным через рыночные связи между предприятиями, а от географических центров на периферию периферии – аналогично с учетом факторов размещения³. Французский экономист П. Потье считал, что импульсы роста передаются между важнейшими промышленными центрами по основным транспортным каналам, которые он назвал осями развития⁴.

Выдвижение инноваций в качестве значимого фактора развития и конкурентоспособности территорий способствовало разработке регионалистами теории диффузии нововведений, освещающей вопросы возникновения и распространения нововведений в пространстве. Постановка задачи принадлежит авторству Й. Шумпетера, а стройная теория была предложена шведским географом Т. Хегерстрандом, систематизировавшим способы распространения инноваций (контактный, каскадный и иерархический) и цели государственного управления научно-техническим развитием территории (решение проблемы конкурентоспособности конкретного региона; межрегиональное структурное выравнивание и совершенствование внутриотраслевой структуры регионов в границах воспроизводственного функционала)⁵.

¹ Friedmann J. Regional development policy: a case study of Venezuela. – Cambridge: MIT Press, 1966. – 279 p.

² Myrdal G. Economic theory and undeveloped regions. – London: Duckworth, 1957. – 167 p.

³ Lasuen J. R. On growth poles // Urban studies. – 1969. – No. 6. – P. 137–152.

⁴ Pottier P. Axes de communication et développement économique // Revue économique. – 1963. – Vol. 14, no. 1. – P. 58–132.

⁵ Hägerstrand S. T. E. Innovation diffusion as a spatial process. – Chicago: The University of Chicago Press, 1967. – 357 p.

Успешное включение теории диффузии нововведений в «защитный пояс» региональной науки показывает, что модели полюсов роста, перетока факторов производства могут быть распространены и на анализ нематериальных объектов, в том числе культурных ценностей, деловых практик.

Институциональная мезоэкономика находится на этапе становления, и ее предметное поле еще не столь широко, а региональная регуляторная среда является объектом немногочисленных исследований (см. параграф 1.2). Вместе с тем институциональные факторы развития входят в круг интересов регионалистов. Так, региональные исследования подтверждают наличие региональной самоидентичности, «генетического кода» регионов, выраженного в устойчивости на протяжении значительных интервалов времени (веков) традиций, интересов, исторической памяти, хозяйственной культуры, внутрирегиональных производственных и политических связей, пропорционального сочетания отраслей¹, в том числе существование особой горнозаводской культуры².

5. Экономика роста ищет новые движущие факторы развития.

Профессор С. Г. Кирдина-Чэндлер видит фундаментальное основание дискуссий о факторах развития в привязанности к рассмотрению материального мира с позиций взаимосвязи природы и общества³. Если понимание роли материальных факторов для новой научной парадигмы нам предлагает современный марксизм, то необходимо найти истоки включения предпосылок относительно иных факторов в ядро новой научной парадигмы. Для этого обратимся к идеям новой эконо-

¹ Региональная экономика: курс лекций / кол. авт.; под общ. ред. Я. П. Силина, Е. Г. Анимицы. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2020. – С. 35.

² Крутева О. В., Минина О. Ю. Горнозаводская культура Урала: перекресток цивилизаций // Культура и цивилизация. – 2016. – Т. 6, № 5А. – С. 305; Меньшикова Н. А. Социокультурное наследие Уральского региона как ресурс формирования региональной идентичности личности // Личность. Общество. Образование. Непрерывное образование как фактор развития личности в современном обществе: сб. ст. XXI Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 30 марта 2018 г.). – СПб.: ЛОИРО, 2018. – С. 101; Силин Я. П. Стратегии и сценарии социально-экономического развития Уральского региона // Актуальные проблемы социального и профессионально-экономического вхождения молодежи в региональную общественно-производственную среду: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 5 июня 2017 г.). – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2017. – С. 8.

³ Кирдина С. Г. Роль институтов и географии в экономическом развитии: актуальная полемика в гетеродоксальной экономике // Пространственная экономика. – 2016. – № 3. – С. 133.

мической географии, берущей начало в трудах П. Кругмана, М. Фуджиты, Т. Венаблса¹, и неоинституциональной экономики.

Фундаментальной предпосылкой будет служить представление о сложной суперпозиции, синергии факторов развития², постоянном смещении уровня их влияния в структуре факторов.

Современные экономисты признают значимость «социальных факторов эндогенного экономического роста»³.

Синергетический подход также предлагает рассматривать эти факторы не просто в совокупности, как оказывающие сонаправленное или противоположно направленное действие, но и во взаимовлиянии. Иными словами, факторы воздействуют как на эволюцию общества, так и на трансформацию друг друга.

Отсюда вытекает претендующая на включение в «защитный пояс» новой парадигмы гипотеза сохранения географических факторов развития, но утраты ими влияния в силу внедрения цифровых технологий и снижения транспортных издержек в производственных цепочках. Вместе с тем отдельные шоки могут приводить к новому всплеску значимости географических факторов. Так, пандемия коронавируса 2020 г. и санкционные войны привели к осознанию необходимости самообеспеченности территорий для гарантии выживаемости в кризисных условиях.

Профессор О. В. Григорьев, анализируя факторы экономического роста мировой цивилизации в историческом срезе, приходит к выводу, что разделение труда, обусловленное минеральным и земельным ресурсным потенциалом терри-

¹ Fujita M., Krugman P., Venables A. J. The spatial economy: cities, regions and international trade. – Cambridge: MIT Press, 1999. – 384 p.

² Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н. Экономическая стратегия: экстраполяция или закономерность? // Вопросы экономики. – 2016. – № 6. – С. 147–157; Зырянов А. И., Миролюбова Т. В. Методологические подходы к исследованию развития региона с позиций новой экономической и теоретической географии // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2014. – № 5. – С. 23–31; Клейнер Г. Б. Системная парадигма и экономическая политика // Общественные науки и современность. – 2007. – № 2. – С. 141–149; Полтерович В. М. К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? // Вопросы экономики. – 2018. – № 11. – С. 5–26.

³ Базуева Е. В., Радионова М. В. Эконометрическая оценка влияния социальных индикаторов на динамику регионального экономического роста (на примере субъектов Приволжского федерального округа) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 56.

торий на начальном этапе, определяло структуру экономики и ведущие виды хозяйственной деятельности, что, в свою очередь, определило преобладающие моральные черты населения Запада и Востока¹. Американский профессор русской истории Р. Пайпс видел обусловленность сложившегося исторического пути России природно-климатическими условиями. В частности, истоки крепостного права он находит в потребности в колонизации для выживания страны, а многовековую устойчивость общественного запроса на сильную централизованную власть – в потребности поддержания связности и выживания разрозненных населенных пунктов, разбросанных на обширной территории².

Поддерживая идею частичной детерминации типов институциональных сред географическими факторами (богатство ресурсов, климатические условия, защищенность поселений природным рельефом, географическая удаленность от чужеземных поселений и связность с рынками посредством торговых путей) на этапах формирования человеческих обществ и естественных государств³, следует отметить обратную связь уровня эксплуатации природных богатств с характером институтов (их эксклюзивностью или инклюзивностью)⁴.

Таким образом, авторы в рамках новой экономической парадигмы предлагают опираться на синергию факторов развития с учетом их изменчивости во времени и пространстве.

б. Синергетика и экономика сложности смещают экономистов от системного к синергетическому подходу.

Методологическую основу системного подхода в экономических исследованиях наиболее полно описал венгерский экономист Я. Корнай, сформулировав ключевые характеристики объекта, рассматриваемого как система⁵:

¹ Григорьев О. В. Эпоха роста. Лекции по неэкономике. Расцвет и упадок мировой экономической системы. – М.: Карьера Пресс, 2014. – С. 314–316.

² Pipes R. E. *Russia under the old regime*. – New York: Charles Scribner's Sons, 1974. – 361 p.

³ Норт Д. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества* / пер. с англ. Д. Узланера и др. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. – 480 с.

⁴ См. подробнее в параграфе 3.1.

⁵ Корнай Я. Системная парадигма // *Вопросы экономики*. – 2002. – № 4. – С. 10–12.

- целостность и открытость во взаимодействии с иными системами, в том числе содержащими данную;
- целенаправленность функционирования;
- иерархичность, гетерогенность структуры;
- полифункциональность и многоаспектность оценки эффективности;
- определенная самостоятельность отдельных структурных элементов при условии формирования предпочтений структурных самой системой;
- динамичность и существование внутренних законов эволюции;
- своеобразность и наличие специфических дисфункций;
- способность к самоорганизации и саморазвитию.

Новая научная парадигма продвигается от системного к синергетическому подходу¹, «обосновывающему результат функционирования социально-экономической системы не как суммирование результатов действий отдельных элементов, но как сложную суперпозицию взаимовлияющих и усиливающих совокупный эффект подсистем»².

Авторская модель регуляторной среды опирается именно на синергию, суперпозицию правовой системы и укорененных деловых практик, которые одновременно усиливают или противостоят друг другу и находятся в постоянном процессе заполнения лакун регулирования перманентно трансформирующихся общественных отношений.

7. Диалектический материализм К. Маркса не ушел на периферию научной теории. Современный марксизм (М. Хардт, И. Валлерстайн, Т. Пикетти) и диалектический подход претендуют на включение в ядро новой научной парадигмы. Их последователи обратили свое внимание на проблемы диалектической связи права с экономикой, правовых отношений с отношениями производственными, правовой формы с обуславливающим ее материальным (экономическим) содержанием.

¹ Евстигнеев Р. Н. Современная экономика: новый концептуальный вызов // *Общественные науки и современность*. – 2016. – № 3. – С. 112–121.

² Анимица Е. Г., Рахмеева И. И. Методология анализа регуляторной среды региона // *Общественные науки и современность*. – 2020. – № 6. – С. 130; Клейнер Г. Б. Системная парадигма и экономическая политика // *Общественные науки и современность*. – 2007. – № 2. – С. 141–149.

Более того, член-корреспондент РАН Е. В. Попов видит в марксистской теории «фундаментальное теоретическое основание» институциональной теории¹.

«Право испытывает в конечном счете определяющее воздействие экономики, но... право приобретает все большую самостоятельность и растет его обратное воздействие на экономику»². В этом выражается один из главных законов диалектики – единство и борьба правовой и экономической систем в части влияния на общественные отношения. Зачастую право может отрываться от реальных общественных отношений и потребностей, выступая инструментом в руках отдельных групп интересов. Французский экономист Т. де Монбриаль полагает, что «государственный деятель постоянно должен жить диалектикой между моральной требовательностью... и многочисленными вынуждающими необходимостями, которые задаются ему действительностью»³. Единство и борьбу противоположностей мы наблюдаем и во взаимодействии формальных и неформальных институтов, формирующих регуляторную среду, в конфликте «текста нормативного правового акта и практикой его реализации, „буквы“ и „духа“ закона»⁴.

Признанный российский правовед Е. Б. Пашуканис, исходя из методологии, используемой К. Марксом в книге «Капитал», где исходной «клеточкой» научного исследования капиталистических производственных отношений признается товар как экономическая категория, призывал к поиску в «правовой материи» аналогичной первичной «клеточки», в качестве которой, по его мнению, выступает правоотношение⁵. Еще К. Маркс писал: «...регулярность и порядок сами суть необходимый момент всякого способа производства, коль скоро он должен приобрести общественную устойчивость и независимость от простого случая и произвола»⁶.

¹ Попов Е. В. Институты / отв. ред. А. Д. Некипелов. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2015. – С. 8.

² Бурганов Р. А. Экономика и право: вместе или раздельно? // Актуальные проблемы экономики и права. – 2009. – № 2. – С. 6.

³ Монбриаль Т. де. Действие и система мира: пер. с фр. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 414.

⁴ Теория и практика регуляторной политики в России: монография / А. Б. Дидикина, О. В. Москвани, М. А. Дмитриев и др.; под ред. А. Б. Дидикина. – М.: Проспект, 2020. – С. 154.

⁵ Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. – М.: б. и., 1929. С. 94–95.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 39 т. – М.: Госполитиздат, 1954. – Т. 25, ч. II. – С. 356–357.

В качестве базовой «клеточки» экономического анализа выдающиеся теоретики предлагали также «институт»¹ и «транзакцию»².

Профессор Э. Маркварт видит «генерирование главных вызовов любым управленческим институтам» в «глубинной материальной основе исторической эволюции общества»³, указывая на наличие влияния технологического прогресса на институты и обратной связи. Профессор О. В. Артемова и ее коллеги указывают на глубинное взаимодействие «физического и социального пространств»⁴.

Теоретические выкладки диссертационного исследования направлены на уточнение ядра новой научной парадигмы, а практические результаты способствуют укреплению «защитного пояса» региональной экономики.

1.2 Сущность концепта «региональная регуляторная среда»

Региональная регуляторная среда представляет собой сложное многоаспектное понятие, затрагивающее экономические, юридические, нравственные, политические, географические и иные аспекты жизнедеятельности общества. Академик С. Ю. Глазьев констатирует: «Сами производственные отношения определяются институтами, удерживающими в них людей и задающими формы реализации мотивов их поведения. Поэтому, чтобы разобраться в закономерностях развития экономики, необходимо понять процессы изменения социальных институтов»⁵.

¹ Veblen T. Why is economics not an evolutionary science // Quarterly journal of economics. – 1898. – Vol. 12, no. 4. – P. 373–397.

² Commons J. R. Institutional economics // The American economic review. – 1931. – Vol. 21, no. 4. – P. 652.

³ Маркварт Э. Российское местное самоуправление перед главными вызовами современности // Российский экономический журнал. – 2016. – № 6. – С. 5.

⁴ Артемова О. В., Логачева Н. М., Савченко А. Н. Гармонизация пространства промышленного города: социальные ориентиры // Экономика региона. – 2021. – Т. 17, № 2. – С. 538.

⁵ Глазьев С. Ю. О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 56. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/56_2016glazyev.htm (дата обращения: 24.01.2018).

Это обуславливает необходимость проведения регионального исследования регуляторной среды с применением достижений не только региональной экономики, но и институциональной и социальной экономики, правоведения и других областей знаний. Такую необходимость междисциплинарного подхода член-корреспондент РАН В. Н. Лаженцев объясняет «все возрастающим проникновением природных факторов и условий в проблематику социальных процессов»¹, а С. Ю. Глазьев доказывает, что «экономическая наука не может игнорировать знания о человеке, общественном сознании и социальных отношениях, накопленных в смежных гуманитарных дисциплинах. В противном случае она вырождается в нынешний „экономикс“ с его убогой интерпретацией главного героя экономических исследований как бездушного экономического агента»². Лауреат Нобелевской премии по экономике Ф. А. фон Хайек отмечал пагубные последствия чрезмерной специализации знания и оторванность экономической и юридической теорий друг от друга³.

В среде экономистов в XXI веке все чаще возникают дискуссии о первостепенности факторов, определяющих социально-экономическое развитие, в том числе противопоставляются географические и институциональные стороны (например, А. Лоуренс, Х.-Р. Хэммер, С. Альфельд⁴, Д. Родрик и его коллеги⁵, Дж. Сакс⁶,

¹ Лаженцев В. Н. Социально-экономическая география и междисциплинарный синтез в изучении Севера и Арктики России // *Пространственная экономика*. – 2015. – № 4. – С. 128.

² Глазьев С. Ю. О новой парадигме в экономической науке // *Государственное управление. Электронный вестник*. – 2016. – № 56. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/56_2016glazyev.htm (дата обращения: 24.01.2018).

³ Хайек Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. – М.: ИРИСЭН; Челябинск: Социум, 2016. – С. 23.

⁴ Lorenz A., Hemmer H.-R., Ahlfeld S. *The Economic Growth Debate – Geography versus Institutions: Is There Anything Really New?* – Gießen: Justus-Liebig-Universität Gießen, 2005. – 19 S. – (Entwicklungsökonomische Diskussionsbeiträge, No. 34).

⁵ Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F. *Institutions rule: the primacy of institutions over geography and integration in economic development*. – Washington: International Monetary Fund, 2002. – 44 p. – (IMF Working Paper, WP/02/189).

⁶ Sachs J. D. *Institutions don't rule: direct effects of geography on per capita income*. – Washington: National Bureau of Economic Research, 2003. – 12 p. – (NBER working paper, no. 9490); Sachs J. D. *Institutions matter, but not for everything: the role of geography and resource endowments in development shouldn't be underestimated* // *Finance and development*. – 2003. – Vol. 40, no. 2. – P. 38–41; Gallup J. L., Sachs J., Mellinger A. *Geography and economic development* // *International regional science review*. – 1999. – Vol. 22. – P. 179–232.

Д. Аджемоглу (Асемоглу), Дж. Робинсон¹). Автор данного исследования не преследует цель обоснования значимости пространственных факторов в экономических процессах, а по итогам изучения указанных публикаций обосновывает позицию о фундаментальности пространственного фактора для экономического развития территории. В последующих главах настоящей работы будет предложен и апробирован метод анализа влияния различных факторов на региональное развитие.

Мы уделяем первостепенное значение методологии исследования и управления регуляторной средой в пространстве региона для обеспечения сбалансированного социально-экономического развития территории. Как считает академик С. Ю. Глазьев, «если система регулирования не гармонизирует их (экономические интересы различных социальных групп. – *И. Р.*) в интересах развития экономики и повышения общественного благосостояния, то результатом их взаимодействия может стать потеря устойчивости и разрушение экономики вследствие социальной революции или внешнего воздействия»². По мнению А. С. Новоселова и А. С. Маршаловой, столкновение групп интересов порождает «основные проблемы и противоречия социально-экономического развития», а «разрешение противоречий между интересами и возможностями различных общественно-экономических структур и достижение поставленных целей составляют предмет стратегического управления»³. В приоритете данного исследования находится поиск путей институционального управления пространственным, технологическим и социально-экономическим развитием регионов России.

Ставя перед собой подобные задачи, автор выдвигает гипотезу о наличии влияния регуляторной среды на социальное-экономическое развитие в пространстве региона. Эта гипотеза коррелирует с позициями ученых о взаимосвязях соци-

¹ Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Reversal of fortune: geography and institutions in the making of the modern world income distribution // Quarterly journal of economics. – 2002. – Vol. 117, no. 4. – P. 1231–1294.

² Глазьев С. Ю. О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 56. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/56_2016glazyev.htm (дата обращения: 24.01.2018).

³ Новоселов, А. С., Маршалова А. С. Экономические интересы субъектов регионального воспроизводства: противоречия и проблемы их разрешения в системе управления // Регион: экономика и социология. – 2019. – № 2 (102). – С. 3.

альных, экономических и географических факторов. Например, профессор С. Г. Кирдина-Чэндлер утверждает, что «посредством формирования соответствующих социальных структур и институтов общества приспособляются к окружающей среде»¹.

«Регионалисты находятся на ранней стадии (исследований институциональных факторов регионального развития. – *И. Р.*) – описания „объекта“ и попыток систематизации его особенностей, преобладают качественные оценки на конкретных примерах»². Поэтому для понимания сущности регуляторной среды в рамках региональной науки автор полагает необходимым прежде обосновать используемый понятийно-категориальный аппарат исследования и установить, что представляют собой по сути базовые и сопряженные понятия, в числе которых как устоявшиеся в современной экономической науке термины «регион» и «региональная политика», «среда», «предприниматель» и «предпринимательская деятельность», так и дискуссионные – «регуляторная политика», «регулятор» и «регулирующее воздействие», «формальные и неформальные институты».

В своих исследованиях, в том числе в данной работе, автор, опираясь на труды видных отечественных ученых (Е. Г. Анимицы³, А. Г. Гранберга⁴, Н. М. Сурниной⁵, А. И. Татаркина⁶, Р. И. Шнипера⁷ и др.) и нормативные акты,

¹ Кирдина С. Г. Роль институтов и географии в экономическом развитии: актуальная полемика в гетеродоксальной экономике // *Пространственная экономика*. – 2016. – № 3. – С. 135.

² Зубаревич Н. В. Региональное развитие и институты: российская специфика // *Региональные исследования*. – 2010. – № 2 (28). – С. 5.

³ Анимица Е. Г., Сурнина Н. М. Экономическое пространство России: проблемы и перспективы // *Экономика региона*. – 2006. – № 3. – С. 34–46; Татаркин А. И., Анимица Е. Г. Формирование парадигмальной теории региональной экономики // *Экономика региона*. – 2012. – № 3 (31). – С. 11–22.

⁴ Гранберг А. Г. Становление в России научного направления «пространственная экономика» // *Вестник университета*. – 2009. – № 26-2. – С. 18–24.

⁵ Фрактальные структуры в социально-экономическом пространстве Уральского макрорегиона: монография / Н. М. Сурнина, Е. А. Шишкина, Е. В. Радковская, М. А. Козлова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2014. – 180 с.; Анимица Е. Г., Сурнина Н. М. Экономическое пространство России: проблемы и перспективы // *Экономика региона*. – 2006. – № 3. – С. 34–46.

⁶ Татаркин А. И., Анимица Е. Г. Формирование парадигмальной теории региональной экономики // *Экономика региона*. – 2012. – № 3 (31). – С. 11–22.

⁷ Шнипер Р. И. Регион: диагностика и прогнозирование. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2001. – 135 с.

считает тождественными понятия «регион» и «субъект РФ», определяя *регион* как саморазвивающуюся социально-экономическую систему, самостоятельный в хозяйственно-экономическом и административном отношении сложный территориально-экономический комплекс. Экономика региона является структурным элементом национальной экономической системы, однако она обладает относительной самостоятельностью, законченным циклом воспроизводства и уникальными характеристиками социально-экономических процессов. Специфические черты управления региональным развитием, необходимость поиска внутренних резервов повышения конкурентоспособности территории в условиях возрастающих внешних вызовов, связанных с переходом к цифровой экономике и формированием новых технологических укладов, определяют интерес автора к изучению регуляторной среды в субъектах РФ.

Принимая во внимание наличие в научной литературе различных формулировок региональной политики (Е. Г. Анимца, А. И. Татаркин¹, А. Г. Гранберг², Н. В. Зубаревич³, О. В. Кузнецова⁴, О. С. Пчелинцев⁵, А. Н. Швецов⁶ и др.), автор исходит из следующего определения: *региональная политика* – это совокупность идей, принципов, задач, намерений и действий, которые реализуются государством для достижения и сохранения определенного пространственного социально-экономического равновесия страны с учетом соблюдения общенациональных, собственно региональных и местных (локальных) интересов⁷.

¹ Татаркин А. И., Анимца Е. Г. Формирование парадигмальной теории региональной экономики // Экономика региона. – 2012. – № 3 (31). – С. 11–22.

² Гранберг А. Г. Становление в России научного направления «пространственная экономика» // Вестник университета. – 2009. – № 26-2. – С. 18–24.

³ Зубаревич Н. В. Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. – 2014. – № 4 (478). – С. 6–27.

⁴ Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / А. В. Кузнецов, О. В. Кузнецова, К. В. Слесарева и др.; под ред. А. В. Кузнецова, О. В. Кузнецовой. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. – 137 с.

⁵ Пчелинцев О. С. Проблемы социально-экономического обоснования региональной политики // Проблемы прогнозирования. – 2002. – № 1. – С. 1–20.

⁶ Швецов А. Н. Либерализация государственной региональной политики // Вопросы экономики. – 2006. – № 7. – С. 73–83.

⁷ Анимца Е. Г., Власова Н. Ю., Силян Я. П. Городская политика: теория, методология, практика. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2004. – С. 42.

В рамках государственного управления применяются правовые, фискальные и монетарные рычаги регулирования экономики. Региональный же уровень ограничен двумя основными типами инструментов: правовыми и фискальными.

Предприниматель играет ключевую роль в развитии экономики, поэтому он находится в центре внимания исследователей практически сразу с зарождения экономической науки. Ввел понятие «предприниматель» Р. Кантильон в своем труде «Очерк о природе и торговле вообще»¹, отнеся к данной категории всех, кто подвергает себя риску непостоянных доходов, от купцов, фермеров и ремесленников до разбойников и нищих. А. Смит определял предпринимателя как собственника, идущего на экономический риск ради реализации коммерческой идеи и получения прибыли, действующего в рамках личного интереса². Ж.-Б. Сэй и Дж. Коммонс видели в предпринимателе комбинатора факторов производства в правильной пропорции, умеющего направлять ресурсы в сферу высокой прибыли³. К. Маркс рассматривал предпринимателя как организатора производства (применения капитала), получающего предпринимательский доход от операций по созданию продукта или предоставлению услуг⁴. Й. Шумпетер видел в нем «хозяйствующего субъекта, функцией которого является осуществление новых комбинаций»⁵ и др.

Анализируя классические и современные определения термина *«предприниматель»*, можно выделить несколько общих характеристик:

- предприниматель организует хозяйственную деятельность;
- предприниматель осознанно идет на риск в условиях неопределенности (хотя степень этой осознанности может быть разной);

¹ Кантильон Р. Очерк о природе и торговле вообще. – М.: ЮНИТИ, 2006. – 448 с.

² Smith A. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations (1776). – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 618 p.

³ Сэй Ж.-Б. Трактат по политической экономии. – М.: Дело, 2000. – 229 с.; Коммонс Дж. Р. Правовые основания капитализма / пер. с англ. А. Апполонова, А. Маркова; под ред. М. Одинцовой. – М.: Высшая школа экономики, 2011. – С. 354.

⁴ Маркс К. Капитал: критика политической экономии. – М.: Эксмо, 2011. – 1200 с. – Т. 3, ч. 1. – Гл. 22.

⁵ Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия = Theorie der wirtschaftlichen entwicklung. Capitalism, socialism and democracy / пер. с нем. В. С. Автономова и др. – М.: Эксмо, 2007. – С. 169.

– предприниматель извлекает прибыль из своей деятельности, которая компенсирует его риск;

– деятельность предпринимателя обусловлена какой-либо идеей (данная идея, несмотря на свой коммерческий характер, обладает направленностью на удовлетворение человеческих потребностей, а в отдельных случаях – на решение общественных или коллективных задач, таким образом, предприниматель оказывается «в любом случае социально ориентирован», а его «интерес основан на этических ценностях и психологических установках»¹);

– предприниматель-новатор является главным генератором инноваций и обеспечения инновационного экономического роста².

Тогда *предпринимательскую деятельность* можно охарактеризовать как самостоятельную экономическую деятельность по удовлетворению потребности общества в благе с целью извлечения прибыли, сопряженную с риском и поиском эффективных методов хозяйствования и управления.

Сравнительный анализ подходов к определению понятия «регуляторная политика» проведен автором в приложении А. В целом регуляторная политика во всех странах трактуется как регулирование³ хозяйственной деятельности, выражающееся в создании условий ведения деятельности и контроле за выполнением требований. Анализируя российские и зарубежные подходы, автор установил, что общим для них служит включение в содержание понятия аналитических (необходимости вмешательства государства, анализ фактических данных и оценка воздействия) и коммуникационных (участие общества в формировании регуляторной политики) аспектов, а ключевым отличием в понимании регуляторной политики в зарубежных странах служит то, что уже в самом термине заложена цель регуля-

¹ Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика. – М.: Юстицинформ, 2017. – С. 152.

² Левин С. Н., Саблин К. С. Предприниматели как субъект развития современной российской экономики: общая характеристика и специфика регионов «ресурсного типа» // Журнал институциональных исследований. – 2016. – Т. 8, № 2. – С. 85.

³ Регулирование – упорядочение, направление чего-нибудь, воздействие на что-нибудь с целью внесения порядка, правильности, воздействие на систему в движении, деятельность или развитие какого-нибудь явления (Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл., 1935–1940).

торной политики – обеспечение экономического роста и благосостояния общества.

По итогам анализа и обобщения трудов К. Р. Санстейна, Дж. Стиглица, Д. Б. Цыганкова и других экспертов автором дается следующая трактовка понятия: **регуляторная политика** – комплекс мер правового воздействия на предпринимательскую деятельность, направленных на обеспечение эффективных условий хозяйствования при одновременном обеспечении роста общественного благосостояния, а также подходы к формированию, анализу эффективности и трансформации данного комплекса.

Направления регуляторной политики представлены автором на рисунке 3.

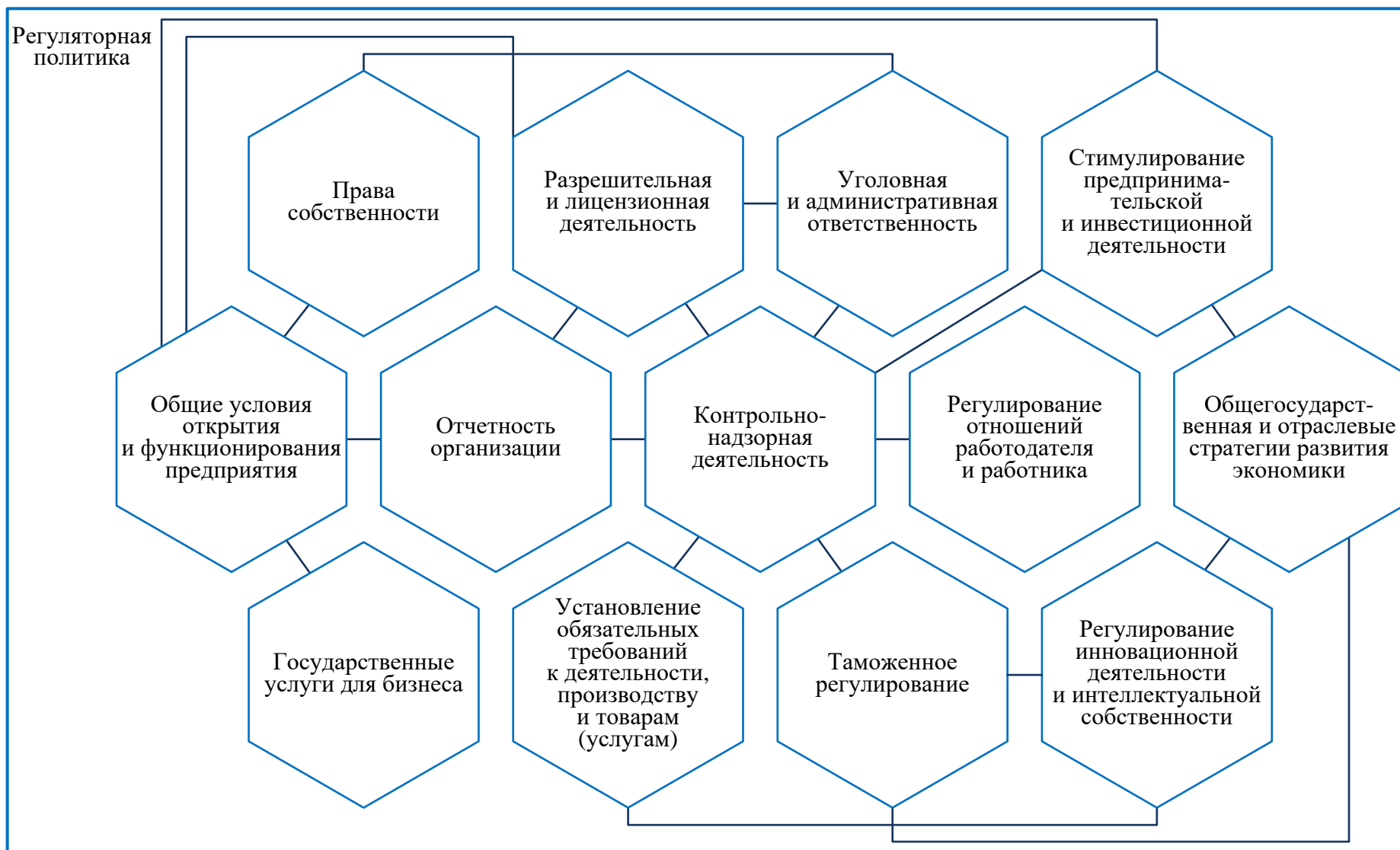
Регуляторная политика стоит на одной ступени с налоговой политикой и денежно-кредитной политикой среди инструментов управления экономикой территории и обеспечения интересов общества.

Интерпретируя сущность регуляторной политики в рамках региональной экономики, автор предлагает понимать под **региональной регуляторной политикой** комплекс правовых мер воздействия на развитие экономики региона и предпринимательской деятельности, учитывающий общенациональные, собственно региональные и местные (локальные) интересы, неравномерность пространственной и отраслевой структуры экономики, а также подходы к формированию, анализу эффективности и трансформации данного комплекса.

Соответственно, сопряженные понятия в данном исследовании трактуются следующим образом:

– **регулятор** – орган, формирующий и реализующий регуляторную политику и осуществляющий контроль в сфере регулирования;

– **регулирующее воздействие (регуляторное влияние)** – результат воздействия регулятора на сферу регулирования, выражающийся в изменении макроэкономических и социальных показателей, условий ведения предпринимательской и инвестиционной деятельности.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 3 – Структура регуляторной политики

Регулирующее воздействие закрепляется органами власти путем принятия нормативных правовых актов (далее – НПА), которые служат источником права для государств с романо-германской правовой системой, к которой относится в том числе и российская. Регулирование воздействия является главным свойством права (В. И. Авдинский¹, В. Л. Тамбовцев², Е. А. Тимофеев³, Ю. А. Тихомиров⁴). При этом различные стратегии и программные документы, которые в РФ утверждаются нормативными правовыми актами, несут регулирующее воздействие на экономику в целом и всю совокупность общественных отношений. Согласимся с утверждением, что «план подразумевает установку целей, подбор средств к их достижению. Тем самым он сразу становится институтом, предопределяющим действия индивидов, фирм и правительства»⁵. В связи с этим, говоря о регулировании и регуляторной среде, в данном исследовании автор будет руководствоваться общепринятым подходом к приложению данного понятия к НПА и их проектам, т. е. оценивать регулирующее воздействие на социально-экономическое развитие региона по влиянию на него действия акта или последствий принятия проекта акта.

Результатом регуляторной политики становится формирование условий для функционирования экономических агентов, ведения предпринимательской и инвестиционной деятельности или, иными словами, формальных институциональных условий.

На заре институциональной экономики подход к трактованию понятия «институт» не был однозначным, под ним подразумевались и организации (Т. Шульц⁶), и коллективные действия по контролю, освобождению и расширению индивиду-

¹ Авдинский В. И. Экономический анализ права // Вестник Финансового университета. – 2012. – № 2. – С. 101–107.

² Экономический анализ нормативных актов / под ред. В. Л. Тамбовцева. – М.: ТЕИС, 2001. – 407 с.

³ Тимофеев Е. А. Роль экономического анализа права в условиях российской правовой системы // Вестник Костромского государственного университета. – 2015. – Т. 21, № 4. – С. 186–188.

⁴ Тихомиров Ю. А. Регулирующее воздействие: методики и опыт. – М.: Юриспруденция, 2016. – 72 с.

⁵ Сухарев О. С. Экономический рост, институты и технологии: монография. – М.: Финансы и статистика, 2014. – 458 с.

⁶ Schultz T. W. Investment in human capital: the role of education and of research. – New York: Free Press, 1971. – 272 p.

ального действия (Дж. Коммонс¹), и устойчивые привычки мышления, присущие большой общности людей (Т. Веблен²), и конституция с основными экономическими и социальными устройствами (Дж. Ролз³).

Нобелевский лауреат Д. Норт, исследователь в области институциональной экономики, опираясь на идеи своих предшественников, заложил современное понимание *института* как «правил, механизмов, обеспечивающих их выполнение, и норм поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми»⁴. Иными словами, неформальные (традиции, обычаи) и формальные (нормативные правовые акты, юридические решения) институты снабжены механизмами принуждения⁵. Академик С. Ю. Глазьев считает институт одним из базовых элементов экономики, а закономерности функционирования институциональных подсистем – одной из опорных конструкций новой научной парадигмы в экономике⁶. Изучение экономистами систем, которые учитывают неформальные институты, социальную организацию доверия, путем расширения предпосылок неоклассической экономической теории, основанной на концепции обмена независимых акторов, Дж. Коулман называет «глобальной задачей»⁷.

Современный подход к данному понятию сохраняется среди как зарубежных (например, по выражению Т. Б. Лоуренса и М. Шедмена, институты – это «устойчивые правила, практики и структуры, устанавливающие условия действий... из которых состоит социальный мир»⁸), так и отечественных ученых (член-коррес-

¹ Commons J. R. Institutional economics // The American economic review. – 1931. – Vol. 21, no. 4. – P. 648–657.

² Veblen T. The place of science in modern civilization and other essays. – New York: Huebsch, 1919. – P. 239.

³ Rawls J. A theory of justice (1971). – Harvard: Belknap Press, 1999. – P. 6.

⁴ North D. C. Institutions and economic growth: an historical introduction // World development. – 1989. – Vol. 17, no. 9. – P. 1320.

⁵ North D. C. Institutions, institutional change and economic performance. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 159 p.

⁶ Глазьев С. Ю. О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 56. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/56_2016glazyev.htm (дата обращения: 24.01.2018).

⁷ Coleman J. S. Introducing social structure into economic analysis // The American economic review. – 1984. – Vol. 74, no. 2. – P. 84–88.

⁸ Lawrence T. B., Shadnam M. Institutional theory // The international encyclopedia of communication / ed. by W. Donsbach. – Malden: Blackwell Publishing, 2008. – P. 2288–2293.

пондент РАН Г. Б. Клейнер понимает под институтами устойчивые к изменению поведения групп субъектов, формальные и неформальные нормы¹; член-корреспондент РАН Е. В. Попов находит «сущность института» в правилах, структурирующих и организующих взаимоотношения между людьми²; профессор О. С. Сухарев называет институтами «формальные и неформальные правила поведения»³). Вместе с тем автор видит методологическую трудность в том, чтобы из действительности вычленил и специфицировать все существующие в ней нормы и правила, а с учетом динамичности общественных отношений определить, когда какая-то практика взаимодействия становится устойчивой и превращается в институт. В связи с этим объектом институциональных исследований может стать конкретный институт либо в целом институциональное поле без попытки его полной спецификации (данное исследование идет по второму из описанных подходов).

Элементы вмешательства в процесс хозяйствования, лежащие за пределами правового поля, корректно относить к неформальным институциональным условиям. Неформальные институциональные условия, или устойчивые способы взаимодействия, практики, регулярности, складываются в плоскости контакта предпринимателей не только с органами власти, но и с другими предпринимателями (контрагентами) и обществом (потребителями, населением, средствами массовой информации).

Неформальные институты определяют эффективность функционирования формальных институтов, или эффективность правоприменения. «Склонность (соблюдать заданные нормы. – *И. Р.*) поддерживается положительными и отрицательными связями между человеком и обществом, действенность которых определяется соответствием моральных ценностей индивида и господствующей идеологией. Чем выше это соответствие, тем эффективнее работают институты, определяющие производственные отношения. И, наоборот, с ростом доли людей, отвер-

¹ Клейнер Г. Б. Эволюция институциональных систем = Evolution of institutional systems. – М.: Наука, 2004. – С. 19.

² Попов Е. В. Институты / отв. ред. А. Д. Некипелов. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2015. – С. 79.

³ Сухарев О. С. Экономический рост, институты и технологии: монография. – М.: Финансы и статистика, 2014. – С. 140.

гающих господствующую идеологию, падает способность институтов к поддержанию соответствующих производственных отношений»¹. Данный тезис подтверждается в эмпирических исследованиях и поведенческих экспериментах, например, в трудах У. Гнизи и А. Рустичини (об обратном эффекте от введения штрафов за опоздание в детских садах в Израиле)², Э. Мигеля и Р. Фисмана (о взаимосвязи уровня коррупции в стране дипломата и оплаты им штрафов)³. Поэтому именно сочетание формальных и неформальных институциональных условий дает реалистичное представление об условиях ведения предпринимательской деятельности.

Институт – это не только система правил и устойчивых практик поведения, но и способы поощрения и принуждения к их выполнению. Поэтому механизмы контроля, мониторинга правоприменения, принуждения, стимулирования и иные аспекты вмешательства государства в предпринимательскую деятельность автор также закладывает в контекст понятия «регуляторная среда».

Д. Н. Ушаков определял среду как совокупность природных или социальных условий, в которых протекает развитие и деятельность человеческого общества⁴. Современное содержание термина сохраняет основную идею о *среде* как сочетании условий для деятельности. Так, согласно Д. В. Дмитриеву, среда – множество условий для функционирования чего-либо, совершения какой-либо целенаправленной деятельности⁵.

Термин «среда» широко применяется в различных научных дисциплинах естественного и гуманитарного профиля как совокупность условий существования и реализации специфической деятельности объекта изучения соответствующей науки. Регуляторная среда затрагивает деятельность предпринимателя, который

¹ Глазьев С. Ю. О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 56. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/56_2016glazyev.htm (дата обращения: 24.01.2018).

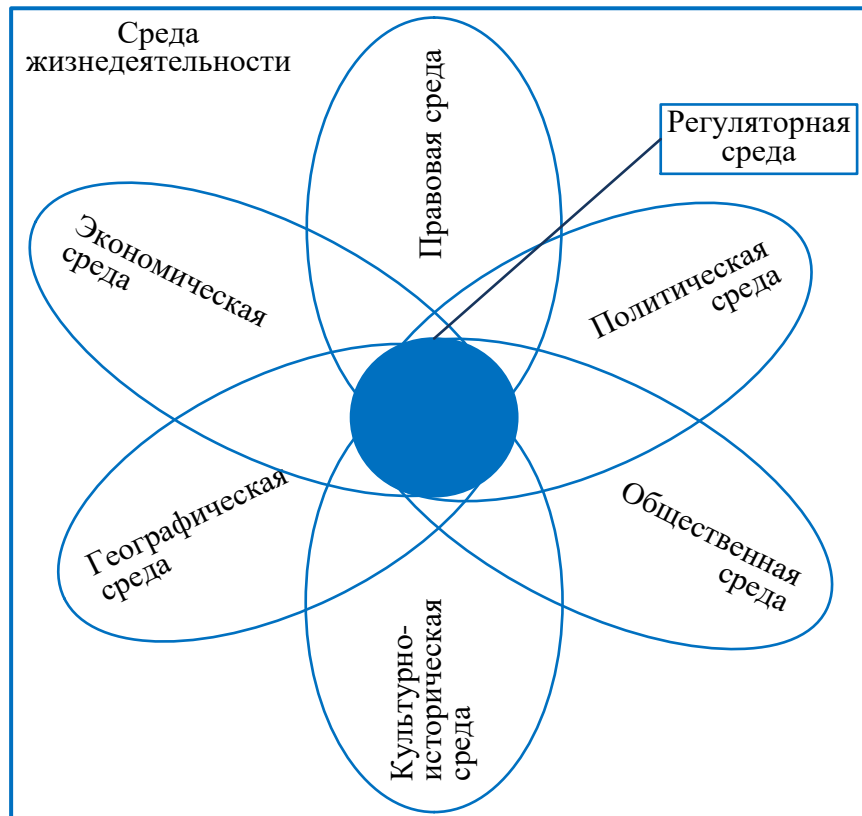
² Gneezy U., Rustichini A. A fine is a price // The journal of legal studies. – 2000. – Vol. 29, no. 1. – P. 1–17.

³ Miguel E., Fisman R. Corruption, norms, and legal enforcement: evidence from diplomatic parking tickets // Journal of political economy. – 2007. – Vol. 115, no. 6. – P. 1020–1040.

⁴ Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл., 1935–1940.

⁵ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 1578 с.

выступает объектом изучения экономики, юриспруденции, социологии, географии, политологии и истории. Таким образом, регуляторная среда становится областью пересечения нескольких сред (рисунок 4).

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 4 – Представление о регуляторной среде как пересечении сущностей различных сред

Необходимость междисциплинарного понимания региональной регуляторной среды позволяет относиться к ней как концепту, отличающемуся от термина и понятия смысловой наполненностью, опосредованной культурой и сознанием, репрезентация которого происходит языковыми средствами одновременно с наличием невербализованной части содержания, а также выделяющемуся предрасположенностью к трансляции между предметными областями¹.

¹ Неретина С. С., Огурцов А. П. Концепты политической культуры. – М.: ИФРАН, 2011. – С. 6–7.

На основе трудов российских специалистов, посвященных вопросам влияния различных типов сред на экономическую деятельность, автором сформулированы определения сред, сущность которых затрагивает содержание регуляторной среды.

Экономическая среда – совокупность экономических условий хозяйственной деятельности, в частности, наличие и доступность разнообразных ресурсов, уровень административных барьеров и транзакционных издержек, развитие конкурентных отношений, уровни научно-технического развития, деловой и инновационной активности, экономическая политика и состояние экономики¹. Исходя из определения регуляторная среда является неотъемлемой частью экономической среды, охватывающей институциональные условия хозяйственной деятельности.

Географическая среда – совокупность природных условий хозяйственного освоения пространства, включающих климат, почву, рельеф, минеральные и биологические ресурсы и пр.² В главе 3 будут подробно рассмотрены вопросы влияния географических факторов на формирование регуляторной среды.

Правовая среда – совокупность правовых норм и правоприменительной практики, идей, идеалов и нравственных принципов в области права, воздействующих на нормотворчество, правовое поведение и принятие судебных решений³. Регуляторная среда также содержит совокупность правовых норм и правоприменительной практики, но ориентированных на хозяйственную деятельность, а не на все

¹ Клейнер Г. Б., Тамбовцев В. Л., Качалов Р. М. Предприятие в нестабильной экономической среде. – М.: Экономика, 1997. – С. 20; Гостяева Ю. Ю., Щетина Е. Д. Социально-экономическая среда принятия управленческих решений // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. – 2014. – № 5. – С. 145; Перский Ю. К., Ахметова М. И. Подход к оценке уровня развития инновационной системы региона в его социально-экономической среде // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – № 46. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2014/vipusk__46._oktjabr_2014_g._/persky_akhmetova.pdf (дата обращения: 12.05.2021).

² Мисевич К. Н., Рященко С. В. Географическая среда и условия жизни населения Сибири: монография. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 5–6; Черкашин А. К. Географическая среда и территориальная организация Арктики // География и природные ресурсы. – 2015. – № 4. – С. 81.

³ Хорунжий С. Н. Конституционная идеология как элемент правовой среды // Государственная власть и местное самоуправление. – 2014. – № 10. – С. 3; Шанин С. А., Шанина Е. Н. Институциональная, организационно-экономическая и правовая среда сельскохозяйственного землепользования в регионе // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. – 2014. – № 4. – С. 693.

общественные отношения в целом, как правовая среда. Кроме того, регуляторная среда содержит неформальные институты, лежащие за пределами правового поля.

Общественная среда – совокупность социальных условий жизнедеятельности индивида, включающая подходы к решению вопросов распределения и потребления благ, состояние общественного сознания, нравственного и культурного уровня¹. Общественную среду составляют неформальные институты, часть из них являются непосредственными элементами регуляторной среды, другие опосредованно воздействуют на нее.

Политическая среда – совокупность законов, государственных и общественных структур, групп давления, гражданского общества, определяющих степень свободы деятельности, забюрократизированности, сплетения элит с властными структурами и направленности экономической политики². Политическая среда во многом сплетена с регуляторной средой и является важным системообразующим фактором для регуляторной среды, определяя ее характер в целом.

Культурно-историческая среда – совокупность сложившихся в историческом контексте развития общества духовно-нравственных условий жизнедеятельности человека, в том числе морально-этических ценностей, культурно-исторического наследия, культурно-исторических традиций³. Неформальные институты культурно-исторической среды служат базовыми институтами регуляторной среды, над которыми происходит настройка иных неформальных институтов и правовой составляющей.

¹ Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние: научные записки и очерки / науч. ред. О. Т. Богомолов. – М.: Ин-т экон. стратегий, 2008. – С. 5; Воробьев Ю. Ф. Общественная среда предпринимательской деятельности в современной России // Экономическая история. – 2010. – № 1. – С. 37.

² Костин А. И., Костина И. А. Кросс-культурный менеджмент и политическая среда в условиях глобализации экономики // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2005. – № 1. – С. 115; Петросянц В. З., Дохолян С. В., Шахтаманова Л. Г., Петросянц Д. В. Механизм регулирования регионального развития: особенности формирования и алгоритм реализации // Экономика и управление. – 2018. – № 8 (154). – С. 8.

³ Колокольникова З. У., Сергеева Л. С. Традиции культурно-исторической среды и их воспитательный потенциал // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 1–4. – С. 580; Шолух Н. В., Черныш М. А. Системная модель исследования культурно-исторической среды промышленного города // Вестник Донбасской национальной академии строительства и архитектуры. – 2016. – № 2 (118). – С. 37.

Важно отметить, что разные типы сред оказывают трансформирующее влияние друг на друга. Коллектив Пермского государственного национального исследовательского университета заключает, что «все базовые компоненты устойчивого развития (экономическая, социальная и экологическая) находятся в непрерывном системном взаимодействии и оказывают взаимное влияние друг на друга»¹, а регионалисты Челябинского государственного университета описывают, как развитие социально-экономической системы приводит к изъятию ресурсов из биосферы, и обосновывают необходимость специальной управленческой модели для обеспечения устойчивого состояния «социо-эколого-экономической среды региона»², которая по сути является частью именно регуляторной среды.

Исходя из толкования термина «среда», совокупность взаимовлияющих формальных и неформальных условий предпринимательской деятельности и представляет собой регуляторную среду. Структура региональной регуляторной среды представлена на рисунке 5.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 5 – Структура региональной регуляторной среды

¹ Третьякова Е. А., Миролубова Т. В., Мыслякова Ю. Г., Шамова Е. А. Методический подход к комплексной оценке устойчивого развития региона в условиях экологизации экономики // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 653.

² Даванков А. Ю., Двинин Д. Ю. Обоснование теоретико-методологической модели оценки устойчивости социо-эколого-экономической среды региона // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 9-1 (63). – С. 6.

В классическом представлении институциональная среда выступает как совокупность правил (по мнению как зарубежных институционалистов О. И. Уильямсона¹, Д. Норта², Л. Дэвиса³, так и отечественных А. А. Аузана, С. Н. Левина⁴, Н. С. Новоселова⁵, Е. В. Попова⁶, В. Л. Тамбовцева, А. Е. Шаститко⁷, М. М. Юдкевич⁸). Некоторые российские авторы предлагают трактовки институциональной среды как самостоятельного института, формирующего экономическую систему, или как набора институтов (например, встречаем такое определение: «структурированная совокупность институтов, рутин и правил, определяющих формирование пространства возможностей, стимулов, ограничений и поведенческих паттернов (моделей) у основных акторов»⁹). Вместе с тем, учитывая определение института как правила, полагаем данные подходы тождественными. Лишь у отдельных авторов находим специфичные формулировки. Например, «под региональной институциональной средой будем понимать совокупность политических, правовых, экономических и социальных факторов, продуцируемых формальными и неформальными институтами и их взаимодействиями в локализованном пространстве регио-

¹ Williamson O. E. The economic institutions of capitalism. – New York: Simon and Schuster, 1985. – 450 p.

² North D. C. Institutions, institutional change and economic performance. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 159 p.

³ Davis L., North D. Institutional change and American economic growth. – Cambridge: Cambridge University Press, 1971. – P. 5–6.

⁴ Левин С. Н. Региональные институциональные системы в современной экономике России: методология анализа // Институциональная трансформация экономики: российский вектор новой индустриализации: материалы IV Междунар. науч. конф. (Омск, 21–23 октября 2015 г.): в 2 ч. – Омск: ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2015. – Ч. 1. – С. 40.

⁵ Новоселов А. С., Маршалова А. С. Институциональная система управления социально-экономическим развитием региона // Регион: экономика и социология. – 2017. – № 2 (94). – С. 3.

⁶ Попов Е. В. Институты / отв. ред. А. Д. Некипелов. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2015. – С. 28.

⁷ Институциональная экономика. Новая институциональная экономическая теория / А. А. Аузан, М. Е. Дорошенко, А. Н. Елисеев и др.; под ред. А. А. Аузана. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 446 с.

⁸ Кузьминов Я. И., Бендукидзе К. А., Юдкевич М. М. Курс институциональной экономики: институты, сети, транзакционные издержки, контракты: учебник. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 442 с.

⁹ Малкина М. Ю., Вольчик В. В., Кривошеева-Медянцева Д. Д. Влияние институциональной среды на функционирование и развитие национальной инновационной системы // Journal of economic regulation. – 2014. – Т. 5, № 4. – С. 26.

на»¹, т. е. среда представляется как продукт жизнедеятельности институтов. В некоторых трудах видим расширенное толкование институциональной среды (поля) не просто как арены с правилами, но дополненными рефлексией акторов в части «ориентации поведения друг на друга»². Мы считаем такое расширение избыточным, поскольку превращение нормы в институт происходит в случае устойчивого закрепления соответствия поведения ожиданию; таким образом, ориентация поведения друг на друга уже заложена в сущности института как правила взаимодействия агентов. Истоки идеи перестройки экономического порядка и индивидуального поведения в результате накопленного опыта взаимодействия с экономическими агентами лежат в концепции сенсорного порядка выдающегося представителя австрийской либеральной экономической школы Ф. А. фон Хайека³.

Подход автора к пониманию регуляторной среды лежит в рамках новой экономической парадигмы, предлагающей рассматривать элементы среды в их взаимосвязанности и взаимовлиянии (подробнее в параграфе 1.1). Например, самой масштабной институциональной средой является мирохозяйственный уклад – «целостная система взаимосвязанных институтов, обеспечивающих в данное время расширенное воспроизводство национальных экономик и определяющих механизм глобальных экономических отношений»⁴. Региональная регуляторная среда представляет собой подсистему национальной среды, которая достраивается с учетом региональной специфики.

Автором проанализированы научные публикации, содержащие словосочетание «регуляторная среда» в названии, аннотации или ключевых словах, в источниках, входящих в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), за исключением трудов автора данного исследования, за период с 2006 г., когда впервые упоми-

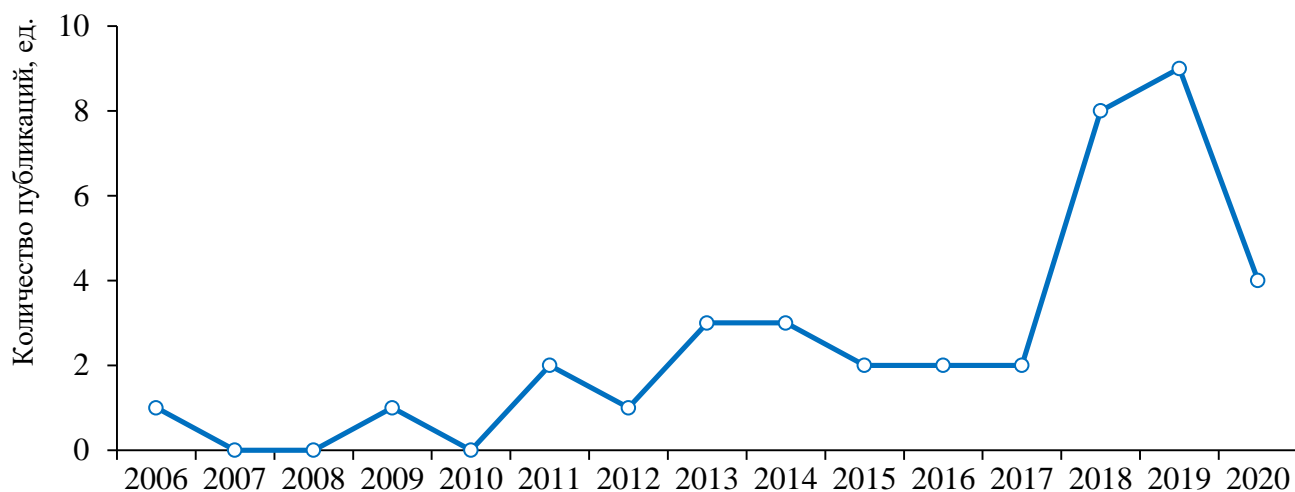
¹ Ляшенко Е. А. Опыт и проблемы формирования региональной институциональной среды функционирования технопарковых структур // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2018. – Т. 7, № 3 (24). – С. 173.

² Fligstein N. Fields, power, and social skill: a critical analysis of the new institutionalisms // Journal of economic sociology. – 2001. – Vol. 2, no. 1. – P. 15.

³ Hayek F. A. von. Sensory order: an inquiry into the foundations of theoretical psychology. – Chicago: University of Chicago Press, 1952. – 244 p.

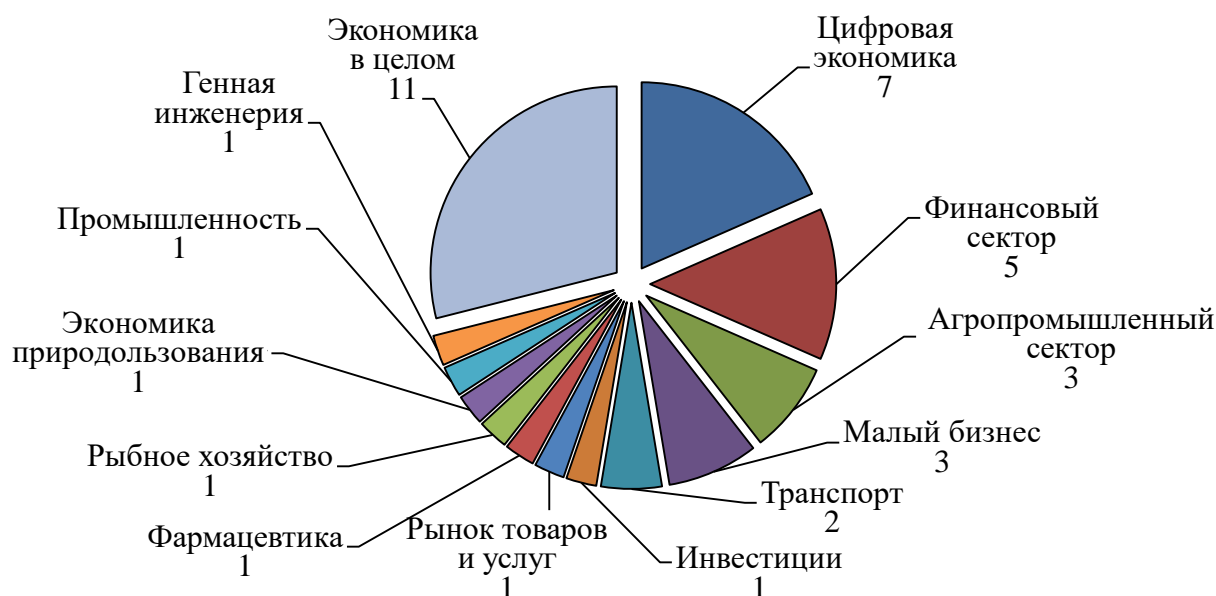
⁴ Глазьев С. Ю. О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 56. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/56_2016glazyev.htm (дата обращения: 24.01.2018).

нается данный концепт, по 2020 г. (приложение Б). По итогам анализа отмечено, что в научной литературе понятие «регуляторная среда» используется достаточно редко (рисунки 6 и 7), но с 2011 г. наблюдается регулярность его употребления.

Примечание – Составлено автором по данным анализа публикаций в Научной электронной библиотеке. – URL: <https://elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения: 04.05.2021).

Рисунок 6 – Активность использования понятия «регуляторная среда» в названии, аннотации или ключевых словах научных публикаций в РИНЦ

Примечание – Составлено автором по данным анализа публикаций в Научной электронной библиотеке. – URL: <https://elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения: 04.05.2021).

Рисунок 7 – Распределение количества упоминаний понятия «регуляторная среда» по отраслевой специфике в научных публикациях РИНЦ, ед.

В 2018–2019 гг. происходит резкий всплеск, обусловленный вхождением данного понятия в употребление в органах власти, в том числе в раздел в Национального рейтинга состояния инвестиционного климата субъектов РФ, с последующим снижением публикационной активности в 2020 г. В 2019 г. основная часть публикаций была посвящена регуляторной среде цифровой экономики, что обусловлено запуском национального проекта «Цифровая экономика» во исполнение указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.», включающего федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды».

В подавляющем большинстве случаев (80 %) российские экономисты рассматривают регуляторную среду национального уровня, в 20 % публикаций затрагивается региональный масштаб. Данная статистика лишь подтверждает, что «институциональная тематика до сих пор занимает в российских исследованиях пространственного развития очень небольшое место»¹.

В научных публикациях за период по 2020 г. словосочетание «институциональная среда» в названии, аннотации или ключевых словах встречается в 7 593 источниках, входящих в РИНЦ. Данная ситуация объясняется, по мнению автора, во-первых, тем, что «регуляторная среда» является производным понятием (более узконаправленным), во-вторых, формированием интереса российских экономистов именно к институциональным условиям как внутреннему фактору развития в кризисный период в рамках исчерпания экстенсивных источников роста.

Несмотря на широкое применение понятия «регуляторная среда» и в заголовках, и в качестве объекта исследования, его прямое толкование в российских публикациях за период до 2021 г., содержащихся в РИНЦ, встречается всего лишь семь раз (приложение Б). При этом используемые определения, по мнению автора исследования, описывают отдельные элементы или признаки понятия «регуляторная среда», сосредоточены преимущественно на формальных институтах взаимодействия бизнеса и власти, кроме того, отсутствует интерпретация содержа-

¹ Зубаревич Н. В. Региональное развитие и институты: российская специфика // Региональные исследования. – 2010. – № 2 (28). – С. 4.

ния этого понятия на региональном уровне. Частое использование в российском научном и политическом сообществе словосочетания «регуляторная среда» без конкретизации его определения дает дополнительные основания относиться к ней именно как к концепту в определенном ранее смысле.

В целом, исходя из контекста научных публикаций, можно разделить подходы к содержанию понятия «регуляторная среда» на семь групп (рисунок 8) в зависимости от того, включаются ли в нее исключительно правовые нормы или иные механизмы, а также от объекта воздействия среды. При этом качество государственных услуг для бизнеса применяется как составляющая регуляторной среды только с 2018 г., что обусловлено отсылкой к Национальному рейтингу состояния инвестиционного климата в субъектах РФ, исходя из анализа текстов статей.

Примечание – Составлено автором по данным анализа публикаций в Научной электронной библиотеке. – URL: <https://elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения: 04.05.2021).

Рисунок 8 – Подходы к содержанию понятия регуляторная среда в научных публикациях в источниках, входящих в РИНЦ

Обобщая изложенное, автор предлагает следующее определение: **региональная регуляторная среда** – это институциональные условия ведения и развития предпринимательской деятельности в экономическом пространстве региона, выраженные в синергии системы правовых норм, механизмов поощрения и принуждения, а также устойчивых ценностей и практик взаимодействия предпринимателей друг с другом, обществом и властью.

Далее в работе в качестве равнозначных будут использоваться словосочетания «региональная регуляторная среда», «регуляторная среда региона», а также «регуляторная среда субъекта РФ» в случаях, когда речь будет идти непосредственно о региональной регуляторной среде в пространстве конкретных субъектов РФ.

Авторская трактовка, в отличие от складывающихся в российской научной литературе подходов, предлагает более комплексное содержание понятия (в части сочетания формальных и неформальных институциональных условий), позволяющее более адекватно описывать ситуацию в тех или иных субъектах РФ.

Углубляясь в содержание дефиниции «регуляторная среда», автор отвечает на следующие ключевые вопросы:

- кто и из каких элементов формирует регуляторную среду региона;
- что является предметным полем воздействия регуляторной среды региона;
- какими системными свойствами обладает регуляторная среда региона?

1. Кто и из каких элементов формирует регуляторную среду региона?

Регуляторная среда субъекта РФ выступает подсистемой национальной регуляторной среды, поскольку на территории России федеральное законодательство имеет бóльшую юридическую силу, а также региональные предприниматели вступают во взаимодействие как с местными, так и с федеральными властями и предпринимателями. По мнению В. Л. Тамбовцева, региональная институциональная среда может «либо развивать и уточнять (детализировать)» национальные институты, либо дополнять их «в тех сферах, которые не регламентируются» центральными органами власти¹. В то же время региональная регуляторная среда как под-

¹ Тамбовцев В. Л. Устойчивое региональное развитие: актуальные направления институционального анализа // Журнал институциональных исследований. – 2019. – Т. 11, № 3. – С. 108.

система включает локальные неоднородности, формирующиеся в отдельных муниципальных образованиях или территориях опережающего развития.

Формальная составляющая регуляторной среды формируется из механизмов принуждения и поощрения, применяемых органами власти для соблюдения регуляторных требований и реализации заявленных в регуляторных документах целей, а также нормативного государственного регулирования различного уровня (рисунок 9), при этом такие нормы обладают различной силой и направлением воздействия.

Формальная составляющая региональной регуляторной среды	
<ul style="list-style-type: none"> • Конституция РФ. • Федеральный закон о защите прав предпринимателей. • Уголовный кодекс, Кодекс об административных правонарушениях. • Земельный, Трудовой, Таможенный, Градостроительный кодексы. <ul style="list-style-type: none"> • Федеральные законы о промышленной и о научно-технической политике. • Стратегия экономической безопасности РФ. • Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг. • Федеральные отраслевые стратегии, законы и подзаконные акты 	<ul style="list-style-type: none"> • Региональные стратегии социально-экономического развития. <ul style="list-style-type: none"> • Региональные законы о промышленной политике и инновационной деятельности. • Региональный Кодекс об административных правонарушениях. • Региональные отраслевые законы и подзаконные акты

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 9 – Нормативная составляющая региональной регуляторной среды

Конституция РФ, федеральные кодексы, долгосрочные стратегии развития страны генерируют общее направление регулирования и являются актами высшей силы. Так, Президент России В. В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию в 2018 г. отмечал: «Нормы уголовного права должны жестко действовать в отношении преступлений против интересов граждан, общества, экономических свобод»¹. По оценкам отдельных экспертов, федеральная составляющая институ-

¹ Послание Президента России В. В. Путина Федеральному Собранию в 2018 г. // Российская газета. – 2018. – № 7509. – С. 1.

циональной среды составляет более 70 %¹. Среди актов субъектов РФ ключевым системообразующим документом выступает стратегия социально-экономического развития региона, задающая общее направление развития нормативной базы.

Принимаемое отраслевое федеральное законодательство не должно противоречить более значимым установкам, содержащимся в ранее перечисленных документах, однако на практике это зачастую не так². Кроме того, как отмечает ряд исследователей (В. И. Авдийский³, А. В. Чадаев⁴, М. С. Шклярчук, Д. Б. Цыганков⁵ и др.), «своего рода традицией становится создание „незавершенного“ регулирования, количество отсылочных и бланкетных норм во многих из принимаемых в последние годы законов достигает нескольких десятков, делегируя все новые и новые полномочия на уровень исполнительной власти»⁶, а «государственные органы стремятся к бесконтрольному расширению своей власти и функций»⁷. В юридической науке подобная тенденция получила название «законодательной инфляции»⁸. Разрастание законодательной базы характерно не только для российской практики, но и для иных государств⁹. Содержательная конструктивная про-

¹ Котлярова С. Н. Формирование и развитие региональных институтов // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2014. – № 3 (27). – С. 100.

² Наиболее ярким примером служит сфера контрольно-надзорной деятельности, в которой, несмотря на наличие основополагающего Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ и Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ, на протяжении многих лет наблюдается разрозненная практика правоприменения, включая наличие различных видов регионального контроля в разных субъектах РФ.

³ Авдийский В. И. Экономический анализ права // Вестник Финансового университета. – 2012. – № 2. – С. 101–107.

⁴ Чадаев А. В. Константы русской политической культуры: сб. – М.: Европа, 2007. – 96 с.

⁵ Шклярчук М. С., Цыганков Д. Б. Перегрузка матрицы: как избавить бизнес и общество от ненужных правил // РБК. – URL: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/26/09/2017/59ca24239a7947371d080a9b> (дата обращения: 12.10.2017).

⁶ Регуляторная политика в России: основные тенденции и архитектура будущего: монография / А. Е. Голодникова, А. А. Ефремов, Д. В. Соболев и др. – М.: Высшая школа экономики, 2018. – С. 14.

⁷ Авдийский В. И. Экономический анализ права // Вестник Финансового университета. – 2012. – № 2. – С. 105.

⁸ Ковалева Т. К. «Законодательная инфляция» в современном юридическом дискурсе и некоторые способы ее преодоления // Вестник университета. – 2014. – № 1. – С. 246–249.

⁹ Malyshev N. Regulatory policy: OECD experience and evidence // Oxford review of economic policy. – Vol. 22, no. 2. – P. 274–299.

тиворечивость и избыточность правового поля сопровождается идеологическим разнобоем, «правовым и правоприменительным хаосом в понимании и применении справедливости»¹.

Разрабатываемые на следующем – региональном – уровне регулирующие акты зачастую носят фрагментарный характер и могут выпадать из общей канвы. В целом воздействие правовых норм на экономику должно быть направлено на повышение общественного благосостояния, качества жизни населения, обеспечение высокого уровня внутреннего валового продукта путем устремления экономической деятельности в русло нового технологического уклада и новой индустриализации. Способность регуляторной среды обеспечивать соответствующее воздействие и фактические направления такого воздействия в субъектах РФ определяют эффективность регуляторной среды и будут рассмотрены автором в следующих разделах исследования, а также будет уточнено понятие общественного благосостояния в рамках новой экономической парадигмы.

Неформальные институциональные условия определяют поведение индивидов в микромасштабе и в целом воздействуют на ход развития экономики, или, как сказал профессор О. С. Сухарев: «...если некоторые установки экономической политики и цели обществ стали правилом, то эти правила, хочется это признать или нет, но создают вектор движения»². Актуальность включения неформальных отношений в экономический анализ для прогресса экономической теории обосновал еще в 1980-х годах американский социолог-теоретик Джеймс Коулман, один из авторов концепта социального капитала. Он видел проблему в следующем: «Экономисты могут моделировать поведение на уровне индивидов, но редко способны совершить адекватный переход к поведению системы, образованной этими индивидами», без учета «социальной организации доверия»³.

¹ Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика. – М.: Юстицинформ, 2017. – С. 27.

² Сухарев О. С. Экономический рост, институты и технологии: монография. – М.: Финансы и статистика, 2014. – С. 69.

³ Coleman J. S. Introducing social structure into economic analysis // The American economic review. – 1984. – Vol. 74, no. 2. – P. 84.

Экспликация неформальной регуляторной среды субъекта РФ представлена на рисунке 10. Поскольку неформальные институциональные условия формируются именно в обществе, закрепляя нормы взаимодействия, то в качестве основания для экспликации автором выбраны направленность (с кем взаимодействует предприниматель) и характер (положительный или отрицательный результат, наблюдаемый для общества) такого взаимодействия. Таким образом, неформальные институты сгруппированы в шесть блоков.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 10 – Экспликация неформальной регуляторной среды субъекта РФ

Среди практик взаимодействия предпринимателей с органами власти, действующими на территории региона¹, выделены институты защиты и кооперации

¹ К органам власти, действующим на территории региона, отнесены органы власти субъектов РФ, органы местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории субъекта РФ, территориальные органы федеральных органов власти, полномочный представитель Президента РФ в федеральном округе, в который входит субъект РФ.

(уполномоченный по защите прав предпринимателей, оценка регулирующего воздействия, публичная отчетность и гласность, общественный контроль¹, государственно-частное партнерство) и практики негативного воздействия (коррупция, административное давление, преследование, лоббирование, кумовство, слияние власти и криминала, нелегальная деятельность).

Практики взаимодействия «предприниматель – предприниматель» можно разделить на позитивные и негативные: добросовестная/недобросовестная конкуренция, кооперация/оппортунизм, союзы (направленные на защиту интересов и прав предпринимателей, объединенных по критерию отрасли, размеру, территориальной принадлежности и пр.)/картели (сговор), «откаты», рейдерство, промышленный шпионаж и «пиратство» (использование объектов интеллектуальной собственности без разрешения правообладателя).

По отношению к обществу отношения могут выстраиваться конструктивные, доверительные или деструктивные, оппортунистические. Под обществом понимается несколько групп, с которыми взаимодействует предприниматель: потребители, работники и население, которое испытывает экстерналии от деятельности организаций.

В генерации регуляторной среды субъекта РФ могут принимать участие:

- федеральные органы законодательной и исполнительной власти;
- исполнительный орган власти субъекта РФ, уполномоченный за проведение единой государственной экономической политики на территории региона (как правило, данный орган является уполномоченным в сфере оценки регулирующего воздействия (далее также – ОРВ));
- законодательные и исполнительные органы власти субъекта РФ – разработчики проектов НПА;
- уполномоченный по защите прав предпринимателей субъекта РФ;
- научные и учебные организации;

¹ Проведение общественного контроля реализуется в рамках Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» и подзаконных актах субъектов РФ.

- предпринимательское сообщество, в том числе бизнес-объединения и отраслевые союзы, крупные организации-лоббисты;
- население субъекта РФ, в том числе общественные структуры и объединения, союзы потребителей и профсоюзы;
- средства массовой информации.

Распределение функциональных ролей между акторами и их активность являются факторами функционирования регуляторной среды и будут описаны в следующих разделах.

2. Что является предметным полем воздействия регуляторной среды региона?

Исходя из авторского определения регуляторная среда через установленные нормы задает акторам рамки поведения в экономическом пространстве региона и, как следствие, влияет на экономический результат их деятельности.

Отдельные аспекты взаимовлияния права и экономики затрагивались еще в трудах Томаса Гоббса¹ (взаимосвязь экономической и правовой систем), Давида Юма² (необходимость правовых ограничений для эффективного сотрудничества), Адама Смита³ (право как необходимое условие общественного блага), Иеремии Бентама⁴ (первые работы по анализу уголовного права), Торстейна Веблена⁵ и Джона Коммонса⁶ (применение экономических подходов к изучению общественных явлений) и других экономистов.

В качестве концептуальной основы данного исследования автор опирается на позицию Вальтера Ойкена, основоположника социального рыночного хозяйства, и его единомышленников, что если «политико-экономические и правовые

¹ Hobbes T. Leviathan or the matter, forme and power of a common-wealth ecclesiasticall and civil. – London: A. Crooke, 1651. – 396 p.

² Hume D. An enquiry concerning the principles of morals. – London: A. Millar, 1751. – 253 p.

³ Smith A. Lectures on justice, police, revenue and arms (1766). – Oxford: Clarendon Press, 1896. – 293 p.

⁴ Bentham J. An introduction to the principles of morals and legislation. – Oxford: Clarendon-Press, 1823. – 378 p.

⁵ Veblen T. The theory of the leisure class: an economic study of institutions. – New York: Macmillan, 1899. – 404 p.

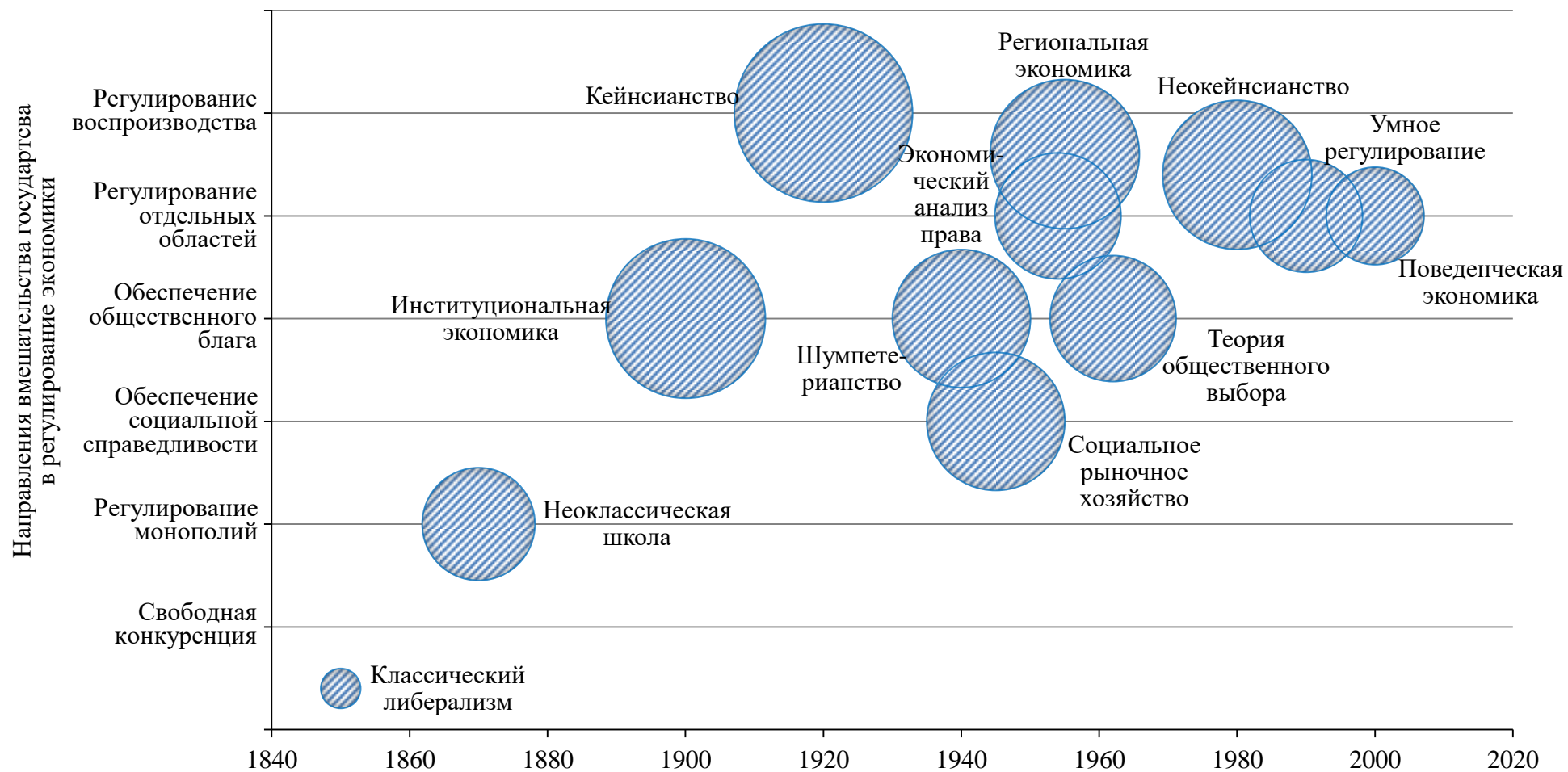
⁶ Commons J. R., Andrews J. B. Principles of labor legislation. – New York: Harper, 1916. – 524 p.

решения» не будут основываться на знании принципов экономической деятельности и систематическом анализе экономики, то это ввергнет «упорядоченную регулирующую систему в состояние хаоса»¹.

Однако в экономической науке остается открытым вопрос об оптимальном охвате экономического пространства государственным регулированием, масштабах и глубине регуляторной среды. Представления о регуляторной политике, отвечающие на поставленный вопрос, в различных экономических теориях проанализированы автором в приложении В. Трансформация представлений о необходимом уровне вмешательства государства в регулирование экономики отражена на рисунке 11.

Диаграмма отражает движение экономической мысли по принципу маятника от представлений об абсолютной свободной конкуренции до максимального регулирования государством экономики (путь от классического либерализма середины XIX века до кейнсианства в начале XX века) и обратно по пути сокращения вмешательства государства (шумпетерианство и следующие научные течения с середины XX века), от узкого регулирования отдельных вопросов (монополии в неоклассической школе, социальная справедливость в теории социального рыночного хозяйства, провалы рынка в теории общественного выбора) к осознанию сложности и взаимосвязанности общественных отношений и необходимости многогранного регулирования (экономический анализ права, региональная экономика, «умное» регулирование). В итоге «положением равновесия» становится представление о необходимости всестороннего охвата регулированием всего комплекса социально-экономического развития территории, но с минимизацией вмешательства, сосредоточенного преимущественно на формировании условий для эффективного функционирования и развития (саморазвития) общества и экономики.

¹ Бём Ф., Ойкен В., Гроссман-Дёрт Г. Наша задача (Ордо-манифест) // Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России / под ред. Р. М. Нуреева и др. – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – С. 22.

Примечание – Составлено автором. Площадь круга пропорциональна условному объему вмешательства государства в экономическую деятельность.

Рисунок 11 – Хронология трансформации представлений о необходимом объеме и направлениях вмешательства государства в регулирование экономики

Институционалисты показали, как нормы пронизывают все общественные отношения, в том числе экономические, и обосновали необходимость правил, целью которых является «обеспечение осуществления отношений взаимного обмена»¹, для появления и поддержания конкурентного рынка². Ряд исследователей обосновали значимость государства в технологической революции и успешной индустриализации, объясняя невозможность масштабных трансформаций разрозненными инновациями в частном секторе³, а также сопротивлением господствующего класса капиталистов, элиты, регулирующей капитал, «трансформации средств производства» и процессу перераспределения капитала⁴. Российско-американский социолог П. А. Сорокин⁵ и авторы теории конвергенции в середине XX века предлагали интегрировать преимущества капиталистической и социалистической систем, отказавшись от их пороков, а именно объединить централизованное планирование с рыночной конкуренцией, государственную собственность в инфраструктурных и базовых отраслях с частным предпринимательством в остальной экономике, социалистическую идеологию с возможностями личного обогащения.

Теоретические выводы экономистов об оптимальном уровне регулирования подтверждаются на практике тем, что страны, выбравшие соответствующий подход, демонстрируют высокие показатели социально-экономического развития и конкурентоспособности.

Предметное поле для воздействия регуляторной среды в субъекте РФ ограничено вопросами собственного и совместного с РФ ведения субъектов РФ, ока-

¹ Монбриаль Т. де. Действие и система мира / пер. с фр. В. М. Володина. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 368.

² Abolafia M. Markets as cultures: an ethnographic approach // The law of markets / ed. by M. Callon. – Oxford: Blackwell, 1998. – P. 70–71.

³ См., например: Polanyi K. The great transformation. – New York: Rinehart, 1944. – 317 p.; Антонов В. И. Ли Куан Ю – отец «сингапурского чуда» // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2009. – № 2. – С. 62–76; Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований: монография / Т. А. Полякова, А. В. Минбалева, Р. В. Амелин и др. – М.: Ин-т государства и права РАН, 2020. – 340 с.

⁴ Evans P. V., Rueschemeyer D., Skocpol T. Bringing the state back in: new perspectives on the state as institution and social actor. – New York: Cambridge University Press, 1985. – P. 44.

⁵ Сорокин П. А. Социологические теории современности: специализированная информация по общеакадемической программе «Человек, наука, общество: комплексное исследование». – М.: ИНИОН, 1992. – 193 с.; Сорокин П. А. Система социологии. – М.: Астрель, 2008. – 1003 с.

зывающими прямое влияние на хозяйственную деятельность со стороны региональных органов власти (приложение Г). Также предметное поле конкретизируется в законодательстве об ОРВ – в процедуре оценки воздействия на предпринимательскую деятельность и социально-экономическое состояние общества регуляторных проектов актов.

С 1 января 2014 г. все субъекты РФ стали обязаны¹ проводить ОРВ проектов НПА субъектов РФ, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской деятельности². С 1 января 2016 г. произошло сужение круга НПА, подлежащих обязательной оценке. Так, на региональном уровне ОРВ стали проходить проекты актов, устанавливающих новые или изменяющих ранее предусмотренные обязанности и ответственность для хозяйствующих субъектов, за исключением проектов законов субъектов РФ³:

- устанавливающих, изменяющих, приостанавливающих, отменяющих региональные налоги, а также налоговые ставки по федеральным налогам;
- регулирующих бюджетные правоотношения.

В 2019 г. из предметного поля оценки были исключены вопросы регулирования цен (тарифов) на продукцию и торговые надбавки, а также проекты НПА, разработанные в целях ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера на период действия режимов чрезвычайных ситуаций⁴.

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и ст. 7 и 46 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» по вопросам оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и экспертизы нормативных правовых актов: федер. закон от 2 июля 2013 г. № 176-ФЗ.

² ОРВ проектов федеральных НПА началась в 2011 г., но порядок ее проведения был утвержден лишь в преддверии 2013 г. постановлением Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1318. Последовательность развития института ОРВ на локальные уровни была установлена подпунктом «д» п. 2 указа Президента России от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»: с 2014 г. – охват субъектов РФ, с 2015 г. – распространение ОРВ на муниципальном уровне.

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и экспертизы нормативных правовых актов: федер. закон от 30 декабря 2015 г. № 447-ФЗ.

⁴ О внесении изменения в ст. 26.3-3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»: федер. закон от 1 мая 2019 г. № 94-ФЗ.

Такой подход соответствует толкованию регуляторной политики, предложенному автором ранее, согласно которому налоговая и регуляторная политика соотносятся как равноуровневые множества, а не содержат одна другую.

В 2021 г. предметное поле оценки было расширено на иную экономическую деятельность, обособлено проведение оценки в отношении проектов НПА субъектов РФ, устанавливающих обязательные требования, проверяемые в рамках регионального государственного контроля¹.

Неформальные отношения и практики взаимодействия накладывают дополнительные ограничения на рамки поведения предпринимателей. В случае наличия сильных позитивных институциональных условий (например, высокого уровня честности самих предпринимателей, открытости и доброжелательности органов власти и населения) эти рамки сужаются, моральные и этические принципы подталкивают предпринимателя к максимально общественно полезной деятельности. В противном случае (например, существование коррупции, недобросовестной конкуренции, лоббирования, оппортунизма поставщиков и покупателей) рамки расширяются, предприниматель может идти на осознанные нарушения установленных формальных требований в целях покрытия издержек негативных взаимодействий (требования взятки, неоплаты товаров или работ и пр.). В этом проявляется синергия формальных и неформальных институтов как составляющих регуляторной среды.

3. Какими системными свойствами обладает регуляторная среда региона?

В завершение экспликации автор аккумулирует для изучаемого объекта следующие системные свойства, сформулированные им для систем мезоуровня (ряд характеристик будет раскрыт более глубоко в следующих разделах исследования):

- целостность;
- целенаправленность (наличие цели функционирования системы);
- полифункциональность (выполнение ряда функций);
- многоаспектность оценок эффективности (широкий спектр критериев оценки процессов внутри системы и результатов ее деятельности в целом);

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»: федер. закон от 11 июня 2021 г. № 170-ФЗ.

- открытость (наличие потоков информации, ресурсов с иными системами, возможность входа и выхода структурных единиц);
- своеобразие (наличие отличий от других аналогичных систем, в том числе дисфункций и недостатков);
- гетерогенность структуры (разнородность элементов и их функций);
- иерархичность (встраивание системы регионального (мезо-) уровня в национальную (макро-) уровня с включением в себя локальных (микро-) систем, наличие подсистем, элементов, взаимосвязей и взаимозависимостей между ними);
- определенная самостоятельность отдельных структурных элементов;
- динамичность (интенсивное количественное и качественное преобразование);
- способность к самоорганизации и саморазвитию (существуют имманентные законы эволюции системы, система может развиваться за счет имеющегося потенциала собственных ресурсных возможностей).

Наличие указанных свойств регуляторной среды региона (в частности, открытость, сложность структуры, динамичность состояния с наличием различных устойчивых конфигураций) позволяет отнести ее к объектам, исследуемым в синергетике – науке о самоорганизующихся системах, и применять соответствующий инструментарий для исследования регуляторной среды.

1.3 Влияние региональной регуляторной среды на предпринимательскую деятельность и развитие социально-экономической системы региона

В центре внимания многих теорий экономического роста находятся факторы, влияющие на темпы роста. Обзор развития представлений о факторах экономического роста в научных теориях представлен в приложении Д. Первые класси-

ческие модели (теория бесконечного экономического роста А. Смита¹, теория сравнительных издержек Д. Рикардо², теория сравнительных преимуществ Хекшера – Олина³), рассматривающие развитие на основе специализации производства и экономии на издержках за счет нее, не могли в полной мере объяснить причины экономического роста различных территорий и быть фальсифицированы на практике, что приводило к поиску новых драйверов. Кейнсианская модель макроэкономического равновесия⁴ и разработанные на ее основе некейнсианские модели динамического равновесия⁵ поставили во главу угла инвестиции и нормы сбережения. Однако в действительности выводы указанных концепций нарушались, что способствовало смещению внимания на составляющие производственной функции и развитию теорий экзогенного роста (модель Рамсея – Касса – Купманса⁶, модель Солоу⁷, модель Мэнкью – Ромера – Вейла⁸). Сторонники теории эндогенного роста⁹ утверждали первостепенную значимость внутренних факторов, прежде всего человеческого капитала, а представители институциональной экономики

¹ Smith A. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations (1776). – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 618 p.

² Ricardo D. On the principles of political economy and taxation. – Cambridge: Cambridge University Press, 1951. – 603 p.

³ Heckscher E. The effect of foreign trade on the distribution of income // *Ekonomisk Tidskrift*. – 1919. – Vol. 21. – P. 497–512; Ohlin B. Interregional and international trade. – Cambridge: Harvard university press, 1933. – 617 p.

⁴ Keynes J. M. The general theory of employment, interest and money. – London: Macmillan, 1936. – 404 p.

⁵ Domar E. D. Capital expansion, rate of growth, and employment // *Econometrica*. – 1946. – Vol. 14, no. 2. – P. 137–147; Harrod R. F. Towards a dynamic economics: some recent developments of economic theory and their application to policy. – London: Macmillan, 1942. – 168 p.

⁶ Ramsey F. P. A mathematical theory of saving // *The Economic Journal*. – 1928. – Vol. 38, iss. 152. – P. 543–559; Cass D. Optimum growth in an aggregative model of capital accumulation // *The Review of economic studies*. – 1965. – No. 32. – P. 233–240; Koopmans T. C. On the concept of optimal economic growth. – New Haven: Yale University Press, 1963. – 39 p. – (Cowles Foundation Discussion Paper, no. 163).

⁷ Solow R. M. A contribution to the theory of economic growth // *Quarterly journal of economic*. – 1956. – Vol. 70. – P. 65–94.

⁸ Mankiw G., Romer D., Weil D. Contribution to the empirics of economic growth. – Washington: National Bureau of Economic Research, 1990. – 48 p. – (NBER Working Paper, no. 3541).

⁹ Siebert H. Regional economic growth theory and policy. – Scranton: International Textbook Co., 1969. – 217 p.; Schultz T. W. Investment in human capital: the role of education and of research. – New York: Free Press, 1971. – 272 p.; Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия = *Theorie der wirtschaftlichen entwicklung*. Capitalism, socialism and democracy / пер. с нем. В. С. Автономова и др. – М.: Эксмо, 2007. – 540 с.

настаивали на главенстве институтов. Следует выделить обособленную группу теорий регионального роста, изучающих неоднородность экономического пространства, процессы диффузий инноваций и регионального развития (модель «ядро – периферия» Г. Мюрдаля¹, концепция «полюсов роста» Ф. Перру², Р. Будвиля³, модель осей развития П. Потье⁴, теория «центр – периферия» Дж. Фридмана⁵, модель диффузии нововведений Т. Хагерстранда⁶, теорию агломераций П. Кругмана⁷, модель модернизации теории размещения производства М. Фуджиты⁸).

Ведущие российские ученые (академик С. Ю. Глазьев⁹, профессор С. Д. Бодрунов¹⁰, профессор О. С. Сухарев¹¹, профессора И. М. Голова и А. Ф. Суховой¹²) в качестве факторов роста в условиях новой реальности выделяют капитал, технический прогресс, человеческий капитал и институты.

Разные теории и модели делают акценты на различных факторах роста, в то время как в реальном мире эти факторы действуют одновременно в разных соотношениях и тесно коррелируют друг с другом. Так, профессор О. С. Сухарев показывает, что «явным образом в современном мире появление новых технологий, техники зависит не только от старой техники и технологий, но и от накопленных

¹ Myrdal G. Economic theory and undeveloped regions. – London: Duckworth, 1957. – 167 p.

² Perroux F. Economic space: theory and applications // Quarterly journal of economics. – 1950. – Vol. 64, no. 1. – P. 89–104.

³ Boudeville J. Les espaces économiques. – Paris: PUF, 1970. – 126 p.

⁴ Pottier P. Axes de communication et développement économique // Revue économique. – 1963. – Vol. 14, no. 1. – P. 58–132.

⁵ Friedmann J. Regional development policy: a case study of Venezuela. – Cambridge: MIT Press, 1966. – 279 p.

⁶ Hägerstrand S. T. E. Innovation diffusion as a spatial process. – Chicago: The University of Chicago Press, 1967. – 357 p.

⁷ Krugman P. Increasing returns and economic geography // Journal of political economy. – 1991. – No. 99. – P. 483–499.

⁸ Fujita M., Mori T. Structural stability and evolution of urban systems // Regional science and urban economics. – 1996. – No. 27. – P. 4–5.

⁹ Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития: монография. – М.: ВладДар, 1993. – 310 с.

¹⁰ Бодрунов С. Д. Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты // Экономическое возрождение России. – 2016. – № 2 (48). – С. 5–14.

¹¹ Сухарев О. С. Экономический рост, институты и технологии: монография. – М.: Финансы и статистика, 2014. – 458 с.; Сухарев О. С. Экономическая политика – институциональный механизм: монография. – 2-е изд., перераб. – М.: Ленанд, 2018. – 542 с.

¹² Голова И. М., Суховой А. Ф. Инновационно-технологическое развитие промышленных регионов в условиях социально-экономической нестабильности // Экономика региона. – 2015. – № 1 (41). – С. 131–144.

знаний, а также от системы институтов, которые либо позволят, либо не позволят осуществить наращение технологического знания и его использование в новых разработках»¹, а перуанский экономист и общественный деятель, применявший институциональный подход в рамках экономических реформ, Э. де Сото пишет: «Технический прогресс, накопление сбережений, инвестиции в человеческий капитал, снижение транспортных расходов, экономия на увеличении масштабов производства... Ни одна из упомянутых причин не объясняет, почему в некоторых странах люди более склонны к внедрению новшеств, более экономны, работают с большей производительностью и готовы идти на больший экономический риск»².

Автор разделяет позицию большинства современных исследователей, что регионы, в пространстве которых активно разрабатываются и внедряются инновации, обеспечивают устойчивое экономическое развитие в долгосрочной перспективе³. Этот тезис подтверждается на практике: инновационность обеспечивает конкурентоспособность региона⁴, «страны с наилучшими показателями уровня развития инноваций демонстрируют также завидную экономическую стабильность»⁵. Вместе с тем Россия, несмотря на осознание ключевыми активно-деятельными образованиями (органы власти, крупные корпорации и бизнес-объединения) исчерпания потенциала сырьевой стратегии развития и декларирование перехода

¹ Сухарев О. С. Экономический рост, институты и технологии: монография. – М.: Финансы и статистика, 2014. – С. 14.

² De Soto H. The other path: the invisible revolution in the third world. – New York: Harper & Row, 1989. – 271 p.

³ Вместе с тем исследователи описывают отдельные ситуации экономического роста в рамках исключительно консервативной модели поведения агентов, а отнюдь не инновационной, связанной с внедрением новых технологий (Сухарев О. С. Экономическая политика – институциональный механизм: монография. – 2-е изд., перераб. – М.: Ленанд, 2018. – 542 с.), а также проявление большей устойчивости в кризисных ситуациях дотационных регионов, стабильно финансируемых федеральным центром (Klimanov V. V., Kazakova S. M., Mikhaylova A. A. Economic and fiscal resilience of Russia's regions // Regional science policy and practice. – 2020. – Vol. 4. – P. 627–640). Автор полагает, что подобные примеры могут наблюдаться на коротких интервалах времени, в то время как обеспечить долгосрочный экономический рост все же могут только территории – генераторы технологических инноваций.

⁴ Некрасов В. И. Инновационность в системе обеспечения конкурентоспособности территорий // Проблемы региональной экономики. – 2020. – № 3–4. – С. 92.

⁵ Голова И. М., Суховой А. Ф. Инновационно-технологическое развитие промышленных регионов в условиях социально-экономической нестабильности // Экономика региона. – 2015. – № 1 (41). – С. 133.

на инновационный путь с одновременным созданием инновационной инфраструктуры¹, так и не смогла преодолеть технологический разрыв с развитыми странами, встать на рельсы пятого и шестого технологического укладов.

В первую очередь локомотивами инновационного развития остаются традиционно-промышленные регионы. Но даже среди них отдельные регионы демонстрируют бóльшие успехи в решении этой задачи по сравнению с другими. Исследователи, занятые объяснением данных различий и поиском ключа для перехода к инновационному типу экономики, не пришли к единому суждению. Ряд экспертов говорит о значимости финансирования науки и доступности инвестиций (В. В. Климанов², А. И. Ракитов³), другие делают упор на институциональную среду (Я. Корнай⁴, Е. А. Ляшенко⁵, П. А. Минакир⁶, А. С. Новоселов⁷, Е. В. Попов⁸, Э. де Сото⁹, П. Эванс¹⁰) и человеческий фактор (П. Кругман¹¹, О. С. Сухарев¹²,

¹ См. подробнее, например: Рахмеева И. И. Региональные особенности развития и пространственной организации производственной инновационной инфраструктуры: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Екатеринбург, 2015. – 180 с.

² Климанов В. В., Казакова С. М., Михайлова А. А. Ретроспективный анализ устойчивости регионов России как социально-экономических систем // Вопросы экономики. – 2019. – № 5. – С. 46–64.

³ Ракитов А. И. Прогноз развития науки и технологии в России на период до 2025 г. // Вестник Российской академии наук. – 1998. – Т. 68, № 8. – С. 53.

⁴ Корнай Я. Инновации и динамизм: взаимосвязь систем и технического прогресса // Вопросы экономики. – 2012. – № 4. – С. 19.

⁵ Ляшенко Е. А. Опыт и проблемы формирования региональной институциональной среды функционирования технопарковых структур // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2018. – Т. 7, № 3 (24). – С. 172.

⁶ Минакир П. А. Шоки и институты: парадоксы российского кризиса // Пространственная экономика. – 2016. – № 1. – С. 8.

⁷ Новоселов А. С., Маршалова А. С., Ждан Г. В. Роль институциональной системы управления в реализации комплексного подхода к развитию территории // Регион: экономика и социология. – 2018. – № 1 (97). – С. 3.

⁸ Попов Е. В., Лавров И. В. Институты экономики благосостояния: теория и методология // Социум и власть. – 2009. – № 3 (23). – С. 66–71; Попов Е. В., Веретенника А. Ю., Омонов Ж. К. Институциональный атлас социальных инноваций // Экономическое возрождение России. – 2017. – № 2 (52). – С. 80–96.

⁹ De Soto H. The other path: the invisible revolution in the third world. – New York: Harper & Row, 1989. – P. 154.

¹⁰ Evans P., Rauch J. E. Bureaucracy and growth: a cross-national analysis of the effects of “Weberian” state structures on economic growth // American sociological review. – 1999. – Vol. 64, no. 5. – P. 748–765.

¹¹ Кругман П. Р. Кредо либерала. – М.: Европа, 2009. – С. 5.

¹² Сухарев О. С. Экономический рост, институты и технологии: монография. – М.: Финансы и статистика, 2014. – С. 68.

О. В. Григорьев¹), указывая, что «многие открытия и технологические новинки делались „бессеребряниками“ или новаторами от природы, а также в целях решения технических задач обеспечения разделения труда»² и общечеловеческих задач (не только с целью получения прибыли). Автор данной работы полагает, что причину данного явления следует искать именно во внутренних факторах, а именно в регуляторной среде, поскольку качество институтов определяет в том числе эффективность реализации инвестиций и расходов на исследования и разработки, в то время как обратное утверждение недействительно³.

Таким образом, в рамках исследования проводится проверка гипотезы, что для традиционно-промышленных регионов внутри страны, схожих по экономико-географическим и демографическим условиям, источники роста следует искать в различиях в региональной регуляторной среде.

Институциональный фактор – система норм и правил, регулирующих взаимодействие и поведение общественных групп, определяющая степень реализации экономического потенциала, общественно значимых функций и задач.

Институциональные факторы в рамках региональной экономики мало изучены, вместе с тем, как отмечает профессор С. Г. Кирдина-Чэндлер, «для такого направления, как институциональная экономика, география становится реальным „действующим лицом“ в экономическом анализе»⁴.

Исходя из авторского определения регуляторной среды региона как системы норм, регулирующих хозяйственную деятельность, и устойчивых практик взаимодействия предпринимателей с иными экономическими акторами следует, что данная экономическая сущность является институциональным фактором.

¹ Григорьев О. В. Эпоха роста. Лекции по неэкономике. Расцвет и упадок мировой экономической системы. – М.: Карьера Пресс, 2014. – С. 273.

² Там же. – С. 279.

³ В кандидатской диссертации «Региональные особенности развития и пространственной организации производственной инновационной инфраструктуры» автором также подробно изучены факторы инновационного развития территории и раскрыта значимость институтов для создания базовых условий генерации и распространения инноваций.

⁴ Кирдина С. Г. Роль институтов и географии в экономическом развитии: актуальная полемика в гетеродоксальной экономике // Пространственная экономика. – 2016. – № 3. – С. 133–150.

За выявление взаимозависимости экономических, социальных и институциональных явлений Ф. А. фон Хайек и Г. Мюрдаль были удостоены Нобелевской премии в области экономики (1974 г.). Более того, Ф. А. фон Хайек видел истоки цивилизации в появлении частной собственности¹.

Институциональное влияние на развитие мировой экономики в целом исследовал лауреат Нобелевской премии по экономике Д. Норт, который выявил две экономические революции, связанные со скачкообразными трансформациями (точками бифуркации) регуляторной среды, – это формирование права собственности на землю и появление авторского права². Продолжая логику исследования, предложенную Д. Нортом, автор данной работы выявил более глубокую взаимосвязь коренных сдвигов в экономике и нормативном поле и предлагает рассматривать формирующиеся правовые отношения индивидов с роботизированными системами и искусственным интеллектом как третью институциональную революцию.

Учитывая общепринятое трактование скачкообразного развития экономики как смены укладов, на рисунке 12 представлено изменение структуры экономических отношений по итогам институциональных революций.

Институциональные революции продуцируются техническим прогрессом, однако не каждая промышленная революция приводит к институциональной. Первая институциональная революция была вызвана появлением орудий труда, приводивших к повышению эффективности оседлого образа жизни с сопутствующими видами деятельности по сравнению с кочевым, и формированием потребности в праве собственности. Вторая институциональная революция опосредована первой промышленной революцией, приведшей к смене трудовых и потребительских отношений, конкурентных факторов предпринимательской деятельности, вызвавших спрос на право интеллектуальной собственности. Вторая и третья промышленные революции приводили к скачкообразному повышению производительности труда, но не давали коренных сдвигов в общественной системе.

¹ Hayek F. A. von. The fatal conceit. The errors of socialism. – Chicago: The University of Chicago Press, 1988. – 194 p.

² North D. C. Institutions, institutional change and economic performance. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 159 p.

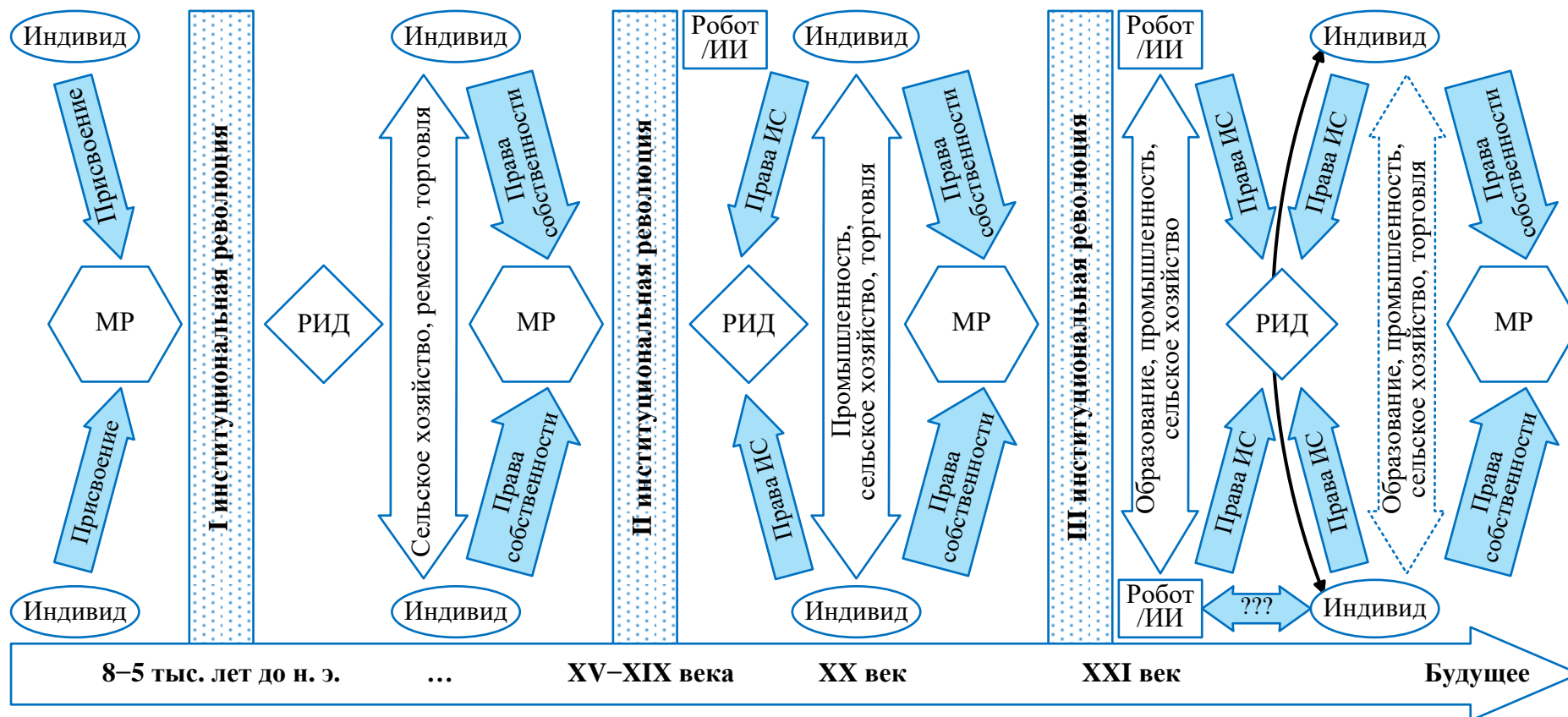

Рисунок 12 – Схема изменения структуры экономических отношений по итогам институциональных революций¹:

MP – материальные ресурсы; РИД – результаты интеллектуальной деятельности; ИС – интеллектуальная собственность;

ИИ – искусственный интеллект; – права (институты); – права в сфере взаимоотношений робота и человека;

– основные виды экономического взаимодействия; – исчезающее взаимодействие;

– платформы взаимодействия индивидов через роботов для реализации ведущих видов деятельности

¹ Анимица Е. Г., Рахмеева И. И. Третья институциональная революция и изменение структуры экономических отношений // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2020. – Т. 222, № 2. – С. 212.

Четвертая промышленная революция приводит к включению в общественные отношения роботизированных систем и искусственного интеллекта, зачастую с исключением прямых контактов индивидов в экономических отношениях. Это требует принципиально нового правового регулирования, которое лишь начинает формироваться в XXI веке. В следующем разделе будет продемонстрирована трансформация регуляторных норм вслед за технологическими укладами.

Значение институтов для развития капиталистической экономики раскрывает американский институционалист Дж. Коммонс в своем труде «Правовые основания капитализма». Он указывает базовый принцип «общего блага»: «пусть любой человек богатеет постольку, поскольку он повышает „общее благо“, а не постольку, поскольку он наживает свое частное богатство на общем благе»¹. В последнем случае происходит лишь перераспределение богатства и усиление социального расслоения общества, «уменьшение человеческого капитала», что характерно для капитализма в его традиционном виде² и ярко проявляется во многих странах в XXI веке.

Значительный вклад в данном направлении внес труд американских экономистов Д. Аджемоглу (Асемоглу) и Дж. А. Робинсона «Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты»³. Проанализировав развитие государств во всем мире за последние 10 000 лет, ученые пришли к выводу, что качество и динамика экономического роста, благополучие граждан любых стран определяются природой их экономических и политических институтов. В данной работе вводятся в научный оборот новые понятия инклюзивных (вовлекающих) и экстрактивных (извлекающих) экономических и политических институтов. Первые позволяют участвовать в прибыльной экономической деятельности значительно большему числу граждан, гарантируя неприкосновенность собственности и недопустимость ее отчуждения. Успешность функционирования

¹ Коммонс Дж. Р. Правовые основания капитализма / пер. с англ. А. Апполонова, А. Маркова; под ред. М. Одинцовой. – М.: Высшая школа экономики, 2011. – С. 250–251.

² Chorafas O. Capitalism without capital. – Hampshire: Basingstone, 2009. – 264 p.

³ Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты. – М.: АСТ, 2015. – 770 с.

данных институтов поддерживается инклюзивными политическими институтами, которые не создают возможностей для узких групп граждан регулировать развитие экономики государства в своих целях. Вторые позволяют незначительной группе граждан управлять экономикой государства для собственной выгоды, допуская отчуждение собственности в свою пользу. Они поддерживаются экстрактивными политическими институтами, которые обеспечивают контроль привилегированных групп над экономикой.

Д. Аджемоглу (Асемоглу) и Дж. А. Робинсон подчеркивают, что экономический рост возможен в условиях как инклюзивных, так и экстрактивных институтов, но динамика этого роста существенно отличается. Государства с инклюзивными институтами способствуют длительному стабильному росту, что выгодно для большинства населения, поскольку повышает уровень жизни и сокращает бедность. В условиях экстрактивных институтов экономический рост тоже возможен, хотя чаще всего недолговечен и, главное, не позволяет достичь существенного роста благосостояния для большинства населения, что создает повышенные риски из-за возможной социальной напряженности.

Неформальные институциональные условия определяют транзакционные издержки взаимодействия с государством (дополнительными издержками могут выступать взятки, расходы на юристов или частную охрану для обеспечения защиты своих прав в связи с неэффективностью, а иногда и злоупотреблениями вплоть до преследования, судов и правоохранительной системы), с контрагентами, сотрудниками и потребителями (в условиях недоверия предприниматель вынужден тратить дополнительные усилия на подготовку и обеспечение контрактов, доверие выступает «важным элементом обеспечения устойчивой рыночной позиции»¹).

Регуляторная среда как синергия формальных и неформальных институтов может иметь как экстрактивный, так и инклюзивный характер.

¹ Писарева Е. В., Сергиенко Е. С. Основные управленческие принципы формирования лояльности потребителей к брендам региональных компаний // Управление. – 2018. – Т. 6, № 3. – С. 40.

Автор данного исследования опирается на вышеназванные труды и позицию современных отечественных (С. Ю. Глазьев¹, Г. Б. Клейнер², А. Ю. Коковихин, Е. С. Огородникова³, В. А. Мау, К. Э. Яновский⁴, С. А. Сеницын⁵, О. С. Сухарев⁶ и др.) и зарубежных (С. Дьянков, К. Маклиш, Р. М. Рамало⁷, К. Дж. Будро, Р. Холком⁸, Д. Б. Аудреч, И. Грилло, А. Р. Тюрлик⁹, Дж. Коуп, С. Джек, М. Роуз¹⁰, И. Пере¹¹ и др.) ученых о высокой степени влияния регуляторной среды на процессы производства, распределения и обмена и, как следствие, на эффективность функционирования хозяйствующих субъектов и экономики в целом.

В рамках промышленных революций темпы адаптации институциональной среды играют решающую роль для ускоренного технологического прогресса. Так, по мнению многих экономистов (С. Кузнец¹², К. Фриман, К. Перес¹³, С. Ю. Глазь-

¹ Глазьев С. Ю. Великая цифровая экономика: вызовы и перспективы для экономики XXI века // Официальный сайт С. Ю. Глазьева. – URL: <https://glazev.ru/articles/6-jekonomika/54923-velikaja-tsifrovaja-revoljutsija-vyzovy-i-perspektivy-dlja-jekonomiki-i-veka> (дата обращения: 18.09.2017).

² Клейнер Г. Б. Институциональные факторы долговременного экономического роста // Экономическая наука современной России. – 2000. – № 1. – С. 5–20.

³ Коковихин А. Ю., Огородникова Е. С., Уильямс Д., Плахин А. Е. Факторы институциональной среды в оценке предпринимателем инвестиционного климата муниципального образования // Экономика региона. – 2017. – Т. 13, № 1. – С. 81.

⁴ Институциональные предпосылки современного экономического роста: монография / В. Мау, К. Яновский, С. Жаворонков, Д. Маслов. – М.: ИЭПП, 2007. – 133 с.

⁵ Сеницын С. А. Экономический анализ права и его место в цивилистической методологии // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 2. – С. 4–17.

⁶ Сухарев О. С. Институты, поведение агентов и эффективность // Журнал институциональных исследований. – 2016. – Т. 8, № 1. – С. 54–71.

⁷ Djankov S., McLiesh C., Ramalho R. M. Regulation and growth // Economic letters. – 2006. – Vol. 92, no. 3. – P. 395.

⁸ Boudreaux C. J., Holcombe R. Institutional quality and the wealth of autocrats // European Journal of Government and Economics. – 2017. – No. 2. – P. 106–125.

⁹ Audretsch D. B., Grillo I., Thurik A. R. Handbook of Research on Entrepreneurship Policy. – Cheltenham: Edward Elgar, 2007. – 41 p.

¹⁰ Cope J, Jac S., Rose M. Social capital and entrepreneurship: an introduction // International Small Business Journal. – 2007. – No. 3. – P. 213–220.

¹¹ Pere E. Impact of good governance in the economic development of Western Balkan countries // European journal of government and economics. – 2015. – Vol. 1. – P. 25–45.

¹² Kuznets S. Schumpeter's business cycles // The American economic review. – 1940. – Vol. 30, iss. 2. – P. 262–263.

¹³ Freeman C., Perez C. Structural crises of adjustment: business cycles and investment behavior // Technical change and economic theory. – London: Pinter Publishers, 1988. – P. 38–66.

ев¹, В. Е. Дементьев²), масштабные технологические инновации вызывают изменение производственных и экономических отношений, а период их перестройки тормозит внедрение следующего крупного новшества.

Из двух возможных тенденций развития предпринимательства – по пути государственного регулирования этого сектора или развитию стихийного рынка – современная экономика развивается по пути вмешательства государства, однако объем и пути такого вмешательства постоянно трансформируются (см. рисунок 11).

Раскрывая более глубоко понятие регуляторной среды как институционального фактора социально-экономического развития территории, автор ставит перед собой задачу выявить общественные группы, подверженные влиянию регуляторной среды, механизмы такого влияния, цели функционирования регуляторной среды и в результате доказать, что регуляторная среда субъекта РФ представляет собой существенную движущую силу социально-экономического развития общества в рамках конкретной территории.

1. Регуляторная среда выступает одновременно и субъектом, и объектом воздействия экономических систем и общественных групп, т. е. она формируется определенными группами акторов в зависимости от типов экономических систем и сама воздействует на экономических агентов и экономику в целом. Согласимся с утверждением профессора Д. П. Фролова, что «институты являются и причиной, и следствием социально-экономического развития, они формируют экономическое пространство и, в свою очередь, формируются им»³. Профессор С. А. Сеницын пишет: «...состояние развития имущественных отношений в конкретный исторический период определяет приоритеты и темпы законодательного развития; в свою очередь, право в зависимости от остроты и своевременности реакции на объективные запросы товарооборота может не только способствовать поступательному

¹ Глазьев С. Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. – М.: Книжный мир, 2018. – С. 264, 488.

² Дементьев В. Е. Глава 8. Длинные волны в экономике: институциональный аспект // Н. Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности: сб. ст. / под ред. Л. Е. Гринина и др. – М.: Учитель, 2017. – С. 139.

³ Фролов Д. П. Имеют ли институты значение для пространственной экономики? // Пространственная экономика. – 2015. – № 1. – С. 14.

развитию имущественных отношений, но и искусственно тормозить экономическое развитие общества, создав тем самым благоприятные условия для развития теневой экономики, спровоцировав отток инвестиций и их переориентацию в другие юрисдикции»¹. Первое указанное автором направление воздействия (общество → регуляторная среда) будет исследовано в разделе, посвященном методам управления регуляторной средой. В данном разделе внимание автора уделено именно второму направлению воздействия (регуляторная среда → общество).

Большинство исследователей, анализируя регуляторную среду региона, сосредотачивают свое внимание на взаимодействии предпринимателей и органов власти (например, работы В. В. Колегова², М. С. Шклярук, Д. Б. Цыганкова³ и др.), в отдельных исследованиях в объектив попадают наука и образование (например, труды Е. А. Ляшенко⁴). Автор полагает, что структура действий, взаимодействий и взаимовлияний в обществе сложнее, и глубокие институциональные исследования должны включать в свои модели более полную картину мира, а именно: влияние принятых в территориальном сообществе ценностей и реальных практик, общества в целом и отдельных его групп (потребителей, профсоюзов, СМИ и др.) на регуляторную среду и экономические стратегии предпринимателей.

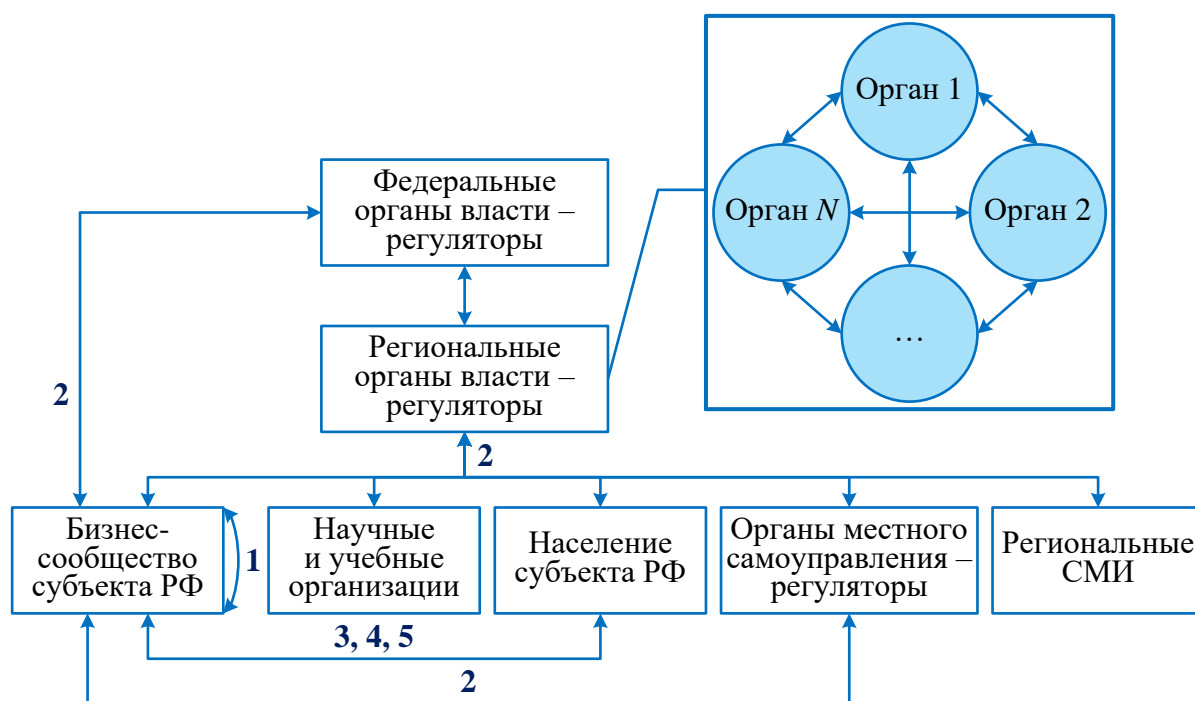
Региональная сеть, сформированная регуляторной средой, или иерархия и взаимосвязь общественных групп, подверженных воздействию регуляторной среды в пространстве региона, представлена на рисунке 13. При этом связи общественных групп подвержены как прямому правовому регуляторному воздействию, так и неформальным устоявшимся правилам взаимодействия.

¹ Сеницын С. А. Экономический анализ права и его место в цивилистической методологии // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 2. – С. 8–9.

² Колегов В. В. Особенности институционализации оценки регулирующего воздействия на региональном уровне. Опыт внедрения в Москве // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2013. – № 2. – С. 127–146.

³ Карпова П. Г., Цыганков Д. Б. Советы по оптимизации регулирования как неотъемлемый компонент «smart regulation» // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2012. – № 3. – С. 5–34; Шклярук М. С., Цыганков Д. Б. Перегрузка матрицы: как избавить бизнес и общество от ненужных правил // РБК. – URL: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/26/09/2017/59ca24239a7947371d080a9b> (дата обращения: 12.10.2017).

⁴ Ляшенко Е. А. Опыт и проблемы формирования региональной институциональной среды функционирования технопарковых структур // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2018. – Т. 7, № 3 (24). – С. 172–175.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 13 – Структура связей (сеть) общественных групп в пространстве региона

На рисунке 13 отражена роль региональных органов власти как центрального звена в регуляторной среде в пространстве региона, поскольку они коммуницируют со всеми акторами системы, выступают каналом взаимодействия элементов системы друг с другом и проводником федеральной политики на местный уровень, при этом являясь ключевым генератором регуляторной среды субъекта РФ.

Нормы регуляторного права в общем определяют правила для хозяйствующих субъектов осуществления предпринимательской деятельности, их отношений друг с другом (цифра 1 на рисунке 13), органами власти всех уровней 2, потребителями 3, работниками 4 и жителями 5. Опосредованно регуляторная среда, влияя на направление и темпы развития экономики в целом, затрагивая аспекты интеллектуальной собственности и ее коммерциализации, определяет деятельность научно-исследовательских организаций и учебных заведений по ведению научной работы и формированию кадрового потенциала экономики и, как следствие, воздействует на отношение бизнес-структур с такими организациями. Акты в сфере рекламы, раскрытия информации, защиты конкуренции и ряд других определяют

аспекты сотрудничества со СМИ; неформальные же отношения, складывающиеся в медиасфере, существенным образом могут влиять на репутацию и конкурентные преимущества бизнеса¹.

2. Автор проводит систематизацию механизмов влияния формальной регуляторной среды на акторов социально-экономической системы региона (таблица 1) на основе функционального подхода, исходя из разнообразия направлений регуляторной политики в РФ.

Таблица 1 – Перечень механизмов воздействия формальной регуляторной среды региона на экономику и экономическое поведение акторов

Направления регуляторной политики	Механизмы влияния формальной регуляторной среды на акторов социально-экономической системы региона
Общеправовое регулирование	Общие правила, порядок создания, реорганизации и упразднения организаций, системы деятельности
Программно-установочные способы	Общие и отраслевые стратегии развития
	Целевые программы
	Тематические планы, дорожные карты, паспорта проектов концепции
	Схемы градостроительного планирования и развития территорий, генпланы городов, земельный кадастр
Легализующие средства	Лицензирование
	Аккредитация
	Сертификация
Нормативно-количественные измерения	Стандарты
	Квоты, лимиты
	Тарифы, нормативы
	Таможенные пошлины
Поддержка и стимулирование деятельности	Кредиты
	Льготы, отсрочки, надбавки, поощрения
	Дотации, субсидии, трансферты
	Госзаказы, госзакупки

¹ В эпоху четвертой промышленной революции все более активную роль начинают играть «новые медиа» (в частности, блогеры, новостные сайты), которые формируют предпочтения и реакции значительной части населения страны.

Продолжение таблицы 1

Направления регуляторной политики	Механизмы влияния формальной регуляторной среды на акторов социально-экономической системы региона
Контроль, запрет и учет	Статистическая отчетность
	Проверки и иные формы контроля
	Запреты, ограничения, предписания
	Санкции, штрафы, лишение легальности
Примечание – Составлено автором.	

Механизм воздействия неформальной регуляторной среды региона на экономику и экономическое поведение акторов заключается в формировании приоритетов поведения, основанных на ценностях, и формировании ожиданий, основанных на устойчивых практиках.

3. Функции регуляторной среды в пространстве региона заключаются в обеспечении:

- прозрачности и четкости действий всех акторов и взаимодействий предприниматель – государство, предприниматель – предприниматель, предприниматель – потребитель, предприниматель – общество и снижении транзакционных издержек таких взаимодействий;

- безопасности (физической, финансовой и иной) сотрудников организаций и потребителей;

- стабильности и предсказуемости условий функционирования предприятия;

- стимулов для начала своего дела, осуществления инновационной и инвестиционной деятельности;

- долгосрочного территориально сбалансированного социально-экономического развития в пространстве региона.

На рисунке 14 автор ставит на вершину пирамиды долгосрочное социально-экономическое развитие всей территории региона, с одной стороны, как высшую и наиболее значимую роль регуляторной среды, с другой стороны, как результирующую функцию, к которой ведут любые другие задачи регуляторной политики и неформальных институтов.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 14 – Институциональные функции регуляторной среды субъекта РФ

Изучению влияния регуляторной среды на пространственное развитие региона посвящена отдельная глава исследования.

Формирование «умной» регуляторной среды в субъекте РФ не только дает быстрый эффект в виде снижения текущих издержек, увеличения прибыли предприятий, привлечения инвесторов и вовлечения в предпринимательскую деятельность большей доли экономически активного населения, но и создает условия для долгосрочного развития. Этот тезис подтверждается исследованиями таких ученых, как Д. Норт, В. А. Мау, С. Ю. Глазьев, Н. В. Лояз, С. Дьянков, С. Джейкобсон.

Нобелевский лауреат по экономике Д. Норт трактует «выпуск в экономике как функцию от количества и цен набора затраченных традиционных ресурсов (земли, труда, капитала и предпринимательских способностей)... и транзакционных издержек»¹, указывая, что институциональные условия могут выступать факторами повышения производительности экономики.

Научный коллектив под руководством Заслуженного экономиста РФ В. А. Мау, анализируя значение институтов для выхода на траекторию долгосрочного экономического роста, в том числе бизнес-климат, выражаемый авторами

¹ North D. C. Institutions and economic growth: an historical introduction // World development. – 1989. – Vol. 17, no. 9. – P. 1325.

в свободе предпринимательства и сокращении избыточного государственного регулирования, приходит к выводу, что «условия для стабильного долгосрочного экономического роста складываются по мере укоренения гарантий базовых прав»¹.

Современные исследования показывают, что неэффективное регулирование имеет негативную корреляцию с ВВП на душу населения и его волатильностью², издержками предприятий и эффективностью распределения ресурсов, темпами технологического прогресса³, динамикой рынка, производительностью труда и экономическим ростом⁴.

Несмотря на понимание значимости формирования благоприятной регуляторной среды для экономического роста правительствами большинства развитых государств⁵, в глобальном исследовании PricewaterhouseCoopers⁶ среди угроз экономического развития на первом месте стоит избыточное регулирование (over-regulation) – 42 % респондентов указали на данную проблему. Это подтверждает актуальность поиска подходов к формированию качественной регуляторной среды для конкретных территорий.

Институциональные предпосылки современного экономического роста: монография / В. Май, К. Яновский, С. Жаворонков, Д. Маслов. – М.: ИЭПП, 2007. – С. 74–75.

² Loayza N. V., Oviedo A. M., Servén L. Regulation and macroeconomic performance. – Washington: World Bank, 2004. – 44 p. – (Policy research working paper, no. 3469); Miller T., Kim A. B. 2016 index of economic freedom. Promoting Economic Opportunity and Prosperity. – Washington: The Heritage Foundation, 2016. – 500 p.

³ Djankov S., McLiesh C., Ramalho R. M. Regulation and growth // Economic letters. – 2006. – Vol. 92, no. 3. – P. 395.

⁴ Assessing the impact of regulatory management systems / S. Jacobzone, F. Steiner, E. Ponton, E. Job. – Paris: OECD Publishing, 2010. – 67 p. – (OECD working papers on public governance, no. 17).

⁵ Deighton-Smith R., Erbacci A., Kauffmann C. Promoting inclusive growth through better regulation: the role of regulatory impact assessment. – Paris: OECD Publishing, 2016. – 54 p. – (OECD regulatory policy working papers, no. 3).

⁶ The anxious optimist in the corner office. 21st CEO survey / PwC. – 2018. – URL: <https://www.pwc.co.uk/who-we-are/regional-sites/northern-ireland/insights/CEO-Survey-01.html> (дата обращения: 25.09.2021).

2 Методология и методические подходы к исследованию региональной регуляторной среды

2.1 Бифуркационная модель трансформации региональной регуляторной среды в условиях новой реальности

Парадигмальные установки диктуют методологические основы диссертационного исследования (рисунок 15):

1) региональная регуляторная среда находится в непрерывном развитии между аттракторами по законам-тенденциям;

2) переход общества от аттрактора к аттрактору приводит к смене порядков путем отбора наиболее эффективных механизмов экономического взаимодействия, вместе с тем ряд институтов как «социальная инварианта» наследуется, приводя к «эффекту колеи»;

3) в соответствии с первым законом географии и концепцией диффузии инноваций, регионы – лидеры технологической и институциональной перестройки станут катализаторами новой индустриализации всей страны;

4) автор предлагает ряд уточнений биосоциальной модели человека, позволяющих приблизить экономические исследования к реальности, повысить их прогностическую и управленческую ценность и сгладить ряд междисциплинарных противоречий:

– расширить понимание «рационального максимизатора богатства» с финансовых выгод до моральных ценностей как вида востребованного индивидом экономического блага, трактование рациональности дополнить разумным сбережением когнитивно-эмоциональных ресурсов, стремлением к сокращению транзакционных издержек на выполнение общественных правил, интуитивным восприятием правил группы как эволюционно отобранных механизмов выживания сообщества;

Экономическая теория	Эволюционная и циклично-волновая экономика + синергетика и экономика сложности + современная диалектика	Мезоэкономика (региональная экономика) + институциональная экономика и праксеология	Экономика роста + нравственная экономика
Компоненты методологической платформы	Эволюционно-синергетическая методология	Институциональная мезоэкономика	Нравственная методология экономического развития
Методология в отношении региональной регуляторной среды	Региональная регуляторная среда находится в непрерывном развитии по законам-тенденциям	Усиливается пространственная неоднородность и диффузия социально-экономических ресурсов, процессов, институтов, а регионы – лидеры технологической и институциональной перестройки становятся катализаторами новой индустриализации страны	На экономический рост, наряду с традиционными факторами развития, усиливается влияние новых факторов, в частности институциональных
	Переход общества к новому аттрактору приводит к смене порядков путем отбора наиболее эффективных механизмов экономического взаимодействия и наследованию институтов («социальной инварианты»), приводящих к «эффекту колее»		Биосоциальная модель человека с авторскими уточнениями: 1) расширение понимания «рационального максимизатора богатства» с финансовых выгод до моральных ценностей как вида востребованного индивидом экономического блага; трактование рациональности, дополненное разумным сбережением когнитивно-эмоциональных ресурсов, стремлением к сокращению транзакционных издержек на выполнение общественных правил, интуитивным восприятием правил группы как эволюционно отобранных механизмов выживания сообщества; 2) толкование общественного благосостояния, дополненное удовлетворенностью морально-психологических потребностей; 3) признание неповторимой индивидуальности личности и анализ макропоказателей как суперпозиции индивидуальных состояний с различной статистической вероятностью (синергетический подход). Рассмотрение регионального сообщества как активно-деятельного образования с устойчивой системой практик взаимодействия, создающей эффект для всей группы (праксеологический подход)
	Региональная регуляторная среда представляет собой синергию правовых норм и укорененных деловых практик, которые одновременно дополняют, усиливают или противостоят друг другу	Мезоуровень – интегратор индивидуальных и общественных потребностей в конкретно-историческом территориальном контексте. В рамках региональной науки актуализируется значимость выделения специфических черт регуляторной среды конкретного региона и степени влияния такой среды на процессы и состояние региональных социально-экономических систем	
Существует диалектическая связь между технологическим и институциональным прогрессом, правовой формой и обуславливающим ее материальным (экономическим) содержанием, правовой и экономической системами в части влияния на общественные отношения	Опора на операционализм, позволяющий использовать в качестве методов анализа региональной регуляторной среды эконометрический инструментарий и естественные эксперименты		

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 15 – Обоснование методологической платформы исследования региональной регуляторной среды

– толкование общественного благосостояния дополнить не только качеством жизни, но и удовлетворенностью морально-психологических потребностей, в частности, в равенстве и справедливости; включить теорию нравственной экономики в «защитный пояс» новой научной парадигмы;

– соглашаясь с неповторимой индивидуальностью личности, анализировать макропоказатели как суперпозицию индивидуальных состояний с различной статистической вероятностью (синергетический подход). Региональное сообщество является частью сетевого общества (институциональный подход) и рассматривается как активно-деятельное образование, внутри которого существует устойчивая система практик взаимодействия, создающая эффект для всей группы (психологический подход);

5) региональная регуляторная среда представляет собой не просто систему, а синергию правовых норм и укорененных деловых практик, которые одновременно дополняют, усиливают или противостоят друг другу;

6) существует диалектическая связь технологического и институционального прогресса, правовой формы с обуславливающим ее материальным (экономическим) содержанием, наблюдается единство и борьба правовой и экономической систем за влияние на общественные отношения;

7) на экономический рост влияют не только традиционные факторы развития, но и географические с институциональными;

8) мезоуровень как интегратор индивидуальных и общественных потребностей в конкретно-историческом территориальном контексте выдвигает региональную экономику с ее аналитическим каркасом пространственной неоднородности и диффузии социально-экономических параметров в «защитный пояс» новой научной парадигмы. Задачами изучения регуляторной среды в рамках региональной науки являются выделение ее специфических черт для конкретного региона и оценка степени влияния на процессы и состояние региональных социально-экономических систем;

9) опора на операционализм в новой научной парадигме позволяет использовать в качестве методов анализа региональной регуляторной среды эконометри-

ческий инструментарий и естественные эксперименты (исследования на базе однотипных схожих объектов, подвергшихся различному воздействию интересующего аспекта при прочих равных условиях).

Исходя из методологических принципов автором выбраны соответствующие методические принципы для решения задач диссертационного исследования (рисунок 16).

Автор исследования в данном разделе ставит перед собой задачу не просто описания факторов формирования¹ регуляторной среды, а выявления факторов, характеризующих именно нарастающие в условиях новой реальности отклонения от текущего состояния (трансформирующие факторы) регуляторной среды социально-экономической системы, «стремящейся к все более сложным и разнообразным видам экономической деятельности»², поскольку «любая реальная социально-экономическая система, будучи открытой и взаимодействуя с внешней средой, испытывает определенные колебания»³.

В диссертационном исследовании для описания изменений регуляторной среды в периоды промышленных революций будет использоваться термин «трансформация», подразумевающий коренное преобразование институтов⁴ с появлением новых наследуемых признаков⁵.

Прежде чем переходить к исследованию трансформирующих факторов, определим ключевые условия, формирующие новую реальность.

В научной литературе XXI века экономисты используют два термина для описания современных условий: «новая нормальность» и «новая реальность».

¹ Процесс формирования рассматривается в работе как исходная трансформация.

² Глазьев С. Ю. О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 56. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/56_2016glazyev.htm (дата обращения: 24.01.2018).

³ Treshchevsky, Yu. I., Risin I. E., Korobeinikova L. S., Gavrilov V. V. Management of changes of socio-economic systems: economic analysis of the state and consequences of the systemic feature // Studies in systems, decision and control. – 2018. – Vol. 135. – P. 21.

⁴ Социологический энциклопедический словарь: на русском, английском, немецком, французском и чешском языках. – М.: ИНФРА-М, 1998. – С. 374.

⁵ Трансформация // Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1969–1978. – URL: <https://gufo.me/dict/bse/Трансформация> (дата обращения: 20.07.2021).

Экономическая теория	Эволюционно-синергетическая методология	Институциональная мезоэкономика	Нравственная методология экономического развития
Методический подход	Эволюционно-синергетический подход	Институционально-мезоэкономический подход	Нравственно-экономический подход
Методический подход при исследовании региональной регуляторной среды	Обоснование содержания концепта «региональная регуляторная среда»	Выработка методики диагностики регуляторной среды субъектов РФ	Обоснование функций региональной регуляторной среды в обеспечении социально-экономического развития субъекта РФ
	Разработка концептуальной модели трансформации региональной регуляторной среды в период промышленных революций	Определение региональных аспектов формирования и функционирования регуляторной среды субъектов РФ	Выработка методики анализа способности региональной регуляторной среды обеспечивать социально-экономическое развитие субъекта РФ
	Выявление основных тенденций изменения региональных аспектов под воздействием четвертой промышленной революции	Диагностика состояния регуляторной среды каждого субъекта РФ Уральского макрорегиона	Эконометрическое обоснование связи социально-экономического состояния каждого субъекта РФ Уральского макрорегиона с качеством региональной регуляторной среды
	Прогнозирование развития регуляторной среды каждого субъекта РФ Уральского макрорегиона	Систематизация принципов, механизмов и методов управления региональной регуляторной средой	Выработка корректирующих мер для создания регуляторной среды каждого субъекта РФ Уральского макрорегиона, способствующей новой индустриализации, социально-экономическому развитию территории и формированию нравственной экономики

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 16 – Методические подходы к исследованию региональной регуляторной среды

Несмотря на отсутствие общепринятого однозначного их толкования, анализ практики применения данных понятий позволяет сделать вывод, что «новая реальность» – более широкая смысловая единица, вытесняющая термин «новая нормальность» из научного оборота.

После кризиса 2008–2009 гг. активно обсуждается идея, что стагнация, нестабильный экономический рост, низкие темпы роста промышленного производства, ухудшающийся инвестиционный климат становятся долгосрочным состоянием индустриально развитых экономик стран и регионов внутри них, что и описывается как «новая нормальность»¹.

Новая реальность подразумевает накопление критичных условий, требующих принятия кардинальных системных решений, определяющих траекторию дальнейшего общественного развития. В различных современных трудах по экономике можно встретить термины «новая историческая реальность»², «новая экологическая реальность»³, «новая социальная реальность»⁴, «новая демографическая реальность»⁵, «новая политическая реальность»⁶, «новая цифровая реальность»⁷ и пр. Таким образом, новая реальность включает несколько компонентов (рисунок 17).

¹ Medvedev D. A new reality: Russia and global challenges // Russian journal of economics. – 2015. – № 1. – P. 112; Рязанов В. Т. Неустойчивый экономический рост как «новая нормальность»? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2013. – № 4. – С. 3; Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В. «Новая нормальность» в российской экономике: региональная специфика // Экономика региона. – 2016. – Т. 12, № 3. – С. 714.

² Субетто А. И. Эпоха Великого Эволюционного Перелома как эпоха императива носферного преобразования мира. – М.: Междунар. акад. методологии гос. упр., 2020. – Т. 348 (390). – С. 10.

³ Бенц Д. С. Промышленный рост регионов Урала в условиях новой экологической реальности // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – № 3 (449). – С. 115.

⁴ Иваненко Н. С. Жизненные шансы карьерного роста молодежи в новой социальной реальности в контексте дифференцирующих различий // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 45.

⁵ Хавинсон В. Х., Михайлова О. Н., Попович И. Г. Увеличение ресурса жизнедеятельности человека в условиях новой демографической реальности // Вестник образования и развития науки Российской академии естественных наук. – 2021. – № 1. – С. 30.

⁶ Манойло А. В. Информационная война и новая политическая реальность (II) // Вестник Московского государственного областного университета. – 2021. – № 2. – С. 110.

⁷ Алешкова И. А., Молокаева О. Х. Развитие местного самоуправления в условиях новой цифровой реальности // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2021. – № 3. – С. 3.

Во-первых, явление замедления роста индустриальных экономик обусловлено надвигающейся четвертой промышленной революцией и потерей конкурентоспособности третьего и четвертого технологических укладов. Индустрия 4.0 создает новые условия человеческой деятельности, обусловленные, в частности, включением в экономические процессы искусственного интеллекта, нейросетей и роботизированных систем, что зачастую подразумевает исключение человека из процессов производства и обмена полностью или частично¹, виртуализацию сферы жизнедеятельности, формирование сетевого общества² и общества тотального контроля вследствие повсеместной сквозной цифровизации нашей жизни³.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 17 – Экспликация новой реальности

¹ Canton J. Future smart: managing the game-changing trends that will transform your world hardcover. – Boston: Da Capo Press, 2015. – 256 p.; Курцвейл Р. Эволюция разума. – М.: БОМБОРА, 2021. – С. 65; Миролюбова Т. В., Карлина Т. В., Николаев Р. С. Цифровая экономика: проблемы идентификации и измерений в региональной экономике // Экономика региона. – 2020. – Т. 16, № 2. – С. 378; Бочко В. С. Экономическая самостоятельность регионов в условиях новой реальности // Экономика региона. – 2016. – Т. 12, № 2. – С. 342.

² Castells M. The rise of the network society, the information age: economy, society and culture. – Vol. I. – 2nd ed. – Oxford: Blackwell, 2009. – 556 p.; Алешкова И. А, Молокаева О. Х. Развитие местного самоуправления в условиях новой цифровой реальности // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2021. – № 3. – С. 3.

³ Lanier J. Ten arguments for deleting your social media accounts right now. – New York: Henry Holt and Co., 2018. – 160 p.; Roberts P. C. How America was lost: from 9/11 to the police/warfare state. – New York: Clarity Press, 2014. – 464 p.; Budanov V., Aseeva I. Manipulative marketing technologies in new digital reality // Экономічний часопис-XXI. – 2019. – № 11–12. – Р. 58; Рахмеева И. И. Региональная регуляторная среда: на распутье: монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2021. – С. 132; Зверева Т. В. Новая философия налогового администрирования в цифровой реальности // Инновационное развитие экономики. – 2021. – № 1 (61). – С. 169; Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – С. 235.

Во-вторых, пандемия COVID-19 наложила существенные индивидуальные, региональные, национальные и межгосударственные ограничения в части осуществления хозяйственной деятельности, грузо- и пассажиропотоков, объема и структуры потребления¹.

В-третьих, устойчивое развитие с позиции именно решения проблем экологических, климатических, истощения ресурсов, в том числе пищевых, становится не просто долгосрочной целью, а острой насущной потребностью².

В-четвертых, в современном обществе достигается критический уровень неравенства, возникающего не только на социально-экономическом основании соотношения доходов и неравенства возможностей (доступа к образованию, услугам, власти), но и технологическом, проявляющемся в различии уровня доступа к технологиям, информации и обладания цифровыми компетенциями³. Если в XX веке действительностью управлял тот, кто управлял СМИ, то, по мнению научных футурологов, в ближайшей перспективе во второй четверти XXI века миром будет

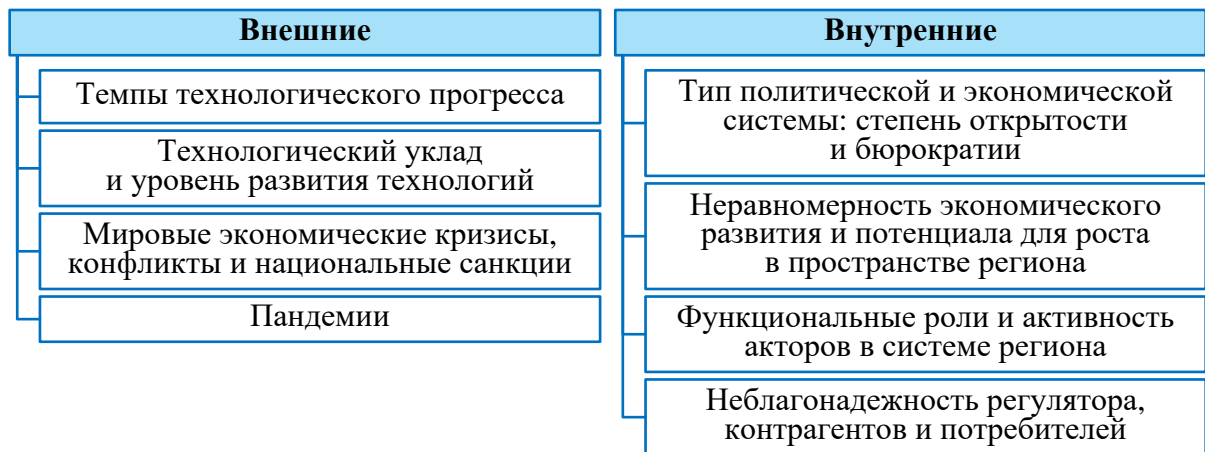
¹ Novikova N. M., Ananchenkova P. I. Education in a new social reality: covid-19 lessons // *Labour and social relations journal*. – 2020. – Vol. 4. – P. 57; Евграфова О. В. Новая экономическая реальность: тренды 2021 г. // *Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии*. – 2021. – № 1 (42). – С. 14; Кущева Н. Б. Индустрия гостеприимства в постковидный период: новая реальность, новые правила // *Технико-технологические проблемы сервиса*. – 2021. – № 2 (56). – С. 79–83.

² Артемова О. В., Нестеренко И. Ю., Савченко А. Н. Влияние глобальных и региональных трендов на социально-экономическое развитие и уровень жизни населения региона // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2020. – № 2 (436). – С. 68; Третьякова Е. А., Миролюбова Т. В., Мыслякова Ю. Г., Шамова Е. А. Методический подход к комплексной оценке устойчивого развития региона в условиях экологизации экономики // *Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление*. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 651; Субетто А. И. Эпоха Великого Эволюционного Перелома как эпоха императива ноосферного преобразования мира. – М.: Междунар. акад. методологии гос. упр., 2020. – Т. 348 (390). – С. 10; Бенц Д. С. Промышленный рост регионов Урала в условиях новой экологической реальности // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2021. – № 3 (449). – С. 115.

³ Артемова О. В., Савченко А. Н. Основные тренды регионального развития: коридор возможностей // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент*. – 2019. – Т. 13, № 3. – С. 5; Иваненко Н. С. Жизненные шансы карьерного роста молодежи в новой социальной реальности в контексте дифференцирующих различий // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*. – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 45–52; Канарейко Д. А. Оценка растущих потребностей в развитии новых навыков в условиях новой реальности – массовой дистанционной работы // *Modern Science*. – 2020. – № 11-2. – С. С. 103; Ергунова О. Т., Лебедев А. В., Рахмеева И. И. Трансформация профессиональных компетенций для нужд цифровой экономики // *Научные труды Вольного экономического общества России*. – 2021. – Т. 230, № 4. – С. 502.

управлять тот, кто создает и управляет технологиями (глобальными платформами, социальными сетями и т. д.)¹.

Автором в качестве базового основания для систематизации факторов трансформации регуляторной среды региона выбрана возможность влияния на них экономических акторов среды. Таким образом, выделены внешние и внутренние факторы (рисунок 18).

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 18 – Факторы трансформации регуляторной среды в пространстве региона

1. Среди внешних факторов ключевым для современной экономики служит темп технологического прогресса, обуславливающий, в свою очередь, скорость смены технологических укладов, и сам технологический уклад, определяющий базовые отрасли для развития экономики, технологии не только производства, но и обеспечения государственного управления и социального взаимодействия, а также формирующий спрос на определенные нормы (таблица 2).

¹ Harari Y. N. 21 Lessons for the 21st century. – London: Jonathan Cape, 2018. – 306 p.; Ильичева М. В. Новые медиа в цифровой реальности // Социально-политические науки. – 2021. – Т. 11, № 1. – С. 19; Манойло А. В. Информационная война и новая политическая реальность (II) // Вестник Московского государственного областного университета. – 2021. – № 2. – С. 110; Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – С. 229.

Таблица 2 – Взаимосвязь развития новых направлений государственного регулирования и технологических укладов

Характеристики уклада	Номер технологического уклада					
	1	2	3	4	5	6
Период доминирования и технологические лидеры	1772–1830 (Англия, Франция, Бельгия)	1830–1880 (Англия, Франция, Бельгия, Германия, США)	1880–1930 (США, Германия, Англия, Франция)	1930–1970 (США, СССР, Западная Европа, Япония)	1970–2010 (США, ЕС, Япония)	2010–2050 (США, ЕС, Китай, Япония)
Ядро технологического уклада (ключевой фактор)	Текстильная промышленность (механические машины)	Транспорт, черная металлургия (паровой двигатель)	Электротехническое, тяжелое машиностроение, производство и прокат стали, линии электропередач, неорганическая химия (электродвигатель)	Автомобиле-, тракторостроение, цветная металлургия, товары длительного пользования, синтетические материалы, органическая химия, производство и переработка нефти (ДВС, нефтехимия)	Электронная, вычислительная, опτικο-волоконная техника, телекоммуникации, программное обеспечение, роботостроение, газовая отрасль, информационные услуги (микроэлектронные компоненты)	Наноэлектроника, молекулярная и нанофотоника, наноматериалы и покрытия, нанобиотехнология, наносистемная техника (нано- и клеточные технологии)
Сферы государственного регулирования, на которые формируется запрос	Отношения между трудом и капиталом, в том числе эксплуатация женского и детского труда, социальные программы для неимущих	Формирование прав интеллектуальной собственности	Защита от несчастных случаев на производстве, ограничение использования детского труда, корпоративное право	Защита прав потребителей, обеспечение конкуренции, регулирование монополий, защита окружающей среды	Цифровое право, развитие защиты интеллектуальной собственности, в том числе от промышленного шпионажа, защита в виртуальной реальности, защита личной информации и персональных данных	Проведение опытов на живых существах и клонирование, генномодифицированные продукты, применение робототехники, искусственного интеллекта и беспилотных технологий

Примечание – Составлено автором частично по: Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М.: Экономика, 2002. – 768 с.

«Ввиду известной диалектики взаимодействия личностного и вещественного факторов производительных сил» профессор Э. Маркварт указывает на двустороннюю связь: «технико-технологический прогресс и его влияние на институты в немалой степени зависят от различных – количественных и структурно-качественных – определенностей человеческого потенциала, имеет место также обратная зависимость»¹. Таким образом, «технические новации фактически формируют институциональные и организационные новации»², а «современная экономическая эволюция характеризуется высокой скоростью и взаимосвязанностью структурных и институциональных изменений, достигаемых посредством изменений в технике и технологиях, имеющих самодовлеющий на экономику характер»³.

Академик РАН С. Ю. Глазьев отмечает, что «поражающая воображение впечатлительных людей цифровая революция – это длительный процесс, разворачивающийся уже несколько десятилетий. Цифровые технологии уже охватили практически всю информационную и финансовую, значительную часть производственной и социальной сфер. <...> Многочисленные примеры применения цифровых технологий в антигуманных и преступных целях относятся к действиям людей, а не к технологиям как таковым. В то же время их монопольное использование в чьих-либо частных или национальных интересах существенно усиливает возможности этих лиц и может представлять угрозу национальной безопасности государств. Нейтрализация этих, исходящих от людей угроз должна происходить методами правового регулирования»⁴.

Четвертая промышленная революция существенным образом меняет самоидентичность и характер контактов между людьми, хозяйственными субъектами,

¹ Маркварт Э. Российское местное самоуправление перед главными вызовами современности // Российский экономический журнал. – 2016. – № 6. – С. 5.

² Сухарев О. С. Экономический рост, институты и технологии: монография. – М.: Финансы и статистика, 2014. – С. 100.

³ Там же. – С. 151.

⁴ Глазьев С. Ю. Великая цифровая экономика: вызовы и перспективы для экономики XXI века // Официальный сайт С. Ю. Глазьева. – URL: <https://glazev.ru/articles/6-jekonomika/54923-velikaja-tsifrovaja-revoljutsija-vyzovy-i-perspektivy-dlja-jekonomiki-i-veka> (дата обращения: 18.09.2017).

следовательно, формируются новые практики взаимодействия между всеми экономическими агентами (см. рисунок 12).

Появляются и активно развиваются новые формы взаимодействия предпринимателя и труда, такие как аутсорсинг, фрилансерство, удаленная дистанционная работа¹. Экономисты отмечают изменение содержания запросов трудовых коллективов в ходе современных индустриальных конфликтов, выражающихся зачастую в забастовках, в части включения в них требований «на реальное участие в управлении, на корректное отношение со стороны начальства», ограничение использования «аутсорсинга и заемного труда»².

Возникновение мировых экономических кризисов, межгосударственных конфликтов и введение санкций в отношении отдельных стран – факторы, не подвластные руководству отдельного государства и тем более составляющих его отдельных регионов, что оказывает существенное влияние на принимаемые политические регуляторные решения, требуя грамотной поддержки отечественных производителей. Пандемия COVID-19 создала существенные вызовы для развития всех экономик мира и заставила в ускоренном темпе внедрять цифровые технологии для сохранения конкурентоспособности. Данные факторы в условиях невозможности их изменения и нарастания внутренних социально-экономических дисфункций способны стать отправной точкой, или точкой бифуркации, для качественного сдвига институциональной среды. Например, «результатом действия двух шоков (снижение мировых цен на нефть и введение секторальных санкций против России. – *И. Р.*), наложившихся на фундаментальный институциональный консерватизм, стал переход институционально-структурного кризиса российской экономики в форму классического циклического кризиса»³. Регионалисты указы-

¹ Пандемия COVID-19 ускорила принятие в России поправок в трудовое законодательство в части закрепления дистанционного режима работы. См.: О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях: федер. закон от 8 декабря 2020 № 407-ФЗ.

² Козина И. М. Индустриальные конфликты в современной России // Экономическая социология. – 2009. – Т. 10, № 3. – С. 28.

³ Минакир П. А. Шоки и институты: парадоксы российского кризиса // Пространственная экономика. – 2016. – № 1. – С. 10.

вают на необходимость учета перечисленных внешних обстоятельств в региональных стратегиях развития¹.

Возрастание антропогенных нагрузок в XXI веке обостряет «негативное воздействие некоторых глобальных экологических проблем на развитие отдельных регионов и макрорегионов России, способных вызвать дефицит продовольствия и пресной воды, обострить конкуренцию за доступ к возобновляемым ресурсам»².

В условиях цифровой безопасности все более важную роль начинают играть угрозы кибербезопасности, выражающиеся в утечке информации, подрыве работоспособности базовых систем жизнедеятельности населения и экономической деятельности, ведении деструктивной пропаганды. Нарастают диспропорции между территориями в уровне цифрового развития³ и способности обеспечивать цифровую безопасность.

В условиях высокой неопределенности, «турбулентности» экономики нарастает запрос на формирование новых институциональных условий, что подтверждает идею заключения источника «востребованности права» именно в заинтересованности социальных акторов снизить конфликтность и непредсказуемость общественных отношений⁴.

2. Ключевым внутренним фактором, определяющим характер регуляторной среды, выступает тип политической и сопряженной с ним экономической системы. Смена политических системы, курса, элиты вызывает цепную реакцию трансформации экономической системы и регуляторной среды. Субъекты РФ различаются между собой по политическому устройству территориальных сооб-

¹ Климанов В., Варданян В. Отражение международных экономических санкций в стратегиях социально-экономического развития субъектов Российской Федерации // Проблемы теории и практики управления. – 2019. – № 2. – С. 48.

² Климанов В. В. Большие вызовы и их влияние на траектории развития территориальных систем (на примере арктической зоны Российской Федерации): постановка проблемы // Общественные финансы. – 2018. – № 37. – С. 46.

³ Артемова О. В., Логачева Н. М., Савченко А. Н. Оценка технологических возможностей регионов для развития человеческого потенциала (на примере субъектов Уральского и Сибирского федеральных округов) // Социум и власть. – 2020. – № 4 (84). – С. 30.

⁴ Клименко А. И. Функции и дисфункции юридического права и формы правового регулирования общественных отношений // Регуляторная политика в России: проблемы теории и практики: сб. науч. тр. / под ред. А. Б. Дидикина. – М.: Проспект, 2019. – С. 19.

ществ и в проявляемых отношениях с федеральным центром, что, в свою очередь, определяет особенности региональной регуляторной среды.

Если для диктаторского режима и плановой экономики как одной из крайностей будет характерна жесткая всеобъемлющая регуляция и забюрократизированность, то для абсолютной демократии и свободной рыночной экономики как иной крайности будет характерна открытость и «мягкость» регуляторной среды с точки зрения участия общества в ее формировании и строгости регулирования поведения экономических агентов. Вопрос о том, какой тип системы и регуляторной среды в большей степени обеспечивает выполнение основной функции – социально-экономического развития территории, является предметом дискуссии в научном сообществе.

Так, в работе В. А. Мау и его коллег показано, что «правовая демократия имеет положительную статистическую связь с темпами роста подушевого ВВП», авторы утверждают о наличии как минимум «очевидной и сильной связи» между ними¹. Французский экономист Т. де Монбриаль утверждает, что «в начале XXI века остается неизвестным какой-либо пример достижения успешных результатов, включая и то, что касается социальной справедливости, какой-либо экономикой, которая была бы организована на основе отказа от принципов рыночной экономики»². Коллектив исследовательского центра The Heritage Foundation, формирующий индекс экономической свободы, отмечает, что «свободные» страны в среднем имеют вдвое больший доход на душу населения, чем «преимущественно свободные», а доход на душу населения «преимущественно свободных» стран более чем в три раза превышает душевой доход «преимущественно несвободных» и «несвободных» стран. Это объясняется тем, что сокращение экономических функций государства и передача ответственности за принятие экономических решений предпринимателям, как правило, приводят к значительному росту общественного благосостояния. Страны, проводящие политику экономической свободы, создают

¹ Институциональные предпосылки современного экономического роста: монография / В. Мау, К. Яновский, С. Жаворонков, Д. Маслов. – М.: ИЭПП, 2007. – С. 75.

² Монбриаль Т. де. Действие и система мира / пер. с фр. В. М. Володина. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 369.

благоприятные условия для торговли и предпринимательства, которые, в свою очередь, генерируют экономический рост»¹. Коллектив под руководством польско-американского политэкономиста А. Пжеворски продемонстрировал на выборке из 100 стран за 40-летний период (1950–1990 гг.), что при отсутствии преимуществ в темпах экономического роста демократии демонстрируют бóльшую по сравнению с диктатурами устойчивость темпов этого роста²; международная группа исследователей оценила возможность увеличения темпов экономического роста в сильно зарегулированных экономиках на 2–3 % в случае формирования благоприятной регуляторной среды для бизнеса³. Американский политолог В. Рикер объяснял экономическое и «политическое доминирование Соединенных Штатов сперва в самой Америке и в рамках ее экспансии на Запад затем во всем западном полушарии» именно демократическим строем страны, ее конституцией и свободами⁴.

В тоже время Австралийский экономист Д. Тросби называет веру в эффективность капитализма продуктом «неосознаваемой культурной предрасположенности»⁵, а нобелевский лауреат по экономике Д. Норт отмечает, что копирование Конституции США странами Латинской Америки не принесло им таких же экономических результатов⁶. Профессор С. Д. Бодрунов говорит о кризисе традиционной модели «манипулятивной демократии» в XXI веке и необходимости построения меритократической модели государства⁷. Академик РАН С. Ю. Глазьев приводит пример Китая, сумевшего достичь ускоренного экономического разви-

¹ Miller T., Kim A. B. 2016 index of economic freedom. Promoting Economic Opportunity and Prosperity. – Washington: The Heritage Foundation, 2016. – 500 p.

² Democracy and development. political institutions and well-being in the world 1950–2000 / A. Przeworski, M. E. Alvarez, J. A. Cheibub, F. Limongi. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 321 p.

³ Görgens T., Paldam M., Würtz A. How does public regulation affect growth? – Aarhus: University of Aarhus, 2003. – 20 p. – (University of Aarhus working paper, no. 2003-14).

⁴ Riker W. Comment on: Comment on: “American experiment in constitutional choice” // Public choice. – 1976. – Vol. 27. – P. 13–15.

⁵ Тросби Д. Экономика и культура / пер. с англ. И. Кушнаревой. – 2-е изд. – М.: Высшая школа экономики, 2018. – С. 26

⁶ North D. C. Institutions and economic growth: an historical introduction // World development. – 1989. – Vol. 17, no. 9. – P. 1322.

⁷ Бодрунов С. Д. Государство и технологическая революция: политэкономический взгляд // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 3 (61). – С. 13.

тия именно благодаря грамотной интеграции рыночных механизмов с социалистическими подходами, «не расширяя возможностей развития капиталистических отношений, а наоборот, ограничивая их»¹. Профессор О. С. Пчелинцев указывает, что «специфика рыночной экономики лишь в том, что в ней этот процесс (использования ресурсов. – *И. Р.*), до известной степени автоматизирован фактором личной заинтересованности. Это относится, однако, только к использованию ресурсов. Напротив, процесс их воспроизводства (т. е. восстановления и приумножения) в условиях рыночной экономики заметно усложняется»², и данная задача может быть решена только органами региональной власти.

Быстрые темпы технологических изменений определяют необходимость адаптации регуляторной среды под современные требования и вызовы, но ограничивающим фактором здесь выступает текущее громоздкое инертное множество норм, а также продуктивность нормотворчества и качество данной работы.

На основе аналитических материалов указанных экспертов автор данного исследования склоняется к позиции, что в долгосрочной перспективе рыночная экономика в совокупности с демократической формой правления способна обеспечить лучшие показатели социально-экономического развития, вместе с тем в краткосрочной перспективе, особенно в кризисных ситуациях, государственное вмешательство власти необходимо, и зачастую именно государственное регулирование способно обеспечить быстрый выход из кризиса или прорывное развитие.

Право быть участником формирования регуляторной политики способствует повышению имманентности регулирования для его адресатов, принятия ими норм как внутренней данности. Это, в свою очередь, повышает исполнимость закона, а значит, эффективность права, трактуемую в классической позитивистской юридической теории как «способность правового предписания фактически дости-

¹ Глазьев С. Ю. Россия: главные аспекты мобилизационного проекта / Изборский клуб. – URL: <https://izborsk-club.ru/15286> (дата обращения: 24.01.2018).

² Пчелинцев О. С., Любовный В. Я., Воякина А. Б. Регулирование воспроизводственного потенциала территории как основа региональной политики // Проблемы прогнозирования. – 2000. – № 5. – С. 63.

гать той социальной цели, которая выражена в соответствующем предписании»¹. Кроме того, участие адресатов регулирования в принятии управленческих решений обеспечивает баланс интересов общества.

Четвертая промышленная революция способствует повышению запросов граждан на участие в принятии регуляторных решений, одновременно предлагая цифровые инструменты для такого участия, позволяя получить доступ к широкой информации и увеличивая возможности массовой манипуляции общественным мнением, фальсификации результатов голосования.

Исследованию такого внутреннего фактора, как неравномерность экономического развития и потенциала для роста в пространстве региона, посвящена отдельная глава диссертации. Вместе с тем в рамках данной главы отметим, что четвертая промышленная революция инициирует усиление социального неравенства как между различными слоями населения, так и между территориями, поскольку фактором конкурентоспособности экономических агентов становится обладание цифровыми компетенциями (власть переходит к технократам и владельцам данных), а территорий – уровень внедрения технологий пятого и шестого укладов. Это приводит к усилению социальной напряженности.

Среди внутренних факторов развития регуляторной среды автор рассматривает распределение функциональных ролей акторов, задействованных в генерации регуляторной среды (см. параграф 1.1), а также их активность (см. параграф 3.2). При этом последняя во многом определяется такими аспектами, как ментальность и традиции, которые играют роль не только при выработке регуляторной политики, но и в процессе реализации норм, их выполнения всеми акторами экономической системы.

Важным внутренним фактором функционирования регуляторной среды, по мнению автора исследования, выступает «неблагонадежность регулятора». Еще

¹ Тихомиров Ю. А., Баранов Б. М., Васильева С. В. Эффективность законодательства в экономической сфере. Научно-практическое исследование: научные работы. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – С. 45.

теоретики школы «общественного выбора» (Дж. М. Бьюкенен, Г. Таллок¹) показали, что фигура «благонамеренного» и ориентированного на «общее благо» законодателя является ширмой для реального законотворческого процесса, сопровождающегося вторжением лоббистских групп, сложным взаимодействием общественных групп влияния и правящих коалиций. В частности, нобелевский лауреат по экономике К. Дж. Эрроу² сформулировал «теорему невозможности»³ коллективного выбора оптимального варианта. Позднее Д. Норт показал, что «политическим системам органически присуща тенденция производить на свет неэффективные права собственности, которые приводят к стагнации или упадку»⁴ по причинам заинтересованности в личных доходах и защите интересов приближенных к власти.

Экономические отношения в своих взаимодействиях сталкиваются с неопределенностью и риском оппортунистического поведения в силу ограниченности когнитивных способностей и асимметрии информации. Разрастание производственных цепочек, удаление друг от друга производителя, продавца и покупателя, обезличивание контактов в цифровой экономике приводят к уменьшению межличностного доверия, что вызывает острый спрос на институты, гарантирующие надежность контрактов как для предпринимателей, так и для их контрагентов и потребителей. Ответом на этот вызов становится создание цифровых платформ и экосистем⁵.

¹ Buchanan J. M., Tullock G. The calculus of consent: logical foundations of constitutional democracy. – Michigan: University of Michigan, 1962. – 384 p.

² Arrow K. J. Social choice and individual values. – 2nd ed. – New Haven: Yale University Press, 1963. – 124 p.

³ Смысл этой теоремы состоит в том, что в рамках ординалистского подхода не существует метода объединения индивидуальных предпочтений для трех и более альтернатив, который удовлетворял бы некоторым вполне справедливым условиям и всегда давал бы логически непротиворечивый результат. Ординалистский подход основывается на том, что предпочтения индивидуума относительно предлагаемых к выбору альтернатив не могут измеряться количественно, а только качественно, т. е. одна альтернатива хуже или лучше другой.

⁴ North D. C. Institutions and economic growth: an historical introduction // World development. – 1989. – Vol. 17, no. 9. – P. 1320.

⁵ Попов Е. В., Симонова В. Л., Челак И. П. Типология моделей региональных инновационных экосистем // Региональная экономика: теория и практика. – 2020. – Т. 18, № 7 (478). – С. 1336–1356.

Анализируя непосредственно процесс изменения регуляторной среды, следует рассуждать о реализации основных характеристик любых трансформаций. Согласимся с профессором О. С. Сухаревым в том, что «институциональная эволюция... подчинена закону адаптации институтов и индивидов, отбора (естественного и искусственного) и инерции траектории развития – зависимости от прошлого»¹.

Первое – инерция или наследственность. Несмотря на то, что формальные институты изменяются мгновенно дискретно при их принятии (см. параграф 1.2), они не преобразуют действительность моментально. Более того, требуется значительное время, чтобы ознакомить всех экономических агентов с новыми нормами, а также создать материальные условия их реализации. При этом скорость изменения неформальных институтов хоть и растет, но остается достаточно медленной. При изменении отдельных элементов регуляторной среды происходит наложение правил и практик поведения, в силу психологических и ментальных особенностей индивиды по инерции руководствуются более ранними институтами, а новые институты оценивают с позиций сопряженных давно устоявшихся институтов.

Второе – адаптация. Такое описанное выше взаимное влияние институтов приводит к корректировке всех элементов регуляторной среды, их притирке друг к другу. В период адаптации экономических агентов к новой регуляторной среде увеличиваются их транзакционные издержки, а механизмы поведенческой рутины перестают работать.

Третье – отбор. В рамках искусственного отбора лица, принимающие управленческие решения, могут руководствоваться личной субъективной позицией, зачастую нацеленной не на достижение общего блага и развитие территории, а, например, на сохранение власти или богатства как собственной, так и аффилированных лиц, либо в силу консервативного характера и страха перед неопределенностью блокировать любые новации. Тогда в результате естественного отбора выигрывают территории, чей выбор в вопросах формирования регуляторной среды

¹ Сухарев О. С. Экономический рост, институты и технологии: монография. – М.: Финансы и статистика, 2014. – С. 152.

поможет оказаться им в лидерах технологического развития и качества жизни, а догоняющие регионы будут вынуждены транслировать их готовые решения, упустив время и шанс.

Новая парадигма экономического развития предлагает отказаться от неоклассической концепции рыночного равновесия, к которому стремятся все экономические системы в условиях свободной конкуренции для обеспечения максимально эффективного использования ресурсов. «Экономика как живая система, эволюционирующая к большей сложности и разнообразию производства и потребления, никогда не бывает в состоянии равновесия. Более того, в процессе эволюции она все более удаляется от этого состояния»¹. При этом для эволюционирующих систем характерны периоды устойчивого развития/деградации и периоды «срыва с траектории роста в состояние хаоса и турбулентности»², в которых происходит преодоление точки бифуркации.

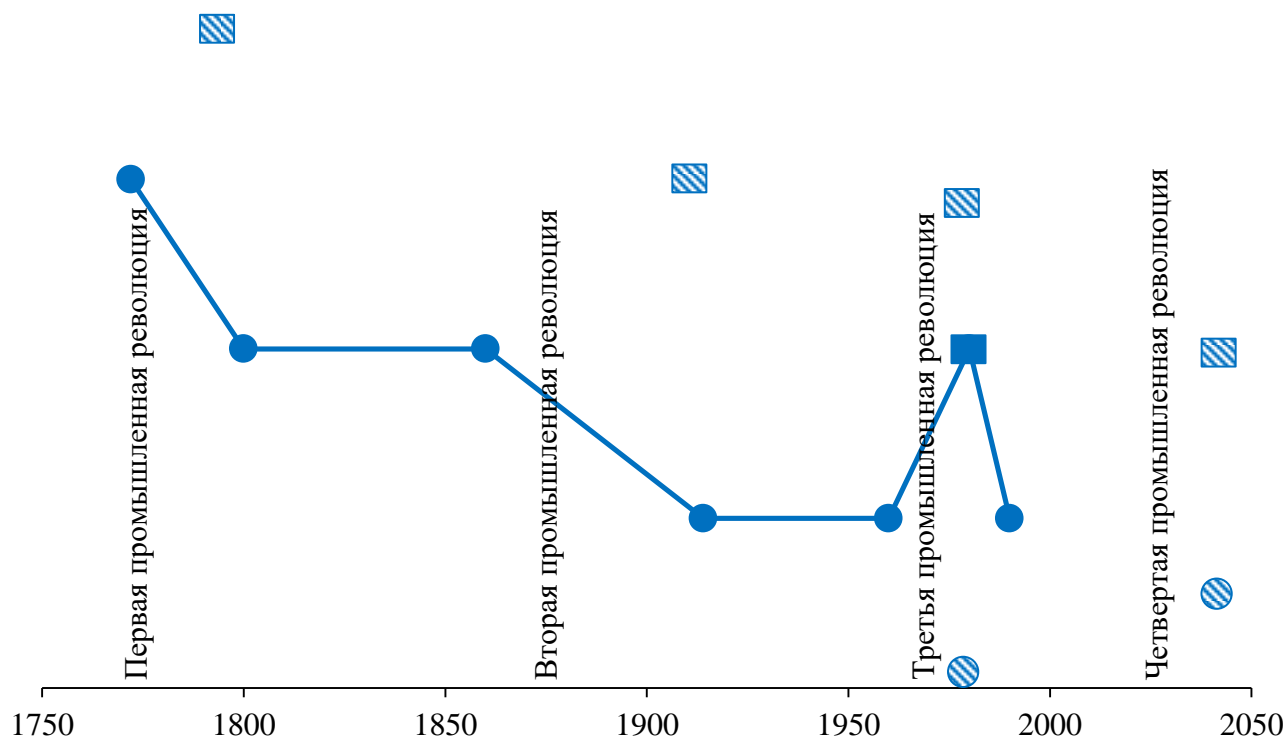
Каждая технологическая революция приводила общество в точку бифуркации, переход из которой во многом определялся институциональными предпосылками в силу того, что «государственная политика оказывает влияние на формы и темпы накопления капитала в период... индустриализации и определяет, будут ли смягчаться или, наоборот, усиливаться обычные негативные последствия, связанные с неравномерным распределением доходов»³.

В точке бифуркации возможен переход к позитивному аттрактору, подразумевающий повышение уровня условного благосостояния индивидов, включающего уровень справедливости распределения благ и возможностей в обществе, уровень социального расслоения и уровень свободы и возможности влияния на принятие управленческих вопросов, либо к негативному аттрактору, связанному с падением уровня благосостояния, ростом социальной несправедливости и ограничением прав и свобод.

¹ Глазьев С. Ю. О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 56. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/56_2016glazyev.htm (дата обращения: 24.01.2018).

² Там же.

³ Evans P. B., Rueschemeyer D., Skocpol T. Bringing the state back in: new perspectives on the state as institution and social actor. – New York: Cambridge University Press, 1985. – P. 44.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 19 – Бифуркационная модель трансформации регуляторной среды под воздействием промышленных революций в России:

● – фактическое движение из точек бифуркации к новым аттракторам в периоды промышленных революций; ◐ – возможные аттракторы для перехода в рамках промышленной революции; ◑ – позитивный аттрактор; ◒ – негативный аттрактор

На рисунке 19 представлено фактическое движение на развилках в периоды промышленных революций в России. Первая промышленная революция привела мир к негативному аттрактору вследствие формирования капитализма как господствующей системы хозяйствования, закрепления власти капитала, эксплуатации широких нищих слоев населения. Частично этот негативный переход был отыгран буржуазно-демократическими революциями во Франции и Америке¹, в России же он был отягощен существованием крепостного права. Вторая промышленная революция в России совпадает с отменой в 1861 г. крепостного права и является во

¹ Например, М. Хорвиц продемонстрировал, как реформа законодательства в Америке в XIX веке создала институциональные основы будущего экономического роста, основанного на перекладывании связанного с этим ростом бремени с капиталистических предпринимателей на фермеров, рабочих и потребителей (Horwitz M. J. The transformation of American law, 1780–1860. – Cambridge: Harvard University Press, 1977. – 384 p.)

многом ее провокатором. Вместе с тем регулирование новых отношений крестьян с различными сословиями, создание экономических условий для их самостоятельной хозяйственной деятельности затянулось на десятилетия, усугубив их положение. Период между второй и третьей промышленной революцией охватывает две мировые войны, ставшие возможными в том числе благодаря достижениям науки и техники и обесценившие человеческие жизни, гражданскую войну и Великую Октябрьскую социалистическую революцию, повлекшую массовые репрессии, разрушение традиционных ценностей и связей между людьми. Все это позволяет рассматривать переходы после второй и третьей промышленной революции как негативные. Третья промышленная революция способствовала переходу к позитивному аттрактору благодаря происходящим процессам глобализации, информатизации, росту свободы, хрущевской оттепели, перестройке. В мировом сообществе кровавые конфликты сменились гонкой вооружений, холодной войной. Для России еще одной точкой бифуркации, стал распад СССР и переход к рыночной экономике, не подкрепленный эффективными институтами и механизмами гарантий, приведший к экономическому кризису, дефолтам, гиперинфляции, росту теневого сектора и криминала, приходу к власти олигархии. Как считает профессор А. А. Аузан, 1990-е годы были точкой бифуркации, в которой была возможность сформировать новый общественный договор. Однако «эффект колеи» оказался сильнее, и в обществе опять утвердился «вертикальный» контракт с «доминированием перераспределительных групп», отличающихся «рентоориентированным поведением»¹. 2000-е годы сопровождались постепенным восстановлением экономики и социального сектора. Вместе с тем стабильно высоким остается уровень коррупции. Так, в рейтинге индекса восприятия коррупции международной неправительственной организации Transparency International Россия по итогам 2020 г. заняла 129-е место из 180 стран².

¹ Аузан А. А. Общественный договор и гражданское общество // Мир России. Социология. Этнология. – 2005. – Т. 14, № 3. – С. 17.

² Transparency International Russia. – URL: <https://www.transparency.org/en/countries/russia> (дата обращения: 29.01.2021).

В контексте новой реальности коренным образом меняются ценности и поведение людей и наступает переломный момент во влиянии всех вышерассмотренных факторов на регуляторную среду. При этом происходящие изменения уже не могут носить плавный характер, возникает ситуация необходимости выбора траектории развития, общество оказывается в точке бифуркации. Турбулентный характер развития общества усиливается ожидаемой сменой политической власти в стране и, как следствие, регионах в третьем десятилетии XXI века.

Лишь время покажет, к позитивному или негативному аттрактору мы придем. Второй путь является вполне вероятным. Так, «левиафан показал свои зубы», продемонстрировав в период пандемии 2020 г. возможность за 2–3 мес. организовать масштабный контроль и ограничение передвижения граждан посредством геолокации и использования QR-кодов, а также тотальной блокировки коммуникации отдельного индивида с обществом (блокировка в январе 2021 г. социальных сетей и мессенджеров американского президента Д. Трампа после волнений, связанных с президентскими выборами). Желаемое движение к позитивному аттрактору возможно только при кооперации усилий элиты, предпринимательского, гражданского сообщества и органов власти.

2.2 Сравнение научных подходов к анализу региональной регуляторной среды и формирование авторской методики ее диагностики

В международной практике качество регуляторной среды либо отдельные показатели, характеризующие регуляторную политику или неформальные институты, входят отдельным индексом в различные методики оценки качества государственного управления или условий ведения предпринимательской деятельности (обзор методик см. в приложении Е).

Изученные методики используют опросный метод (опрашиваются руководители предприятий), экспертный метод (эксперты организации или исследователь самостоятельно оценивают по определенной шкале выбранные показатели на основе анализа законодательства, официальной отчетности, публикаций в открытых источниках), статистический метод (оценка статистических данных) либо их комбинацию.

По итогам сравнения различных подходов можно выделить группы показателей, характеризующих качество институциональных условий предпринимательской деятельности.

Для формальных институтов это:

- эффективность, оптимальность, объективность, скоординированность, нацеленность на национальные цели развития и инклюзивность регулирования;
- отсутствие необоснованного вмешательства и свобода экономической деятельности;
- административные издержки и регуляторное бремя (простота ведения бизнеса).

В качестве критериев неформальных институциональных условий предпринимательской деятельности служат:

- обеспечение исполнения контрактов, оппортунистическое поведение субъектов рынка;
- коррупция;
- подотчетность правительства, прозрачность принятия решений, учет мнения и обратная связь с населением;
- порядок, безопасность, отсутствие насилия, защищенность бизнеса, гарантированность прав, верховенство закона.

Результатом исследования институциональных сред служат выявленные дисфункции или «слабые места» для развития¹.

¹ Попов Е. В., Веретенникова А. Ю., Омонов Ж. К. Инструментарий институционального моделирования социально-инновационной деятельности // Инновации. – 2019. – № 7 (249). – С. 34; Попов Е. В., Веретенника А. Ю., Омонов Ж. К. Институциональный атлас социальных инноваций // Экономическое возрождение России. – 2017. – № 2 (52). – С. 92.

Для понимания сущности качества регуляторной среды прежде ответим на вопрос, что в данном исследовании понимается под концептом эффективности регулирования.

Для оценки эффективности права традиционно в экономической теории применяются критерии Парето или Калдора – Хикса, т. е. эффективной будет та новая норма, которая увеличивает благосостояние хотя бы одного индивида, не уменьшая благосостояние остальных, в первом случае или при увеличении общего благосостояния и компенсации выигравшими потерь проигравших во втором. Р. Познер предлагает в качестве критерия ориентироваться на максимизацию общего благосостояния, потому что в общем случае возможны ситуации «принудительного обмена» (штрафы или запрет на деятельность), ведущие к эффективной аллокации ресурсов¹. Однако его подход не учитывает социальные аспекты и применим в обществе в случае ограничения дополнительными условиями социальной справедливости, сформулированными американским политическим философом Дж. Ролзом в своей книге «Теория справедливости» в 1971 г.²:

«Первый принцип. Каждый индивид должен обладать равным правом в отношении наиболее общей системы равных основных свобод, совместимой с подобными системами свобод для остальных людей».

«Второй принцип. Социальные и экономические неравенства должны быть организованы таким образом, что они одновременно ведут к наибольшей выгоде наименее преуспевших в соответствии с принципом справедливых сбережений и делают открытыми для всех должности и положения в условиях честного равенства возможностей».

В российской научной литературе мы также находим разные понимания эффективности институтов, в том числе правовых. Так, профессор В. Л. Тамбовцев показывает, что «институт может считаться эффективным только в том случае, если он соответствует интересам общества и направлен на повышение его благосо-

¹ Posner R. A. Economic analysis of law. – 7th ed. – Austin: Wolters Kluwer Law & Business, 2007. – P. 16–19.

² Rawls J. A theory of justice (1971) / J. Rawls. – Harvard: Belknap Press of Harvard University Press, 1999. – P. 52.

стояния»¹. По мнению профессора О. С. Сухарева, «чем ниже транзакционные издержки функционирования данного конкретного института, тем эффективнее этот институт»². Профессор А. Г. Карапетов предлагает подход, частично перекликающийся с двумя описанными выше: «эффективным уровнем регуляторного давления» является такой уровень, при котором «любое дальнейшее его усиление начнет причинять уже большие издержки, чем предотвращать»³.

Обобщая и конкретизируя в рамках новой научной парадигмы представления об эффективности институциональной среды и, в частности, права, автор предлагает считать качественным (эффективным) регулирование в субъекте РФ в случае, если оно обеспечивает:

- эффективную аллокацию в пространстве региона ресурсов и условий, необходимых для осуществления предпринимательской деятельности;
- максимальное общее благосостояние общества с соблюдением принципов справедливости: равных прав в отношении общей системы основных свобод, обеспечении приемлемого уровня жизни для всех, выгоде наименее преуспевших и открытости для всех должностей и положений в условиях честного равенства возможностей;
- минимизацию транзакционных издержек взаимодействия различных групп акторов социально-экономической системы региона;
- устойчивость развития и конкурентоспособность территории путем технологического, социально-экономического лидерства.

Региональные органы власти ограничены в возможностях формирования регуляторной политики, поскольку большинство вопросов регулируется федеральными органами, региональное законодательство разрабатывается во исполнение федерального.

¹ Тамбовцев В. Л. Методы экономического анализа права в проектировании нормативно-правовых актов // Российский журнал правовых исследований. – 2014. – Т. 1, № 4 (1). – С. 102.

² Сухарев О. С. Экономический рост, институты и технологии: монография. – М.: Финансы и статистика, 2014. – С. 125.

³ Карапетов А. Г. Экономический анализ права. – М.: Статут, 2016. – С. 204.

Мировая практика показывает, что одни и те же регуляторные нормы в разных странах могут иметь различную эффективность (приводить в разной мере к желаемой социально-экономической цели, заложенной в норме), что обусловлено разницей формальных санкций за неисполнение норм (в отношении как предпринимателей, так и самих органов власти) и неформальных ограничений, сложившихся в обществе (уровень доверия к власти, уровень уважения к иным акторам и их правам, уровень социальной ответственности и т. п.).

Одним из наиболее авторитетных исследований неформальной институциональной среды жизнедеятельности человека и ее влияния на социальную и экономическую жизнь в разных странах является проект «Всемирный обзор ценностей» (World Values Survey), который охватывает порядка 90 % населения мира и реализуется этапами с 1981 г. Родоначальником данного масштабного проекта выступает американский социолог Р. Инглхарт, который в своей книге «Культурная эволюция. Мотивации людей меняются и преобразовывают мир» показал на основе результатов указанного лонгитюдного исследования, как менялись ценности во временном и географическом срезе и их связь с развитием различных сторон жизни общества. К концу XX века в мире отмечались тенденции к распространению демократии, защите окружающей среды, снижению авторитаризма и росту постматериалистических ценностей, обусловленные периодом послевоенного подъема экономики и безопасности. Второе десятилетие XXI века в глобальном масштабе характеризуется усилением авторитаризма, политического популизма и разрушением демократии. Причины этого Р. Инглхарт находит в усилении экономического неравенства и снижении экономической безопасности¹.

При оценке качества неформальных институциональных условий многие институционалисты предлагают рассматривать степень доверия (приложение Ж). Это обусловлено отмечаемой значимостью доверия для принципиальной возмож-

¹ Inglehart R. F. Cultural evolution. people's motivations are changing, and reshaping the world. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 288 p.

ности существования контрактных отношений и экономического взаимодействия¹, для которых необходимо ожидание какого-то поведения со стороны экономических агентов². «Всемирный обзор ценностей» также включает в себя оценку уровня институционального доверия, и его авторы находят высокую связь данного параметра с готовностью к технологическим инновациям. Особо остро для прогрессивного развития в доверии нуждаются системы в состоянии высокой неопределенности, транзитивные системы. Так, венгерский экономист Я. Корнай подчеркивает значимость доверия в переходной экономике³, а основатель Всемирного экономического форума К. Шваб – для формирующейся цифровой экономики⁴. Французские экономисты Я. Алган, П. Каю, а также ряд других исследователей показали эмпирическую связь между уровнем доверия и уровнем процветания государства⁵.

Отечественные ученые выдвигают, помимо доверия⁶, такие свойства, как честность, добросовестность, нравственность⁷, взаимная ответственность⁸ и соци-

¹ De Soto H. The other path: the invisible revolution in the third world. – New York: Harper & Row, 1989. – P. 154–156; Стиглиц Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99 % населения? – М.: Эксмо, 2016. – С. 74; Coleman J. S. Introducing social structure into economic analysis // The American economic review. – 1984. – Vol. 74, no. 2. – P. 84.

² Arrow K. J. Gifts and exchanges // Philosophy and public affairs. – 1974. – Vol. 1, no. 4. – P. 357; Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории / пер. с англ. М. Я. Каждана. – М.: Дело, 2003. – С. 279; Коммонс Дж. Р. Правовые основания капитализма / пер. с англ. А. Апполонова, А. Маркова; под ред. М. Одинцовой. – М.: Высшая школа экономики, 2011. – С. 225.

³ Я. Корнай полагает, что в силу плохих законов или недоверия государству и судам предприниматель вынужден ограничиваться кругом проверенных партнеров, опасаясь вступать в новые экономические связи, что ограничивает конкуренцию.

⁴ Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – С. 178.

⁵ Algan Y., Cahuc P. Trust, growth and well-being: new evidence and policy implications // Handbook of economic growth. – 2013. – Vol. 2. – P. 49–120; Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation // Quarterly journal of economics. – 1997. – Vol. 112. – P. 1251–1288.

⁶ Янжул И. И. Экономическое значение честности (забытый фактор производства). – М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1912. – 27 с.; Радаев В. В. Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. – М.: Центр полит. технологий, 1998. – 328 с.; Дементьев В. Е. Доверие – фактор функционирования и развития современной рыночной экономики // Российский экономический журнал. – 2004. – № 8. – С. 46–65; Ляско А. Доверие и транзакционные издержки // Вопросы экономики. – 2003. – № 1. – С. 42–58.

⁷ Сухарев О. С. Экономический рост, институты и технологии: монография. – М.: Финансы и статистика, 2014. – С. 31.

⁸ Клейнер Г. Б. Экономика России и кризис взаимных ожиданий // Общественные науки и современность. – 1999. – № 1. – С. 5–19.

альный капитал¹. Вместе с тем и российские, и зарубежные авторы видят результирующей функцией соблюдение агентами договоренностей и установленных правил, уважение чужих прав, свобод и собственности. В условиях высоких значений данных параметров предприниматель находится в атмосфере сотрудничества и доверия контрагентам, потребителям и органам власти, а трансакционные издержки взаимодействия с ними снижаются.

Автор в рамках исследования будет использовать уровень доверия как ключевой агрегированный показатель качества неформальных институтов предпринимательской деятельности, поскольку он имеет прямо пропорциональную связь со всеми параметрами, представленными в приложении Ж. Таким образом, введение дополнительных показателей в модель привело бы к их мультиколлинеарности².

Использование концепта «доверие» требует некоторых уточнений в силу многогранности его сущности и толкований в различных дисциплинах.

По вопросу первоисточника доверия научное сообщество разделилось на тех, кто поддерживает иррациональную природу доверия как веры, основанной на социальной привычке³, и тех, кто рассматривает доверие как рациональное ожидание будущего поведения⁴. Последний подход является более общепринятым и в социологии, и в экономике, прежде всего институциональной, соответствует ядру новой научной парадигмы и является предпосылкой данного исследования.

Второе основание для классификации – по уровню объекта доверия:

– доверие другому индивиду (межличностное);

¹ Аузан А. А. Общественный договор и гражданское общество ан // Мир России. Социология. Этнология. – 2005. – Т. 14, № 3. – С. 5.

² Мультиколлинеарность (наличие линейной зависимости между объясняющими переменными (факторами) регрессионной модели) приводит к неопределенности параметров в линейной регрессионной модели.

³ Fukuyama F. Trust: the social virtues and the creation of prosperity. – New York: The Free Press, 1995. – 457 p.; Seligmen A. B. The problem of trust. – Princeton: Princeton University Press, 1997. – 231 p.; Giddens, A. The constitution of society. Outline of the theory of structuration. – Cambridge: Polity Press, 1986. – 417 p.

⁴ Luhmann N. Trust and power. – Chichester: John Wiley and Sons Inc., 1979. – 208 p.; Coleman J. S. Foundations of social theory. – Cambridge: Harvard University Press, 1990. – 993 p.; Sztompka P. Trust: a sociological theory. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 214 p.; Algan Y., Cahuc P. Trust, growth and well-being: new evidence and policy implications // Handbook of economic growth. – 2013. – Vol. 2. – P. 49–120.

– доверие безличностным, абстрактным группам акторов (системное, генерализованное, институциональное).

Именно институциональное доверие становится объектом правовых¹ и экономических² исследований³. Основы изучения институционального доверия заложили немецкий социолог Н. Луман и английский социолог Б. Э. Гидденс.

В данном исследовании будем понимать доверие как рациональное ожидание добросовестного поведения обобщенной (абстрактной) группы акторов в части выполнения ими своих функций и обязательств с соблюдением принципов справедливости. Такое ожидание формируется на основе информации об укорененных в обществе практиках взаимодействия, традициях, моральных ценностях и реального опыта индивида. Высокий уровень доверия характеризуется ожиданием добросовестного поведения, компетентного выполнения функций, соблюдения взятых на себя обязательств, поддержанием принципов справедливости. Уровень доверия является динамичной величиной.

Уровень доверия можно измерять как путем опроса экономических агентов, так и на основе некоторых экономических показателей.

При опросном способе установления показателей, по мнению автора, доверие предпочтительнее честности, поскольку, во-первых, индивиды склонны скрывать свое недобросовестное поведение (а значит, ответы о собственной честности будут искажены), во-вторых, доверие носит более агрегированный характер, от-

¹ Гаджиев Г. А. Экономическая эффективность, правовая этика и доверие к государству // Журнал российского права. – 2012. – № 1 (181). – С. 10; Гриб В. В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты: монография. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Юрист, 2011. – С. 22; Козырева П. М. Правовое сознание и доверие // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 4. – С. 108; и др.

² De Soto Н. The other path: the invisible revolution in the third world. – New York: Harper & Row, 1989. – 271 p.; Корнаи Я. Честность и доверие в переходной экономике // Вопросы экономики. – 2003. – № 9. – С. 7; Мокронос А. Г., Анисимов А. В. Совершенствование институциональной среды стратегического проектирования нематериальных активов территории // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2019. – Т. 215, № 1. – С. 245; Тамбовцев В. Л. Экономическая теория неформальных институтов: монография. – М.: Проспект, 2017. – 176 с.; и др.

³ Межличностное доверие чаще становится объектом социологических и психологических исследований.

ражая отношение к поведению группы агентов в регионе, что позволяет уменьшить искажения от выборки конкретных предпринимателей.

В качестве объективных показателей венгерский экономист Я. Корнаи предлагает частоту и серьезность нарушений контрактов, долю предоплаты¹ (например, для Беларуси, Украины и России – около 40 %, Венгрии, Чехии и Польши – примерно 10 %²). Далее автором будут предложены объективные показатели для оценки уровня доверия в пространстве региона.

Таким образом, качественная регуляторная среда, или благоприятные условия предпринимательской деятельности, обеспечивающая долгосрочное социально-экономическое развитие региона, характеризуется:

- оптимальным вмешательством государства в предпринимательскую деятельность при одновременной полноте регулируемых отношений;
- стройностью (синхронизированностью) и адаптивностью системы норм;
- общей ориентацией системы норм на достижение социального, технологического и экономического развития с учетом пространственных особенностей региона;
- сбалансированностью интересов различных групп;
- высоким уровнем доверия органам власти, предпринимателям, потребителям и населению.

Резюмируя вышесказанное, автор считает необходимым при анализе региональной регуляторной среды учитывать дифференциацию в субъектах РФ не только самих норм права, но и неформальных условий их реализации. В данном исследовании будет предложен комплексный подход для оценки качества региональной регуляторной среды.

Задача данного исследования – предложить методику определения уровня качества регуляторной среды в субъектах РФ, характеризующую способность обеспечивать цели ее функционирования, описанные в параграфе 1.3. Для решения

¹ Корнаи Я. Честность и доверие в переходной экономике // Вопросы экономики. – 2003. – № 9. – С. 5.

² Reiser M., Reiser, A. Rousso F. Stein firms trust? Evidence from a survey of 26 transition economies. – Budapest: Collegium Budapest, 2003. – P. 6.

данной задачи с учетом региональных особенностей регуляторной политики и практик взаимодействия автором предлагается собственная комплексная система диагностики регуляторной среды субъекта РФ, опирающаяся на соотношение формальных и неформальных институциональных условий. Диагностика проводится в нескольких направлениях (приложение II), охватывающих различные функции регуляторной среды.

Первое направление диагностики – масштаб регулирования (необходимость и достаточность вмешательства в предпринимательскую деятельность), который определяется через регламентацию взаимодействия предприятие – органы власти. Диагностика проводится на основе анализа региональных правовых норм на предмет отсутствия избыточных административных барьеров при одновременном выявлении наличия норм, направленных на устранение провалов рынка и обеспечение социальных обязательств государства.

Второе направление – полнота регулируемых отношений, которая обеспечивает предсказуемость взаимодействия с органами власти и предотвращает появление коррупционных ситуаций. Диагностика осуществляется на основе изучения региональных правовых норм на предмет отсутствия пробелов в правовом регулировании и потенциальных коррупционных ситуаций в условиях широты и неопределенности полномочий государственных служащих.

Третье направление – стройность системы регуляторных норм, от которой зависит качество регламентации взаимодействия предприятие – органы власти и предсказуемость такого взаимодействия. Оценка осуществляется путем анализа региональных правовых норм на предмет непротиворечивости друг другу и трансляции в них единых целей и показателей по всей иерархии норм, в том числе соответствия федеральным актам и государственным приоритетам.

Четвертое направление – соответствие всей системы норм обеспечению ключевой цели (инновационное развитие и рост благосостояния) является необходимым условием такого развития. Диагностика проводится на основе анализа региональных правовых норм на соответствие обеспечению ключевой цели через создание условий для развития базовых отраслей пятого и шестого технологического

укладов, традиционных и инновационных для региона отраслей, сохранение природных ресурсов для будущих поколений и обеспечение достойного качества жизни каждого.

Пятое направление – адаптивность системы, направленная на обеспечение соответствия системы норм актуальным вызовам и угрозам. Адаптивность изучается на основе анализа порядка нормотворчества в регионе с точки зрения возможности быстрого изменения регулирования под изменяющиеся внешние экономические условия, а также фактической скорости изменения норм в соответствии с изменяющимися условиями и фактическими стимулами трансформации регуляторной среды.

Шестое направление – учет пространственных особенностей региона, выступающий необходимым условием долгосрочного социально-экономического развития конкретной территории. В рамках оценки данного направления проводится рассмотрение региональных правовых норм на предмет учета в них потребностей и потенциала территории региона, локальных (местных) особенностей, необходимости обеспечения равномерного пространственного развития.

Седьмое направление – достижение баланса интересов разных групп в нормативных правовых актах и предоставление возможности отстаивания своих интересов в ходе нормотворчества. Эта сторона региональной регуляторной среды направлена на создание благоприятных условий ведения бизнеса (стимулы к предпринимательству, инновациям и инвестициям), а также обеспечение безопасности работников и потребителей. Диагностика заключается в выявлении степени учета потребностей разных групп в региональных НПА, исследовании системы нормотворчества и организации ОРВ, степени возможного и фактического участия негосударственных акторов в формировании регуляторной политики в регионе.

Восьмое направление – доверие, которое исследуется по трем ключевым группам акторов. Высокий уровень доверия к органам власти формирует уверенность в будущем, повышает восприимчивость акторов к нормам, обеспечивает высокую эффективность правоприменения, соблюдение регуляторных норм. Высокий уровень доверия между предпринимателями снижает трансакционные издерж-

ки их взаимодействия, поиска новых контрагентов. Высокая социальная ответственность бизнеса, ориентация на общественно значимые цели развития бизнеса, отрасли, города, региона способствует повышению доверия и лояльности населения и потребителей, снижению вероятности их оппортунистического поведения, повышая уровень доверия предпринимателей к потребителям. Доверие к собственным сотрудникам способствует снижению транзакционных издержек найма, защиты информации и иных. Уровень доверия исследуется посредством социологического опроса, а также может оцениваться через анализ официальных данных о количестве преступлений экономической направленности, количестве коррупционных преступлений, численности лиц, уволенных с государственной (муниципальной) службы в связи с утратой доверия.

Показатели, характеризующие состояние нормативной правовой среды, предлагается оценивать путем анализа:

- федеральной и региональной нормативной правовой базы, принятой для реализации перечисленных выше вопросов регуляторной политики, относящихся к полномочиям субъекта РФ;
- сложившегося порядка нормотворчества в регионе, в том числе результатов ОРВ проектов, экспертизы и оценки фактического воздействия НПА субъектов РФ;
- официальных отчетов в сфере социально-экономического развития и государственного управления;
- публикаций в средствах массовой информации;
- результатов социологических опросов.

Региональная регуляторная среда оценивается с помощью агрегатных показателей, поскольку такой подход адекватен для анализа общих условий развития экономики, в отличие от изучения единичных, или «поштучных», институтов¹, нацеленного на выявление эффективности и имплементацию отдельных конкретных норм и практик.

¹ Тамбовцев В. Л. Миф о «культурном коде» в экономических исследованиях // Вопросы экономики. – 2015. – № 12. – С. 100–101.

В таблице 3 систематизированы ключевые региональные правовые акты и отдельные их положения, которые оказывают существенное влияние на экономическую деятельность в условиях новой реальности. Элементы сгруппированы по блокам в зависимости от направленности на обеспечение новой индустриализации региона, нравственных аспектов и устойчивости развития.

Таблица 3 – Перечень элементов формальной составляющей региональной регуляторной среды

Блок	Элемент
Элементы, направленные на обеспечение новой индустриализации региона	1. Технологическое (промышленное, инновационное) развитие как один из приоритетов стратегии социально-экономического развития региона
	2. Цифровое развитие как один из приоритетов стратегии социально-экономического развития региона
	3. Концепция/стратегия технологического (промышленного, инновационного) развития
	4. Перечень приоритетных/критических технологий с учетом специфики региона и ориентации на технологии пятого и шестого технологических укладов
	5. Региональный закон о промышленной политике
	6. Региональный закон о науке, научно-технической и инновационной деятельности
	7. Региональные акты о поддержке, в том числе финансовой, науки, научно-технической, промышленной и инновационной деятельности
	8. Региональная (государственная, комплексная, целевая) программа развития промышленности, науки, инновационной деятельности
	9. Региональные акты в сфере развития цифровой экономики
	10. Региональные планы импортозамещения
	11. Нормативное закрепление действия на территории региона специализированной формы технологической кооперации и развития
Элементы, направленные на обеспечение нравственных аспектов развития региона	12. Нормативное закрепление подходов к повышению кооперации промышленных предприятий друг с другом, крупного и малого бизнеса, промышленности и науки
	13. Закрепление и поддержка развития детского технологического творчества
	14. Закрепление и поддержка конкурсов профессионального мастерства в промышленной сфере на регулярной основе
	15. Проведение ОРВ в соответствии с принципами открытости и эффективности
	16. Региональный закон о поддержке малого предпринимательства

Продолжение таблицы 3

Блок	Элемент
Элементы, направленные на обеспечение устойчивости развития региона	17. Устойчивое (эколого- и ресурсосберегающее) развитие как один из приоритетов стратегии социально-экономического развития региона
	18. Концепция экологической безопасности
	19. Сбалансированное, равномерное пространственное развитие (освоение) территории как приоритет стратегии социально-экономического развития региона
	20. Концепция/программа/мероприятия в рамках стратегии социально-экономического развития по формированию экологической культуры населения
Примечание – Составлено автором.	

Качество формальной составляющей регуляторной среды оценивается следующим образом:

$$FI = \sum n_i; \quad (1)$$

$$n_i = \begin{cases} 1, & \text{утвержден документ с явным названием, отражающим наличие элемента;} \\ 0, & \text{документ или упоминание о соответствующем элементе не обнаружено;} \\ 0,5, & \text{элемент упоминается в общестратегическом документе.} \end{cases}$$

Качество неформальной составляющей регуляторной среды региона предлагается оценивать по косвенным показателям (формула (2)): уровню доверия предпринимателей властям (доля предпринимателей, считающих, что региональные власти способствуют развитию бизнеса, %), уровню добросовестности в экономической среде (среднее количество ежегодно регистрируемых преступлений экономической направленности на 1 000 предприятий; среднее число ежегодно выявляемых лиц, совершивших преступления экономической направленности, на 1 000 предприятий), уровню коррумпированности (среднее количество ежегодно регистрируемых преступлений коррупционной направленности на 1 000 чиновников)¹:

¹ Анимица Е. Г., Рахмеева И. И. Эконометрический факторный анализ развития регионов Уральского макрорегиона в эпоху четвертой промышленной революции // Социум и власть. – 2020. – № 5 (85). – С. 51–64.

$$\text{inFI} = \frac{\sum_{i=1}^7 \text{Trust}_i}{\text{Max}[\text{Trust}]} \times 10 + \frac{\frac{\sum_{i=1}^7 \text{Crime}_i}{\text{Max}[\text{Crime}]} \times 10 + \frac{\sum_{i=1}^7 \text{Guilty}_i}{\text{Max}[\text{Guilty}]}}{2} + \frac{\sum_{i=1}^7 \text{Corruption}_i}{\text{Max}[\text{Corruption}]} \times 10, \quad (2)$$

где Trust – доля предпринимателей, считающих, что региональные власти способствуют развитию предпринимательства, %; Crime – среднее количество ежегодно регистрируемых преступлений экономической направленности на 1 000 предприятий; Guilty – среднее число ежегодно выявляемых лиц, совершивших преступления экономической направленности, на 1 000 предприятий; Corruption – среднее количество ежегодно регистрируемых преступлений коррупционной направленности на 1 000 чиновников.

Для обеспечения сопоставимости при проведении сравнительного регионального анализа все индикаторы нормируются относительно максимального в совокупности в 10-балльной шкале:

$$\text{NIndicator} = \frac{\text{Indicator}_i}{\text{Max}[\text{Indicator}]_{i=1}} \times 10. \quad (3)$$

Тогда качество региональной регуляторной среды может быть рассчитано как:

$$Q_{RE} = \text{NFI} + \text{NinFI}. \quad (4)$$

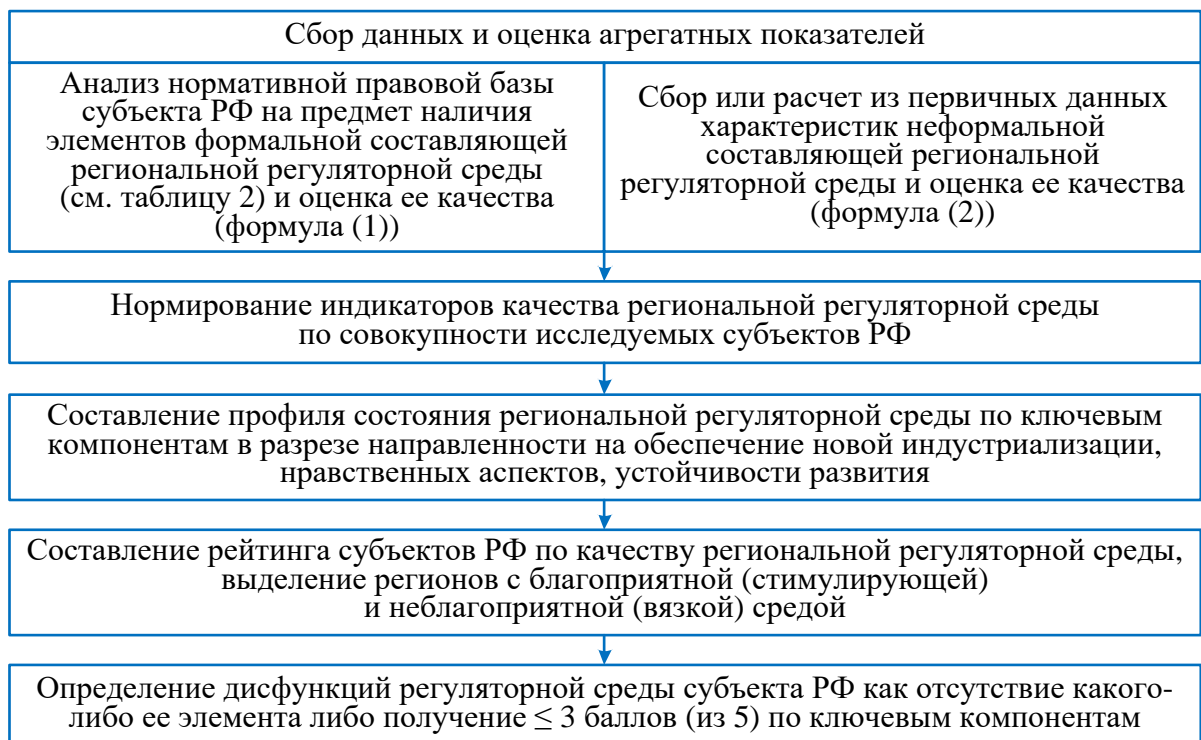
При составлении профиля региональной регуляторной среды к числу ключевых компонентов регуляторной среды традиционно-промышленных регионов отнесены:

– для обеспечения новой индустриализации: проработанность в стратегии социально-экономического развития региона приоритетов его технологического развития, закрепление в региональной нормативной базе поддержки науки и инновационной деятельности, формирование правовых основ развития цифровой экономики в субъекте РФ;

– для обеспечения нравственных аспектов развития: закрепление в региональной нормативной базе престижа технологического творчества и промышленных профессий, уровни добросовестности в экономической среде и коррумпированности, ощущение поддержки со стороны региональных властей предпринимателями, качество оценки регулирующего воздействия в субъекте РФ;

– для обеспечения устойчивости развития: проработанность в стратегии социально-экономического развития приоритетов устойчивости развития региона.

Итоговый алгоритм авторской методики диагностики региональной регуляторной среды представлен на рисунке 20.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 20 – Алгоритм авторской методики диагностики региональной регуляторной среды

Научной новизной авторской методики, отличающей ее от подходов, рассмотренных в приложении Е, является, во-первых, узкая направленность оценки именно на качество регуляторной среды, а не на качество государственного управления (т. е. смещение акцента на анализ условий и ограничений хозяйственной деятельности, детерминирование и стимулирование технологической, новаторской деятельности); во-вторых, оценка качества с позиции создания условий для долгосрочного экономического роста территории, а не обеспечения максимальной экономической свободы и минимального государственного вмешательства¹; в-третьих, региональный аспект методики, т. е. приложение ее именно к территориальной единице внутри страны.

2.3 Эконометрическая модель оценки влияния региональной регуляторной среды на социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации

Как указывает выдающийся методолог науки М. Блауг, в новой парадигме с ее представлениями о постоянной трансформации мира, а значит, и изменчивости начальных условий, перестают работать принципы фальсификации и верификации. Но это не означает необходимость отказа от количественных исследований и попыток выявления связей материального и социального. Взамен уходящей методологии М. Блауг предлагает формулировать не теории со строгими законами, а парадигмы с аналитическим каркасом, законами-тенденциями с границами их

¹ Подробнее данный вопрос рассмотрен в главе 1. Несмотря на то, что автор в целом согласен с утверждениями европейских и американских исследователей, что рыночная свобода в долгосрочной перспективе показывает себя более конкурентоспособной, однако мы считаем необходимым сохранение государственного вмешательства для преодоления провалов рынка и кризисных явлений. Поскольку вопрос оптимальности государственного вмешательства остается дискуссионным в научных кругах, то предлагается от оценки экономической свободы, априори являющейся индикатором конкурентоспособности в европейских и американских исследованиях, перейти именно к оценке влияния на экономическое развитие территории, в том числе путем государственного вмешательства в хозяйственную деятельность.

применимости и исчерпывающей формулировкой искажающих факторов¹. Это, в свою очередь, требует новых методов доказывания.

Теория экономики и права (экономического анализа права), поведенческая экономика становятся еще одними элементами «защитного пояса». Новая научная парадигма активно вовлекает эконометрический инструментарий и экспериментальную экономику² в исследование общественных отношений, склоняясь к операционализму. В силу практической недоступности контролируемых экспериментов над общественными процессами в институциональной экономике завоевывают признание естественные эксперименты – исследования, проводимые на базе объектов, схожих по основным показателям и подвергшихся дифференцированному воздействию интересующего ученых аспекта при прочих равных условиях. Перечисленные методы использованы и в диссертационном исследовании.

Такие исследования расширили понимание механизмов и общественной эффективности коллективных принятий решений, связанных с общим благосостоянием, явлений коррупции и альтруизма, источников территориальной дифференциации и факторов роста.

Долгосрочный эффект грамотно построенной регуляторной среды выражается в учете при формировании регуляторной политики вызовов и угроз новой реальности, стратегических целей по переходу региона к новому технологическому укладу и цифровой экономике, формированию среды доверия, обеспечению глобальной конкурентоспособности территории, устойчивого и более равномерного пространственного развития (последний аспект подробнее будет раскрыт в главе 3).

В точке бифуркации регуляторная среда должна детерминировать коридор технологического развития, способствуя разработке и внедрению базовых, прио-

¹ Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / пер. с англ. Ю. В. Автономова; под ред. В. С. Автономова. – 2-е изд. – М.: Журнал «Вопросы экономики», 2004. – С. 165.

² Базуева Е. В., Радионова М. В. Эконометрическая оценка влияния социальных индикаторов на динамику регионального экономического роста (на примере субъектов Приволжского федерального округа) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 56–70; Белянин А. В., Бобкова Н. В., Эгберт Х., Косалс Л. Я. Экспериментальные методы исследования коррупции в экономических и социологических науках // Экономическая социологии. – 2014. – Т. 15, № 1. – С. 61–88.

ритетных технологий, которые создают каскад появления новых технологий. К таковым относят:

- цифровые технологии, включающая развитие робототехники, искусственного интеллекта, больших данных, интернета вещей, блокчейна, дополненной реальности, облачных и других передовых технологий;
- интеграцию нано-, био-, информационных и когнитивных технологий¹;
- ресурсосберегающие и зеленые технологии, востребованные в силу истощения природных ресурсов и обострения экологических проблем.

Современные исследования подтверждают, что «диспропорции в развитии регионов России при первом приближении определяются различиями в наличии природных ресурсов, некоторые регионы сумели улучшить свое положение относительно других, не имея крупных запасов углеводородов», благодаря «эффективности политики властей по снижению инвестиционных рисков и использованию человеческого капитала»².

Регуляторная среда определяет размеры теневого сектора. «Институциональная среда в регионах влияет на малое предпринимательство и самым очевидным образом, в основном негативно. Например, высокая занятость в малом бизнесе в Дагестане (46 %), Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии (25–27 %) в основном обеспечена предпринимателями без образования юридического лица (ПБОЮЛ) и самозанятыми, производящими товарную продукцию на продажу. Это означает, что в неблагоприятной институциональной среде малый бизнес развивается в формах, снижающих трансакционные издержки взаимодействия с государством, в том числе в виде самозанятости в теневой экономике»³.

Дополнительно к описанному подробно в параграфе 1.3 обоснованию влияния регуляторной среды на социально-экономическое развитие региона автор об-

¹ Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – 288 с.

² Земцов С. П., Смелов Ю. А. Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2018. – № 4 (40). – С. 84.

³ Зубаревич Н. В. Региональное развитие и институты: российская специфика // Региональные исследования. – 2010. – № 2 (28). – С. 6.

ращает внимание на следующие аргументы, связанные с внешней формой и внутренним содержанием государственного регулирования. Социологи полагают значимым учитывать «веберианизацию» (степень соответствия государственных хозяйственных организаций идеальному типу бюрократии М. Вебера¹) как фактор экономического роста². «Любое урезание свобод делает предпринимателя неспособным плодотворно работать»³, в том числе на свою страну. Профессор В. И. Авдийский также утверждает, что «любой собственник, защищенный надлежащим образом современными нормами права, в условиях рыночной экономики является одним из главных гарантов стабильности в экономике. Он не только несет основную экономическую нагрузку по производству средств потребления, но и, самое главное, финансирует государство, создавая тем самым условия, обеспечивающие выполнение государством возложенных на него задач и функций»⁴. Идея обеспечения одновременно свободы и защиты прав предпринимателей в совокупности с общеизвестным утверждением правового характера – «свобода (права) одного гражданина заканчивается там, где начинается свобода другого гражданина»⁵ – порождают в научных кругах дискуссию о границах государственного влияния.

По мнению академика РАН С. Ю. Глазьева, китайские коммунисты, осуществив «синтез» капиталистической и социалистической систем, построили «соци-

¹ Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / пер. с нем. под ред. Л. Г. Ионина. – М.: Высшая школа экономики, 2016. – Т. 1: Социология. – Гл. 3. – С. 252–333.

² Evans P., Rauch J. E. Bureaucracy and growth: a cross-national analysis of the effects of “Weberian” state structures on economic growth // American sociological review. – 1999. – Vol. 64, no. 5. – P. 748.

³ Эрхард Л. Мышление порядка в рыночной экономике // Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России / Р. М. Нуреев, К. Н. Костюк, Г. Г. Попов и др. – М.: Высшая школа экономики, 2007. – С. 34.

⁴ Авдийский В. И. Экономический анализ права // Вестник Финансового университета. – 2012. – № 2. – С. 105–106.

⁵ Данное утверждение родилось из решения суда в Париже в XII–XIII веках по делу о том, что парламентарий, размахивая руками в разговоре, задел нос соседа. Парламентарий, размахивавший руками, сказал: «Я имею право размахивать руками!». Суд вынес решение: «Ваша свобода размахивать руками заканчивается там, где начинается свобода чужого носа». Позднее эта фраза в традиционном ее использовании вошла во французскую Всеобщую декларацию прав человека и гражданина (1789 г.) и упоминалась в трудах таких мыслителей, как М. Робеспьер и В. Гюго. В российском обиходе выражение стало общеприменимым после того, как анархист М. А. Бакунин предложил использовать лозунг «Свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого».

алистическую рыночную экономику», ориентированную на поддержку и регулирование предпринимательской деятельности государством таким образом, чтобы «удерживать энергию частного бизнеса в русле общественных интересов, интегрируя деятельность различных социальных групп и профессиональных сообществ таким образом, чтобы ее результатом становился рост общественного благосостояния»¹. И такой подход к регуляторной политике позволил Китаю стать лидером по темпам социально-экономического развития в начале XXI века. Профессор О. А. Романова также подчеркивает, что новый мирохозяйственный уклад, основанный на азиатском цикле накопления, ориентированный на «сочетание институтов государственного регулирования и рыночной самоорганизации при сохранении не только свободного предпринимательства, но и государственного контроля над основными параметрами воспроизводства экономики»², способен обеспечить «устойчивое развитие всего человечества». Наибольшие успехи в преодолении пандемии COVID-19 в 2020 г. также продемонстрировали именно азиатские страны, сумевшие в кратчайшие сроки мобилизовать систему здравоохранения, обеспечить социальное дистанцирование и выход из последовавшего экономического кризиса.

Современный подход к формированию регуляторной политики (см. рисунок 11) предполагает применение оптимального вмешательства государства в экономику, не препятствующего прибыльной деятельности предпринимателей, но создающего соответствующие условия для развития экономики, достижения общественных целей и выполнения социальных обязательств власти.

Регулирование также позволяет «влиять на процесс технологического обновления»³. Влияя на технологическое развитие (его направление и интенсив-

¹ Глазьев С. Ю. Какая идеология поднимет Россию? // Завтра. – URL: https://zavtra.ru/blogs/kakaya_ideologiya_podnimet_rossiyu (дата обращения: 24.01.2018).

² Романова О. А. Инновационная парадигма новой индустриализации в условиях формирования интегрального мирохозяйственного уклада // Экономика региона. – 2017. – Т. 13, № 1. – С. 285.

³ Сухарев О. С. Управление структурой технологического развития: риск и «процентный портфель» // Управленец. – 2019. – Т. 10, № 1. – С. 2.

ность), органы власти также определяют темпы экономического развития и структуру промышленности региона.

Ключевой целью формирования качественной регуляторной среды, выраженной в оптимальном регулировании, служит долгосрочное социально-экономическое развитие территории.

На основе данных посылок автором сформулирована следующая гипотеза: *уровень социально-экономического и инновационного развития региона имеет статистически значимую зависимость от качества регуляторной среды в субъекте РФ.*

Если в предыдущем параграфе автором сформирована методика определения качества регуляторной среды, то в данном разделе стоит задача – предложить методику выявления указанной корреляции и верифицировать, действительно ли усилия по созданию благоприятной регуляторной среды достигают своей цели и влияют на экономическое развитие и инвестиционную привлекательность региона. Автор попытается решить данную нетривиальную задачу, хотя некоторые регионоведы полагают, что «ответить на вопрос (какую роль играют современные институциональные стимулы и барьеры в развитии регионов России. – И. Р.) с использованием количественных оценок вряд ли возможно»¹.

Автор признает необходимость абстрагирования при моделировании и наличие ограничения в части возможности определения прямой, однозначно математически заданной функции зависимости социально-экономического развития региона от качества регуляторной среды как институционального фактора, поскольку невозможно изучение данной зависимости в идеальных условиях, т. е. в ситуации неизменности и пространственной однородности иных факторов, имеющих влияние (см. параграф 1.3). Так, регионоведами отмечается, что «между показателями экономического роста и уровнем развитости институтов существуют неоднозначные причинно-следственные связи»², а «однозначных результатов получить не

¹ Зубаревич Н. В. Региональное развитие и институты: российская специфика // Региональные исследования. – 2010. – № 2 (28). – С. 5.

² Кирдина С. Г. Роль институтов и географии в экономическом развитии: актуальная полемика в гетеродоксальной экономике // Пространственная экономика. – 2016. – № 3. – С. 139.

удается, поскольку имеются проблемы с измерением вклада тех или иных переменных (помимо институциональных и географических факторов, множество иных – от производственных до социально-культурных. – *И. Р.*) в совокупный экономический рост»¹. Вместе с тем методология новой научной парадигмы как раз позволяет исследовать эконометрическими способами законы-тенденции в заданных условиях.

Синергетический подход к анализу предполагает оценку интегрального влияния факторов первой и второй природы. Выбранный метод эконометрического факторного анализа для выявления значимости регуляторной среды заключается в эконометрической оценке математической модели зависимости уровня экономического развития региона (измеряемого традиционно как валовый региональный продукт на душу населения) от географических и институциональных факторов:

$$GRP_{\text{per capita}} = \text{const} + \alpha_1 \times N\text{Min} + \alpha_2 \times N\text{Transp} + \alpha_3 \times N\text{Agr} + \alpha_4 \times N\text{Reg}, \quad (5)$$

где $GRP_{\text{per capita}}$ – ВВП на душу населения; $N\text{Min}$ – нормированный показатель добычи полезных ископаемых на душу населения; $N\text{Transp}$ – нормированный показатель фактора географического положения; $N\text{Agr}$ – нормированная площадь сельскохозяйственных угодий; $N\text{Reg}$ – нормированное качество регуляторной среды; const и α_i – параметры уравнения.

Как отмечает методолог М. Блауг, «для прогноза достаточно просто найти корреляцию, в то время как для объяснения этого мало»², поскольку предлагаемая регрессия может не иметь теоретического обоснования и представлений, какие переменные – причина, а какие – следствия. Эмпирическая проверка модели должна

¹ Фролов Д. П. Имеют ли институты значение для пространственной экономики? // Пространственная экономика. – 2015. – № 1. – С. 15.

² Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / пер. с англ. Ю. В. Автономова; под ред. В. С. Автономова. – 2-е изд. – М.: Журнал «Вопросы экономики», 2004. – С. 46.

проводиться в рамках естественного эксперимента на базе схожих территорий¹, что позволит фальсифицировать гипотезу в фиксированных внешних условиях.

Для сглаживания случайных погрешностей данные могут быть усреднены за несколько лет, а также с учетом лага воздействия институциональной среды для институциональных факторов должен быть выбран более ранний период.

Нормированный показатель фактора географического положения предлагается оценивать следующим образом:

$$NTrans = \frac{\text{Rail}_i}{\text{Max}[\text{Rail}]_{i=1}} \times 10 + \frac{\text{Auto}_i}{\text{Max}[\text{Auto}]_{i=1}} \times 10 + Adv + Dis, \quad (6)$$

где Rail – плотность железнодорожных путей общего пользования, км путей на 10 000 км² территории; Auto – плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, км путей на 1 000 км² территории; Adv – наличие транспортных преимуществ; Dis – географические недостатки.

В последующих главах будет проведена апробация предложенной методики и, таким образом, проведена проверка авторской гипотезы о корреляции качества регуляторной среды в субъекте РФ с уровнем его экономического развития.

¹ Подробнее о методе естественного эксперимента см. параграф 1.1.

3 Исследование современных процессов трансформации региональной регуляторной среды

3.1 Факторы формирования формальной составляющей региональной регуляторной среды

Экономистами подробно изучены факторы социально-экономического развития территории (А. Г. Аганбегян¹, Е. Г. Анимица, П. И. Блусь, Е. Б. Дворядкина и др.², А. И. Татаркин³, Г. Б. Клейнер⁴, А. Н. Пилясов⁵, О. В. Кузнецова⁶), а также некоторых отдельных его составляющих, например, производства (К. В. Павлов⁷, С. Д. Бодрунов, Р. С. Гринберг, Д. Е. Сорокин⁸), демографии (Е. Л. Мотрич⁹, С. В. Рязанцев¹⁰), инвестиций (В. С. Лисин¹¹) и т. п. С точки зрения государственного управления регионоведы уделяют внимание, как правило, факторам

¹ Аганбегян А. Г. Социально-экономическое развитие России. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Дело, 2004. – 272 с.

² Регион в социально-экономическом пространстве России: анализ, динамика, механизм управления: монография / Е. Г. Анимица, П. И. Блусь, Е. Б. Дворядкина и др.; под науч. ред. А. И. Татаркина. – Пермь: ПГУ, 2008. – 402 с.

³ Татаркин А. И., Анимица Е. Г. Формирование парадигмальной теории региональной экономики // Экономика региона. – 2012. – № 3 (31). – С. 11–22.

⁴ Клейнер Г. Б. Институциональные факторы долговременного экономического роста // Экономическая наука современной России. – 2000. – № 1. – С. 5–20.

⁵ Пилясов А. Н. Политические и экономические факторы развития российских регионов // Вопросы экономики. – 2003. – № 5. – С. 67–82.

⁶ Кузнецова О. В. Пирамида факторов социально-экономического развития регионов // Вопросы экономики. – 2013. – № 2. – С. 121–131.

⁷ Павлов К. В. Интенсификация экономики в условиях неопределенности рыночной среды. – М.: Магистр, 2007. – 271 с.

⁸ Бодрунов С. Д., Гринберг Р. С., Сорокин Д. Е. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // Экономическое возрождение России. – 2013. – № 1. – С. 19–49.

⁹ Мотрич Е. Л. Население Дальнего Востока России = Population of the Russian Far East. – Владивосток: ДВО РАН, 2006. – 224 с.

¹⁰ Рязанцев С. В. Современный демографический и миграционный портрет Северного Кавказа: монография. – Ставрополь: Ставропольсервисшк., 2003. – 375 с.

¹¹ Лисин В. С. Инвестиционные процессы в российской экономике // Вопросы экономики. – 2004. – № 6. – С. 4–27.

эффективности такого управления (В. А. Ильин, А. И. Поварова¹) и отдельных его элементов (Н. В. Фадейкина, Н. В. Брюханова²), уровня коррупции (Ю. А. Воронин, С. И. Вейберт³), открытости власти и эффективности взаимодействия с обществом (Е. А. Каменская⁴, О. Ю. Гончаров⁵, А. А. Яковлев⁶). Факторы, определяющие функционирование, трансформацию именно регуляторной среды, являются малоизученными и во многом дискуссионными.

Регуляторная среда рождается и функционирует в конкретном пространстве с его специфическими чертами. Так, немецкий экономист В. Ойкен в 1947 г. отмечал, что те или иные хозяйственные порядки являются естественно выросшими, складывающимися под влиянием определенного природного и иного окружения вне зависимости от какого бы то ни было всеобъемлющего плана⁷. В свою очередь, американский специалист в области экономической и политической социологии Н. Флигстин поддерживал идею ограниченности поля действия законов территорий установивших их групп влияния, при этом он видел операционную роль институтов в воспроизводстве властных позиций⁸. Российский профессор В. А. Вай-

¹ Ильин В. А., Поварова А. И. Проблемы эффективности государственного управления = Public administration efficiency: тенденции рыночных трансформаций, кризис бюджетной системы, роль частного капитала, Стратегия-2020: проблемы реализации: монография. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 185 с.

² Фадейкина Н. В., Брюханова Н. В. Институциональные условия внедрения оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов в области предпринимательской деятельности в практику регионального публичного управления // Сибирская финансовая школа. – 2014. – № 2 (103). – С. 3–10.

³ Коррупция в сфере государственного и муниципального управления: проблемы, тенденции, перспективы противодействия: монография / К. А. Бейсенбин, В. Н. Борков, В. И. Винницкий и др. – Екатеринбург: Урал. ин-т упр. РАНХиГС, 2015. – 296 с.

⁴ Каменская Е. А. Сущность и особенности информационной открытости органов власти в современной России // Общество: политика, экономика, право. – 2011. – № 2. – С. 18–24.

⁵ Гончарова О. Ю. Взаимодействие публичной власти и малого предпринимательства: региональный аспект // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2014. – № 4. – С. 107–115.

⁶ Яковлев А. А. Эволюция стратегий взаимодействия бизнеса и власти в российской экономике // Российский журнал менеджмента. – 2005. – Т. 3, № 1. – С. 27–52.

⁷ Ойкен В. Основы национальной экономики. – М.: Экономика, 1996. – С. 72–73.

⁸ Fligstein N. Fields, power, and social skill: a critical analysis of the new institutionalisms // Journal of economic sociology. – 2001. – Vol. 2, no. 1. – P. 5–6.

пан также подчеркивает историческую и национальную обусловленность «состава, содержания и системы» права¹.

Институционалисты не исключают географической обусловленности общественных отношений. Академик РАН С. Ю. Глазьев и его коллеги указывают на необходимость учета «своеобразия институциональной системы территории»². Современная экономика представляет собой «мир специализированной взаимозависимости, в котором благополучие отдельных участников зависит от сложной структуры, характеризующейся индивидуальной специализацией и, следовательно, меновыми связями, имеющими временную и пространственную протяженность»³. Это приводит к высоким транзакционным издержкам, связанным с изменением характеристик объектов обмена, обеспечением соблюдения условий обмена. Такие транзакционные издержки выражаются в обмане, нарушении соглашений, беспринципности. «Институты организуют совместную деятельность общества на той или иной территории, позволяющую использовать природные ресурсы для общего выживания и развития»⁴. Государство, вмешиваясь в экономику путем установления правил и контроля за соблюдением прав собственности и регуляторных норм в отдельных сферах экономических отношений, повышает эффективность процессов обмена и продуктивность экономики территории. Вместе с тем лауреат Нобелевской премии Д. Норт указывает на наличие «серьезных отличий»⁵ реализации данных функций государства в пространстве. Теоретические

¹ Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика. – М.: Юстицинформ, 2017. – 280 с.

² Глазьев С. Ю., Наумов Е. А., Понукалин А. А. Институциональные проблемы устойчивого социально-экономического развития: парадигма формирования научно-образовательных и инновационных структур // Социологические науки. – 2014. – № 3 (03). – С. 100.

³ North D. C. Institutions and economic growth: an historical introduction // World development. – 1989. – Vol. 17, no. 9. – P. 1321.

⁴ Кирдина С. Г. Роль институтов и географии в экономическом развитии: актуальная полемика в гетеродоксальной экономике // Пространственная экономика. – 2016. – № 3. – С. 135.

⁵ North D. C. Institutions and economic growth: an historical introduction // World development. – 1989. – Vol. 17, no. 9. – P. 1326.

основы изучения данной проблематики заложили еще Г. Беккер¹, К. Л. Ланкастер², Д. Норт³, С. А. Чунг⁴.

Наличие влияния географических факторов на общество, экономику и принимаемые управленческие решения является общепризнанным в научном сообществе еще со времен А. Смита⁵. Рассмотрим подробнее влияние региональных факторов на формальную составляющую региональной регуляторной среды.

1. Природно-климатические условия (географическое положение, особенности климата и рельефа).

В 2014–2015 гг. коллективом Института экономики РАН было проведено сравнительное исследование наличия и характера связей между институциональными и географическими факторами на выборке из 65 стран, в сумме производящих 89,9 % мирового ВВП. Ключевым результатом по итогам исследования стало статистическое доказательство гипотезы «о влиянии природно-географических условий на доминирование в стране той или иной институциональной матрицы (другими словами, география, или, точнее, климат, однозначно определяет характер исторически доминирующих институтов)»⁶.

Д. Аджемоглу (Асемоглу), С. Джонсон и Дж. Робинсон проанализировали развитие европейских колоний начиная с XVI века. Ими установлена обратная зависимость уровня современного развития от смертности колонистов и предложено следующее объяснение. Условия жизни в колониях влияли на масштаб переселения и, как следствие, выбор между «экстрактивными», нацеленными на извлече-

¹ Becker G. S. Crime and punishment: an economic approach // Journal of political economy. – 1968. – No. 76 (2). – P. 169–217.

² Lancaster K. J. A New approach to consumer theory // Journal of political economy. – 1966. – Vol. 74. – P. 132–157; Lancaster K. J. Change and innovation in the technology of consumption // American Economic Review. – 1966. – Vol. 56, no. 2. – P. 14–23.

³ North D. C. Institutions, transaction costs and economic growth // Economic inquiry. – 1988. – Vol. 25. – P. 419–428; North D. C. Institutions, institutional change and economic performance. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 159 p.

⁴ Cheung S. A. Transaction costs, risk aversion, and the choice of contractual arrangements // Journal of law and economics. – 1969. – Vol. 12, no. 1. – P. 23–42; Cheung S. A. A theory of price control // Journal of law and economics. – 1974. – Vol. 17. – P. 53–69.

⁵ Smith A. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations (1776). – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 618 p.

⁶ Кирдина С. Г. Роль институтов и географии в экономическом развитии: актуальная полемика в гетеродоксальной экономике // Пространственная экономика. – 2016. – № 3. – С. 135.

ние ренты (например, Бельгийское Конго, Нигерия, Перу), и «инклюзивными» институтами, стимулирующими инвестиции (например, Канада, Новая Зеландия)¹.

Тема влияния географических особенностей традиционно была значима для русской историко-культурологической мысли со времен Л. Н. Гумилева², В. О. Ключевского³, и С. М. Соловьева⁴. Они видели тесную связь характера народного хозяйства и общественных отношений, русских нравов с суровыми природными условиями страны. Среди зарубежных специалистов по истории и экономике России наиболее ярким выразителем аналогичных идей выступает американский профессор Р. Пайпс. Он также обосновывал исторический путь России природно-климатическими условиями. Так, причину укоренения крепостного права он видел в необходимости колонизации для выживания, склонность общества к централизованной власти, вертикальному контракту – в потребности сохранить обширные территории и обеспечить их связность⁵.

Для России, раскинувшейся через разные климатические пояса на несколько тысяч километров, географический фактор имел значение для всех сфер жизнедеятельности, учитывался при выработке управленческих решений и являлся объектом исследования не только географов, но и экономистов, обществоведов и других ученых. В XIX веке историк В. О. Ключевский описывал взаимосвязь географического положения России и ее исторического развития⁶, правовед и историк Б. Н. Чичерин обосновывал господствующую роль государства в российской истории (по сравнению с другими странами, прежде всего Западной Европы) особенностями природных условий⁷. «Государственный строй не есть пустая и мертвая „форма“: он связан с жизнью народа, с его природою, климатом, размерами

¹ Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. The colonial origins of comparative development: an empirical investigation // The American economic review. – 2001. – Vol. 91, no. 5. – P. 1369–1401.

² Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. – М.: Эксмо, 2007. – 760 с.

³ Ключевский В. О. Сочинения: в 8 т. – М.: Госполитиздат, 1956. – Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. – С. 61.

⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. – М.: Эксмо, 2005. – С. 78.

⁵ Pipes R. E. Russia under the old regime. – New York : Charles Scribner's Sons, 1974. – 361 p.

⁶ Ключевский, В. О. Сочинения: в 8 т. – М.: Госполитиздат, 1956. – Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. – С. 61.

⁷ Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. – М.: К. Солдатенков и Н. Щепкин, 1858. – 402 с.

страны, с ее историческими судьбами... Государственный строй есть живой порядок, вырастающий из всех этих данных, по-своему выражающий их, приспособленный к ним и неотрывный от них»¹. Для управления и поддержания порядка (а это главная функция государства) на столь обширных территориях требовалась жесткая вертикальная система управления, а для выживания в суровых климатических условиях была необходима сплоченность, что способствовало укоренению идей общинности, коллективизма, империализма в российском сознании.

Академик РАН М. К. Горшков так определяет влияние географических особенностей на государственную политику в современной России: «...высокая степень распыленности населения, несопоставимость наличных людских ресурсов с пространственными параметрами, требуют поддержания территориальной целостности за счет включения фактора государственных скреп. <...> климатические и ландшафтные условия порождают особую ритмику труда (мобилизационный тип), целесообразность общинной и коллективистской модели труда и распределения»².

В целом можно обобщить, что более суровые климатические условия определяют большую зависимость выживаемости, конкурентоспособности от поддержки органов власти, общих усилий, подчинения правилам, что приводит к усилению зарегулированности и контроля.

В пространственном рассмотрении влияние оказывают соседние территории, выступающие одновременно и партнерами, и конкурентами³. В исследовании отечественных политических географов-экономистов «Атлас международных отношений» представлен корреляционный анализ автокорреляции параметров в мировом пространстве. В результате выявлены отдельные пространственные кластеры, в которых ярко проявляется первый закон географии (всё влияет на всё, но то, что ближе, влияет сильнее). В то же время сделан вывод, что географические со-

¹ Ильин И. А. В поисках утраченной державности // Федерализм. – 1998. – № 1. – С. 183–184.

² Горшков М. К. Российская идентичность в контексте новых вызовов и рисков // Научные труды Вольного экономического общества. – 2015. – Т. 195, № 6. – С. 284–285.

³ Анимица Е. Г., Рахмеева И. И. Эконометрический факторный анализ развития регионов Уральского макрорегиона в эпоху четвертой промышленной революции // Социум и власть. – 2020. – № 5 (85). – С. 53.

седи не являются решающим фактором состояния отдельных стран. В частности, выделены «африканский кластер стран с низким уровнем доли от мирового ВВП» и североамериканский кластер с высокими показателями ВВП, попадание в который Мексики и Канады авторы объясняют «соседством с США»¹.

Автор полностью разделяет классический подход к высокой степени обусловленности географическими особенностями сформировавшейся общественной и государственной российской системы. Вместе с тем, по нашему мнению, в XXI веке экономическое пространство трансформируется и его роль существенно меняется.

2. Богатство природными ресурсами.

Географы и экономисты закономерно обосновывают историческое разделение труда, специализацию территории именно наличием определенных ресурсов².

Как правило, богатство природными ресурсами способствует формированию экстрактивных институтов, которые являются достаточно устойчивыми в связи с формированием на их основе богатой властной элиты, желающей сохранить свое положение. Скудность природных ресурсов вынуждает искать инклюзивные институты для обеспечения роста.

В свою очередь, специализация производства в субъекте РФ определяет содержание стратегических и программных документов регионального уровня, обозначаемые в них приоритеты развития и сильные стороны, факторы конкурентоспособности территории.

Регионы, чьи стратегии развития ориентированы на экстрактивный характер развития, могут проиграть в период четвертой промышленной революции. «Автоматизация... может резко подорвать сравнительные преимущества в производстве трудоемких товаров и услуг» некоторых регионов³. Сырьевая экономика стано-

¹ Атлас международных отношений: пространственный анализ индикаторов мирового развития / И. Ю. Окунев, С. Л. Баринов, А. А. Беликов и др. – М.: Аспект Пресс, 2020. – С. 27.

² Григорьев О. В. Эпоха роста. Лекции по неоконимике. Расцвет и упадок мировой экономической системы. – М.: Карьера Пресс, 2014. – С. 314–316; Smith A. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations (1776). – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 618 p..

³ Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – С. 126.

вится не просто менее конкурентоспособной на текущем этапе, но и несет риск существенного технологического и экономического отставания в долгосрочной перспективе.

Экстрактивный характер экономической политики проявляется в нарастании экологических проблем. Обострение экологической ситуации приводит к необходимости ограничения хозяйственной деятельности и использования ресурсов для поддержания здоровья и качества жизни населения.

3. Развитость научных и образовательных центров региона.

Высокий научно-образовательный потенциал территории влияет не только на уровень инновационного развития экономики территории, но и на состояние формальной составляющей регуляторной среды.

Развитость научных и образовательных центров региона выражается в проведении научных исследований и обосновании перспектив развития территории, подготовке компетентных государственных служащих, качестве нормативных правовых актов, наличии местной интеллектуальной элиты, формирующей спрос на участие гражданского общества в принятии управленческих решений.

Рассмотрим, как промышленная революция влияет на географические факторы развития региональной регуляторной среды.

Уже в XIX веке К. Маркс, анализируя влияние первой промышленной революции, указывал, что «прогресс общественного производства, с одной стороны, выравнивает влияние местоположения, создавая средства сообщения и транспорта, и увеличивает значение различий... образуя крупные промышленные центры, с другой»¹.

Четвертая промышленная революция привносит в экономические отношения кардинально новые способы производства и распределения: автоматизация, роботизация, информатизация, удаленное управление, распределенный реестр (блокчейн), принятие решений на основе больших данных и пр. При этом ее темпы (по выражению профессора С. Д. Бодрунова, происходит «ускорение ускоре-

¹ Маркс К. Капитал: критика политической экономии. – М.: Эксмо, 2011. – 1200 с. – Т. 3, ч. 1. – Г. 24.

ния“ инновационного процесса»¹), «широта и глубина»² значительно превышают аналогичные характеристики предшествующих революций. Всё это оказывает сложное противоборствующее влияние на значимость географических факторов.

С одной стороны, современные средства связи позволяют мгновенно передавать информацию, транспортные средства дают возможность перемещать значительные объемы грузов и пассажиров с высокой скоростью, автоматизация, дистанционное (онлайн) взаимодействие и применение искусственного интеллекта позволяют не зависеть от трудовых ресурсов и климатических условий. Появляются «информационные товары с практически нулевыми затратами на хранение, транспортировку и тиражирование»³. Так, по оценкам зарубежных экспертов, доля транспортных издержек в структуре себестоимости за период примерно в 30 лет уменьшилась почти наполовину⁴. Развитие новых технологий позволяет расширить географию выпуска продукции по цифровому описанию, избегая торговых барьеров⁵. Даже в сельском хозяйстве новые технологии вносят поправки в теорию размещения Й. Тюнена⁶. Некоторые современные экономисты даже рассуждают о «конце территорий»⁷.

С другой стороны, нарастает концентрация населения в крупных городах (города растут вверх физически и вглубь виртуального пространства), а беднеют и исчезают не только сельские территории, но и моногорода, основанные вокруг промышленных производств, базирующихся на устаревших и более неконкурентоспособных факторах производства.

¹ Бодрунов С. Д. Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // *Journal of new economy*. – 2019. – Т. 20, № 1. – С. 7.

² Шваб К. Четвертая промышленная революция = *The fourth industrial revolution*: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – С. 63.

³ Там же. – С. 23.

⁴ Krueger A. Globalization and International Locational Competition. Lecture at the Kiel Institute, May 11, 2006. – URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/sp051106> (дата обращения: 01.08.2020).

⁵ Мокронос А. Г., Анисимов А. В. Совершенствование институциональной среды стратегического проектирования нематериальных активов территории // *Научные труды Вольного экономического общества России*. – 2019. – Т. 215, № 1. – С. 253.

⁶ Тюнен Й. *Изолированное государство* / пер. Е. А. Торнеус; под ред. А. А. Рыбникова. – М.: Экономическая жизнь, 1926. – 326 с.

⁷ Badie V. *La fin des territoires: essai sur le désordre international et sur l'utilité social du respect*. – Paris: Fayard, 1995. – 278 p.

Идею о том, что пространство в XXI веке нельзя просто измерять в километрах, мы находим в трудах ряда экспертов. Политолог, руководитель Центра политико-географических исследований НИУ ВШЭ Н. В. Петров считает: «Проблема сегодня заключается не только в том, что реальное экономическое пространство нашей страны на порядок меньше того, что мы видим на карте. Сегодня, когда происходит деиндустриализация и многие заводы закрываются, возникает проблема, связанная с тем, что страна скорее скукоживается, чем расширяется, как это происходило многие века в нашей истории... Тут есть серьезный концептуальный вызов. Как разработать схему пространственного развития страны, имея в виду не то, что завтра мы будем еще дальше, чем сегодня, и построим новые города на Дальнем Востоке, на Северном морском пути и т. д., а то, что мы теряем население и будем его терять дальше»¹.

Итак, анализируя географические факторы в условиях четвертой промышленной революции, мы должны произвести определенные манипуляции с переменной «расстояние». Аналогично тому, как в общей теории относительности в неевклидовой геометрии искривляется пространство, наполняясь центрами тяготения (искривления больше вблизи центров масс), а длина измеряется не на плоскости, а на искривленной поверхности, так и учет «расстояния» во внутригосударственном пространстве мы должны проводить с поправкой на центры концентрации населения и производства, транспортные коридоры с учетом возможной скорости перемещения по ним, а также доступность и качество связи, поскольку многие процессы в экономике (торговля, получение государственных услуг, документационный обмен и др.) все в большей степени начинают реализовываться в онлайн-пространстве, а пандемия 2020 г. ускорила перевод многих общественных и экономических функций в виртуальный формат.

¹ Петров Н. Нам надо продумать стратегию пространственного отступления: фрагмент дискуссии «Иллюзия реальности: зачем мы придумываем мифы о России?», состоявшейся 12 марта 2019 г. в рамках цикла «Homo Sovieticus: сто лет человеку советскому», организованного Гайдаровским университетом. – URL: <http://gaidarfund.ru/articles/3240/tab1> (дата обращения: 25.03.2019).

Принимая регуляторные решения, органы власти могут решать проблему большой протяженности физического пространства страны и регионов, сложности поддержания связности за счет дорожного сообщения путем цифровизации регуляторной среды, в том числе осуществления контроля и предоставления государственных услуг онлайн.

Прежде чем анализировать формальную составляющую регуляторной среды в субъектах РФ и ее трансформацию под воздействием четвертой промышленной революции, необходимо очертить круг прямого влияния на хозяйственную деятельность со стороны региональных органов власти (соответствующие вопросы собственного и совместного с РФ ведения субъектов РФ представлены в приложении Г). Также органы власти субъектов РФ осуществляют региональный государственный контроль. Следует отметить разнородность правоприменительной практики реализации регионального государственного контроля. В рамках регуляторной реформы была предпринята попытка систематизировать все виды такого контроля. По итогам анализа реальной практики в субъектах РФ и поступивших мнений исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, в первой итерации законодатель не сумел выявить фактический перечень видов регионального контроля, и в окончательной редакции закона о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле¹ проект перечня был исключен. В последующем были установлены виды регионального контроля по предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ, а на откуп самим регионам был отдан выбор видов регионального контроля по предметам собственного ведения. Такой подход не способствует формированию однородной правовой среды на территории страны.

Наряду с региональными факторами существенное влияние на регуляторную среду оказывает технологический прогресс, а институциональные условия, в свою очередь, воздействуют на темпы изменения региональных особенностей, процесс появления и тиражирования технологий². По мнению профессора Е. А. Третьяко-

¹ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ.

² Сухарев О. С. Экономический рост, институты и технологии: монография. – М.: Финансы и статистика, 2014. – 458 с.

вой и ее коллег, технологические циклы должны изучаться в совокупности с экономическими и вопросами регионального неравенства¹. При этом академик РАН С. Ю. Глазьев указывает, что «центральным вопросом экономической науки должно стать изучение взаимосвязи технологических, институциональных и идеологических изменений»². Таким образом, мы имеем замкнутый круг «география – институты – технологии – экономическое развитие», в котором каждый компонент оказывает трансформирующее воздействие на каждый (рисунок 21).

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 21 – Взаимовлияние регуляторной среды, технологий, пространства и развития региона

¹ Буторина О. В., Третьякова Е. А., Карпович Ю. В. Методический инструментарий анализа технологического цикла на уровне региональных экономических систем // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 250.

² Глазьев С. Ю. О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 56. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/56_2016glazyev.htm (дата обращения: 24.01.2018).

Формальная составляющая регуляторной среды должна адаптироваться под новые вызовы, возникающие в эпоху четвертой промышленной революции. «Переход к НИО.2 (новому индустриальному обществу. – *И. Р.*) обуславливает необходимость определенного реформирования системы экономических отношений, что предполагает необходимость разработки и реализации мер активной индустриальной политики, стратегического планирования, государственно-частного партнерства, интеграции производства, науки и образования на микро-, мезо- и макроуровнях и т. д.»¹. В свою очередь, реформирование отношений, выстраивание новых практик взаимодействия означает трансформацию старых и формирование новых институтов.

3.2 Детерминанты развития неформальной составляющей региональной регуляторной среды

По мнению Заслуженного экономиста РФ В. С. Бочко и его коллеги Е. А. Захарчук, «территориальное сообщество... представляет собой органичное и противоречивое единство личностей, где каждая из них в соответствии со своим характером, уровнем знаний и величиной своего социального потенциала воздействует на ближний и на дальний круг своего окружения»². Такое представление соответствует идее новой научной парадигмы о синергии взаимодействия акторов социально-экономической системы, описанной в параграфе 1.1.

Вместе с тем длительное существование территориальных сообществ приводит к отбору неформальных практик и, как постулирует французский экономист

¹ Бодрунов С. Д. Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Journal of new economy. – 2019. – Т. 20, № 1. – С. 8.

² Бочко В. С., Захарчук Е. А. Методология формирования образа будущего при разработке стратегии развития территории // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16, № 4. – С. 692.

Т. де Монбриаль, наличие «территориальной укорененности» идеологий¹. Субъекты РФ отличаются друг от друга по экономическим, социальным, демографическим, географическим и культурным характеристикам, которые, в свою очередь, накладывают отпечаток на сложившиеся практики взаимодействия и их резистентность к происходящим глобальным изменениям. В связи с этим автор исследования выдвигает гипотезу о дифференциации уровня доверия между экономическими агентами в различных субъектах РФ под воздействием региональных особенностей.

Рассмотрим влияние региональных факторов на неформальную составляющую регуляторной среды.

1. Природно-климатические условия.

В параграфе 3.1 было подробно рассмотрено влияние климата и географических особенностей на содержание экономической и региональной политики. Эксперты отмечают влияние данных факторов на менталитет, на укорененные практики поведения.

Более суровые климатические условия определяют большую зависимость выживаемости, конкурентоспособности от общих усилий и от поддержки органов власти, стимулируя к кооперации и сотрудничеству, а также более авторитарным режимам.

Французский экономист Т. де Монбриаль, опираясь на труды Ш. Монтескье, Э. Дарделя и современных географов, обосновывает, что «культура любого активно-деятельностного образования несет на себе печать ее взаимодействия с пространственными реалиями»², кроме того, целевые установки региональных властей привязаны к территории³.

Для российских регионов факторами формирования неформальной составляющей регуляторной среды наряду с климатом выступают размеры территории, плотность населения, удаленность от федерального центра и транспортных коридоров. Они определяют склонность к общности, коллективизму, доверительным

¹ Монбриаль Т. де. Действие и система мира / пер. с фр. В. М. Володина. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 21.

² Там же. – С. 98.

³ Там же. – С. 101.

отношениям, опоре на собственные силы и ресурсы либо, наоборот, зависимости от центра, высокому уровню коррупции, преступности и т. п.

2. Богатство природными ресурсами.

Как отмечалось в параграфе 3.1, наличие определенных природных ресурсов (земельных, сельскохозяйственных, минеральных) на заре цивилизации определяло специализацию и структуру экономики территорий, что, в свою очередь, определяло преобладающие практики поведения, моральные качества территориальных сообществ¹.

Как правило, богатство природными ресурсами способствует формированию экстрактивных институтов, которые являются достаточно устойчивыми в связи с формированием на их основе богатой властной элиты, желающей сохранить свое положение. Скудность природных ресурсов вынуждает искать инклюзивные институты для обеспечения роста.

Регионалисты Южно-Уральского государственного университета под руководством В. С. Антонюк, анализируя последствия перехода к рыночной экономике по состоянию на 2016 г., установили, что «рыночные реформы привели к значительному нарастанию межрегиональных диспропорций... В привилегированном положении оказались регионы с сырьевой специализацией и высоким экспортным потенциалом»². Таким образом, результаты указанного исследования говорят о закреплении экстрактивного характера управления в российских регионах с 1990-х годов.

Структура экономики и специализация производства в регионе формируют спрос на подготовку определенных специальностей и отражаются на престижности отдельных профессий.

Нарастание экологических проблем в глобальном и локальном масштабах приводит к необходимости отказа от системы либеральных ценностей и формирования всеобщей идеологии заботы о природе и ресурсах в интересах будущих по-

¹ Григорьев О. В. Эпоха роста. Лекции по неэкономике. Расцвет и упадок мировой экономической системы. – М.: Карьера Пресс, 2014. – С. 314–316.

² Антонюк В. С., Корниенко Е. Л., Вансович Э. Р. Закономерности пространственного развития производительных сил Российской Федерации в современных условиях // Журнал экономической теории. – 2020. – Т. 17, № 2. – С. 318.

колений. Региональные власти, ориентированные на политику устойчивого развития, могут закладывать в стратегии развития субъекта РФ воспитание экологической культуры, таким образом, формируя у населения в долгосрочной перспективе бережное отношение к окружающей среде.

3. Развитость научных и образовательных центров региона определяет уровень образованности и воспитанности в обществе, качество человеческого капитала. Влияние на моральные ценности и идеологические установки образовательных учреждений велико.

4. Преобладающая национальность, религиозные убеждения населения региона определяют моральные нормы и границы поведения граждан, предпринимателей, а также моральные нормы и интересы государственных служащих, лиц, принимающих управленческие решения регионального масштаба.

Четвертая промышленная революция меняет все общественные отношения от повседневных до производственных. Эксперты отмечают следующие ключевые тенденции таких изменений:

– резкое сокращение роли материальных факторов производства и возрастание роли такого фактора, как знание¹;

– «формирование сферы производства, опирающейся не на человеческий труд, а на функционирование „технетических“ существ, определит снятие экономических отношений между людьми в технологических настройках самодействующего производства»², «принципиальным отличием ноономики от привычной нам системы экономической является отсутствие отношений людей в процессе материального производства»³;

¹ Бехтель М. Будущее труда. Размышления, взгляды, перспективы. – М.: Ин-т им. Гете, 2000. – 267 с.

² Бодрунов С. Д. Ноономика: монография. – М.–СПб.–Лондон: Культурная революция, 2018. – 432 с. – С. 357.

³ Бодрунов С. Д. Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Journal of new economy. – 2019. – Т. 20, № 1. – С. 10.

– появление новых бизнес-моделей, в том числе на основе платформенных и сетевых структур¹, «непрерывное обновление всего жизненного цикла продукции, формируется целостная компьютерная технология, включающая совершенствование техники производства, механизмов и схем реализации продукции, а также послепродажного сервиса»², становится нормой обновление программного обеспечения приобретенной электроники от телефона и компьютера до робота-пылесоса и «умных домов»;

– «система имущественного неравенства снимется системой неравенства способностей и талантов»³, усугубляемых «эффектом платформы», выраженным в «концентрации ценностей и власти в руках ограниченного числа лиц», создавших мощные доминирующие на рынке платформы⁴;

– «трансформация системы ценностей, мотивации, мировоззрения и всего образа жизни»⁵.

Усиливающаяся поляризация и урбанизация пространства регионов приводит к отмиранию сельских поселений, для которых характерно построение социально-экономической системы на основе неформальных институтов, и к концентрации населения в крупных городах; «центры регионов, особенно крупные, стягивают функции торговли, жилищного строительства и другие виды активности»⁶, где формируются новые практики взаимодействия.

¹ Castells M. The rise of the network society, the information age: economy, society and culture. – Vol. I. – 2nd ed. – Oxford: Blackwell, 2009. – 556 p.; Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – С. 10; Орехова С. В., Евсеева М. В. Технологические системы в экономике: гетеродоксальный подход и институциональные основы // Журнал институциональных исследований. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 35.

² Голова И. М., Суховой А. Ф. Инновационно-технологическое развитие промышленных регионов в условиях социально-экономической нестабильности // Экономика региона. – 2015. – № 1 (41). – С. 131.

³ Бодрунов С. Д. Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Journal of new economy. – 2019. – Т. 20, № 1. – С. 9.

⁴ Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – С. 28.

⁵ Шеломенцев А. Г., Бессонова Т. Н., Гончарова К. С. Современные модели адаптации населения к динамично меняющимся социально-экономическим условиям жизни // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2020. – Т. 26, № 10. – С. 136.

⁶ Зубаревич Н. В. Региональное развитие и институты: российская специфика // Региональные исследования. – 2010. – № 2 (28). – С. 10.

Четвертая промышленная революция усиливает анонимность и удаленность контактов, включает в цепочку взаимодействий искусственный интеллект и роботизированные системы. Доверие в такой среде становится крайне важным фактором. Еще французский социолог Э. Дюркгейм говорил о том, что в постиндустриальных обществах преобладает механическая солидарность акторов, которые вынуждены доверять друг другу для согласования коллективных действий и эффективного взаимодействия¹. Вместе с тем уровень доверия в мировом сообществе не стремится к росту. Население планеты обеспокоено будущим в цифровую эпоху и выходом технологий из-под контроля. Согласно «Барометру доверия» компании Edelman в 2020 г. среди более 34 тыс. опрошенных по миру были согласны с утверждениями²:

- «скорость технологических изменений слишком быстрая» – 61 %;
- «я обеспокоен тем, что технологии делают невозможным понимание реальности увиденного и услышанного» – 66 %;
- «правительства недостаточно понимают новые технологии, чтобы эффективно их регулировать» – 61 %.

В современном мире наблюдается кризис доверия со стороны населения к бизнесу, призванному удовлетворять потребности общества, и к правительству, призванному защищать интересы и права граждан. При этом в России одинаково низкий уровень доверия в обоих направлениях, что вступает в противоречие с общемировой ситуацией существенно большего доверия к бизнесу (таблица 4).

Более того, в глобальном срезе 41 % опрошенных полагают, что бизнес вносит вклад в локальное развитие, в то время как лишь 31 % считает, что органы власти справляются с решением общественных задач³.

В разрезе отдельных структур уровень институционального доверия представлен в исследовании «Левада-центра». Опрос 1 601 чел. из 50 субъектов РФ в августе 2020 г. показал, что малому и среднему бизнесу доверяет 38 %, а круп-

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М.: Канон, 1996. – С. 121.

² Edelman trust barometer 2020: global report. – URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2020-01/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report_LIVE.pdf (дата обращения: 20.02.2021).

³ Там же.

ному – лишь 23 %¹. Правительству РФ доверяет 38 % опрошенных, в то время как региональной власти – 36 %, а местной еще меньше – 33 %. Аналогичное превалирование доверия к федеральному уровню власти над региональным выявлено в исследовании Российской венчурной компании и Института национальных проектов в 2020 г., что «отличает Россию от большинства развитых и развивающихся стран»². Кроме того, в указанном исследовании была установлена «статистически значимая связь между институциональным доверием и дистанцией власти: чем выше дистанция власти, тем ниже доверие региональным властям»³.

Таблица 4 – Уровень доверия в России и в мире

Институт	Уровень доверия, % от числа опрошенных	
	в мире	в России
Правительство	47	33
СМИ	47	28
Бизнес	55	35
Негосударственные организации	55	25

Примечание – Составлено автором по: Edelman trust barometer 2020: global report. – URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2020-01/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report_LIVE.pdf (дата обращения: 20.02.2021).

В декабре 2019 г. автором было проведено исследование уровня доверия в системе региональные власти – предприниматели – потребители на локальном (региональном) уровне. В качестве полигона исследования выбрана Свердловская область, характеризующаяся высокими на фоне среднероссийских показателями экономического развития и предпринимательской активности. Расширение поли-

¹ Доверие институтам / Левада-центр: аналитический центр Юрия Левады. – URL: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam> (дата обращения: 25.09.2021).

² Отношение населения к новым технологиям в период коронакризиса / Российская венчурная компания. – URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/fd8/RVC_attitudes_to_technologies_report2020_fragment.pdf (дата обращения: 25.09.2021).

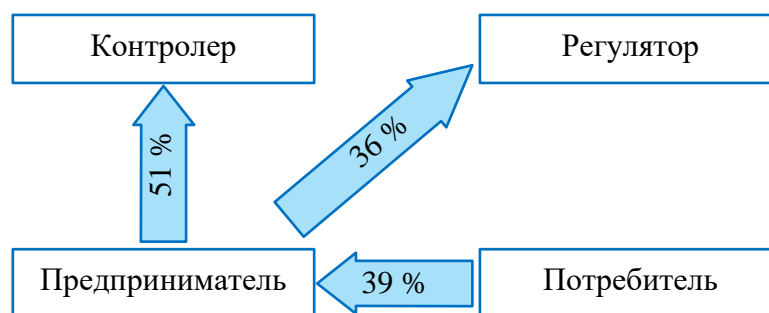
³ Там же.

гона социологического исследования было ограничено объективным недостатком трудовых ресурсов.

Уровень доверия устанавливался опросным методом и рассчитывался как доля респондентов, ответивших «Полностью доверяю» и «Скорее доверяю». Было опрошено 20 предпринимателей¹ и 100 потребителей². Предпринимателям задавались вопросы: «Доверяете ли Вы органам исполнительной власти, выдающим разрешения и осуществляющим государственный контроль в своем городе?» и «Доверяете ли Вы местным органам исполнительной и законодательной власти, принимающим нормативные правовые акты (Правительству региона, Законодательному собранию региона, Администрации и Думе города)?», потребителям – «Доверяете ли Вы предпринимателям (владельцам кафе и магазинов, застройщикам, перевозчикам и прочим) в Вашем городе?». Варианты ответа включали следующие: «Полностью доверяю», «Скорее доверяю», «Скорее не доверяю», «Полностью не доверяю». Определение уровня доверия по иным направлениям (например, потребитель → регулятор, регулятор → предприниматель и пр.) не проводилось в связи с трудозатратностью и объективными трудностями проведения социологических исследований. Результаты опроса представлены на рисунке 22.

¹ Случайная выборка из 20 предпринимателей, ведущих свою деятельность на территории Свердловской области. Выборка представлена 75 % малых, 20 % средних и 5 % крупных предприятий. Все предприятия из разных сфер деятельности. Среди предпринимателей 65 % мужчин и 35 % женщин (согласно данным Свердловского областного фонда поддержки предпринимательства порядка 43 % руководителей малых и средних предприятий – женщины); 35 % в возрасте до 35 лет, 45 % в возрасте 36–45 лет, 20 % в возрасте старше 45 лет; руководящий опыт респондентов составляет: до 5 лет – 15 %, 5–15 лет – 55 %, более 15 лет – 30 %. Опрос проводился путем анонимного анкетирования в рамках исследования качества деловой среды региона.

² Случайная выборка из 100 чел. – жителей Свердловской области. Выборка представлена 57 % женщин и 43 % мужчин (согласно данным официальной статистики, в регионе доля женщин составляет 54 %, доля мужчин – 46 %), равномерно по четырем возрастным группам (18–25; 25–34; 35–44, старше 45 лет). Среди опрошенных отсутствуют категории сверхбогатых (не испытывающих никаких материальных трудностей) и беднейших (испытывающих финансовые затруднения даже при приобретении еды) слоев населения (0 % и 0 % в выборке), а доли респондентов, у которых покупка одежды и оплата услуг ЖКХ вызывает затруднения, покупка товаров длительного пользования вызывает затруднения и крупные приобретения (квартира, дача, машина) вызывают затруднения, составил соответственно 18 %; 39 % и 43 %. Аналогичные группы по Российской Федерации, согласно исследованию Росстата в 2019 г., составляют 3 %; 1 %; 14 %; 49 % и 33 %. Исследование проводилось путем устного опроса респондентов.

Примечание – Составлено автором на основе собственных исследований.

Рисунок 22 – Уровень доверия в системе предприниматель – контролер/регулятор – потребитель в Свердловской области

По Свердловской области уровни доверия между различными группами превышают среднероссийские значения, установленные «Барометром доверия» компании Edelman (см. таблицу 4), и приближаются к результатам исследования «Левада-центра»¹. Так, 39 % населения доверяет бизнесу в Свердловской области против 35 % по России в целом. Это объясняется статистической погрешностью, а также более высоким качеством жизни в регионе по сравнению со среднероссийскими значениями.

В нашем исследовании было разделено доверие к регуляторам, принимающим управленческие решения, и контролерам, обеспечивающим соблюдение действующих правовых норм.

Результаты исследования подтверждают достаточно низкий уровень доверия на региональном уровне к органам власти, ответственным за продуцирование и реализацию регуляторной реформы, в том числе реформы контрольно-надзорной деятельности, со стороны предпринимателей, непосредственных объектов воздействия новой правовой среды (регуляторам доверяют лишь 36 % опрошенных). Это позволяет прогнозировать низкую восприимчивость делового сообщества к новым правилам. В то же время показатель доверия к контролерам достаточно высокий (51 %), что говорит об относительно высоком качестве неформальной среды, вы-

¹ Результаты авторских исследований по Свердловской области, «Барометра доверия» по России, опроса «Левада-центра» являются сопоставимыми, поскольку во всех случаях измеряется институциональное доверие к аналогичным группам схожими методами.

ражающейся в конкретных практиках взаимодействия бизнеса и власти на местах в Свердловской области.

Как отмечалось в параграфе 2.1, внутренним фактором эффективности регуляторной среды выступает активность в реализации функциональных ролей акторов, задействованных в генерации регуляторной среды (приложение К). Активность детерминируется неформальными институтами (ментальность и традиции), а ее направление – «благонадежностью регулятора» (см. подробнее параграф 2.1).

Региональная регуляторная среда является подсистемой национальной регуляторной среды, однако не полностью детерминируется ею и не до конца синхронизирована с ней. Федеральные законодательные и исполнительные органы власти за счет реализуемой политики формируют внешние установки, определяя частично направления развития региональной регуляторной среды и широту полномочий (обязанностей и прав) региональных органов власти.

Среди федеральных ведомств особую роль играет уполномоченный на проведение единой государственной экономической, регуляторной и региональной политики. В РФ таким органом выступает Минэкономразвития России. На него возложены такие базовые функции, как методическое, организационное и техническое сопровождение повышения качества регуляторной среды в субъектах РФ. Минэкономразвития России может проявлять более активную позицию путем применения иных методов поддержки и стимулирования региональных акторов. Например, формирование различных рейтингов субъектов РФ в части создания благоприятной регуляторной среды обеспечивает их конкуренцию друг с другом и задает ориентиры для развития. Кроме того, зачастую Минэкономразвития России берет на себя координирующую роль во взаимодействии региональных властей с отраслевыми федеральными ведомствами и бизнес-ассоциациями.

Безусловно, ключевую роль в развитии региональной регуляторной среды играют органы власти субъекта РФ. И законодательные, и исполнительные органы регионального уровня непосредственно наполняют регуляторную среду путем принятия законов субъекта РФ и иных нормативных правовых актов субъекта РФ. Еще раз подчеркнем значимость стратегии социально-экономического развития, выступа-

ющей стержнем нормативного поля региона, на который затем наслаиваются программные и иные документы. Вместе с тем уральские регионалисты верно подмечают, что «для большинства регионов и муниципалитетов они (стратегии развития. – *И. Р.*) остаются нормативно необходимыми, но не жизненными документами»¹.

Аналогично федеральному уровню центральное место среди региональных органов занимает уполномоченный на проведение единой государственной экономической политики на территории субъекта РФ. Как правило, данный орган также является уполномоченным в сфере регуляторной политики, оценки регулирующего воздействия. Поэтому на нем лежит ответственность за качество региональной регуляторной среды.

Также указанные органы, наряду с территориальными подразделениями федеральных органов исполнительной власти, ведут контроль за соблюдением установленных правил и норм, мониторинг достижения поставленных целей. Однако объектом контроля для законодательных органов выступают исполнительные органы, а для исполнительных – предприниматели и граждане, ведущие деятельность на территории региона. В этой части для состояния региональной регуляторной среды важны уровень коррупции, добросовестность и справедливость исполнительных органов.

Мониторинг в совокупности с обратной связью от субъектов экономической деятельности позволяет именно региональным органам власти видеть пробелы регулирования, «узкие места» для развития передовых производств и принимать управленческие решения либо транслировать сигнал на федеральный уровень.

При обеспечении задач детерминации развития, координации акторов, мониторинга состояния региональной регуляторной среды и социально-экономической системы, формирования отчетности и принятия управленческих решений вступают в силу неформальные институты, определяющие степень открытости, активности, инициативности, прогрессивности и коммуникативности органов власти субъектов РФ.

¹ Бочко В. С., Захарчук Е. А. Методология формирования образа будущего при разработке стратегии развития территории // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16, № 4. – С. 693.

Отдельно мы выделяем правоохранительные и судебные органы, функцией которых выступает защита прав и свобод экономических агентов. В большей степени они влияют на неформальный компонент региональной регуляторной среды, отражающийся на уровне институционального доверия. Беспристрастность, справедливость, оперативность работы данных органов формируют благоприятную регуляторную среду. Наличие таких негативных элементов, как коррупция, преследование, давление, волокита, несправедливая дифференциация правоприменительной практики, приводит к сдерживанию легальной экономической активности.

Важным институциональным инструментом улучшения региональной регуляторной среды стало введение должности уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъектах РФ. Благодаря формализованным полномочиям данный актор может устранять многие дисфункции в региональной регуляторной среде путем внесения нормотворческих предложений и участия в принятии регуляторных решений, оценке регулирующего воздействия, а также непосредственной защиты интересов и прав предпринимателей в конфликтах с различными органами власти. Накопленный практический опыт позволяет региональным уполномоченным по защите прав предпринимателей в субъектах РФ выявлять и преодолевать локальные системные проблемы.

Помимо представителей государственного сектора, в развитии региональной регуляторной среды участвуют и иные акторы. Прежде всего, речь идет о самом предпринимательском сообществе, выразителем ожиданий и интересов которого выступают преимущественно бизнес-объединения. Сама практика поведения хозяйствующих субъектов уже является частью регуляторной среды. Кроме того, экономические агенты имеют инструменты влияния на регуляторную политику и представления своих интересов путем участия в процедурах оценки регулирующего воздействия, совещательных структурах при органах власти, различных общественных объединениях. Одновременно существуют и такие недобросовестные инструменты, как лоббизм, кумовство и т. д.

Научные и учебные организации могут занимать активную позицию в части воздействия на региональную регуляторную среду. Например, ими могут прово-

даться исследования развития экономики и локальных территорий, осуществления экономической деятельности, в том числе в отдельных отраслях, состояния регуляторной среды с целью выявления «узких мест», точек роста и формирования рекомендаций для органов власти. Такие рекомендации могут ложиться в основу стратегических и иных документов территории. Представители научных и образовательных организаций могут выступать непосредственными участниками процедур оценки регулирующего и фактического воздействия, внося вклад в формирование качественного правового поля.

Значимой миссией научных и образовательных учреждений является подготовка специалистов для органов власти субъектов РФ, обладающих современными компетенциями для принятия грамотных управленческих решений. Также ими должны быть предложены востребованные, актуальные программы повышения квалификации, обеспечивающие непрерывное образование государственных и муниципальных служащих.

Такая группа акторов региональной социально-экономической системы, как население, включающая в том числе потребителей и работников организаций, формирует спрос на наполнение регуляторной среды различными требованиями и ограничениями. Проявлять свои интересы данная группа может непосредственно либо через представителей (союзы потребителей, профсоюзы).

Автор выделяет еще одну группу акторов, воздействующих на региональную регуляторную среду, – это СМИ. В условиях новой реальности речь необходимо вести не только о традиционных печатных изданиях, радио- и телепередачах, но и об интернет-изданиях, информационных сайтах, блогах. СМИ влияют на формирование общественного мнения, уровень институционального доверия и опосредованно воздействуют на распространение и закрепление определенных практик, т. е. содержание неформального компонента регуляторной среды. Они могут транслировать позитивные практики, а могут служить индикатором различных дисфункций регуляторной среды.

Новые общественные и производственные отношения и современные технологии коммуникаций диктуют новые институты, формирующие регуляторную

среду. Отношения между агентами все чаще осуществляются не напрямую, не лично, а удаленно; более того, контакт и осуществление транзакций (поиск контрагента, совершение сделки/покупки, получение государственной или частной услуги, выставление и оплата счета, отправка отчетности и осуществление контроля) могут и вовсе происходить без участия человека, посредством контакта с роботом, искусственным интеллектом. Трансформируются индивидуальные качества самого индивида¹. Формируются новые типы общественных отношений, или новые институты, среди которых уже можно отметить укоренение совместного потребления и платформы. Зародившись в экономической сфере, сегодня они охватывают и остальные, а попытки реализации концепции государства как платформы уже принимаются Правительством РФ.

Вместе с тем уровень технологического развития субъектов РФ сильно различается; более того, сильная дифференциация может отмечаться даже внутри региона. Приход четвертой промышленной революции, согласно исследованию ряда аналитиков², приводит к усилению неравенства между территориями. Данная ситуация, по мнению автора, является практическим подтверждением модели диффузии и волн нововведений Т. Хагерстранда³, когда в рамках первой волны появляются центры инноваций и контраст между источниками нововведений и иными территориями усиливается.

¹ Щербакова Л. Н., Евдокимова Е. К., Савинцева С. А. «Человек информационный» как новый субъект цифровой экономики // *Фундаментальные исследования*. – 2019. – № 11. – С. 202–206.

² См., например: Шваб К. Четвертая промышленная революция = *The fourth industrial revolution*: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – С. 79; Лунгэнь И. Экономический рост в Китае: пространственно-экономический анализ // *Пространственная экономика*. – 2005. – № 1. – С. 133–152; Атлас международных отношений: пространственный анализ индикаторов мирового развития / И. Ю. Окунев, С. Л. Баринов, А. А. Беликов и др. – М.: Аспект Пресс, 2020. – С. 63–68; Левин С. Н. Региональные институциональные системы в современной экономике России: методология анализа // *Институциональная трансформация экономики: российский вектор новой индустриализации: материалы IV Междунар. науч. конф. (Омск, 21–23 октября 2015 г.)*: в 2 ч. – Омск: ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2015. – Ч. 1. – С. 39; Новоселов А. С., Волянская Т. В., Фалеев А. В. Основные контуры современной институциональной системы управления региональным развитием // *Анализ, Моделирование, Управление, Развитие социально-экономических систем (АМУР-2019): сб. науч. тр. XIII Всерос. с междунар. участием школы-симпозиума (Симферополь – Судак, 14–27 сентября 2019 г.)*. – Симферополь – Судак: ИП Корниенко А. А., 2019. – С. 302.

³ Hägerstrand S. T. E. *Innovation diffusion as a spatial process*. – Chicago: The University of Chicago Press, 1967. – 357 p.

3.3 Научные подходы к обеспечению учета особенностей регионального развития в условиях новой реальности в регуляторной среде субъектов Российской Федерации

Еще представители Чикагской научной школы указывали на необходимость обеспечивать приспособление общества к географическим условиям, называя этот процесс аккомодацией, т. е. приспособлением к среде за счет изменения в привычках, правилах, которые передаются социологически. При этом ряд экономистов отмечает эффективность внедрения новых институтов для обеспечения их успешного встраивания в институциональную среду путем постепенной апробации в различных регионах, их «наладки и притирки», оценки их результативности в конкретных условиях¹.

Д. Норт, изучая эволюцию общества и экономики, писал: «Группы и племена сталкивались с различными проблемами, располагая при этом различными ресурсами, человеческим потенциалом и климатическими условиями. Из этого возникали различия в решении общих проблем выживания... Нет причин полагать, что решения должны быть сходными...»². Утверждение лауреата Нобелевской премии по экономике сохраняет свою актуальность, однако современная практика отечественного государственного управления перманентно демонстрирует обратный подход, когда по вертикали навязывают единую политику без учета региональных особенностей и тиражируются лучшие практики не только других субъектов РФ, но и других государств, без переосмысления возможности и перспективности их применения в конкретных условиях. Подобная ситуация вызвана, по мнению автора, во-первых, попытками в крайне сжатые сроки «догнать и пере-

¹ Roland G. Transition and economics. Politics, markets and firms. – Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2000. – 400 p.; Экспериментальные правовые режимы. Зарубежный опыт и российский старт: монография / А. А. Ефремов, Е. И. Добролюбова, Э. В. Талапина, В. Н. Южаков. – М.: Дело, 2020. – 126 с.

² North D. C. Institutions, institutional change and economic performance. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – P. 106.

гнать», во-вторых, недостаточным фундаментальным аналитическим аппаратом государственных органов и служащих.

Экономический анализ права воспринимает институты правовой системы (регуляторную среду в контексте данного исследования) как средство для обеспечения эффективной аллокации ресурсов¹ и инструмент управления «исходом выбора большей части граждан» через искусственное установление «теневых цен»². В свою очередь, ОРВ как ключевой механизм, официально применяемый в России на всех уровнях, выступает инструментом анализа транзакционных издержек с целью последующего эффективного распределения прав собственности и ответственности.

При формировании регуляторной среды должны учитываться как общие традиционные закономерности регионального развития, так и локальные особенности и текущие тренды, вызванные, в частности, четвертой промышленной революцией.

Общие традиционные закономерности регионального развития раскрыты в классических трудах таких зарубежных ученых, как А. Лёш³, Х. Р. Ласуэн⁴, Г. Мюрдаль⁵, Ф. Перру⁶, Дж. Фридман⁷, М. Фуджита⁸, Ч. Харрис⁹, Т. Хегерstrand¹⁰ и др., а также российских экономистов, среди которых особо можно выделить Уральскую научную школу, в том числе исследования Е. Г. Анимицы, Н. Ю. Власовой, Е. Б. Дворядкиной, Т. В. Миролубовой, Н. В. Новиковой, О. А. Романовой,

¹ Posner R. A. *Economic analysis of law*. – 7th ed. – Austin: Wolters Kluwer Law & Business, 2007. – 787 p.; Coase R. *Law and economics at Chicago* // *Journal of law and economics*. – 1993. – Vol. 36, no. 1. – P. 239–254.

² Карапетов А. Г. *Экономический анализ права*. – М.: Статут, 2016. – С. 60.

³ Lösch A. *Die räumliche Ordnung der Wirtschaft: eine Untersuchung über Standort, Wirtschaftsgebiete und internationalem Handel*. – Jena: Fischer, 1940. – 380 S.

⁴ Lasuen J. R. *On growth poles* // *Urban studies*. – 1969. – No. 6. – P. 137–152.

⁵ Myrdal G. *Economic theory and undeveloped regions*. – London: Duckworth, 1957. – 167 p.

⁶ Perroux F. *Economic space: theory and applications* // *Quarterly journal of economics*. – 1950. – Vol. 64, no. 1. – P. 89–104.

⁷ Friedmann J. *Regional development policy: a case study of Venezuela*. – Cambridge: MIT Press, 1966. – 279 p.

⁸ Fujita M., Mori T. *Structural stability and evolution of urban systems* // *Regional science and urban economics*. – 1996. – No. 27. – P. 4–5.

⁹ Harris C. D. *The market as a factor in the localization of industry in the United States* // *Annals of the Association of American geographers*. – 1954. – Vol. 44, no. 4. – P. 315–348.

¹⁰ Hägerstrand S. T. E. *Innovation diffusion as a spatial process*. – Chicago: The University of Chicago Press, 1967. – 357 p.

Я. П. Силина, Н. М. Сурниной, А. И. Татаркина, И. Д. Тургель¹. К числу выявленных ими общепризнанных базовых особенностей развития региона можно отнести:

- для субъектов РФ характерно наличие территориальной специализации регионального хозяйства и формирование региональных рынков;
- межрегиональная экономическая интеграция способствует укреплению экономических основ государственности;
- в пространстве региона формируется каркас из полюсов роста и осей развития – соединяющих их транспортных коридоров;
- территории демонстрируют склонность к концентрации и комбинации производства, образованию агломераций в пространстве региона;
- экономика региона представляет собой открытую саморазвивающуюся систему.

Неоднозначной остается позиция исследователей относительно тенденции к выравниванию или усилению неравенства регионов. Одни экономисты-географы утверждают, что происходит повсеместный территориальный рост производства, зачастую с исчерпанием потенциала традиционно-промышленных регионов, который способствует выравниванию или по меньшей мере сближению уровней социально-экономического развития территорий (например, А. Лёш², Ф. Перру³, науч-

¹ Регион в социально-экономическом пространстве России: анализ, динамика, механизм управления: монография / Е. Г. Анимца, П. И. Блусь, Е. Б. Дворяджина и др.; под науч. ред. А. И. Татаркина. – Пермь: ПГУ, 2008. – 402 с.; Романова О. А. Инновационная парадигма новой индустриализации в условиях формирования интегрального мирохозяйственного уклада // Экономика региона. – 2017. – Т. 13, № 1. – С. 276–289; Татаркин А. И., Анимца Е. Г. Формирование парадигмальной теории региональной экономики // Экономика региона. – 2012. – № 3 (31). – С. 11–22; Фрактальные структуры в социально-экономическом пространстве Уральского макрорегиона: монография / Н. М. Сурнина, Е. А. Шишкина, Е. В. Радковская, М. А. Козлова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2014. – 180 с.; Зырянов А. И., Миролубова Т. В. Методологические подходы к исследованию развития региона с позиций новой экономической и теоретической географии // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2014. – № 5. – С. 23–31; Turgel I., Bozhko L., Bazhenov O. The evaluation methodology for the ecological and economic potential of the metallurgical cluster // Environmental and Climate Technologies. – 2020. – Vol. 24, iss. 1. – P. 501–515.

² Lösch A. Die räumliche Ordnung der Wirtschaft: eine Untersuchung über Standort, Wirtschaftsgebiete und internationalem Handel. – Jena: Fischer, 1940. – 380 S.

³ Perroux F. Economic space: theory and applications // Quarterly journal of economics. – 1950. – Vol. 64, no. 1. – P. 89–104.

ный коллектив под руководством Е. Г. Анимицы¹, И. Е. Рисин²). Другая точка зрения заключается в том, что какие-либо начальные преимущества (особую роль здесь играют центры создания инноваций) позволяют обеспечивать ускоренное развитие, еще более отдаляя уровни развития регионов друг от друга (Г. Мюрдаль³, Дж. Фридман⁴, Ч. Харрис⁵, К. Шваб⁶, В. З. Петросянц и его коллеги⁷). Автор полагает, что тенденция к региональному выравниванию характерна для длительно структурно устойчивой национальной экономики, а усиленная дифференциация происходит под воздействием технологических революций, в состоянии высокой неопределенности, прохождения точки бифуркации в развитии. Таким образом, автор склоняется к компромиссному варианту, который нашел свое отражение в модели волн нововведений Т. Хегерстранда, когда в рамках первой волны появление инноваций способствует рывку в развитии центра, а диффузные волны нововведений в конечном счете приводят к насыщению всех промежуточных узлов в каркасе региона. Таким образом, в условиях четвертой промышленной революции, когда Россия только начинает переходить к пятому и шестому технологическим укладам, можно прогнозировать усиление регионального неравенства в ближайшее десятилетие, в том числе и в качестве регуляторной среды.

Автор предлагает разделить пространственные аспекты социально-экономического развития региона на две группы: традиционные и современные, характерные для России в XXI веке, обусловленные во многом условиями новой реальности. В рамках имеющихся полномочий органов власти субъектов, указанных

¹ Регион в социально-экономическом пространстве России: анализ, динамика, механизм управления: монография / Е. Г. Анимица, П. И. Блусь, Е. Б. Дворянкина и др.; под науч. ред. А. И. Татаркина. – Пермь: ПГУ, 2008. – 402 с.

² Zheleznyakov S., Risin I. Reduction of social and economic asymmetry of territories in new economic conditions // *Економічний часопис – XXI*. – 2017. – Vol. 166, no. 7–8. – P. 80–85.

³ Myrdal G. *Economic theory and undeveloped regions*. – London: Duckworth, 1957. – 167 p.

⁴ Friedmann J. *Regional development policy: a case study of Venezuela*. – Cambridge: MIT Press, 1966. – 279 p.

⁵ Harris C. D. The market as a factor in the localization of industry in the United States // *Annals of the Association of American geographers*. – 1954. – Vol. 44, no. 4. – P. 315–348.

⁶ Шваб К. Четвертая промышленная революция = *The fourth industrial revolution*: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – 288 с.

⁷ Петросянц В. З., Дохолян С. В., Шахтаманова Л. Г., Петросянц Д. В. Механизм регулирования регионального развития: особенности формирования и алгоритм реализации // *Экономика и управление*. – 2018. – № 8 (154). – С. 8–13.

в параграфе 3.1, рекомендуются подходы для учета выявленных особенностей в принимаемых регуляторных решениях с целью усиления положительных аспектов и сглаживания негативных последствий.

1. Традиционные особенности пространственного развития.

1.1. Региональные социально-экономические системы являются открытыми (т. е. они обмениваются с внешней средой потоками информации и ресурсов).

Задачей региональных органов власти выплывает создание комфортных институциональных условий для осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности (в первую очередь, высокий уровень гарантий прав¹, защита от произвола правоохранительных, судебных и исполнительных органов) для обеспечения положительных потоков трудовых ресурсов и инвестиций в регион.

Значимую роль в решении обозначенной задачи играют не только формальные, но и неформальные институты, выражающиеся через уровень добросовестности, непредвзятости, открытости власти.

1.2. В пространстве региона происходит концентрация экономической деятельности, в пределах которой формируются отчетливые полюса². Развитие передается узлам вдоль главных транспортных коридоров, соединяющих полюса роста³.

Стратегии развития и территориальные планы должны учитывать размещение полюсов роста, обеспечивая их транспортную связность и наличие необходимой социальной и инженерной инфраструктуры. Кроме того, между ними должны быть созданы каналы передачи знаний и инноваций (например, внутрорегиональные форумы, банки коопераций и технологий, программы обмена опытом).

1.3. Самовоспроизводство концентрации производства (теория потенциала рынка Дж. Харриса): размещение производства тяготеет к регионам с более высо-

¹ Прежде всего речь идет о правах собственности, контрактном праве, правах интеллектуальной собственности и правах инвесторов.

² Минакир П. А. Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения? // Пространственная экономика. – 2016. – № 3. – С. 11.

³ Pottier P. Axes de communication et développement économique // Revue économique. – 1963. – Vol. 14, no. 1. – P. 58–132; Haggett P. Locational analysis in human geography. – London: Edward Arnold, 1965. – 339 p.

ким доступом к рынку, вместе с тем доступ к рынку возрастает с увеличением концентрации производства в регионах¹.

Долгосрочные стратегии развития должны учитывать расширение производств, предусматривать пространство для размещения производственных объектов и подготовку соответствующих площадок, обеспеченных инженерной и социальной инфраструктурой.

1.4. Основной потенциал роста и способность к нововведениям заложены в ключевой отрасли региона, передача эффекта на экономику региона осуществляется через группу отраслей местного значения, а экономия обеспечивается за счет пространственной агломерации².

Традиционно-промышленные регионы в условиях промышленных революций должны грамотно совмещать процессы неоиндустриализации и новой индустриализации, т. е. при создании производств новых технологических укладов одновременно должна идти активная модернизация на основе новых технологий ключевых отраслей региона. Это положение должно учитываться при формировании любых правовых актов, а позиции акторов соответствующих отраслей (промышленные гиганты и начинающие малые инноваторы) должны учитываться при принятии управленческих решений.

Отдельные эксперты предлагают «формирование в РФ института государственного регулирования отраслевых пропорций экономики, в частности, принятие мер по существенному улучшению общих экономических условий функционирования гражданского машиностроения и наукоемких производств в целях повышения их привлекательности для бизнеса»³. Автор считает важным детерминацию коридора технологического развития в условиях высокой неопределенности, вме-

¹ Harris C. D. The market as a factor in the localization of industry in the United States // *Annals of the Association of American geographers*. – 1954. – Vol. 44, no. 4. – P. 315–348.

² Perroux F. Economic space: theory and applications // *Quarterly journal of economics*. – 1950. – Vol. 64, no. 1. – P. 89–104.

³ Голова И. М., Суховой А. Ф. Инновационно-технологическое развитие промышленных регионов в условиях социально-экономической нестабильности // *Экономика региона*. – 2015. – № 1 (41). – С. 131–144.

сте с тем при принятии подобных решений на федеральном уровне необходимо учесть региональную специфику и потенциал каждого субъекта РФ в отдельности.

В свою очередь, органы власти субъектов РФ в стратегических документах должны обозначать приоритетные отрасли развития или продукцию новых технологических укладов, которым будет предоставляться государственная поддержка.

1.5. Малый бизнес играет значимую роль для социально-экономического благополучия региона, при этом для отдельных регионов он может «определять характер региональной экономики»¹.

Нормативная правовая база региона должна быть проанализирована на предмет наличия барьеров для создания и ведение деятельности малых предприятий с целью их исключения. Новые нормативные акты должны как минимум не создавать барьеров, как максимум предоставлять особые, более привлекательные условия для малого бизнеса. Необходимо «повышение правовой защищенности бизнеса от давления монополий, криминала»² и произвола представителей власти. Малое предприятие не может позволить себе широкий штат сотрудников, часто его руководитель является и юристом, и бухгалтером в одном лице. В связи с этим в деятельности органов власти профилактическая, разъяснительная работа должна преобладать над контрольно-надзорной.

В условиях глобального кризиса и затяжной стагнации во всех субъектах РФ с 2015 г. наблюдается существенное сокращение числа предприятий, прежде всего малых. Перед локальными властями стоит задача поиска резервов для повышения предпринимательской активности, которые могут быть найдены в молодежной среде³. Автор полагает, что при создании определенных условий выпускники ключевых экономических вузов регионов могли бы войти в ряды предпринимателей и сгладить негативные тенденции.

¹ Гаджиев Ю. А. Зарубежные теории регионального экономического роста и развития // Экономика региона. – 2009. – № 2 (18). – С. 52.

² Голова И. М., Суховой А. Ф. Инновационно-технологическое развитие промышленных регионов в условиях социально-экономической нестабильности // Экономика региона. – 2015. – № 1 (41). – С. 131–144.

³ Дорошенко С. В., Ерошенко Е. П. Активизация механизмов развития молодежного предпринимательства в университетской среде // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 5. – С. 28.

Для проверки этой гипотезы автором совместно с кафедрой прикладной социологии Уральского государственного экономического университета, являющегося одним из ключевых экономических вузов Свердловской области, было проведено социологическое исследование в феврале-марте 2021 г.¹ Подробный отчет по результатам опроса на тему «Готовность студентов УрГЭУ открыть свое дело и вести собственный бизнес» представлен в приложении К.

Было опрошено 655 студентов всех курсов очной формы обучения в бакалавриате. Применена квотная выборка по критерию принадлежности учащихся к Институтам университета. Опрошенные распределились следующим образом по курсам: первый – 38 %, второй – 23 %, третий – 19 %, четвертый – 19 %. Наиболее многочисленными были студенты таких направлений подготовки, как «Экономика» – 27 %, «Менеджмент» – 9,9 %, «Юриспруденция» – 9,6 %, «Торговое дело» – 7,9 %. Данные исследования репрезентативны.

Цель исследования состояла в изучении мнения студентов о трудностях открытия и ведения своего дела, их личной готовности стать предпринимателями и достаточности для этого получаемых ими знаний и навыков.

Задачами исследования выступали:

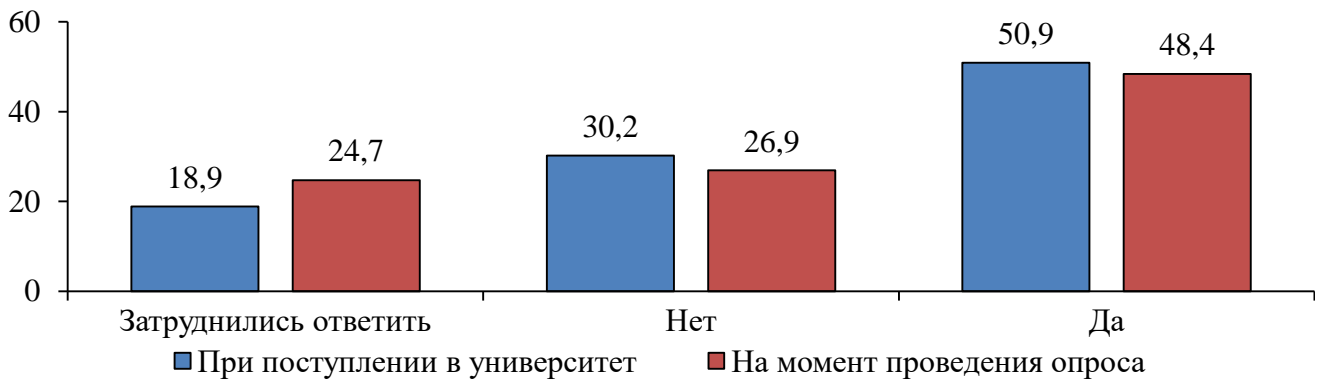
- 1) определение динамики заинтересованности студентов к открытию своего дела в процессе обучения, в том числе в разрезе направлений подготовки;
- 2) определение факторов, влияющих на решение студентов об открытии и ведении своего дела;
- 3) оценка студентами получаемых знаний и навыков в процессе образования для последующего ведения собственного бизнеса;
- 4) выявление направлений поддержки со стороны образовательной организации для становления своих выпускников в качестве предпринимателей.

По результатам опроса сделаны следующие выводы.

В процессе обучения студенты несущественно отказываются от идеи открытия своего дела после выпуска (50,9 % до поступления против 48,4 % на мо-

¹ Рахмеева И. И., Клейменов М. В. Студенты экономического университета как резерв для развития предпринимательства в регионах России // Вестник экономики, права и социологии. – 2021. – № 3. – С. 35–39.

мент опроса (рисунок 23)). При этом также несколько уменьшается доля тех, кто точно не намерен вести свой бизнес (с 30 % до 27 %), наибольший рост показывает группа сомневающихся (с 18,9 % до 24,7 %).

Примечание – Составлено по результатам исследования автора совместно с кафедрой прикладной социологии Уральского государственного экономического университета.

Рисунок 23 – Распределение ответов на вопрос о планировании студентами открытия собственного бизнеса после получения высшего образования, %

При поступлении наибольшая доля студентов, планировавших открыть собственный бизнес, шла на направления подготовки «Технология продукции и организация общественного питания» – 76 %, «Туризм» – 71 %, «Биотехнология» – 62 %, «Гостиничное дело» – 61 %, «Сервис» – 60 %. Меньше всего планировали открыть собственный бизнес студенты направлений подготовки «Товароведение» – 20 %, «Государственное и муниципальное управление» – 23 %, «Информатика и вычислительная техника» – 28 %, «Математическое обеспечение и администрирование информационных систем» – 33 %, «Землеустройство и кадастры» – 35 %.

На момент проведения опроса планировали открыть собственный бизнес после получения высшего образования студенты направлений «Технология продукции и организация общественного питания» – 79 %, «Гостиничное дело» – 67 %, «Бизнес-информатика» – 67 %, «Информационная безопасность» – 65 %, «Менеджмент» – 61 %. В меньшей степени склонны открыть собственный бизнес студенты направлений подготовки «Государственное и муниципальное управление» и «Управление персоналом» – 27 %, «Информатика и вычислительная тех-

ника» – 28 %, «Юриспруденция» – 30 %, «Землеустройство и кадастры» – 30 %, «Товароведение» – 33 %.

Таблица 5 – Динамика заинтересованности студентов УрГЭУ в открытии собственного бизнеса после получения высшего образования (по направлениям подготовки), %

Направление подготовки	Доля планировавших открыть бизнес, %		Динамика доли готовых открыть свой бизнес
	при поступлении	на момент опроса	
Наибольшая отрицательная динамика			
Туризм	70,8	37,5	–33,3
Биотехнология	62,5	43,8	–18,7
Управление персоналом	45,5	27,3	–18,2
Юриспруденция	44,4	31,7	–12,7
Управление качеством	55,9	44,1	–11,8
Сервис	60,0	50,0	–10,0
Наибольшая положительная динамика			
Бизнес-информатика	53,3	66,7	13,4
Товароведение	20,0	33,3	13,3
Информационная безопасность	52,9	64,7	11,8
Математическое обеспечение и администрирование информационных систем	33,3	40,0	6,7
Менеджмент	55,4	61,5	6,1
Гостиничное дело	61,1	66,7	5,6
<p>Примечание – Составлено по результатам исследования автора совместно с кафедрой прикладной социологии Уральского государственного экономического университета.</p>			

Данные опроса (таблица 5) показывают, что произошло резкое падение доли планирующих вести собственный бизнес среди студентов направлений подготовки «Туризм» (снижение в два раза¹), «Биотехнология» (на 19 п. п.), «Управление персоналом» (на 18 п. п.). Сравнительно небольшое падение произошло среди

¹ Данное явление обусловлено резким кризисом данной отрасли в целом в связи с длительными ограничениями в период пандемии COVID-19.

направлений подготовки «Сервис», «Технологические машины и оборудование», «Управление качеством», «Юриспруденция».

Интерес представляет выявленный рост числа студентов, планирующих открыть свой бизнес, среди направлений подготовки «Бизнес-информатика» (увеличение на 13 п. п.), «Информационная безопасность» (на 12 п. п.), «Математическое обеспечение и администрирование информационных систем» (7 п. п). Данное явление отражает активное развитие цифровой экономики и повышение спроса на услуги в этом секторе. Таким образом, сферы, относящиеся к пятому технологическому укладу, имеют наибольший потенциал запуска предпринимательской активности среди выпускников вуза.

При этом, как показал опрос, в сфере биотехнологий, принадлежащих шестому технологическому укладу, энтузиазм прошел. Автор полагает, что причина падения интереса заключается в переходе данных технологий с этапа «пик ожиданий» на этап «разочарования» в соответствии с кривой развития технологий по Гартнеру.

В целом доля готовых открыть свое дело выпускников достаточно высокая – это каждый второй. Что же мешает молодым людям осуществить задуманное, и какая поддержка им требуется?

Первый блок преград относится к субъективным факторам личного восприятия студентами предпринимательства. В тройку основных барьеров, по мнению студентов, вошли неравный доступ к первоначальным инвестициям – 22,7 %, сложности ведения частного бизнеса в России – 15,8 %, высокая конкуренция – 15,4 %.

Меньше всего студенты считают барьерами для открытия и ведения бизнеса высокие личные трудозатраты (5 %) и риск привлечения к ответственности (2,8 %), что отвечает ключевым чертам предпринимателей, описанным в параграфе 1.2.

К тройке ключевых преимуществ ведения бизнеса студенты отнесли возможности быть профессионалом своего дела – 22 %, высокого дохода – 19 % и создания полезного или уникального продукта – 18 %. Полученные результаты также подтверждают гипотезу автора о высоком уровне социальной ответственности современных предпринимателей (в смысле служения общественным целям).

Объективным фактором, способствующим запуску бизнеса молодыми выпускниками, выступает качество осваиваемых знаний и навыков.

Студенты УрГЭУ назвали подготовку предпринимательских компетенций (объем, актуальность, практическую направленность, эффективность подачи) в вузе удовлетворительной (средняя оценка теоретической и практической подготовки – 3,3–3,6 балла).

Только 3,7 % опрошенных получили практические навыки, проходя производственную практику в вузе. Почти половина опрошенных (48 %) имеют только теоретические представления о ведении собственного дела. В большинстве случаев практические представления студенты получают из опыта членов семьи (21 %) или личного опыта работы помощником/заместителем руководителя (11,5 %). Однако уже одновременно с получением образования 5,7 % опрошенных вели собственное дело.

Четверть студентов выразила заинтересованность в углубленном анализе предпринимательской среды, рынков для бизнеса и процессов ведения бизнеса (актуальные кейсы по бизнесу). Треть студентов отметили в качестве меры поддержки со стороны вуза «организацию дополнительных специализированных курсов и программ повышения квалификации по вопросам предпринимательства». Также опрошенные отмечали недостаток знаний по вопросам инвестиций, налогообложения, стартапов, юридическим аспектам предпринимательской деятельности, онлайн-технологий в бизнесе.

При этом 17 % считают, что необходимо увеличить количество практических занятий. Незначительный интерес (3,9 %) был проявлен к лекциям коучей и опытных предпринимателей. Одновременно каждый пятый студент выразил запрос на помощь в поиске наставника и возможность обратиться за советом/консультацией в родной университет. Автор полагает, что обеспечение данных запросов потенциальных предпринимателей усилиями одного лишь вуза не даст должного эффекта. Необходимо вовлечение в процесс бизнес-сообществ, государственных структур, например, региональных и местных фондов поддержки предпринимателей, бизнес-инкубаторов.

В целом результаты социологического опроса подтверждают перспективность вовлечения выпускников вузов в предпринимательскую деятельность, однако для этого необходимо скорректировать образовательные программы и оказать содействие молодым бизнесменам.

2. Современные тенденции в России в XXI веке, влияющие на развитие экономики в пространстве региона.

2.1. «Огромные возможности технологического развития» вступают в противоречие с «невозможностью полной реализации потенциала, перспективного технологического прогресса»¹, «отсутствием эффекта от технологических инноваций» в российских регионах, недостаточностью наблюдаемых в субъектах РФ трендов «для перехода на инновационную траекторию развития»².

Предприятия региона находятся в условиях неопределенности в период промышленной революции, а уровень риска инвестиций в новые технологии многократно возрастает. При этом инновационный потенциал региона ограничен. Поэтому в стратегических документах необходима детерминация коридоров технологического развития региона с целью сосредоточения ресурсов и усилий органов власти, научного и предпринимательского сообществ на прорывных технологиях с учетом региональных ресурсов и научного задела. Региональная регуляторная среда также выступает важным средством координации и кооперации действий акторов социально-экономической системы территории.

2.2. «Неединственность состояний равновесия в сложной и пространственно неоднородной экономике»³.

Высокий уровень дифференциации экономического пространства страны требует учета локальной специфики при формировании политики экономического развития. Поэтому одновременно с сохранением координации федеральным цен-

¹ Бодрунов С. Д. Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Journal of new economy. – 2019. – Т. 20, № 1. – С. 6.

² Артемова О. В., Савченко А. Н. Основные тренды регионального развития: коридор возможностей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2019. – Т. 13, № 3. – С. 8.

³ Минакир П. А. Региональные стратегии и имперские амбиции // Пространственная экономика. – 2015. – № 4. – С. 8.

тром развития страны в целом представляется целесообразным учет интересов субъектов РФ и расширение их возможностей для принятия самостоятельных управленческих решений. Положительным шагом в этом направлении стало вовлечение региональных властей как участников публичных консультаций при обсуждении проектов нормативных правовых актов на официальном сайте (рисунок 24).

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ПОРТАЛ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ
Официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения

Например: образование С учетом всех форм слов

Процедура
Выберите значение...

Разработчик
Выберите значение...

Статус
Выберите значение...

Период публикации
с [календарный значок] по [календарный значок]

Настроенный фильтр
ЗАТРАГИВАЕТ ВОПРОСЫ РЕГИОНОВ

Вид
Выберите значение...

Этап
Выберите значение...

Вид экономической деятельности
Выберите значение...

Период обсуждения
с [календарный значок] по [календарный значок]

Поиск по ключевым словам
Выберите значение...

Подписка RSS подписка Расширенный фильтр Сброс Поиск

602 0 Текст
О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации
Минвостокразвития России
Идет обсуждение
Проект федерального закона

466 0 Текст
О порядке определения потребителей электрической энергии (мощности), в отношении которых на территориях Дальневосточного федеральног...
ФАС России
Идет обсуждение
Проект постановления Правитель...

485 0 Текст
Об утверждении Порядка конкурсного отбора инвестиционных проектов, представленных получателями средств, на возмещение части прямых...
Минвостокразвития России
Идет обсуждение
Проект ведомственного акта

Рисунок 24 – Пример фильтрации проектов федеральных нормативных правовых актов по критерию затрагивания полномочий и расходов субъектов РФ¹

Как отмечает академик РАН П. А. Минакир, «передача на региональный уровень ответственности за модернизацию экономики и поддержание экономического роста», «увеличение инвестиционного потенциала» – «практически это

¹ Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. – URL: <https://regulation.gov.ru/projects#sysfilters=12> (дата обращения: 25.09.2021).

привело к буму имплантации на региональной почве всевозможных модных и производных от них концепций регионального развития – полюсов роста, кластеров, ТОРов, свободных зон, промышленных парков и пр.»¹.

Предпочтительно, чтобы развитие каркаса полюсов роста не было бессистемным, а нашло свое отражение в стратегических документах региона.

2.3. Мировые экономические кризисы и несостоятельность действующей экономической политики.

Глобальные экономические кризисы, нарастание политической напряженности диктуют необходимость ухода от монетаристской концепции либерального рынка и кейнсианской модели государственного регулирования.

Новые экономические отношения, обусловленные масштабной цифровизацией всех сфер жизнедеятельности, требуют пересмотра подходов к управлению и в государственном секторе. Все большее число политиков и экономистов поддерживает концепцию «государство как платформа»².

2.4. «Гиперурбанизация – формирование городских агломераций-полюсов, которые создают пространственные сгустки экономической деятельности, транслируя новации, ресурсы и институты в окружающее мегаполисы пространство. В России городские агломерации пока играют роль „черных звезд“, всасывая в себя население и ресурсы, формируя в своих пределах рынки, что приводит к все более сильному искривлению пространства»³.

Необходимо развитие «скоростных коридоров», «сжатие» пространства региона, развитие удаленных (онлайн) услуг и сервисов для поддержания уровня жизни в периферийных территориях. Так Президент России В. В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию в 2018 г. отмечал: «Важно, чтобы развитие городов стало движущей силой для всей страны. Активная, динамичная жизнь России, с ее огромной территорией, не может сосредоточиться в нескольких мегапо-

¹ Минакир П. А. Региональные стратегии и имперские амбиции // Пространственная экономика. – 2015. – № 4. – С. 8.

² Государство как платформа: люди и технологии / под общ. ред. М. С. Шклярук. – М.: РАНХиГС, 2019. – 112 с.

³ Минакир П. А. Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения? // Пространственная экономика. – 2016. – № 3. – С. 12.

лисах. Крупные города должны распространять свою энергию, служить опорой для сбалансированного, гармоничного пространственного развития всей России»¹.

Гиперурбанизация способствует снижению уровня доверия, что обусловлено возрастанием числа возможных связей экономических агентов при сокращении кратности этих связей (таким образом, у недобросовестных агентов снижается такой стимул к честному поведению, как испорченная репутация).

Повышению уровня доверия «местного сообщества к региональным институтам управления» способствует обеспечение открытости и гласности, выраженных в «своевременном информировании населения региона о деятельности государственных и муниципальных институтов» и возможностях влияния «граждан на принимаемые общественно значимые решения»². В условиях массовой цифровизации в первую очередь необходимо обеспечение открытости в виртуальном пространстве, где могут размещаться в свободном доступе результаты проверок органов власти, отзывы потребителей и пр.

2.5. Усиление неравенства в уровне развития регионов и их внутреннем пространстве (см. подробнее параграф 3.2).

Вопросы пространственного выравнивания являются дискуссионными среди российских регионалистов³.

Исследование уральских экономистов на примере четырех регионов, «сопоставимых по площади и параметрам административно-территориального деления, но обладающих хозяйственной спецификой», показало отсутствие «явной зависимости между масштабами пространственной однородности и результативностью хозяйственной деятельности территориальных систем в краткосрочной перспективе». По результатам эксперты пришли к выводу «о невозможности использования единой унифицированной модели развития различных территорий и о необ-

¹ Послание Президента России В. В. Путина Федеральному Собранию в 2018 г. // Российская газета. – 2018. – № 7509. – С. 1.

² Новоселов А. С., Маршалова А. С. Институциональная система управления социально-экономическим развитием региона // Регион: экономика и социология. – 2017. – № 2 (94). – С. 26.

³ См., например: Антонюк В. С., Корниенко Е. Л., Вансович Э. Р. Закономерности пространственного развития производительных сил Российской Федерации в современных условиях // Журнал экономической теории. – 2020. – Т. 17, № 2. – С. 314–327.

ходимости применения дифференцированного подхода к определению ориентиров их пространственных трансформаций»¹.

Учитывая необходимость создания прорывных технологий, полюсов роста всей страны и ограниченность ресурсов в условиях острой технологической конкуренции, требуется сосредоточение государственной поддержки на наиболее перспективных территориях. Данный подход разделяют специалисты Южно-Уральского государственного университета, предлагающие в качестве мер «умного» развития регионов для решения проблемы межрегиональной дифференциации диагностику перспективных экономических специализаций субъектов РФ в совокупности с приоритетным финансированием региональных инвестиционных проектов в отраслях таких специализаций².

Наличие уникальных конкурентных преимуществ каждого региона создает условия конкуренции между ними, а также обеспечивает эффективное разделение труда в пространстве страны.

Выравниванию цифрового пространства способствует распространение лучших практик. Например, АНО «Цифровая экономика» собраны кейсы цифровой трансформации регионов³, которые могут быть тиражированы на остальные субъекты РФ.

Автор разделяет мнение профессора В. С. Антонюк и ее коллег о том, что «государственная региональная политика предполагает общегосударственный и селективный компоненты»⁴.

На национальном уровне в рамках региональной политики должны прорабатываться вопросы поддержания и создания стимулов для развития отстающих ре-

¹ Лаврикова Ю. Г., Суворова А. В. Оптимальная пространственная организация экономики региона: поиск параметров и зависимостей // Экономика региона. – 2020. – Т. 16, № 4. – С. 1017.

² Данилова И. В., Салимоненко Е. Н. Оценка механизма реализации промышленной политики регионов: прикладные аспекты концепции «умного» развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № 11-2. – С. 208.

³ Кейсы цифровой трансформации регионов / АНО «Цифровая экономика». – URL: <https://data-economy.ru/regions?fbclid=IwAR2oRLN-rVaOYzYyDC1orxfGkK1GScrMNH-U7R24JC-RMTQESC06zszV5JvQ#!/tab/186841341-4> (дата обращения: 30.03.2021).

⁴ Антонюк В. С., Корниенко Е. Л., Вансович Э. Р. Закономерности пространственного развития производительных сил Российской Федерации в современных условиях // Журнал экономической теории. – 2020. – Т. 17, № 2. – С. 323.

гионов, формирования национальных коридоров передачи знаний и инноваций. Однако политика регионального выравнивания должна быть направлена в первую очередь на показатели качества жизни.

2.6. «Миграции факторов производства между мегаполисами и периферией под воздействием изменения предельных цен факторов почти не происходит, потоки населения и ресурсов пока направлены от периферии к мегаполисам, а следовательно, городские агломерации в весьма малой степени генерируют стимулы развития на периферии»¹.

Для устранения негативных последствий указанного тренда региональные власти могут планировать развитие в периферических зонах полюсов роста в крупных городских агломерациях, в пределах которых может происходить интенсивный обмен деятельностью и ресурсами, а также взаимодействие которых может служить каркасом единого экономического пространства.

Передача знаний и инноваций в цифровую эпоху наряду с физическими каналами (переток научных и высококвалифицированных кадров, передача инновационных продуктов и технологий, внутрирегиональные форумы, программы обмена) расширяется виртуальными каналами (например, банки коопераций и технологий, межтерриториальные исследовательские команды, взаимодействующие через интернет, и т. д.).

2.7. Широкое внедрение автоматизации и роботизации производства изменяет сущность экономических отношений, приводит к повышению производительности, с одной стороны, и устареванию ряда профессий и высвобождению значительной доли рабочей силы – с другой.

Данный тренд бросает ряд вызовов органам власти. Возникает необходимость формирования правового поля для взаимодействия человек – робот (информационная система, искусственный интеллект), учета в стратегиях развития регионов обеспечения занятости и переквалификации высвобождающихся трудовых ресурсов.

¹ Минакир П. А. Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения? // Пространственная экономика. – 2016. – № 3. – С. 12.

Заслуженный экономист РФ В. С. Бочко и его коллега Е. А. Захарчук считают, что «организующей частью формирования образа будущего должно выступать логическое прописывание новых экономических и социально-культурных технологий, которые будут сопрягать интересы различных социальных групп и общества в целом»¹. Автор поддерживает идею формализации новых практик коммуникации и экономических отношений в нормативных документах региона, что способствует повышению надежности регуляторной среды.

2.8. В связи с ростом возможности удаленной работы потоки трудовых ресурсов направлены в комфортные для проживания города, в том числе за рубежом.

Необходимо создание комфортных для проживания городов, обладающих конкурентоспособной социальной инфраструктурой. Также перспективным представляется развитие пригородной недвижимости, что должно учитываться в документах территориального планирования.

2.9. Географический фактор теряет значение в самоопределении личности. «Представления о принадлежности к сообществу сегодня определяются личными проектами и индивидуальными ценностями, а не пространственными соображениями (сообщества в определенной местности)»².

Ответом может стать закрепление уникального «генетического кода» территории в стратегических документах, в создании местных сообществ, групп в интернете, культурных проектах.

Профессор О. В. Артемова с коллегами показывает, что «ревитализация путем изменения функций исторических центров, сохранения и реконструкции исторических объектов» будет способствовать «сохранению исторического наследия и памяти, ценностных ориентиров, обеспечению преемственности исторического развития для поколений»³.

¹ Бочко В. С., Захарчук Е. А. Методология формирования образа будущего при разработке стратегии развития территории // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16, № 4. – С. 688.

² Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – С. 154.

³ Артемова О. В., Логачева Н. М., Савченко А. Н. Гармонизация пространства промышленного города: социальные ориентиры // Экономика региона. – 2021. – Т. 17, № 2. – С. 544.

Вместе с тем Заслуженный экономист РФ В. С. Бочко и его коллега Е. А. Захарчук считают, что использование генетического подхода обязательно должно сочетаться с телеологическим подходом, что позволит «дополнить генетические потенции развития структуры новыми положительными свойствами желаемого будущего»¹.

Автор поддерживает данную позицию, считая ее особенно актуальной в условиях трансформационных преобразований четвертой промышленной революции, когда, с одной стороны, необходимо «запрограммировать» желаемое состояние системы после выхода из точки бифуркации, с другой стороны, сохранить специфичные региональные преимущества и традиции.

2.10. Транснациональные фирмы начинают играть значимую роль в глобальном, национальном² и региональном³ масштабе.

Для обеспечения позитивного эффекта от деятельности транснациональных фирм необходима синхронизация правового поля с ключевыми мировыми тенденциями, а также создание гарантий прав как для таких фирм, так и для их местных контрагентов и потребителей.

2.11. Усиливающаяся индивидуализация производства под запросы потребителей, вызывающая необходимость гибких производственных технологий⁴, динамичных отношений предприятие – предприятие, предприятие – работники.

Правовое поле должно быть динамичным вслед за динамичностью технологий и общества, для этого оно должно создавать базовые гарантии, не препятствуя внедрению инноваций, применению новых практик взаимодействия.

2.12. Развитие экономики совместного потребления (долевой экономики)⁵.

¹ Бочко В. С., Захарчук Е. А. Методология формирования образа будущего при разработке стратегии развития территории // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16, № 4. – С. 693.

² Монбриаль Т. де. Действие и система мира / пер. с фр. В. М. Володина. – М.: РОССПЭН, 2005. – 483 с.

³ Гаджиев Ю. А. Зарубежные теории регионального экономического роста и развития // Экономика региона. – 2009. – № 2 (18). – С. 52.

⁴ Piore M. J., Sabel C. F. The second industrial divide: possibilities for prosperity. – New York: Basic Books, 1984. – 368 p.

⁵ Попов Е. В., Веретенникова А. Ю. Институциональное обеспечение долевой экономики в развитии городской среды // Journal of institutional studies. – 2019. – Т. 11, № 2. – С. 44–59.

Данный тренд требует формирования правового поля, обеспечивающего:

- защиту пользователей совместного потребления;
- учет в качестве экономических агентов (в частности, источников налогообложения и производителей валового регионального продукта) экономических платформ совместного потребления.

В целом региональные власти должны тщательно подходить к анализу регионального потенциала и прогнозу развития с учетом ресурсов и интересов всех акторов. «Диагностика интересов различных структур регионального воспроизводственного процесса является необходимым условием создания эффективного механизма управления, способного обеспечить благоприятную неконфликтную социально-экономическую среду, в которой интересы всех участников относительно сбалансированы»¹.

Резюмируя тезисы, изложенные в данной главе, отметим высокую обусловленность регуляторной среды региональными особенностями, существенную корреляцию региональных и институциональных аспектов друг с другом и значительную трансформацию степени и особенностей влияния разнообразных факторов под воздействием четвертой промышленной революции. Своевременная корректировка региональной регуляторной среды может позволить создать устойчивый каркас центров создания инноваций пятого и шестого технологических укладов с эффективными каналами перетока знаний и технологий.

¹ Новоселов А. С., Волянская Т. В., Фалеев А. В. Основные контуры современной институциональной системы управления региональным развитием // Анализ, Моделирование, Управление, Развитие социально-экономических систем (АМУР-2019): сб. науч. тр. XIII Всерос. с междунар. участием школы-симпозиума (Симферополь – Судак, 14–27 сентября 2019 г.). – Симферополь – Судак: ИП Корниенко А. А., 2019. – С. 303.

4 Диагностика регуляторной среды субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, в условиях новой реальности

4.1 Анализ состояния региональной регуляторной среды в пространстве Уральского макрорегиона в условиях новой реальности

Российские регионоведы отмечают, что успешность выживания в эпоху четвертой промышленной революции определяется скоростью адаптации всех систем к происходящим изменениям, в том числе «перестройка структуры общественных институтов»¹, регуляторной среды, в первую очередь в регионах, являющихся локомотивами генерации и распространения инноваций, «передовых в индустриальном и инновационном отношении», к каковым прежде всего относятся субъекты РФ, расположенные в пространстве Уральского макрорегиона, «который на протяжении веков выступает „становым хребтом“ развития российской промышленности и отраслевой науки»², имеет потенциал и ресурсы для технологического прорыва в XXI веке³.

Уральские регионы исторически тесно взаимосвязаны, обладают схожими для традиционно-промышленных регионов проблемами, вызовами и потенциалом. Это обуславливает выбор Уральского макрорегиона в качестве полигона для проведения естественного эксперимента⁴ в рамках исследования институционального влияния на мезоуровне.

¹ Бодрунов С. Д. Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Journal of new economy. – 2019. – Т. 20, № 1. – С. 10.

² Анимица Е. Г., Силин Я. П. Средний Урал на пути новой индустриализации // Экономика региона. – 2013. – № 3 (35). – С. 71–81.

³ Новая индустриализация России: стратегические приоритеты страны и возможности Урала: монография / под ред. С. Д. Бодрунова и др. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. – 317 с.

⁴ Подробнее о методе естественного эксперимента см. параграф 1.1.

Таблица 6 – Показатели, характеризующие социально-экономическое состояние субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона в 2018 г.

Показатель	Свердловская область	Челябинская область	Курганская область	Оренбургская область	Пермский край	Республика Башкортостан	Удмуртская Республика
ВРП в текущих основных ценах, млрд р.	2 277,6	1 473,7	213,0	1 000,6	1 318,4	1 673,7	631,1
ВРП на душу населения, р.	527 158	422 951	253 573	507 847	503 818	412 530	417 899
Индекс физического объема ВРП в постоянных ценах, % к предыдущему году	102,3	101,7	101,3	102,9	100,8	103,0	102,1
Отраслевая структура валовой добавленной стоимости в текущих основных ценах, % к итогу:							
– сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	5,4	2,4	9,5	7,2	2,2	6,0	6,3
– добыча полезных ископаемых	2,6	1,6	0,8	41,0	22,4	3,2	27,6
– обрабатывающие производства	36,0	32,5	23,2	14,0	30,4	35,1	19,6
– обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	3,0	4,3	7,2	3,1	2,7	2,6	2,5
– деятельность в области информации и связи	2,0	2,5	2,8	1,2	2,2	2,2	1,6
Инвестиции в основной капитал, млн р.	450 397	299 051	40 238	211 726	291 099	322 104	100 516
Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	2 014,3	1 765,5	311,1	875,4	1 115,0	1 646,8	688,4
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, р.	41 110	37 433	30 632	32 883	39 210	36 465	34 052
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %	9,5	12,8	19,6	14,2	14,9	12,0	12,2
Коэффициент Джини*	0,405	0,348	0,352	0,375	0,399	0,407	0,352

Примечание – Составлено автором по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. – М.: Росстат, 2020. – 1242 с. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/LkooETqG/Region_Pokaz_2020.pdf (дата обращения: 25.09.2021).

* Данные указаны за 2019 г. в связи с тем, что выборочное исследование проводится Росстатом раз в два года.

Данные таблицы 6 позволяют охарактеризовать социально-экономическое состояние анализируемых субъектов РФ, особенности их промышленного развития и финансового благополучия населения.

В целом Урал характеризуется высоким уровнем развития промышленности и долей обрабатывающих производств в структуре ВРП, среди которых ключевыми отраслями выступают металлургия, металлообработка и машиностроение. Благодаря богатству природными запасами в Оренбургской области, Пермском крае, Удмуртской Республике и Башкортостане развиты газо- и нефтехимическая промышленность. В перечисленных регионах, за исключением Республики Башкортостан добыча полезных ископаемых занимает существенную долю в структуре экономики. В Курганской и Оренбургской областях, Башкортостане и Удмуртской Республике сельское хозяйство занимает более 6 % в структуре ВРП.

Наиболее высокие темпы роста физического объема ВРП, превосходящие среднероссийские значения (102,8 %) демонстрируют Республика Башкортостан и Оренбургская область. Достаточно медленные темпы роста наблюдаются в Курганской области и Пермском крае.

Субъекты РФ, расположенные в пространстве Уральского макрорегиона, относятся к регионам традиционно-промышленного типа, характеризующимся «высокой степенью инерционности экономической структуры, затрудняющей активизацию процессов адаптации региональных экономик к новым экономическим реалиям»¹. Это выражается в том числе в медленном наращивании роли цифровой составляющей в структуре экономики регионов. Так, доля деятельности в области информации и связи в структуре ВРП во всех регионах ниже среднего значения по стране (3 %). Экспертами Пермского государственного национального исследовательского университета выявлена сильная статистическая связь отдельных информационно-коммуникационных ресурсов с ВРП для субъектов РФ². При

¹ Дворядкина Е. Б., Голошейкин Е. В. Методический подход к анализу экономического развития традиционно-промышленного региона // *Journal of new economy*. – 2010. – № 5 (31). – С. 115.

² Бартов О. Б., Третьякова Е. А. Мезоуровневая модель влияния информационно-коммуникационных ресурсов на экономическое развитие российских регионов // *Экономика региона*. – 2021. – Т. 17, № 2. – С. 402–417.

этом регионалистами выявлена высокая дифференциация уральских регионов по уровню научно-технического прогресса¹.

Автором проведен анализ процессов цифровизации в пространственном и структурном срезе. Региональные индексы цифровизации рассчитывались по отношению к максимальному в совокупности показателей (рисунок 25) по рассматриваемым субъектам РФ:

$$P_{ij} = \frac{p_{ij}}{\max_j(p_i)}, \quad (7)$$

где P_{ij} – индекс цифровизации по i -му показателю в j -м субъекте РФ; p_{ij} – фактическое значение i -го показателя в j -м субъекте РФ.

Сводный индекс уровня цифровизации каждой подсистемы (организации, население и органы власти) определялся как сумма баллов по показателям подсистемы:

$$ID_{system\ j} = \sum_{i=1}^n P_{ij}. \quad (8)$$

Сводный уровень определялся как сумма баллов по индексам. Система показателей характеризует уровень вовлеченности в использование цифровых технологий, обеспечение техническими средствами и цифровыми инструментами

Оценка уровня цифровизации субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, проведена на основе данных статистического сборника «Информационное общество в Российской Федерации 2020»² (рисунок 26).

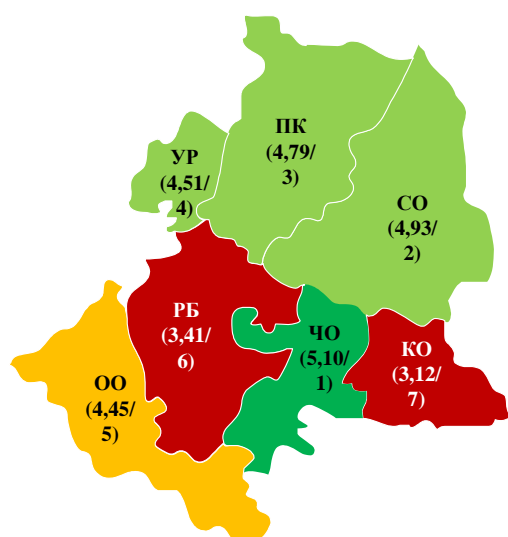
¹ Артемова О. В., Логачева Н. М., Савченко А. Н. Оценка технологических возможностей регионов для развития человеческого потенциала (на примере субъектов Уральского и Сибирского федеральных округов) // Социум и власть. – 2020. – № 4 (84). – С. 35.

² Информационное общество в Российской Федерации 2020: стат. сб. – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 269 с.

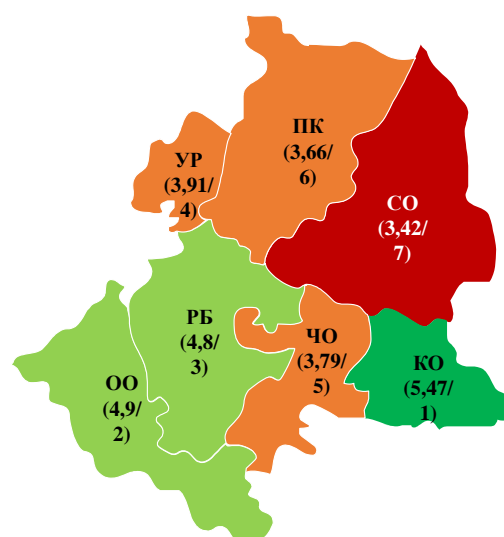
Уровень цифровизации		
деятельности организаций	жизнедеятельности населения	деятельности органов власти
<p>Удельный вес организаций, использующих интернет.</p> <p>Доля организаций, использующих технологии электронного обмена данными со своими и внешними информационными системами и автоматической идентификации.</p> <p>Доля организаций, использующих облачные сервисы.</p> <p>Доля организаций, имеющих специальные программные средства.</p> <p>Доля организаций, имеющих CRM-, ERP-, SCM-системы.</p> <p>Доля организаций, имеющих средства обеспечения информационной безопасности</p>	<p>Обеспеченность персональными компьютерами, используемыми в учебных целях, в общеобразовательных организациях на 100 обучающихся.</p> <p>Доля населения, имеющего доступ к сети Интернет.</p> <p>Доля компьютеризированных посадочных мест в библиотеках.</p> <p>Доля музейных предметов, внесенных в электронный каталог с цифровым изображением.</p> <p>Доля населения, использующего средства защиты информации.</p> <p>Доля населения, использующего сеть Интернет для заказа товаров и услуг</p>	<p>Доля населения, взаимодействующего с органами власти через интернет.</p> <p>Доля населения, использующего интернет для получения государственных услуг.</p> <p>Доля населения, полностью удовлетворенного качеством предоставляемых услуг органами власти через интернет.</p> <p>Доля организаций, использовавших интернет в целях взаимодействия с государственными органами.</p> <p>Доля организаций, использовавших интернет для получения государственных услуг.</p> <p>Доля организаций, полностью удовлетворенных качеством предоставляемых услуг органами власти через интернет</p>

Примечание – Составлено автором по: Рахмеева И. И., Лысенко А. Н. Сравнительный анализ уровня цифровизации уральских регионов // Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 19 марта 2021 г.). – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2021. – С. 101–103.

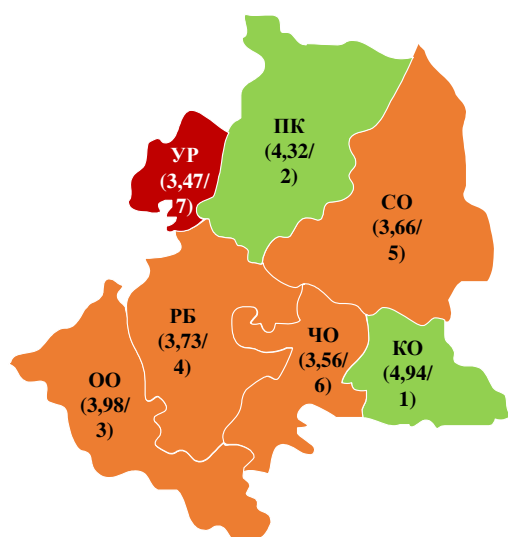
Рисунок 25 – Комплекс показателей для оценки уровня цифровизации региональных подсистем

Уровень цифровизации деятельности населения

Уровень цифровизации деятельности органов власти

Уровень цифровизации деятельности организации

Примечание – Составлено автором.

Уровень цифровизации деятельности организаций, баллы

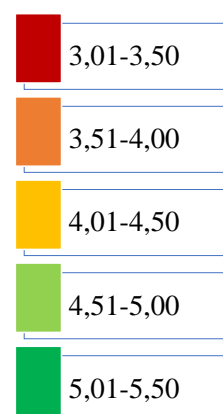

Рисунок 26 – Результаты оценки уровня цифровизации региональных подсистем в пространстве Уральского макрорегиона:

XX (N/N) – обозначение региона (баллы, место в рейтинге); УР – Удмуртская Республика; ПК – Пермский край; РБ – Республика Башкортостан; СО – Свердловская область; ЧО – Челябинская область; КО – Курганская область; ОО – Оренбургская область

Сравнительный анализ показал неоднородность цифровизации в пространственном и структурном разрезе. Так, Курганская область занимает диаметрально

противоположные позиции по уровню цифровизации деятельности органов власти, организаций (первое место) и населения (последнее место). Наибольшая дифференциация между территориями отмечена по уровню цифровизации органов власти, причины чего могут быть объективными (недостаточность финансирования данного направления) и субъективными, неформальными (экстрактивный характер регуляторной среды и экономики не способствует нацеленности управляющих структур региона на активное проведение политики новой индустриализации и цифровизации).

Территориальные и структурные диспропорции позволяют использовать синергетический эффект от усиления цифровизации отдельных подсистем акторов в силу их высокой социально-экономической связности и цифровизации отдельных регионов, которые в силу первого закона географии и устойчивых экономических связей внутри Уральского макрорегиона будут приводить к увеличению показателей в соседних территориях.

Отметим необходимость проведения регулярной диагностики процессов цифровой трансформации и корректировки ее методики, что обусловлено ускорением технологического прогресса и неопределенностью траекторий развития.

В пространстве Уральского макрорегиона наблюдается сильная социальная дифференциация. Так, на треть различаются значения среднемесячной номинальной заработной платы, при этом даже в Свердловской области с наивысшим показателем заработная плата существенно отстает от среднероссийской (47 867 р.). Во всех субъектах РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, коэффициент Джини ниже среднероссийского (0,411), а вот доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в трех регионах (Челябинская область, Республика Башкортостан и Удмуртская Республика) близка к среднероссийскому показателю (12,3 %), в двух – существенно превышает его (Курганская область и Пермский край) и только в одном (Свердловская область) – существенно ниже.

Традиционно-промышленные регионы обладают специфичной культурно-исторической средой, на формирование которой существенное влияние оказали

промышленные объекты¹. Следует отметить организацию в уральских регионах разнообразных заводов-музеев, выставочных мероприятий (например, Уральская индустриальная биеннале) и общественных пространств на нефункционирующих промышленных объектах (например, проект «Лето на заводе» на территории старинного завода XIX века в г. Сысерти), конкурсов профессионального мастерства в сфере промышленности (например, «Славим человека труда»).

Традиционно индустриальный уклад уральских регионов определяет их генетический код² и сказывается на наполнении институциональной среды³.

Оценим качество регуляторной среды субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, в соответствии с методикой, разработанной в параграфе 2.2.

Для того чтобы сгладить случайные погрешности, были использованы усредненные значения по институциональным факторам за 2014–2016 гг., по остальным показателям – за 2014–2018 гг. Выбор более раннего периода для институциональных факторов связан с учетом их отложенного воздействия.

В приложении М представлены детализированные материалы диагностики элементов регуляторной среды в пространстве Уральского макрорегиона. В целом можно отметить достаточно высокую ориентацию региональной регуляторной

¹ Шолух Н. В., Черныш М. А. Системная модель исследования культурно-исторической среды промышленного города // Вестник Донбасской национальной академии строительства и архитектуры. – 2016. – № 2 (118). – С. 37.

² Дворякина Е. Б., Кайбичева Е. И. Векторы развития уральских городов-заводов в эпоху новой индустриализации // Новая индустриализация России: стратегические приоритеты страны и возможности Урала: монография / под ред. С. Д. Бодрунова и др. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. – С. 260; Иконописцева О. Г. Современные структуроформирующие факторы городской среды (на примере Оренбурга) // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 9 (128). – С. 113; Крутева О. В., Минина О. Ю. Горнозаводская культура Урала: перекресток цивилизаций // Культура и цивилизация. – 2016. – Т. 6, № 5А. – С. 305; Меньшикова Н. А. Социокультурное наследие Уральского региона как ресурс формирования региональной идентичности личности // Личность. Общество. Образование. Непрерывное образование как фактор развития личности в современном обществе: сб. ст. XXI Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 30 марта 2018 г.). – СПб.: ЛОИРО, 2018. – С. 101; Силин Я. П. Стратегии и сценарии социально-экономического развития Уральского региона // Актуальные проблемы социального и профессионально-экономического вхождения молодежи в региональную общественно-производственную среду: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 5 июня 2017 г.). – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2017. – С. 8.

³ Попов Е. В. Институты / отв. ред. А. Д. Некипелов. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2015. – С. 89.

среды уральских регионов на промышленное развитие, прежде всего традиционных отраслей. Рассмотрим более детально результаты диагностики.

В таблице 7 приведена балльная оценка состояния региональной регуляторной среды субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, по основным направлениям.

Таблица 7 – Балльная оценка состояния региональной регуляторной среды субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, по направлениям

Направление оценки состояния региональной регуляторной среды	Свердловская область	Челябинская область	Курганская область	Оренбургская область	Пермский край	Республика Башкортостан	Удмуртская Республика
Формальная составляющая регуляторной среды							
Проработанность приоритета технологического развития в стратегических документах	4,5	4	2	2	3	5	3,5
Поддержка науки и инновационных форм предпринимательства	5	3,5	3	3	3,5	4,5	4
Поддержка престижа технологического творчества и промышленных профессий	5	5	3	3	3	5	5
Проработанность устойчивости развития региона	4	3,5	3	3	1,5	3	2
Качество проведения оценки регулирующего воздействия	4	3	2	3	3	5	3
Развитие цифровой экономики	3	5	3	3	3	5	2
<i>Оценка формальной регуляторной среды</i>	26,5	24	16	17	17	26,5	17,5
Неформальная составляющая регуляторной среды							
Ориентированность власти на поддержку предпринимательства	4	3	2	4	3	5	2
Уровень добросовестности в экономической среде	5	3	2	3	3	4	3
Уровень коррумпированности	3	3	5	4	2	2	4
<i>Оценка неформальной регуляторной среды</i>	12	9	9	11	8	11	9
Примечание – Составлено автором.							

В соответствии с методикой, описанной в параграфе 2.2, диагностировано состояние региональной регуляторной среды субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, по следующим направлениям.

1. Проработанность приоритета технологического развития в стратегических документах – закрепление технологического (промышленного, инновационного) развития как одного из приоритетов в стратегии социально-экономического развития региона; утверждение концепции/стратегии технологического (промышленного, инновационного) развития региона; наличие перечня приоритетных/критических технологий с учетом специфики региона и ориентацией на технологии пятого и шестого технологических укладов; утверждение регионального закона о промышленной политике и региональной (государственной, комплексной, целевой) программы развития промышленности, науки, инновационной деятельности.

2. Поддержка науки и инновационных форм предпринимательства – утверждение регионального закона о науке, научно-технической и инновационной деятельности, региональных актов о поддержке, в том числе финансовой, науки, научно-технической, промышленной и инновационной деятельности; нормативное закрепление подходов к повышению кооперации промышленных предприятий друг с другом, крупного и малого бизнеса, промышленности и науки, а также действия на территории региона специализированной формы технологической кооперации и развития (технологические платформы, кластеры, технопарки).

3. Поддержка престижа технологического творчества и промышленных профессий – закрепление и поддержка развития детского технологического творчества, конкурсов профессионального мастерства в промышленной сфере на регулярной основе.

4. Проработанность устойчивости развития региона – закрепление устойчивого (эколого- и ресурсосберегающего) развития как одного из приоритетов стратегии социально-экономического развития региона, наличие концепций/программ экологической безопасности и развития экологической культуры населения, включение приоритета и раздела о сбалансированности, равномерности пространствен-

ного развития (освоения) территории в стратегию региона, в том числе развитие территорий опережающего экономического роста.

5. Качество проведения оценки регулирующего воздействия в соответствии с рейтингом Минэкономразвития России.

6. Развитие цифровой экономики – принятие планов развития цифровой экономики, закрепление в стратегиях региона приоритета развития цифровой экономики.

7. Ориентированность власти на поддержку предпринимательства – определяется по доле предпринимателей, считающих, что региональные власти способствуют/препятствуют развитию бизнеса, предпринимательства.

8. Уровень добросовестности в экономической среде – определяется по среднему количеству ежегодно регистрируемых преступлений экономической направленности и числу ежегодно выявляемых лиц, совершивших преступления экономической направленности, на 1 000 предприятий.

9. Уровень коррумпированности – определяется по среднему количеству ежегодно регистрируемых преступлений коррупционной направленности на 1 000 чиновников.

По итогам проведенного анализа регионы разделены на группы с благоприятной, стимулирующей, эффективной и тормозящей, неблагоприятной, вязкой, неэффективной региональной регуляторной средой. Благоприятная среда стимулирует инновационную, предпринимательскую деятельность в пространстве регионе, направляет экономическую деятельность в едином русле, ориентированном на технологический прогресс и рост благосостояния общества. Неблагоприятная, или вязкая, среда тормозит технологическое, социально-экономическое развитие территории, отличается турбулентностью, т. е. содержанием противоречивых правовых норм и практики поведения, реализуемой в действительности политики.

Член-корреспондент РАН Г. Б. Клейнер с коллегами использовали в своей монографии 1997 г. характеристику «вязкость» применительно к экономической среде, подразумевая под этим, что перемещение производственных ресурсов тре-

бует «приложения значительных, иногда непомерных усилий»¹. Интересно отметить, что семь из девяти причин вязкости экономической среды России в 1990-е годы Г. Б. Клейнер видел в институциональных факторах (неэффективная система распространения информации, неадекватная субъективная реакция на информацию, бюрократические препятствия, низкий уровень деловой энергии и инновационной мобильности, невысокий уровень притязаний, инерционность мышления, низкий уровень организованности и дисциплинированности в государственном секторе²). Автор полагает, что Г. Б. Клейнер и его коллеги не употребляли терминов «институциональная среда» и «институциональные факторы» в указанном труде лишь в силу неукорененности институциональной экономики как научной дисциплины в тот период.

Вязкая регуляторная среда обладает высокими административными барьерами, асинхронностью долго-, средне и краткосрочных стратегических целей и задач, нескоординированностью стратегий и программных документов, противоречивостью формально заявляемой региональной политики и фактической практики поведения и принятия решений государственными служащими.

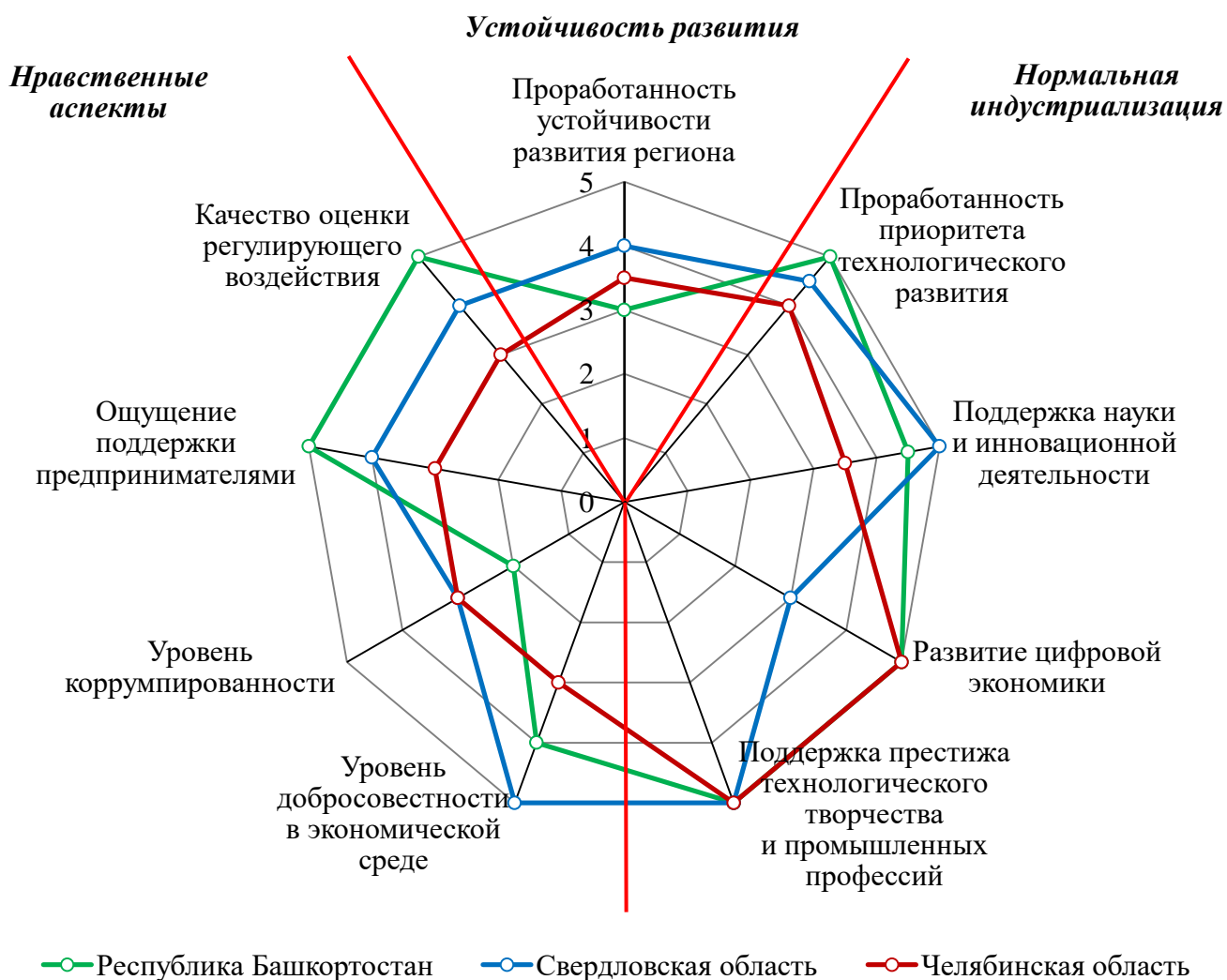
Вязкая регуляторная среда приводит к ряду негативных последствий: уходу бизнеса в теневой сектор или вовсе отказу от предпринимательства, «утечке» новаторов и предпринимателей на другие территории, росту коррупции, неэффективному использованию ресурсов и инвестиций.

I. Регионы с благоприятной, стимулирующей, эффективной региональной регуляторной средой.

Из семи субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, более качественную регуляторную среду удалось сформировать Свердловской и Челябинской областям, Республике Башкортостан. Профиль состояния региональной регуляторной среды указанных субъектов РФ представлен на рисунке 27.

¹ Клейнер Г. Б., Тамбовцев В. Л., Качалов Р. М. Предприятие в нестабильной экономической среде. – М.: Экономика, 1997. – С. 25.

² Там же. – С. 26.

Примечание – Составлено автором на основе собственных расчетов.

Рисунок 27 – Профиль состояния региональной регуляторной среды Республики Башкортостан, Свердловской и Челябинской областей

Во всех трех субъектах технологическое и инновационное развитие является одним из приоритетов стратегии социально-экономического развития региона. В целях реализации данного приоритета стратегии и в целом экономического развития территории в указанных субъектах РФ приняты:

- концепция/стратегия технологического (промышленного, инновационного) развития региона;
- региональный закон о промышленной политике;
- региональный закон о науке, научно-технической и инновационной деятельности (за исключением Челябинской области);

- региональный закон о поддержке малого предпринимательства;
- региональные акты о поддержке, в том числе финансовой, науки, научно-технической, промышленной и инновационной деятельности;
- региональная (государственная, комплексная, целевая) программа развития промышленности, науки, инновационной деятельности;
- региональные акты в сфере развития цифровой экономики;
- региональные планы импортозамещения;
- нормативное закрепление подходов к повышению кооперации промышленных предприятий друг с другом, крупного и малого бизнеса, промышленности и науки;
- нормативное закрепление действия на территории региона специализированной формы технологической кооперации и развития (технологические платформы, кластеры, технопарки);
- закрепление и поддержка развития детского технологического творчества;
- закрепление и поддержка конкурсов профессионального мастерства в промышленной сфере на регулярной основе.

Следует отметить, что углубленная проработка и выделение приоритетных технологий с учетом специфики региона (его научного, промышленного, инновационного задела) с ориентацией на технологии пятого и шестого технологических укладов вызывает трудности во всех субъектах РФ, расположенных в Уральском макрорегионе. Перечень приоритетных/критических технологий с учетом специфики региона и ориентацией на технологии пятого и шестого технологических укладов приняты только в Свердловской области и Республике Башкортостан. Вместе с тем в программных документах мы практически не находим отражения этого перечня.

Особое внимание региональные власти в условиях надвигающейся четвертой промышленной революции уделяют цифровизации государственного управления и экономической сферы. В указанных трех регионах приняты специальные планы или программы развития цифровой экономики, а в Челябинской и Сверд-

ловской областях это направление является также частью комплексных стратегий социально-экономического развития территорий.

В Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан¹ в качестве внешних условий заявляется развитие искусственного интеллекта, нано-, био-, медицинских, информационных, экологически чистых технологий. В регионе запланировано внедрение передовых технологий при реализации государственных функций, обеспечении мониторинга экологической обстановки. Развитие инновационной экономики, внедрение и тиражирование технологических инноваций предусматривается в рамках Башкирской технологической инициативы. Ориентация на цифровизацию в Республике Башкортостан является комплексной и прослеживается не только по экономическим, но и по социальным направлениям развития общества. Так, Стратегией предусмотрено формирование современной цифровой образовательной среды и цифровой культуры («повышение доступности и возможности участия граждан в культурной жизни путем цифровизации услуг культуры и формирования информационного пространства знаний»), реализуемых через проекты «электронный билет», виртуальные концертные залы и музеи, электронные читальные залы).

Стратегия социально-экономического развития Челябинской области² включает направление «Цифровая инфраструктура экономики», в рамках которого запланировано решение трех задач: создание инфраструктуры для обеспечения услуг по хранению и обработке данных, внедрение цифровых платформ работы с данными для граждан, предпринимателей и органов исполнительной власти, оказание содействия организациям сферы информационных технологий.

В Стратегии социально-экономического развития Свердловской области³ уделено существенное внимание развитию инновационной экономики, созданию

¹ О Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 г.: постановление Правительства Республики Башкортостан от 20 декабря 2018 г. № 624.

² Об утверждении Стратегии Челябинской области на период до 2035 г.: постановление Законодательным собранием Челябинской области от 31 января 2019 г. № 1748.

³ О Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 гг.: закон Свердловской области от 21 декабря 2015 г. № 151-оз.

условий для модернизации и внедрения технологических инноваций, однако термин «цифровой» не используется ни разу.

Отражением состояния региональной регуляторной среды служит Рейтинг качества проведения оценки регулирующего воздействия в субъекте РФ¹. Оценка регулирующего воздействия объединяет как аналитическую работу по устранению административных барьеров в региональной правовой базе, так и взаимодействие регуляторов с акторами социально-экономической системы региона в целях установления баланса интересов в нормативных документах.

В рейтинге Минэкономразвития России качества проведения оценки регулирующего воздействия в субъектах РФ Республика Башкортостан на протяжении последних пяти лет попадает в высшую группу. Свердловская область на этапе становления института оценки регулирующего воздействия также входила в высшую группу, но затем сместилась в группу хорошего уровня, что связано с рядом причин, как объективных (связанных с организационными процедурами, например, отсутствие проектов, выносимых на оценку со стороны законодательных органов власти; низкая доля отрицательных заключений об оценке регулирующего воздействия, так как замечания к регуляторам устраняются до подписания заключения), так и субъективных (высокая политическая активность населения, приводящая к наличию недовольных оппозиционных структур). Челябинская область за последние годы еще более существенно потеряла свои позиции в рейтинге и по итогам 2020 г. оказалось в группе среднего уровня.

II. Регионы с тормозящей, неблагоприятной, вязкой, неэффективной региональной регуляторной средой.

К числу субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, чья региональная регуляторная среда не способствует технологическому прогрессу, развитию предпринимательской и инновационной деятельности и экономическому росту территории, относятся Пермский край, Удмуртская Республи-

¹ Рейтинг качества проведения оценки регулирующего воздействия в субъектах РФ / Минэкономразвития России. – URL: <http://orv.gov.ru/ranking> (дата обращения: 12.11.2020).

ка, Оренбургская и Курганская области. Профиль состояния региональной регуляторной среды данных регионов отражен на рисунке 28.

Примечание – Составлено автором на основе собственных расчетов.

Рисунок 28 – Профиль состояния региональной регуляторной среды Удмуртской Республики, Пермского края, Оренбургской и Курганской областей

Отсутствие в стратегиях социально-экономического развития Удмуртской Республики, Оренбургской и Курганской областей приоритета технологического и инновационного развития предопределяет направленность и содержание всей региональной регуляторной среды. Более того, в Стратегии социально-экономи-

ческого развития Курганской области указывается преимущественно на развитие базовых отраслей¹.

В Стратегии социально-экономического развития Удмуртской Республики² отмечен мировой и российский тренд автоматизации и цифровизации производственной области, большинства сфер социальной и экономической деятельности. Вместе с тем в качестве перспективного направления в части цифровых технологий органы власти Удмуртской Республики выделяют только развитие производства оборудования и компонентов для цифрового телевидения, для чего планируется оказать поддержку предприятиям в части запуска производства соответствующих новых видов продукции. В целом Стратегия социально-экономического развития Удмуртской Республики выделяется на фоне аналогичных документов детализацией направлений поддержки по отраслям экономики, конкретным предприятиям и проектам.

Стратегия развития Оренбургской области³ содержит раздел «Информационно-телекоммуникационный комплекс», а проект Стратегии Курганской области⁴ – «Развитие коммуникационной инфраструктуры и сферы связи». В рамках указанных направлений в обоих регионах заявлены мероприятия по снижению информационного неравенства в пространстве региона и развитию «электронного правительства». В данных двух стратегиях слабо проявляется осознание тренда перехода от информатизации к цифровизации, а термин «цифровой» применяется преимущественно в отношении средств связи. Ситуация с затягиванием принятия Стратегии социально-экономического развития Курганской области ставит под угрозу реализацию модернизации и цифровизации экономики региона.

¹ Об одобрении проекта Стратегии социально-экономического развития Курганской области на период до 2030 г.: распоряжение Правительства Курганской области от 2 декабря 2008 г. № 488-р.

² О Стратегии социально-экономического развития Удмуртской Республики на период до 2025 г.: закон Удмуртской Республики от 9 октября 2009 г. № 40-РЗ.

³ О Стратегии развития Оренбургской области до 2020 г. и на период до 2030 г.: постановление Правительства Оренбургской области от 20 августа 2010 г. № 551-пп.

⁴ Об одобрении проекта Стратегии социально-экономического развития Курганской области на период до 2030 г.: распоряжение Правительства Курганской области от 2 декабря 2008 г. № 488-р.

В Стратегии социально-экономического развития Пермского края¹ не прослеживается тематика цифрового развития.

Во всех четырех регионах приняты специальные проекты или программы развития цифровой экономики, которые транслируют структуру и цели национального проекта «Цифровая экономика» на региональный уровень.

В этих регионах не принята значительная часть документов, формирующих благоприятные условия для развития предпринимательства и новаторства. В частности, в Пермском крае, Курганской и Оренбургской областях не утверждены концепции или стратегии технологического (промышленного, инновационного) развития региона.

Многие документы в рассматриваемых субъектах РФ принимаются формально в целях исполнения поручений федерального уровня, копируют аналогичные типовые проекты и не адаптируются к региональной специфике.

Так, в Удмуртской Республике и Оренбургской области продублирован федеральный перечень критических технологий на региональный уровень без анализа научного задела и промышленных возможностей регионов. В Пермском крае и Курганской области такой перечень отсутствует вовсе.

В Пермском крае, Удмуртской Республике, Курганской и Оренбургской областях приняты базовые документы: региональный закон о промышленной политике, региональная государственная программа развития промышленности, науки, инновационной деятельности, региональный закон о поддержке малого предпринимательства, региональные планы импортозамещения; нормативно закреплены специализированные формы технологической кооперации и развития, поддержка развития детского технологического творчества.

Следует отметить наличие единичных элементов региональной регуляторной среды, благоприятных для развития в рассматриваемых субъектах РФ (например, закон Оренбургской области от 16 ноября 2009 г. № 3222/739-IV-ОЗ «О государственной поддержке инновационной деятельности в Оренбургской области»;

¹ О Стратегии социально-экономического развития Пермского края до 2026 г.: постановлением Законодательного Собрания Пермского края от 1 декабря 2011 г. № 3046.

в Удмуртской Республике и Пермском крае закреплена региональная поддержка конкурсов профессионального мастерства в промышленной сфере; Пермский край, Оренбургская и Курганская области приняли планы развития цифровой экономики).

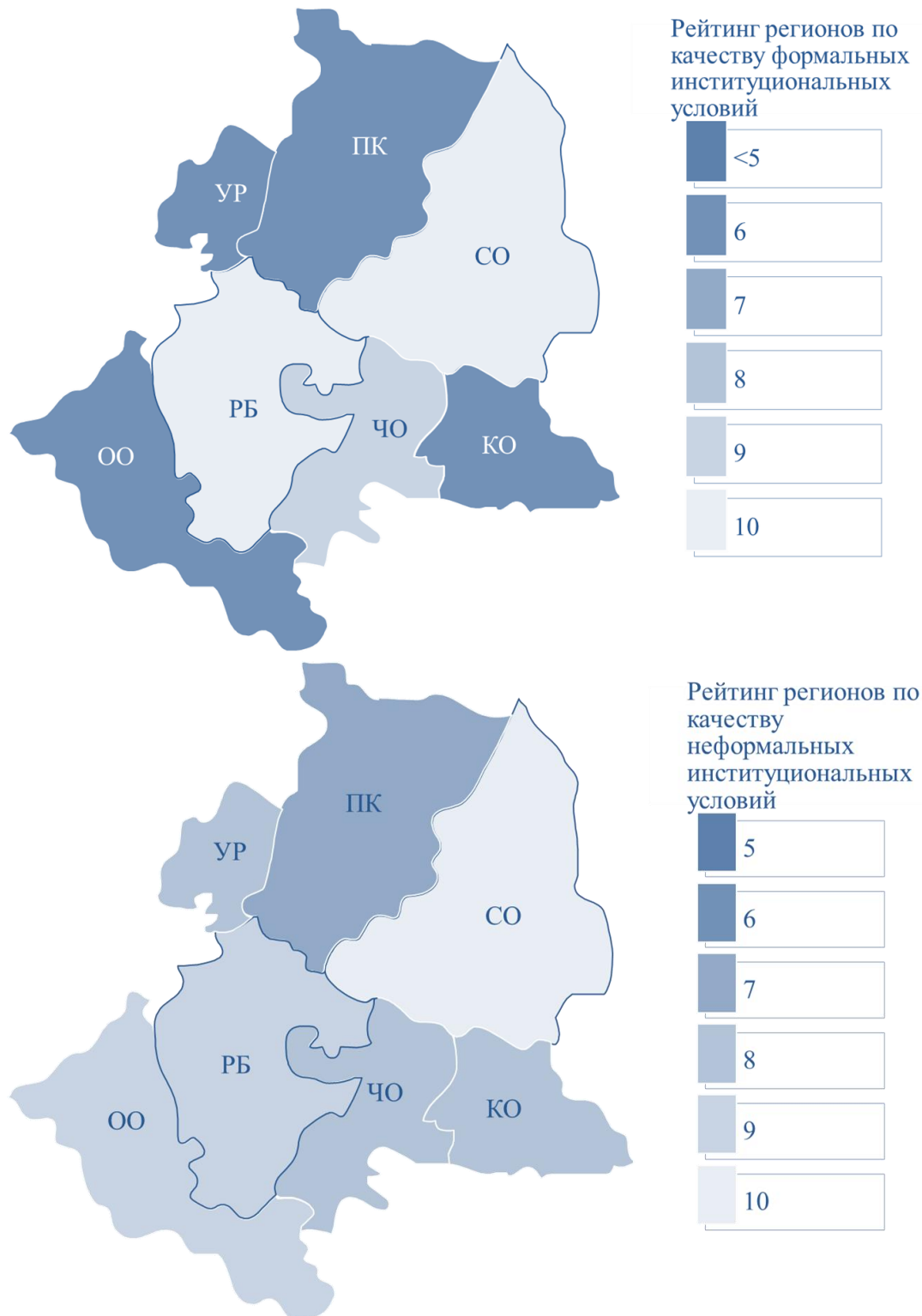
Однако в сравнении с субъектами РФ, исследованными в предыдущем параграфе, региональная регуляторная среда Пермского края, Удмуртской Республики, Курганской и Оренбургской областей является фрагментарной, не ориентированной на технологический прогресс, не обеспечивающей комплексное развитие предпринимательской и инновационной деятельности, не создающей условия для инклюзивного роста.

По качеству оценки регулирующего воздействия Пермский край и Удмуртская Республика за последние пять лет переместились из группы высокого уровня в среднюю группу, а Оренбургская область попала туда из хорошей группы. Самое низкое качество оценки регулирующего воздействия наблюдается в Курганской области, сместившейся из группы удовлетворительного уровня в группу неудовлетворительного.

Дифференциация субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, наглядно отражена на рисунке 29.

Сравнительный анализ показывает более существенную дифференциацию качества формальной части регуляторной среды, которая в большей степени является результатом деятельности региональных органов власти. Неформальный компонент различается по качеству в меньшей степени, что обусловлено исторической связностью, пространственной близостью регионов, высоким уровнем хозяйственного и культурного взаимодействия, что приводит к перетоку неформальных институтов и сглаживанию ценностей и практик между территориальными сообществами.

Система НПА, формирующая регуляторную политику в России, зародившаяся при переходе к рыночной экономике, неуклонно разрасталась и усложнялась, в ней появлялись противоречивые и устаревшие нормы на протяжении порядка 20 лет.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 29 – Рейтинг субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, по качеству компонентов региональной регуляторной среды:

XX – обозначение региона; УР – Удмуртская Республика; ПК – Пермский край;
РБ – Республика Башкортостан; СО – Свердловская область; ЧО – Челябинская область;
КО – Курганская область; ОО – Оренбургская область

Согласно оценке сложности языка законов, проведенной исследовательской группой Высшей школы экономики, законы Российской Федерации по состоянию на конец 2019 г. по сравнению с 1991 г. «в среднем содержат в 2,4 раза больше слов, статьи стали втрое длиннее, а язык законов в десять раз сложнее русского литературного языка»¹. Такой процесс соответствует закону возрастания энтропии, согласно которому изолированная система без вмешательства стремится к хаосу. Как ответ общества на данное явление начинается административная реформа², пересмотр регуляторной политики путем применения ОРВ, которая выступает инструментом саморегуляции системы НПА, той внутренней силой, которая упорядочивает систему и заменяет дефектные элементы (нормы) на эффективные, а также проведение «регуляторной гильотины» – отсечения от системы норм избыточных и устаревших актов.

ОРВ в субъекте РФ – это совокупность методов и подходов региональных органов власти для оценки социально-экономических последствий принятия проекта НПА и результатов действия НПА. Целью проведения ОРВ служит формирование оптимальной регуляторной политики и баланса интересов различных групп в границах территории.

Методология ОРВ сформирована и развивается в рамках экономического анализа права – дисциплины, изучающей юридические нормы с точки зрения их экономической эффективности и оптимального распределения ресурсов. Основы экономического анализа права заложены Г. Калабреззи³, Р. Познером⁴ и Р. Коузом⁵. Вместе с тем автор поддерживает позицию современных ученых об акту-

¹ Анализ существующих юридико-технических и лингвистических подходов к разработке проектов законодательных актов, выработка предложений по их корректировке: результаты исследования. – М.: Высшая школа экономики, 2020. – 23 с.

² В рамках административной реформы в России и регионах проводится инвентаризация, анализ, актуализация действующей системы НПА, в том числе путем активного применения ОРВ, перевод документов, государственных функций и услуг в электронный вид.

³ Calabresi G. About law and economics: a letter to Ronald Dworkin // Hofstra law review. – 1979–1980. – Vol. 8, no. 3. – P. 553–562.

⁴ Posner R. A. Economic analysis of law. – 7th ed. – Austin: Wolters Kluwer Law & Business, 2007. – 787 p.

⁵ Coase R. Law and economics at Chicago // Journal of law and economics. – 1993. – Vol. 36, no. 1. – P. 239–254.

альности модернизации данного направления с учетом изменения социально-экономической и политической структуры, трансформации системы государственного управления (В. И. Авдийский¹, Г. З. Мансуров², А. Е. Шаститко³).

Однако качество ОРВ в субъектах РФ сильно различается преимущественно в силу различия неформальных институтов, связанных с устоявшимися практиками взаимодействия власти с гражданским сообществом в целом и предпринимателями (ориентированности власти на диалог и поиск баланса интересов различных групп). В приложении Н представлено сравнение методик исследования ОРВ в субъектах РФ. Различаясь по предмету и механизмам (от опросных до аналитических) оценки, в целом все методики направлены на определение уровня организованности ОРВ и качества получаемых результатов.

Автором была предложена и апробирована собственная методика расчета экономической эффективности системы ОРВ в субъекте РФ как отношения «оцифрованных» результатов оценки (это социально-экономический эффект от устраненных в проекте положений, несущих избыточные обязанности, запреты и ограничения для хозяйствующих субъектов и необоснованные расходы организаций и бюджетов) к затратам ресурсов на формирование, реорганизацию и поддержание функционирования системы ОРВ⁴.

Анализ эффективности ОРВ в субъектах РФ привел к следующим выводам.

В целом высокие затраты на функционирование и развитие системы ОРВ в субъекте РФ (в том числе затраты на НИР, широкий охват проектов, выносимых на ОРВ и публичные консультации) позволяют обеспечивать высокие показатели качества ОРВ, вместе с тем они приводят к экономической неэффективности института. Неэффективность, приводящая в том числе к избыточной административ-

¹ Авдийский В. И. Экономический анализ права // Вестник Финансового университета. – 2012. – № 2. – С. 101–107.

² Мансуров Г. З. Экономический анализ права: некоторые современные // Право и экономика. – 2009. – № 1. – С. 125–126.

³ Шаститко А. Е., Павлова Н. С. Почему экономический анализ права имеет значение? // Закон. – 2018. – № 3. – С. 57–66.

⁴ Рахмеева И. И. Экономическая эффективность оценки регулирующего воздействия в регионах России // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2019. – Т. 8, № 1 (26). – С. 275.

ной нагрузке на исполнительные органы государственной власти субъекта РФ и экспертное сообщество, выражается в затягивании принятия формальных документов, рассеивании ресурсов и знаний органов власти и участников публичных консультаций, отсутствию реального социально-экономического эффекта от ОРВ. Более того, на территории субъекта РФ региональное экспертное сообщество оказывается задействовано в рамках ОРВ на муниципальном уровне, во-первых, в силу того, что оно проживает в городах и заинтересовано в защите своих интересов не только на региональном, но и на локальном уровне, во-вторых, ввиду отсутствия экспертного пула в городах, удаленных от административного центра. При этом доля проектов, обладающих низкой степенью регулирующего воздействия, на муниципальном уровне выше, чем на региональном. Это приводит к еще большему рассеиванию внимания экспертного сообщества при неэффективной организации процедур.

Высокую экономическую эффективность системы ОРВ демонстрируют субъекты РФ с организационной моделью, предполагающей сосредоточение усилий уполномоченного органа на углубленной количественной оценке проектов актов высокой значимости¹.

Ежегодно Минэкономразвития России составляет Рейтинг качества проведения ОРВ в субъектах РФ². По итогам 2016 г. в группу «высший уровень» попали Республика Башкортостан и Удмуртская Республика, Свердловская область, Пермский край, в группу «хороший уровень» – Челябинская и Оренбургская области; в группу «удовлетворительный уровень» – Курганская область. В рейтинге за 2020 г. удержаться в группе «высший уровень» удалось только Республике Башкортостан, в группу «хороший уровень» сместилась Свердловская область, в группе «средний уровень» оказались Челябинская и Оренбургская области, Пермский

¹ Рахмеева И. И. Экономическая эффективность оценки регулирующего воздействия в регионах России // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2019. – Т. 8, № 1 (26). – С. 277.

² Рейтинг качества проведения оценки регулирующего воздействия в субъектах РФ / Минэкономразвития России. – URL: <http://orgv.gov.ru/ranking> (дата обращения: 12.11.2020).

край, Удмуртская Республика; Курганская область понизила рейтинг до «неудовлетворительного уровня».

Стратегические документы федерального уровня начинают формироваться в России с начала XXI века, и развитие инновационной экономики становится их неотъемлемой частью. Так, принимаются Основные направления политики в РФ в области развития инновационной системы на период до 2010 г. (2005 г.), Стратегия развития науки и инноваций в РФ на период до 2015 г. (2006 г.), Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 г. (2011 г.), Стратегия научно-технологического развития РФ до 2025 г. (2016 г.). Следует отметить, что в большинстве случаев заложенные в стратегиях целевые показатели не достигаются, а органы власти, не анализируя причины неуспеха, продолжают транслировать инновационную политику на будущие периоды.

Базовые нормативные правовые акты (региональные законы о промышленной политике и о поддержке малого предпринимательства, региональные программы развития промышленности и инновационной деятельности, развития цифровой экономики, региональные планы импортозамещения) приняты во всех субъектах РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, в большинстве случаев во исполнение поручений федерального уровня. Результаты диагностики подтверждают вывод С. Н. Котляровой, что, «несмотря на активность регионов в создании инновационного законодательства, в большинстве случаев в подобных документах речь идет о поддержке инновационной деятельности в целом, без выделения и уточнения специализации, видов инновационной деятельности, ключевых субъектов, учета специфики региона и оценки конечного результата инновационной деятельности»¹. А. С. Новоселов и его коллеги также утверждают, что «отсутствие адекватной институциональной системы управления», выраженное в «недооценке территориальных особенностей», «отсутствии системности и комплексного подхода к развитию территорий», «безадресности и необеспеченности соответствующей „проводной сетью“» стратегических документов, приво-

¹ Котлярова С. Н. Формирование и развитие региональных институтов // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2014. – № 3 (27). – С. 101.

дит к тому, что «декларируемые цели и приоритеты, включающие модернизацию экономики, развитие инновационных секторов, импортозамещение, остаются недостижимыми»¹. На необходимость пересмотра региональной политики и учета в ней «регионального аспекта, связанного с тем, что различные отрасли экономики привязаны к разным регионам»², указывает и С. Н. Левин.

Если мы начинаем погружаться в содержание нормативных документов, то следует отметить, что включение технологического, инновационного развития в число приоритетов социально-экономического развития территории, углубленная проработка соответствующего направления характерна для Свердловской и Челябинской областей, Пермского края, Республики Башкортостан. При этом выделение приоритетных технологий с учетом специфики региона (его научного, промышленного, инновационного задела) с ориентацией на технологии пятого и шестого технологических укладов вызывает трудности во всех изученных субъектах РФ. Перечень критических технологий определен в Свердловской и Оренбургской областях, Башкортостане и Удмуртской Республике. Вместе с тем в Удмуртской Республике и Оренбургской области он дублирует федеральный перечень без учета региональной специфики и не находит своего отражения в базовой стратегии развития, что дополнительно характеризует региональную инновационную политику как фрагментарную.

Анализ текстов стратегических и программных документов субъектов Уральского макрорегиона приводит к следующим выводам³:

¹ Новоселов А. С., Волянская Т. В., Фалеев А. В. Основные контуры современной институциональной системы управления региональным развитием // Анализ, Моделирование, Управление, Развитие социально-экономических систем (АМУР-2019): сб. науч. тр. XIII Всерос. с междунар. участием школы-симпозиума (Симферополь – Судак, 14–27 сентября 2019 г.). – Симферополь – Судак: ИП Корниенко А. А., 2019. – С. 304.

² Левин С. Н., Кислицын Д. В., Саблин К. С. Проблемы экономического роста в современной России: общая характеристика и региональный аспект // Journal of economic regulation. – 2016. – Т. 7, № 4. – С. 6.

³ Рахмеева И. И. Технологическое развитие регионов: хаотичное или детерминированное // Развитие территориальных социально-экономических систем: вопросы теории и практики: материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (Екатеринбург, 12–13 марта 2019 г.). – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2019. – С. 38–39.

– большинство стратегий развития регионов ориентировано на общий характер поддержки инновационной деятельности, без уточнения конкретных отраслей или технологий;

– отсутствуют региональные централизованные интернет-ресурсы о поддержке и приоритетах инновационного развития;

– в Стратегии социально-экономического развития Курганской области указывается преимущественно на развитие базовых отраслей;

– несмотря на принятие отдельных документов в сфере инновационной деятельности в Оренбургской области и Удмуртской Республике, данное направление не проходит «красной линией» в их стратегиях развития;

– сам характер технологического развития в региональных документах можно описать как слабодетерминированный¹. Так, конкретные технологии новых технологических укладов, относящиеся к приоритетным для развития, перечислены в стратегических документах Свердловской и Оренбургской областей; развитие цифровой экономики является частью комплексных стратегий социально-экономического развития Челябинской и Свердловской областей.

Матрица детерминации технологического развития субъектов РФ по технологическим укладам представлена в таблице 8.

Таблица 8 – Матрица технологий, развитие которых считается приоритетным согласно нормативным правовым актам субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона

Регион	Технологии V технологического уклада	Технологии VI технологического уклада
Свердловская область	+	+
Челябинская область	+	
Курганская область		
Оренбургская область	+	+

¹ Рахмеева И. И. Технологическое развитие регионов: хаотичное или детерминированное // Развитие территориальных социально-экономических систем: вопросы теории и практики: материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (Екатеринбург, 12–13 марта 2019 г.). – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2019. – С. 39.

Продолжение таблицы 8

Регион	Технологии V технологического уклада	Технологии VI технологического уклада
Пермский край	–	–
Республика Башкортостан	+	+
Удмуртская Республика	+	+
<p>Примечание – Составлено автором на основе: Рахмеева И. И. Технологическое развитие регионов: хаотичное или детерминированное // Развитие территориальных социально-экономических систем: вопросы теории и практики: материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (Екатеринбург, 12–13 марта 2019 г.). – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2019. – С. 38.</p>		

Слабая детерминация коридора технологического развития в рамках четвертой промышленной революции создает угрозу для успешного выхода страны в лидеры инновационной экономики.

4.2 Выявление дисфункций регуляторной среды субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона

На субъекты РФ, расположенные в пространстве Уральского макрорегиона, распространяются дисфункции регуляторной среды, характерные для всех регионов страны, которые препятствуют новой индустриализации и социально-экономическому развитию территорий в контексте новой реальности. На основе методов диалектического и функционального анализа с учетом результатов исследования, изложенных в главе 3, перечислим системные дисфункции регуляторной среды субъектов РФ¹ и наследуемые институциональные инварианты.

¹ Приводится по материалам статьи: Рахмеева И. И. Дисфункции правовой среды как препятствие технологическому развитию регионов. Часть 2 // Russian Economic Bulletin. – 2020. – Т. 3, № 5. – С. 38–43. – URL: <http://dgpu-journals.ru/archives/11397> (дата обращения: 10.11.2020).

1. Из утверждения лауреата Нобелевской премии по экономике Ф. А. фон Хайека о том, что «формирование стихийных порядков есть результат того, что реакция их элементов на непосредственное окружение подчиняется определенным правилам»¹ в совокупности с представлениями об инертности неформальных институтов, вытекает, что масштабная быстрая реформа или революционный переворот приводят лишь к перераспределению власти. Соглашаясь с институционалистами, автор считает, что институциональные инварианты, которые приводят российские регионы к «эффекту колеи», лежат в пределах неформальных институтов (например, религиозные ценности или хозяйственный опыт², мотивация, ограничения и устойчивые практики взаимодействия между доминирующими политико-экономическими акторами³) и для демократических государств могут лежать в надконституционных правилах. Согласимся с А. А. Аузаном, что Конституция РФ, принятая в 1993 г., не является выражением надконституционных ценностей общества, так как принималась в период острых дискуссий, несформировавшихся новых групп интересов⁴. Изменения в Конституцию 2020 г. также сложно назвать отражающими надконституционные ценности, учитывая характер их разработки и утверждения. Вместе с тем профессор Е. М. Бухвальд, отмечая «неопределенность» целей внесения изменений в Конституцию, считает, что они «способны существенно укрепить демократическую и социальную природу государства», однако «федеративная реформа в стране, как бы ее ни расценивали, не исчерпала

¹ Хайек Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. – М.: ИРИСЭН; Челябинск: Социум, 2016. – С. 61. Ф. А. фон Хайек приводит аналогию с образованием органических соединений, когда заданные природой правила заставляют атомы выстроиться в определенную кристаллическую решетку, хотя местоположение каждого отдельного атома предсказать не представляется возможным.

² Попов Е. В., Лавров И. В. Институты экономики благосостояния: теория и методология // Социум и власть. – 2009. – № 3 (23). – С. 70.

³ Левин С. Н., Кислицин Д. В., Сурцева А. А. Институциональная организация регионов ресурсного типа в России: общая характеристика и структурные сдвиги в экономике // Журнал институциональных исследований. – 2019. – Т. 11, № 4. – С. 61.

⁴ Аузан А. А. Общественный договор и гражданское общество // Мир России. Социология. Этнология. – 2005. – Т. 14, № 3. – С. 10.

своего потенциала, что в обозримой перспективе может дать толчок дальнейшему развитию правовых основ российского федерализма»¹.

«Вертикальный» контракт, действующий от федерального, через региональный до муниципального уровня, является наследуемым признаком, а его источник лежит в отсутствии убеждения, что результат деятельности зависит от способностей и усилий индивида, и недоверии к ближайшему окружению, в частности, локальным органам власти. «Когда считают, что без письма министру внутренних дел и обращения к Президенту Российской Федерации невозможно починить канализацию в доме – в стране будет вертикальный контракт»².

Также это отражается на системе ценностей российского населения. Так, по итогам 7-го этапа Всемирного обзора ценностей (2017–2020 гг.) Россия отнесена к странам с высоким уровнем секулярно-рациональных ценностей и ценностей выживания (в противовес традиционным ценностям и ценности самовыражения)³.

2. «Вертикальный» контракт, революционный переход к капитализму в России усугубили такую негативную институциональную инварианту, как коррупция. Е. Т. Гайдар так описывал это явление: «Коррупция – старый, можно сказать, вечный бич России... Не забудем, что чиновник всегда потенциально более криминогенен, чем бизнесмен. Бизнесмен может обогащаться честно, только бы не мешали. Чиновник может обогащаться только бесчестно. Так что бюрократический аппарат несет в себе куда больший заряд мафиозности, чем бизнес... Союз мафии и коррупции при самом становлении капитализма может дать такой ужасный гибрид... Руководствуясь государственным идеалом, можно выстроить государство коррумпированно-криминальное, полукOLONIAЛЬНОЕ. Общество ста-

¹ Бухвальд Е. М. Конституционные изменения и новый этап развития российского федерализма // Федерализм. – 2021. – Т. 26, № 1 (101). – С. 44.

² Аузан А. А. Общественный договор и гражданское общество // Мир России. Социология. Этнология. – 2005. – Т. 14, № 3. – С. 18.

³ World Values Survey. – URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSCContents.jsp> (дата обращения: 09.04.2021).

новится колонией государства, а само грозное государство при таком режиме становится колонией мафии»¹.

К числу смежных с коррупцией можно отнести такие многочисленные для российской практики явления, как избыточное число проверок со стороны контролирующих органов, «вольная трактовка законодательства (чиновниками. – *И. Р.*), незаконное возбуждение уголовных и административных дел, невозможность эффективной защиты прав предпринимателей при разрешении экономических споров»².

Источники коррупционности общества лежат как в формальных, так и в неформальных институциональных условиях. Некачественные нормативные правовые акты, содержащие нормы с неполным, неясным описанием административных процедур, широтой и избирательностью прав должностных лиц, завышенными требованиями к подконтрольным лицам, создают формальные возможности для коррупции. Так, согласно отчету Прокуратуры РФ в 2018 г. о проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов³, среди 991 тыс. проверенных нормативных правовых актов выявлено 48 тыс. документов, содержащих коррупциогенные факторы, а из 932 тыс. проектов нормативных правовых актов выявлено 26 тыс. документов, содержащих почти 36 тыс. коррупциогенных факторов.

Низкое качество правотворческой деятельности сопровождается избыточностью административной нагрузки. Согласно опросам Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, каждый

¹ Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. Дни поражений и побед: в 2 т. – М.: Евразия, 1997. – Т. 1. – С. 163.

² Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика. – М.: Юстицинформ, 2017. – С. 225.

³ Работа органов прокуратуры Российской Федерации в 2018 г. по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов / Генеральная прокуратура Российской Федерации. – URL: <http://genproc.gov.ru/anticor/expert/nadzor/document-1540958> (дата обращения: 25.03.2019).

третий российский предприниматель тратит на соблюдение обязательных требований более 20 % выручки¹.

3. «Вертикальный» контракт и нахождение власти² на вершине пирамиды власть – общество – бизнес приводит в 1990-е годы к власти олигархии и нахождению на протяжении многих лет в числе богатейших людей страны лиц, аффилированные с государственной властью. Так, С. Н. Левин видит первоисточник «эффекта колеи» в «наличии особых форм взаимосвязи между специфической ресурсно-отраслевой структурой экономики и политикоэкономической организацией общества, построенной на дополнении горизонтальных цепочек создания стоимости вертикальными механизмами ее перераспределения»³. Это определяет экстрактивный характер управления, свойственный и для Уральского макрорегиона (см. подробнее параграф 4.3), что снижает конкурентоспособность в условиях технологической революции. Профессор В. А. Вайпан указывает, что «социальная справедливость в экономике... предполагает принятие комплекса ограничительных правовых мер, которые предотвращают доминирование (как правило, небольшой) так называемой элиты над ресурсами и производством»⁴. Это позволило бы сменить характер институциональной среды с экстрактивного на инклюзивный.

Согласимся с утверждением, что «сложившаяся ситуация (застой в технологической сфере в России. – *И. Р.*) детерминирована, прежде всего, все еще не из-

¹ Доклад о достигнутых результатах по улучшению условий ведения предпринимательской деятельности, развитию малого и среднего бизнеса и поддержке индивидуальной предпринимательской инициативы / Минэкономразвития России. – М., 2017. – С. 24.

² Подтверждение этому мы находим даже в высказываниях самих представителей властных структур и крупнейших бизнесменов. Например, интервью бывшего следователя прокуратуры: Следователи пишут всякую ерунду в полной уверенности, что она пройдет в суде. Почему российское следствие служит не обществу, а властным группировкам. Интервью адвоката // *Znak.com*. – URL: https://www.znak.com/2019-07-26/pochemu_rossiyskoe_sledstvie_ne_sluzhit_obchestvu_a_obslyuzhivaet_vlastnye_gruppirovki_intervyu_advok (дата обращения: 29.07.2019). Данная дисфункция выявлена во многих трудах по институциональному анализу российских регионов (см., например: Левин С. Н., Саблин К. С. «Политизированные» бюрократы как субъект развития экономики регионов «ресурсного типа» // *Общественные науки и современность*. – 2017. – № 1. – С. 128–139).

³ Левин С. Н., Кислицин Д. В., Сурцева А. А. Институциональная организация регионов ресурсного типа в России: общая характеристика и структурные сдвиги в экономике // *Журнал институциональных исследований*. – 2019. – Т. 11, № 4. – С. 61.

⁴ Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика. – М.: Юстицинформ, 2017. – С. 181.

житой с советских времен структурой экономики, в частности, засильем предприятий-монополистов, а также наличием сильнейшего ресурсного лобби в высших эшелонах власти, наличие которого привело к тому, что по уровню доходности среди всех видов промышленного производства в настоящее время с сильнейшим отрывом лидирует деятельность по добыче и переработке топливно-энергетических ресурсов, производству кокса и нефтепродуктов»¹.

Профессор А. Г. Карапетов называет «феноменом правотворческой дисфункции» характерное для России явление противоречия целей правовых норм обеспечению общего блага вследствие «откровенного лоббизма, во имя обеспечения интересов „групп специальных интересов“, в целях политического PR, из корыстного расчета, без глубокого осмысления»². Когда решение вопросов распределения в обществе зависит от текущего уровня распределения богатства или власти, это ведет к существенным моральным издержкам³.

Таким образом, сложившаяся система управления оказывается существенным сдерживающим фактором для формирования ноономики, общества всеобщего благосостояния.

4. Низкий уровень правовой защиты бизнеса в целом и гарантий защиты интеллектуальной собственности снижает стимулы к предпринимательской, инвестиционной и инновационной деятельности.

Согласно опросам Федеральной службы охраны в 2019 г. в регионах России⁴, 69 % специалистов (адвокатов, ученых-юристов, прокуроров и правозащитников) и 84 % бизнесменов не считают ведение бизнеса в России безопасным, при этом наблюдается рост числа респондентов, склоняющихся к такому мнению. 71 % полагают, что российские законы не гарантируют защиту бизнеса от не-

¹ Голова И. М., Суховой А. Ф. Инновационно-технологическое развитие промышленных регионов в условиях социально-экономической нестабильности // Экономика региона. – 2015. – № 1 (41). – С. 134.

² Карапетов А. Г. Экономический анализ права. – М.: Статут, 2016. – С. 11.

³ Калабреззи Г. Будущее права и экономики: очерки о реформе и размышления / пер. с англ. И. Кушнарева; под науч. ред. М. Одинцовой. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. – С. 98.

⁴ Закрытый опрос ФСО показал рекордное недоверие бизнеса к силовикам. Почему предприниматели не верят в борьбу с коррупцией и просят изменить Уголовный кодекс / РБК. – URL: https://www.rbc.ru/society/28/05/2019/5cebe7939a794754023bf449?utm_source=application (дата обращения: 28.05.2019).

обоснованного уголовного преследования, 67 % не доверяют силовым структурам, 55 % не доверяют судам, 67 % не считают правосудие в стране независимым и объективным.

Высокий уровень институционального недоверия подталкивает предпринимателей от опоры на формальные к неформальным институтам ведения бизнеса и защиты своих прав, сужает их горизонт планирования, переводит их ориентацию с достижения общего блага в долгосрочной перспективе на получение личной выгоды в краткосрочный период (в масштабе всего общества формируется экстрактивная, а не инклюзивная среда). В свою очередь, это создает замкнутый круг, заставляя органы власти из опасения высокой степени недобросовестного поведения усиливать вмешательство в рыночную экономику и возводить высокие административные барьеры из обязательных требований.

Другим следствием низкой правовой защиты бизнеса является развитие теневой экономики. Э. де Сото считает, что значимость формальных институтов выше неформальных в этом вопросе: «Хотя никто не отрицает относительной важности социальных, культурных и этнических факторов, мы не нашли ни одного свидетельства того, что именно в них причина такого большого объема теневой деятельности»¹. «Существование теневого сектора подрывает технический прогресс. Главные причины – малые размеры теневых предприятий, низкий уровень кооперации производства, невозможность защиты технических инноваций»².

Россия в 2019 г. по направлению «защита интеллектуальных прав» в Международном индексе защиты прав собственности³ заняла 64-е место среди 129 государств, попав в четвертый квинтиль.

Увеличение уровня гарантий защиты для инноваторов и инвесторов в пространстве региона возможно путем формирования качественного регулирования по вопросам, относящимся к компетенциям субъектов РФ, снижения уровня кор-

¹ De Soto H. The other path: the invisible revolution in the third world. – New York: Harper & Row, 1989. – P. 156.

² Ibid. – P. 147.

³ International Property Rights Index. – URL: <https://www.internationalpropertyrightsindex.org> (дата обращения: 12.08.2021).

рупции и повышения уровня надежности и доступности правоохранительной и судебной системы, снижения административной нагрузки со стороны контрольных органов и повышения открытости деятельности региональных властей и доступа различных групп общества к принятию управленческих решений.

5. Несбалансированность интересов развития и безопасности, социальных и экономических приоритетов.

Экономические и политические войны второго десятилетия XXI века, пандемия COVID-19 привели к усилению закрытости внутреннего экономического, информационного, физического пространства государства для обеспечения безопасности. Но обменные процессы с внешней средой уменьшают энтропию системы согласно законам синергетики. Другими словами, потоки ресурсов и информации способствуют развитию социально-экономической системы, на что обратил внимание еще А. Смит¹.

Основатель Всемирного экономического форума К. Шваб считает, что «четвертая промышленная революция становится проверкой для многих фундаментальных предпосылок... может усугубить ту напряженность, которая существует между глубоко религиозными сообществами, защищающими свои фундаментальные ценности, и сообществами, чье мировоззрение сформировано на основе более светских взглядов»²; кроме того, она способствует росту неравенства в обществе, сопровождающемуся снижением доверия, давлением на средний класс, ростом насилия, социальных волнений и числа психических расстройств³. В ответ на эти угрозы становится крайне актуальным построение системы стратегических документов региона на принципах нравственной экономики.

В целях фальсификации гипотезы о наличии зависимости социального неравенства и уровня цифровизации, базирующейся на заключениях К. Шваба, ав-

¹ Smith A. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations (1776). – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 618 p.

² Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – С. 149.

³ Там же. – С. 152.

тором проведен эконометрический анализ корреляции уровня цифровизации (DigIndex) с параметрами, отражающими финансовое благополучие населения.

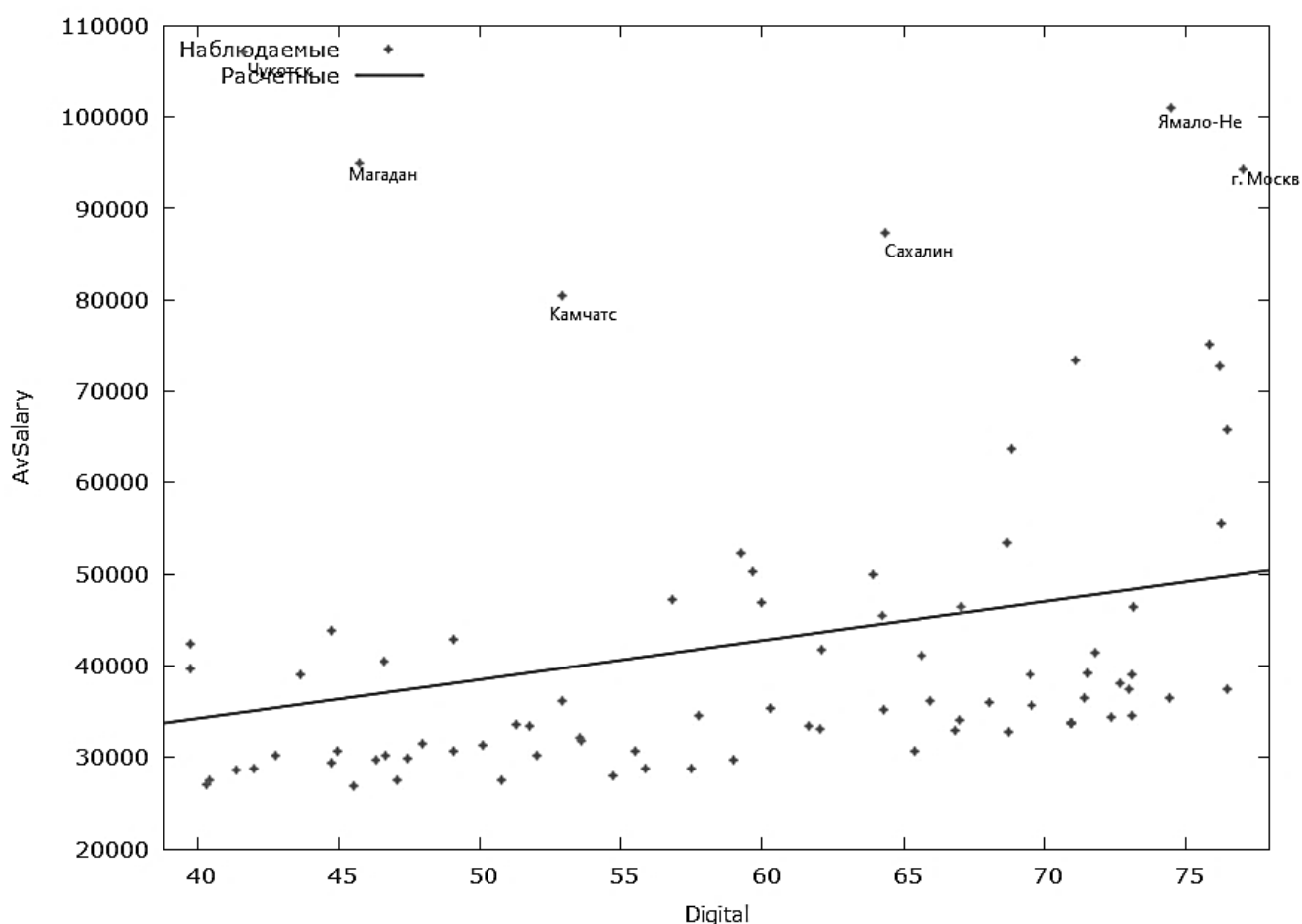
Одним из таких параметров выступила средняя заработная плата в регионе (AvSal). Первой гипотезой является наличие положительной корреляции между уровнем цифровизации и средней заработной платой в регионе вследствие формирования высокого спроса на кадры для цифровой экономики, которые ведут к чрезмерно высоким зарплатам в данном сегменте и росту средних зарплат из-за низкого объема соответствующего предложения труда на текущем этапе.

Нравственная экономика, на которую в том числе опирается данное диссертационное исследование, требует рассмотреть не просто уровень дохода, но и влияние цифровизации на социальную справедливость. Существует многообразие подходов к оценке социальной справедливости, например, по доступности отдельных социальных услуг и благ (образование, здравоохранение), доступности правосудия и т. д. Автором выбран традиционный экономический подход к оценке социальной справедливости по неравенству распределения доходов внутри территориального сообщества, оцениваемому через коэффициент Джини (Gini). Отметим, что с начала 1990-х годов до 2010 г. в целом по стране коэффициент Джини увеличивался (социальное неравенство возрастало). С 2010 г. он постоянно уменьшался, но крайне медленно, и в 2019 г. превосходил значение за 1992 г. в полтора раза. В региональном разрезе картина была неоднородной. Также в качестве параметра, отражающего социальную справедливость, рассмотрена медианная зарплата (MedSal).

Второй гипотезой исследования выступает наличие зависимости социального неравенства и темпов расслоения территориального сообщества от уровня цифровизации в регионе, обусловленное выделением и отрывом от основного сообщества группы экономически активного населения, конкурирующего за счет своих уникальных цифровых компетенций или создания высокомаржинальных цифровых технологий и предприятий.

В качестве исходных данных были использованы замеры индекса «Цифровая Россия» по субъектам РФ в 2018 г., проведенные Центром финансовых инно-

вадий и безналичной экономики Московской школы управления СКОЛКОВО¹, и статистическая информация Росстата за 2019 г.² для сглаживания временного лага воздействия цифровой экономики на социально-экономические характеристики субъекта РФ. Темпы социального расслоения ($\Delta Gini$) оценивались по разнице в значениях коэффициента Джини за 2019 и 2010 гг. за период наиболее активного формирования цифровой среды в регионах.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 30 – Зависимость средней заработной платы от уровня цифровизации в субъектах РФ

¹ Индекс «Цифровая Россия». Отражение цифровизации субъектов Российской Федерации через призму открытых источников / Московская школа управления СКОЛКОВО. – М., 2018. – URL: https://sk.skolkovo.ru/storage/file_storage/00436d13-c75c-46cf-9e78-89375a6b4918/SKOLKOVO_Digital_Russia_Report_Full_2019-04_ru.pdf (дата обращения: 25.11.2020).

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. – М.: Росстат, 2020. – 1242 с. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/LkooETqG/Region_Pokaz_2020.pdf (дата обращения: 25.09.2021).

В связи с отсутствием некоторых данных из выборки исключены Крым, Севастополь и Чеченская Республика, а также с учетом наличия явных выбросов по средней заработной плате, существенно превышающих позиции других регионов (рисунок 30) исключены такие субъекты РФ, как г. Москва, Чукотский автономный округ, Магаданская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Сахалинская область и Камчатский край. В перечисленных регионах высокие доходы могут быть объяснены особыми условиями оплаты труда в северных регионах, а также статусом г. Москвы как столицы России, концентрирующей капитал.

Результаты оценки коэффициентов парной корреляции переменных представлены в таблице 9.

Таблица 9 – Корреляционная матрица параметров цифровизации и социальной справедливости

	DigIndex	AvSal	MedSal	Gini2010	Gini2019	Δ Gini
DigIndex	1					
AvSal	0,49***	1				
MedSal	0,56***	0,98***	1			
Gini2010	0,53***	0,49***	0,49***	1		
Gini2019	0,48***	0,42***	0,45***	0,66***	1	
Δ Gini	0,11	0,09	0,11	0,37***	0,42***	1

Примечание – Рассчитано автором на основе оценки линейных моделей на базе данных: Индекс «Цифровая Россия». Отражение цифровизации субъектов Российской Федерации через призму открытых источников / Московская школа управления СКОЛКОВО. – М., 2018. – С. 72–77. – URL: https://sk.skolkovo.ru/storage/file_storage/00436d13-c75c-46cf-9e78-89375a6b4918/SKOLKOVO_Digital_Russia_Report_Full_2019-04_ru.pdf (дата обращения: 25.11.2020).; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. – М.: Росстат, 2020. – С. 270–272. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/LkooETqG/Region_Pokaz_2020.pdf (дата обращения: 25.09.2021).

Уровень статистической значимости коэффициента при переменной равен: * 0,1; ** 0,05; *** 0,01.

Отрицательный коэффициент уравнения (обратная зависимость) получены только для пары Gini2010 – Δ Gini.

Коэффициенты парной корреляции указывают на силу связи, но мы не можем судить по ним о направлении связи. Однозначное заключение о направлении связи можно сделать только по хронологически существенно отстоящим событиям.

Результаты исследования подтвердили первую гипотезу, выявив умеренную положительную корреляцию между уровнем цифровизации и средней заработной платой в регионе. Таким образом, ориентация на цифровую экономику в среднесрочной перспективе способна увеличить благосостояние региона.

Проверка второй гипотезы дала следующий результат. Не выявлено связи между изменением коэффициента Джини (темпами расслоения) в регионах и уровнем цифровизации субъекта РФ. Можно предположить, что темпы адаптации предложения труда, в том числе по формированию необходимых цифровой экономике компетенций, адекватны процессам цифровизации производственных технологий и экономических отношений.

В то же время выявлена положительная корреляция между уровнем цифровизации и коэффициентом Джини. Однако обращает на себя внимание тот факт, что связь уровня цифровизации в 2018 г. с коэффициентом Джини в 2010 г. выше, чем с этим же коэффициентом в 2019 г. Учитывая также однонаправленность течения времени, можно утверждать, что уровень социального расслоения оказывает прямое влияние на уровень цифрового развития в среднесрочной перспективе (рисунки 31).

Таким образом, социальное неравенство способствует цифровому неравенству территорий. Обратная зависимость изменения коэффициента Джини от его значений в 2010 г. говорит о выравнивании неравенства по доходам между территориями. Для того чтобы цифровая дифференциация не запустила обратные процессы, необходимо принимать целенаправленные меры по повышению уровня благосостояния в регионах с учетом принципов справедливости, в том числе благодаря расширению спроса на цифровые продукты и увеличению предложения труда, числа работников, обладающих цифровыми компетенциями.

Рисунок 31 – Корреляционные связи между уровнем цифровизации, доходами и социальной справедливостью в субъектах РФ

6. Усиление регионального инфраструктурного неравенства также сказывается на технологическом прогрессе¹. Эксперты отмечают «серьезные институциональные различия субъектов РФ»², при этом «регионы, поставленные перед необходимостью одновременного и повсеместного достижения унифицированных целей (информатизации. – *И. Р.*), находятся в разной степени готовности к этому маневру»³, «ключевые ограничения перехода на автоматизированное взаимодействие связаны с неравномерным уровнем развития цифровой инфраструктуры»⁴. Это говорит в пользу расширения возможностей региональных органов власти самостоятельно определять приоритеты и методы развития.

¹ Бодрунов С. Д. Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // *Journal of new economy*. – 2019. – Т. 20, № 1. – С. 6.

² Левин С. Н. Региональные институциональные системы в современной экономике России: методология анализа // *Институциональная трансформация экономики: российский вектор новой индустриализации: материалы IV Междунар. науч. конф. (Омск, 21–23 октября 2015 г.)*: в 2 ч. – Омск: ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2015. – Ч. 1. – С. 39.

³ Швецов А. Н. Российская информатизация в региональном измерении // *Федерализм*. – 2012. – № 4 (68). – С. 73.

⁴ *Цифровое будущее государственного управления по результатам* / Е. И. Добролюбова, В. Н. Южаков, А. А. Ефремов и др. – М.: Дело, 2019. – С. 50.

7. Низкая адаптивность правовой среды к „ускорению“ ускорения технического прогресса»¹ не создает правил для действий в новой системе общественных отношений, базирующихся на цифровых технологиях. Так, в российском законодательстве на пороге третьего десятилетия XXI века отсутствуют «базовые понятия самих цифровых технологий, общего правового режима их внедрения и использования (применения)»². Региональное регулирование существенно зависит от решений федерального уровня, что приводит к еще большему запаздыванию адаптации к технологическим изменениям. Выходом может быть расширение полномочий субъектов РФ и применение «регуляторных песочниц» для создания возможности быстрого и гибкого реагирования на цифровую трансформацию.

Сама процедура регулирования подвержена влиянию технологической революции. Это выражается в переводе массива информации (документов) в электронный вид, создании больших данных, использовании блокчейн-технологий, развитии межведомственного электронного взаимодействия, развитии электронных сервисов и услуг, организации удаленного взаимодействия органов власти и субъектов хозяйствования при представлении отчетности и проведении контроля (надзора), применении интернета вещей и автоматизации ряда государственных функций. Недостаточный уровень цифровизации управления на региональном уровне влияет на качество регулирования, структуру и объем документооборота (наличие избыточных документов при решении юридических вопросов, упорядоченность документооборота, затраты труда и времени на обработку документов, возможности дистанционного взаимодействия, бесконтактного и автоматизированного решения задач), эффективность ответа на вызовы четвертой промышленной революции.

8. Сопряженной дисфункцией выступает реактивность регуляторной среды. Для выхода из точки бифуркации в желаемом направлении деятельность органов власти и гражданского общества должна носить проактивный характер. «Проак-

¹ Бодрунов С. Д. Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Journal of new economy. – 2019. – Т. 20, № 1. – С. 5.

² Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е. И. Добролюбова, В. Н. Южаков, А. А. Ефремов и др. – М.: Дело, 2019. – С. 86.

тивный подход особенно важен для традиционно-промышленных регионов, для которых удержание высоких темпов экономического роста в период смены технологических укладов в условиях неэффективной и экстрактивной институциональной среды исключительно рыночными механизмами маловероятно»¹.

Коллективом Пермского государственного национального исследовательского университета проведен анализ технологических циклов на уровне экономических систем российских регионов и выявлено, что даже для субъектов РФ – лидеров экономического развития в период 1995–2015 гг. было характерно «преобладание кризисно-депрессивных тенденций по разработанным передовым производственным технологиям и используемым передовым производственным технологиям в сочетании с прогрессивной динамикой стоимости основных фондов при продолжающемся росте их износа»².

Частью проактивного подхода должно стать определение коридора технологического развития, в том числе подталкивание инновационной экономики к созданию социально полезных и конкурентоспособных технологий и формированию каналов перетока знаний и инноваций. Как отмечалось в параграфе 4.1, уральские регионы характеризуются слабой детерминацией технологического прогресса. Основатель Всемирного экономического форума К. Шваб отмечает, что проблема отсутствия или неадекватности «организационных структур, необходимых для регулируемого распространения инноваций», характерна для всего мира³.

¹ Рахмеева И. И. Дисфункции правовой среды как препятствие технологическому развитию регионов. Часть 2 // Russian Economic Bulletin. – 2020. – Т. 3, № 5. – С. 39. – URL: <http://dgru-journals.ru/archives/11397> (дата обращения: 10.11.2020).

² Буторина О. В., Третьякова Е. А., Карпович Ю. В. Методический инструментарий анализа технологического цикла на уровне региональных экономических систем // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 258.

³ Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – С. 21.

4.3 Обоснование роли региональной регуляторной среды в обеспечении социально-экономического развития субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона

Как справедливо отмечают регионоведы, «государственно-правовой регулятор только тогда из потенциального превращается в реальное экономическое... благо, когда по факту направляет функционирование регулируемого процесса или отношения в направлении удовлетворения общественной потребности в развитии»¹, а «в условиях усиливающейся регионализации инновационной деятельности возникает научная проблема обоснования развития институциональной среды»². На решение обозначенных задач направлен данный раздел диссертации.

В соответствии с методикой, сформулированной в параграфе 2.3, проведем оценку эконометрической модели зависимости уровня ВРП от факторов развития на основе формулы (5) программными средствами Gretl. Для этого нам также необходимо оценить транспортно-географическое положение объектов исследования.

В качестве преимуществ учитывалось наличие:

– ключевых транснациональных и межрегиональных транспортных коридоров, проходящих по территории субъекта РФ (такие коридоры проходят через все уральские регионы за исключением Курганской и Челябинской областей);

– международного аэропорта (имеются во всех уральских регионах за исключением Курганской области);

– речных транспортных каналов (ими обладают Пермский край, Республика Башкортостан и Удмуртская Республика).

В качестве недостатков, отнимающих баллы, рассматривались:

¹ Татаркин А. И. Диалектика государственного и рыночного регулирования социально-экономического развития регионов и муниципалитетов // Экономика региона. – 2014. – № 1 (37). – С. 15.

² Мокронос А. Г., Анисимов А. В. Совершенствование институциональной среды стратегического проектирования нематериальных активов территории // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2019. – Т. 215, № 1. – С. 246.

– высокий уровень трансграничной преступности (характерен для Челябинской, Курганской, Оренбургской областей);

– значительная широтная протяженность с невысокой плотностью населения (отмечается для Оренбургской области).

Использованные для оценки данные, усредненные за период 2014–2018 гг., по институциональным факторам отражены в приложении М и параграфе 4.1, по географическим характеристикам субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, представлены в таблице 10.

Таблица 10 – Географические характеристики субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона

Показатель	Среднее значение показателя сравнения за период 2014–2018 гг.						
	Свердловская область	Челябинская область	Курганская область	Оренбургская область	Пермский край	Республика Башкортостан	Удмуртская Республика
Наличие транспортных преимуществ	+2	+1	0	+2	+3	+3	+3
Географические недостатки	0	–1	–1	–2	0	0	0
Валовой региональный продукт на душу населения, р.	457 406	360 323	222 671	411 918	429 283	343 549	354 795
Численность населения, тыс. чел.	4 325	3 493	853	1 985	2 627	4 064	1 514
Добыча полезных ископаемых на душу населения, р.	14 145	17 518	3 474	202 003	105 956	55 251	120 253
Сельскохозяйственные угодья, тыс. га	2 577	5 096	44 58	10 816	2 839	7 329	1 841
Плотность железнодорожных путей общего пользования, км путей на 10 000 км ² территории	181	203	104	117	98	102	185
Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, км путей на 1 000 км ² территории	123	204	132	167	133	293	244

Примечание – Составлено автором по: Анимица Е. Г., Рахмеева И. И. Эконометрический факторный анализ развития регионов Уральского макрорегиона в эпоху четвертой промышленной революции // Социум и власть. – 2020. – № 5 (85). – С. 55–56.

В качестве параметров регуляторной среды в модели рассмотрены отдельно нормированные показатели качества формальной (NFI) и неформальной (NinFI) составляющих региональной регуляторной среды, а также общая оценка качества региональной регуляторной среды, определенная как среднее между формальным и неформальным компонентами:

$$NReg = \frac{NFI + NinFI}{2}. \quad (9)$$

В качестве объясняющих переменных использованы оценка качества региональной регуляторной среды (одна из переменных NFI, NinFI и NReg) и географические факторы (попарная комбинация и полная совокупность трех переменных нормированного объема добычи полезных ископаемых на душу населения NMin, нормированной оценки фактора географического положения NTransp, нормированной площади сельскохозяйственных угодий NAgr).

Итоги оценки моделей представлены в таблице 11. Модели с учетом неформальной регуляторной среды оказались нерабочими. Среди моделей с совокупной оценкой региональной регуляторной среды умеренной корреляцией обладает модель с учетом уровня добычи полезных ископаемых и сельскохозяйственных угодий. В ней статистически значимым оказывается только качество региональной регуляторной среды. Также высокой положительной корреляцией обладает аналогичная модель с учетом правовой среды.

Таблица 11 – Результаты оценки влияния географических и институциональных факторов на уровень экономического развития субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона

Объясняющие переменные	Значимые переменные	Исправленный R ²
NFI – NAgr – Nmin – NTransp	NFI**, Nmin*, NAgr*	0,72
NFI – NAgr – Nmin	NFI*, Nmin*	0,33
NFI – NTransp – Nmin	–	Отрицательный

Продолжение таблицы 11

Объясняющие переменные	Значимые переменные	Исправленный R ²
NFI – NAgr – NTransp	–	Отрицательный
NinFI – NAgr – Nmin – NTransp	–	Отрицательный
NinFI – NAgr – Nmin	–	Отрицательный
NinFI – NTransp – Nmin	–	Отрицательный
NinFI – NAgr – NTransp	–	Отрицательный
NReg – NAgr – Nmin – NTransp	–	0,18
NReg – NAgr – Nmin	NReg*	0,30
NReg – NTransp – Nmin	–	Отрицательный
NReg – NAgr – NTransp	–	Отрицательный
<p>Примечание – Результаты расчетов автора. Уровень статистической значимости коэффициента при переменной равен: * 0,1; ** 0,05; *** 0,01.</p>		

Сильную корреляцию ($R = 0,85$) продемонстрировала только одна модель, включающая в качестве объясняющих переменных качество правовой среды и все три географических фактора. Таким образом, усредненный за пятилетний период ВРП субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, можно оценить по формуле:

$$\text{NGRP}_{\text{per capita}} = 1,84819 + 0,756687 \times \text{NMin} - 0,64318 \times \text{NTransp} - 0,579980 \times \text{NAgr} + 1,19035 \times \text{NFI}. \quad (10)$$

Методом инфляционных факторов рассчитаны коэффициенты множественной корреляции $VIF(j)$ для всех переменных модели, которые не превышают 3,3, что подтверждает отсутствие мультиколлинеарности переменных¹.

Как видно из данных таблицы 11, статистически значимыми (на уровне значимости 10 %) для ВРП региона на душу населения являются ресурсные факторы (объем добычи полезных ископаемых и площадь сельскохозяйственных угодий),

¹ Переменные признаются мультиколлинеарными при значении $VIF(j)$ больше 10.

наибольшей статистической значимостью обладает качество правовой среды (уровень значимости 5 %). Рассчитанные коэффициенты при переменных указывают, что наибольшее положительное влияние оказывают качество правовой среды (практически в два раза превосходящее влияние объема добычи полезных ископаемых), транспортно-географическое положение и площадь сельскохозяйственных угодий имеют обратную связь уровнем ВРП в данной модели для традиционно-промышленных уральских регионов.

Положительное влияние правового обеспечения на экономическое развитие региона выявлено также в исследовании регионалистов Южно-Уральского государственного университета под руководством профессора И. В. Даниловой на примере четырех моноспециализированных регионов страны¹.

Неформальная институциональная среда оказалась статистически незначимой в пределах анализируемой базы. Мы видим объяснение этого феномена в крайне малых различиях культурных особенностей и деловых практик регионов в силу их исторической связности. Иначе говоря, полученный результат не опровергает центральную гипотезу исследования и не исключает ее из «защитного пояса» новой научной парадигмы. Можно предположить, что на большей выборке по числу субъектов РФ, существенно различающихся неформальными институтами, данный фактор в долгосрочной перспективе может играть существенную роль. Эта гипотеза требует дополнительной фальсификации.

Отметим, что открытость региональных органов власти и коммуникации с предпринимательским сообществом позволяют усилить эффект синергии формальных и неформальных институтов за счет согласования нормативных правил и хозяйственной практики, установления баланса интересов и координации целей различных групп.

Каналами взаимодействия в цифровой экономике становятся преимущественно электронные средства взаимодействия: от электронных приемных и цифровых сервисов до онлайн-голосований и участия в обсуждениях принимаемых

¹ Данилова И. В., Салимоненко Е. Н. Оценка механизма реализации промышленной политики регионов: прикладные аспекты концепции «умного» развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № 11-2. – С. 207.

решений. Так, повсеместное внедрение ОРВ в субъектах РФ, привлечение представителей регионов к участию в ОРВ проектов федеральных НПА является частью региональной политики России, направленной на создание сбалансированной нормативной правовой базы регулирования, учитывающей интересы различных групп предпринимателей и интересы территорий.

Согласно данным Росстата, в целом 56 % населения России в возрасте от 15 до 72 лет используют возможности Интернета для взаимодействия с органами власти, из них порядка 70 % получают информацию средствами официальных сайтов¹. В эпоху цифровых технологий представляется правильным решение российских органов власти всех уровней о проведении публичных консультаций на интернет-площадках – это делает процесс открытым и прозрачным, обеспечивает свободный доступ, удобство изучения информации и взаимодействия.

Важный вывод анализа связан с подтверждением потери значимости транспортно-географического положения для регионального развития. Это подтверждает гипотезу диссертации, изложенную в главе 2, о трансформации общественных отношений в эпоху четвертой промышленной революции, уменьшении роли расстояния в производственных цепочках и усилении влияния на них цифровых технологий.

Отметим, что дополнительно оценивалась модель (5) с добавлением фактора усредненных инвестиций за 2014–2016 гг. Однако данная модель приводила к статистической незначимости всех факторов и их высокой мультиколлинеарности. В связи с этим интерпретация полученных результатов становилась невозможной.

Интерпретация полученных результатов говорит в пользу комплексного воздействия на развитие субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральско-го макрорегиона, объема добычи полезных ископаемых и качества правовой среды (рисунок 32), т. е. о сохраняющихся в целом сырьевой ориентации и экстрактивном характере российской экономики (среди изученных регионов наиболее экстрактивный характер носят экономики Оренбургской области и Удмуртской Республики). В то же время линия тренда демонстрирует, что региональные вла-

¹ Информационное общество в Российской Федерации: стат. сб. / Г. И. Абдрахманова, Л. М. Гохберг, О. Ю. Дудорова и др. – М.: Высшая школа экономики, 2017. – С. 139.

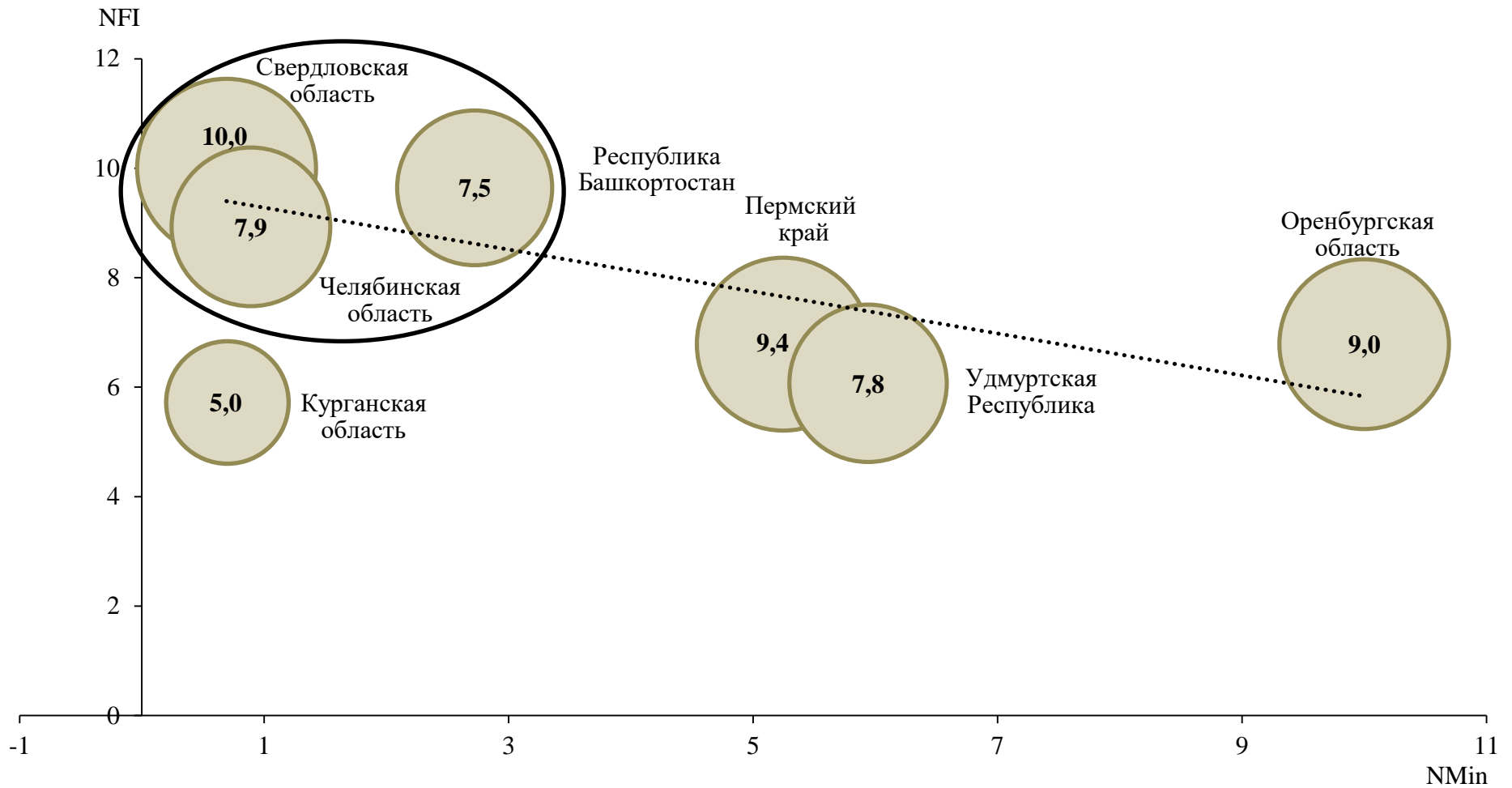
сти при сокращении объемов добычи минеральных ресурсов стремятся конкурировать за счет повышения качества правовой среды. Также на рисунке выделен кластер регионов с благоприятной, эффективной регуляторной средой, описанной в параграфе 4.1. Рисунок 32 наглядно показывает, что данные регионы не просто обладают инклюзивной регуляторной средой, но и демонстрируют высокую конкурентоспособность на ее основе.

В соответствии с эволюционным подходом в данном явлении наблюдаем наследственность, «эффект колеи» в части «негативного влияния культивируемой на протяжении длительного времени ориентации на экстенсивное производство» на темпы индустриального развития начиная с последней четверти XX века¹.

Одновременно происходит процесс адаптации, изменчивости системы, что проявляется в смещении ряда регионов (в частности, Свердловской и Челябинской областей, Республики Башкортостан) на инклюзивный путь развития. В указанных субъектах РФ благодаря сформированной благоприятной регуляторной среде для развития обрабатывающих отраслей и инновационной экономики удалось обеспечить высокий уровень экономического развития при низком уровне добычи полезных ископаемых. В долгосрочной перспективе эти регионы с высокой вероятностью продемонстрируют более устойчивое развитие и станут полюсами роста для всей страны.

Экономики Удмуртской Республики и Пермского края базируются на сочетании ресурсных и институциональных факторов. При низкой эффективности регуляторной среды за счет экстрактивного характера управления удается обеспечивать высокий уровень экономического развития Оренбургской области. Мировой кризис и падение цен на энергоресурсы создают угрозы дальнейшему развитию этих регионов за счет экстенсивных факторов.

¹ Абдурахимов Ю. В., Иванов О. П. Выбор отраслевых приоритетов перехода старопромышленных регионов Урала и Западной Сибири к экономике неоиндустриального типа: на примере Челябинской области (часть 2) // Социум и власть. – 2020. – № 1 (81). – С. 45; Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В. Уральский макрорегион: большие циклы индустриализации. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2019. – 371 с.; Иванова О. Ю. Тенденции развития и размещения производительных сил в пространстве Уральского макрорегиона // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2017. – № 9 (103). – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30022776> (дата обращения: 12.04.2018).

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 32 – Зависимость ВРП на душу населения от качества правовой среды и уровня добычи полезных ископаемых на душу населения в субъектах РФ Уральского макрорегиона:

- – площадь круга соответствует нормированному относительно максимального в совокупности значению ВРП на душу населения;
- – кластер регионов с благоприятной регуляторной средой

Схожие выводы о неустойчивости развития Оренбургской и Челябинской области, Пермского края, Республики Башкортостан и Удмуртской Республики получены в других исследованиях¹.

Подчеркнем также наличие прямой связи уровня инновационного развития и нормативной обеспеченности инновационной политики в субъектах РФ, качества региональной регуляторной среды с инвестиционным климатом и состоянием экономики региона после пандемии COVID-19, а также обратное влияние состояния регуляторной среды на уровень бедности (таблица 12).

Таблица 12 – Рейтинги субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, по качеству региональной регуляторной среды и отдельным аспектам социально-экономического развития в контексте новой реальности

Показатель	Свердловская область	Республика Башкортостан	Челябинская область	Оренбургская область	Удмуртская Республика	Пермский край	Курганская область
Рейтинг по качеству регуляторной среды	1	2	3	4	5	6–7	6–7
Рейтинг по качеству формальной регуляторной среды	1	2	3	5–6	4	5–6	7
Рейтинг по качеству неформальной регуляторной среды	1	2-3	4-6	2–3	4-6	7	4–6
Обратный рейтинг по уровню бедности в 2018 г.*	1	2	4	5	3	6	7
Рейтинг индекса экономического здоровья регионов после COVID-19**	1	3	4	5	6	2	7
Рейтинг инновационного развития субъектов РФ в 2018 г.	1	3	2	6	5	4	7
Значение индекса инновационного развития***	0,4266	0,4017	0,4108	0,2966	0,3160	0,3968	0,2463
Рейтинг инвестиционного климата в 2019 г.	1	2–4	2–4	5–6	5–6	2–4	7

¹ Артемова О. В., Нестеренко И. Ю., Савченко А. Н. Влияние глобальных и региональных трендов на социально-экономическое развитие и уровень жизни населения региона // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 2 (436). – С. 74; Бархатов В. И., Плетнев Д. А., Капкаев Ю. Ш. Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» // Социум и власть. – 2019. – № 5 (79). – С. 78.

Продолжение таблицы 12

Показатели, характеризующие	Свердловская область	Республика Башкортостан	Челябинская область	Оренбургская область	Удмуртская Республика	Пермский край	Курганская область
<i>Рейтинг инвестиционного климата в 2019 г. ****</i>	<i>1B</i>	<i>2B</i>	<i>2B</i>	<i>3B1</i>	<i>3B1</i>	<i>2B</i>	<i>3C2</i>
Рейтинг по усредненному за пять лет ВРП на душу населения	1	6	4	3	7	2	7
Рейтинг по среднему приросту ВРП на душу населения за пять лет (2014–2018 гг.)	4	5	1	6	2	3	7
<p>Примечание – Составлено автором на основе данных официальной статистики и публичных рейтингов.</p> <p>* Выше позиции в рейтинге занимает место субъект РФ, в котором меньше доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума.</p> <p>** Экономическое здоровье российских регионов: ковидные осложнения. – URL: https://raexpert.ru/docbank/f3c/d69/4de/034b6483d3ca80083061390.pdf (дата обращения: 25.09.2021).</p> <p>*** Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 7 / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, С. В. Бредихин и др.; под ред. Л. М. Гохберга. – М.: НИУ ВШЭ, 2021. – 274 с.</p> <p>**** Рейтинг инвестиционного климата субъектов РФ / РА «Эксперт». – URL: https://raex-a.ru/ratings/regions/2019/att1 (дата обращения: 25.09.2021).</p>							

В частности, более высокие позиции в рейтингах инновационного развития занимают регионы, включающие научно-технологический прогресс в приоритеты социально-экономического развития, модернизацию базовых отраслей на основе технологий новых укладов, внедрение инноваций, в том числе ресурсосберегающего и экологического характера, и цифровизацию различных сторон жизнедеятельности. Регионы с благоприятной регуляторной средой в период пандемии также проводили более взвешенную политику ограничений, что помогло им сохранить «экономическое здоровье».

Результаты диагностики регуляторной среды субъектов РФ, изложенные в параграфах 4.1 и 4.2, и анализа ее влияния на развитие регионов, представленные в данном параграфе, позволяют сделать ряд выводов о состоянии региональной регуляторной среды в пространстве Уральского макрорегиона.

Во-первых, для субъектов РФ характерны системные дисфункции, среди которых наибольшую значимость имеет наследственный государствоцентрированный «вертикальный» общественный договор, определяющий экстрактивный характер управления, высокий уровень коррумпированности, ограниченность органов власти субъектов РФ в определении приоритетов развития территории и реализации регионального потенциала.

Во-вторых, регионы в пространстве Уральского макрорегиона существенно дифференцированы по качеству формальной составляющей и в меньшей степени в части неформального компонента регуляторной среды. Вместе с тем наблюдается корреляция состояния формальных и неформальных институтов (см. рисунок 29).

В-третьих, более качественное регулирование инновационной деятельности и технологического прогресса характерно для Республики Башкортостан, Свердловской и Челябинской областей, что позволяет им занимать более высокие позиции в рейтингах инновационного развития и быть более экономически конкурентоспособными.

5 Траектории трансформации региональной регуляторной среды в условиях новой реальности

5.1 Сценарии будущего развития региональной регуляторной среды в соответствии с бифуркационной моделью

Согласимся с утверждением профессора О. В. Артемовой и ее коллеги А. Н. Савченко, что «на современном этапе социально-экономическая динамика характеризуется нелинейностью и нестабильностью процессов, неопределенностью будущих траекторий развития. В этих условиях... возможны разные варианты и сценарии развития»¹. Выделим по основанию направления три базовых сценария развития регуляторной среды субъектов Российской Федерации и сопутствующих социально-экономических изменений:

1) негативный (ухудшение регуляторной среды, сопровождающееся спадом экономической активности, качества жизни, уровня доверия, социального самочувствия и справедливости);

2) нейтральный (сохранение текущих условий);

3) позитивный (улучшение регуляторной среды, сопровождающееся ростом уровней доверия, справедливости, равенства возможностей, положительных ожиданий и экономической активности).

Согласимся с профессором В. А. Вайпаном, что «усиление апелляции людей к справедливости является симптомом того, что те или иные общественные отношения не устраивают людей, изжили себя, тормозят общественную жизнь, а в сфере производства, экономической сфере зарождаются новые отношения, которые

¹ Артемова О. В., Савченко А. Н. Основные тренды регионального развития: коридор возможностей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2019. – Т. 13, № 3. – С. 6.

требуют изменений в политической и правовой надстройке»¹. Профессор С. Д. Бодрунов отмечает «застой в социально-экономических институтах», вступающий «в решительное противоречие с надвигающимися качественными изменениями в технологиях»².

Автор уверен, что в условиях затяжного экономического кризиса (хотя некоторые видные ученые стремятся обосновать его как новую нормальность – *new normal*) и надвигающейся промышленной революции, влекущей фундаментальные изменения в жизни и труде³, нейтральное состояние не может сохраняться длительное время. Нарастающее социальное расслоение в обществе и стремительный рост бедности, увеличение числа индустриальных конфликтов свидетельствуют о «нарушении равновесия между работниками (или их представителями – профсоюзами) и работодателями»⁴, между населением и элитой. При этом «нестабильность социально-экономических процессов в мире достигает своего критического порога»⁵ на заре второй четверти XXI века.

Согласимся, что «институциональные, технологические, структурные изменения – это всегда качественные необратимые изменения»⁶. При этом в период «одновременной смены большого количества элементов и перестройки связей между ними» неизбежным является «скачкообразный характер технологических (при смене технологических укладов) и политических (при смене мирохозяйственных укладов) революций»⁷. Следовательно, в конечном счете развитие регу-

¹ Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика. – М.: Юстицинформ, 2017. – С. 8.

² Бодрунов С. Д. Ноономика: монография. – М.–СПб.–Лондон: Культурная революция, 2018. – С. 360.

³ Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ.. – М.: Эксмо, 2018. – С. 9.

⁴ Козина И. М. Индустриальные конфликты в современной России // Экономическая социология. – 2009. – Т. 10, № 3. – С. 31.

⁵ Глазьев С. Ю., Наумов Е. А., Понукалин А. А. Институциональные проблемы устойчивого социально-экономического развития: парадигма формирования научно-образовательных и инновационных структур // Социологические науки. – 2014. – № 3 (03). – С. 102.

⁶ Сухарев О. С. Экономический рост, институты и технологии: монография. – М.: Финансы и статистика, 2014. – С. 64.

⁷ Глазьев С. Ю. О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 56. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/56_2016glazyev.htm (дата обращения: 24.01.2018).

ляторной среды пойдет по позитивному или негативному тренду, что и соответствует бифуркационной модели, описанной в параграфе 2.1.

Выделим два крайних аттрактора, к которым может привести общество новая реальность (рисунок 33).

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 33 – Различие крайних аттракторов для выхода из точки бифуркации, обусловленной новой реальностью

Позитивный аттрактор – ноономика, нравственная экономика, экономика религии, экономика технократии. В таком обществе формируется благоприятная, инклюзивная региональная регуляторная среда, обеспечивающая социальную справедливость, достойную жизнь для каждого, устойчивость развития, в том числе в интересах будущих поколений, является фактическим, а не номинальным приоритетом государственной политики. Данный образ будущего предполагает открытый равный доступ к достоверной информации. При этом управление территориальным сообществом сосредоточивается в руках элиты из состава научно-технических экспертов, действующих в интересах общества.

Негативный аттрактор – общество тотальной слежки, контроля и манипулирования на основе больших данных и цифровых технологий. В таком обществе продолжает доминировать элита из состава обладателей капитала, поддерживающая сохранение экстрактивной региональной регуляторной среды в целях обеспе-

чения текущего благополучия данной узкой группы, в том числе за счет манипулирования данными и общественным мнением. В таком обществе фактическим приоритетом региональной политики остается рост валового продукта в ущерб социальной справедливости.

Однако в переходной фазе «в течение какого-то времени невозможно предвидеть возникновение новой устойчивой системы вместо прежней»¹. При этом основатель Всемирного экономического форума К. Шваб угрозой принятию грамотных стратегических решений считает «линейность (нереволюционность) мышления многих лидеров или углубление в сиюминутные проблемы»². Это определяет, по мнению автора, актуальность разработки новых подходов к управлению в рамках новой реальности.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 34 – Аспекты, способствующие выходу из точки бифуркации на позитивный или негативный вариант развития региональной регуляторной среды

¹ Монбриаль Т. де. Действие и система мира / пер. с фр. В. М. Володина. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 14.

² Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ.. – Москва : Эксмо, 2018. – С. 11.

Рассмотрим аспекты (рисунок 34), однозначно способствующие выходу на позитивный или негативный вариант развития из точки бифуркации, а также неоднозначные факторы, управление которыми позволит совершить выбор между путями развития.

1. Аспекты перехода на негативный тренд.

Экономический мейнстрим объясняет и оправдывает научно-технической и политэкономической эволюцией усиливающееся расслоение общества и концентрацию власти и капитала в руках элит. Однако такой негативный тренд, такое «качественное изменение в структуре человечества... может кардинально повлиять на состояние человеческого общества, вплоть до его уничтожения в результате игры получивших божественные возможности отдельных личностей. Могут реализоваться самые мрачные антиутопии, если не будут сформированы институты, обеспечивающие устойчивое социально-экономическое развитие»¹.

Высокая устойчивость укоренившихся за века неформальных институтов, выражающаяся в таких устойчивых поведенческих практиках, как коррупция, воровство, повсеместная допустимость незначительных правонарушений, склонность покрывать подобные деяния, препятствует развитию институциональных условий в положительном направлении. Подобные акты взаимодействия уменьшают издержки конкретных индивидов, участвующих в них, но увеличивают совокупные общественные издержки, приводят к неэффективной аллокации ресурсов.

Об устойчивости данных институтов говорили ученые и более ста лет назад, и ныне, например:

– «ложь и обман на самом деле играют слишком большую роль в русской жизни (и даже детей в школах – подсказки, списывание, ответы за товарищей и т.п.) и грозят уничтожить и парализовать все благо от всех производимых реформ»²;

¹ Глазьев С. Ю. О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 56. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/56_2016glazuev.htm (дата обращения: 24.01.2018).

² Янжул И. И. Экономическое значение честности (забытый фактор производства). – М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1912. – 27 с.

– «незыблемость управленческих, кадровых, идеологических (в смысле экономических концепций) устоев российской экономики гарантирует по меньшей мере затяжной характер нынешнего кризиса, что связано с ограниченностью способности вышеупомянутых структурных компенсаторов переломить экономическую динамику без широкомасштабной поддержки финансового рынка, технологического обмена, экономических стимулов, позитивных ожиданий экономических агентов»¹;

– «существующие институты, начиная от системы подготовки кадров и заканчивая методами планирования государственной научно-технической политики, настроены на воспроизводство предыдущего технологического уклада и не отвечают требованиям и возможностям развития нового»²;

– «во всех странах догоняющего развития барьерная функция институтов видна невооруженным глазом, но далеко не все смогли снизить институциональные барьеры. Это следствие проблем „path dependence“ („унаследованной колеи“)³.

Что препятствует переходу к позитивному аттрактору в рамках четвертой промышленной революции? Почему эволюция общества, не контролируемая властными структурами, не позволяет в рамках конкурентной борьбы территорий отобрать эффективные практики и обеспечить высокую конкурентоспособность в долгосрочной перспективе? Одной из главных институциональных инвариант, ведущих к «эффекту колеи», автор считает «вертикальный» общественный договор, обуславливающий экстрактивный характер регуляторной среды регионов и высокий уровень коррумпированности. Перегруженность «адаптивных сил» общественных систем, по мнению основателя Всемирного экономического форума

¹ Минакир П. А. Шоки и институты: парадоксы российского кризиса // Пространственная экономика. – 2016. – № 1. – С. 7–11.

² Глазьев С. Ю., Наумов Е. А., Понукалин А. А. Институциональные проблемы устойчивого социально-экономического развития: парадигма формирования научно-образовательных и инновационных структур // Социологические науки. – 2014. – № 3 (03). – С. 109.

³ Зубаревич Н. В. Региональное развитие и институты: российская специфика // Региональные исследования. – 2010. – № 2 (28). – С. 5.

К. Шваба, может привести к еще большему укреплению «властных полномочий» законодателей¹.

Федеративное устройство России позволяет субъектам РФ конструировать институциональные условия, адекватные внешним вызовам с учетом внутренних ресурсов. Такой возможностью региональные власти активно пользовались в 1990-е годы после принятия Конституции РФ, экспериментируя с различными институтами (например, нормами налогообложения, правилами торговли и т. п.)². С середины 2000-х годов происходит усиление вертикали власти, централизация принимаемых решений, чему способствует появление федеральных округов, формируется так называемая унитарная федерация³, вследствие чего регионы теряют часть свободы, «ограничивается внедрение дифференцированного подхода»⁴. Профессор Н. В. Зубаревич прогнозирует, что «в таком институциональном дизайне будет и дальше воспроизводиться неэффективное и затратное управление пространственным развитием, порождающее сверхцентрализацию, подковерную и коррумпированную борьбу за федеральные трансферты, иждивенчество региональных властей»⁵. Все это привело, по мнению ряда исследователей, к тому, что «институциональные изменения в российских регионах приобрели характер либо копирования соответствующих изменений на федеральном уровне, либо сместились в сферу неформальных правил»⁶. По мнению автора, выявленный тренд сохранится в начале третьего десятилетия XXI века. Таким образом, существующая

¹ Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – С. 83.

² Смирнягин Л. В., Бусыгина И. М. Российский федерализм. – URL: <http://www.inop.ru/files/Chapter10.pdf> (дата обращения: 21.03.2018); Клисторин В. И. Проблемы российского федерализма и экономический рост // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2003. – Т. 3, № 1. – С. 131–145.

³ Захаров А. Унитарная федерация: пять этюдов о российском федерализме. – М.: Московская школа политических исследований, 2008. – 144 с.

⁴ Казакова С. М., Климанов В. В. Зарубежный опыт применения дифференцированного подхода в регулировании регионального развития // Региональная экономика. Юг России. – 2018. – № 4. – С. 55.

⁵ Зубаревич Н. В. Региональное развитие и институты: российская специфика // Региональные исследования. – 2010. – № 2 (28). – С. 9.

⁶ Институциональные изменения в экономике российских регионов: монография / В. Л. Тамбовцев, Т. Д. Баснина, Е. П. Вигушина и др.; под ред. В. Л. Тамбовцева. – М.: ТЕИС, 2013. – С. 10.

система ограничивает возможности субъектов РФ в адаптации формальных институтов с учетом региональной специфики.

Для смены надконституционных правил нации, представляющих собой институциональную инварианту, требуется полномасштабное перевоспитание целого поколения. Несмотря на то, что указанные неформальные институты все же могут трансформироваться (за последние 200 лет лишь нескольких стран смогли продемонстрировать кардинальную смену институтов и переход на принципиально новую траекторию развития – среди них Япония¹ и Китай²), автор полагает период их трансформации столь значительным, что считает данный фактор однозначно ведущим к негативному тренду, поскольку точка бифуркации будет пройдена быстрее.

В числе ключевых противоречий для развития в эпоху четвертой промышленной революции С. Д. Бодрунов выделяет «невыстроенность нового миропорядка, рост регионального неравенства, невозможность полной реализации потенциала и перспективного технологического прогресса»³.

Общемировая экономическая стагнация не позволяет странам демонстрировать уверенные высокие темпы роста. «Проблематика экономического роста и социально-экономического развития для современной России необычайно остра и актуальна. Можно констатировать „околонулевой“ рост и отсутствие положительной динамики в уровне жизни населения РФ»⁴, прогнозируется усиление данной негативной тенденции в среднесрочной перспективе⁵. Многолетний экономический кризис, продолжающийся с 2008 г., санкционные войны, пандемия COVID-19 и сопутствующее этому снижение реальных доходов населения провоцируют негативные ожидания в обществе и снижение уровня доверия, что классифицируется в рамках данной работы как ухудшение институциональных условий.

¹ Аузан А. А. Общественный договор и гражданское общество // Мир России. Социология. Этнология. – 2005. – Т. 14, № 3. – С. 3.

² Глазьев С. Ю. Какая идеология поднимет Россию? // Завтра. – URL: https://zavtra.ru/blogs/kakaya_ideologiya_podnimet_rossiyu (дата обращения: 24.01.2018).

³ Бодрунов С. Д. Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Journal of new economy. – 2019. – Т. 20, № 1. – С. 6.

⁴ Там же.

⁵ Глазьев С. Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? – М.: Книжный мир, – 2016. – 640 с.

2. Аспекты перехода на позитивный тренд.

Четвертая промышленная революция открывает окно возможностей и наделяет территориальные сообщества и органы управления новыми технологиями принятий управленческих решений, вынуждает население адаптировать свои модели поведения¹. Основатель Всемирного экономического форума К. Шваб считает, что в условиях четвертой промышленной революции «на пути прогресса встают уже не технические, а юридические, нормативные и этические ограничения»².

Примером перехода регуляторной среды на позитивный тренд, диктуемый новой экономической парадигмой, служат страны Юго-Восточной Азии, где уникальным образом сумели скомбинироваться «механизмы социалистического планирования и рыночной самоорганизации, государственной и частной собственности на средства производства, государственного контроля и личного предпринимательства», их регуляторная среда «строится на основе гармонизации интересов различных социальных групп. Их противоречивость снимается посредством совместной работы по формированию и исполнению планов развития экономики в целях повышения народного благосостояния. Система регулирования экономики строится таким образом, чтобы равнодействующая экономических интересов работала на общее благо. В ней каждый субъект хозяйственных отношений выполняет свою функцию: частный предприниматель наращивает объемы и повышает эффективность производства нужных обществу благ; государство обеспечивает его кредитом и стабильными условиями хозяйствования (цены, налоги, процент, регулирование внешнеэкономической деятельности и пр.), доступом к современной инфраструктуре; ученые за счет государства и бизнеса генерируют поток но-

¹ Шеломенцев А. Г., Бессонова Т. Н., Гончарова К. С. Современные модели адаптации населения к динамично меняющимся социально-экономическим условиям жизни // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2020. – Т. 26, № 10. – С. 136.

² Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – С. 42.

вых знаний, инженеры – их практическое воплощение в новой технике, учителя – обучение подрастающего поколения в соответствии с требованиями НТП»¹.

Опыт этих стран показывает, что осознанная реформа регуляторной среды возможна при нацеленности на нее лиц, принимающих решения, и восприимчивости со стороны общества, которому предстоит функционировать в соответствии с новыми нормами. Последнее условие достигнуто в России только к концу второго десятилетия XXI века. Так, согласно социологическим исследованиям Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, «число тех, кто полагает, что страна нуждается в существенных переменах, в политических и экономических реформах, выросла за шесть лет в два раза (с 28 % в 2012 г. до 56 % в 2018 г.)», а доля тех, кто считает, что «страна нуждается в стабильности, это важнее, чем перемены», сократилась с 72 % до 44 % соответственно². Авторы доклада приходят к выводу о приближении российского общества «к развилке, за которой открывается новая социально-экономическая и политическая перспектива»³.

Принятие управленческих решений, противоречащих принципам социальной справедливости, может вызвать «социальные беспорядки, массовую миграцию и вооруженный экстремизм»⁴.

Согласимся с Н. В. Зубаревич, что «регионы будут стремиться улучшать институты только при наличии важнейшего условия – реальной конкуренции за инвестиции и человеческий капитал»⁵. В современных условиях такая конкуренция является достаточно острой. Вместе с тем автор считает не вполне оправданным утверждение: «Если отдельных крупных инвесторов еще можно заманить искусственными специальными преимуществами, то приток более квалифициро-

¹ Глазьев С. Ю. О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 56. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/56_2016glazyev.htm (дата обращения: 24.01.2018).

² Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены / М. К. Горшков, В. А. Аникин, Л. М. Дробижева и др. – М.: ФНИСЦ РАН, 2018. – С. 7.

³ Там же.

⁴ Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – С. 79.

⁵ Зубаревич Н. В. Региональное развитие и институты: российская специфика // Региональные исследования. – 2010. – № 2 (28). – С. 14.

ванного и мобильного населения, развитие малого и среднего бизнеса не могут обеспечиваться «эксклюзивными» правилами игры»¹. Сегодня со стороны экономически активного населения, в первую очередь квалифицированных кадров, людей, готовых открыть и вести свое дело, научных сотрудников, велик спрос на ведение своей деятельности в инклюзивных институциональных условиях, т. е. обеспечивающих равный доступ к принятию управленческих решений, к реализации своих способностей и гарантиям прав.

3. Неоднозначные (управляемые) факторы.

О. С. Сухарев утверждает, что «рост числа формальных институтов для современной экономики (функция должна описывать не некую исходную точку, а современное состояние), в общем, по результату (где-то может и снижать) увеличивает издержки транзакций, неформальные же институты, если бы их число, допустим, увеличивалось, транзакционные издержки, подлежащие учету, сокращали... Неформальные нормы не изменяются так быстро, как формальные. И в ближайшее время, думаю, это положение будет таким и оставаться. Следовательно, с поправкой на инфляцию их можно считать более или менее стабильными институциональными издержками»². За исключением общего суждения о росте объема формальных институтов (в связи с усложняющимися общественными отношениями и уменьшением частоты контактов с одними и теми же экономическими агентами из-за роста плотности населения в городах), автор не разделяет данный подход по ряду причин. Во-первых, измерение числа институтов, особенно неформальных, не представляется возможным. Во-вторых, по мнению автора, на уровень транзакционных издержек влияет качество институтов, а не их количество; кроме того, регулирующее воздействие различных институтов обладает разной силой (данное обстоятельство также отмечает как методологическую трудность О. С. Сухарев). В-третьих, хотя скорость изменения неформальных институ-

¹ Зубаревич Н. В. Региональное развитие и институты: российская специфика // Региональные исследования. – 2010. – № 2 (28). – С. 14.

² Сухарев О. С. Экономический рост, институты и технологии: монография. – М.: Финансы и статистика, 2014. – С. 127–128.

тов ниже, чем формальных, следует отметить наблюдающееся ускорение их изменения в эпоху четвертой промышленной революции (см. подробнее параграф 3.2).

Рассмотрим, что происходит с объемом и структурой регуляторной среды в ходе ее развития. Можно выделить два ключевых подхода к ответу на данный вопрос (рисунок 35).

Схема 1

Схема 2

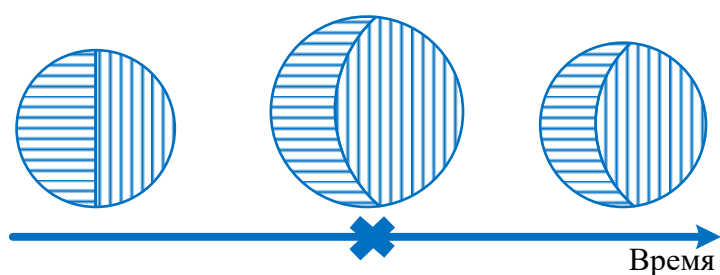

Схема 3 (авторская)

Примечание – Составлено автором на основе: Кузьминов Я. И., Бендукидзе К. А., Юдкевич М. М. Как наука о рынках становится наукой об обществе? // Вопросы экономики. – 2005. – № 12. – С. 80; Сухарев О. С. Экономический рост, институты и технологии: монография. – М.: Финансы и статистика, 2014. – 458 с.; а также материалов авторских исследований.

Рисунок 35 – Схемы эволюции объема и структуры регуляторной среды:
 □ – формальные институты; ▣ – неформальные институты; ✕ – точка бифуркации
 (после принятия новых правил, регулирующих ключевые технологические изменения и общественные отношения)

Ряд авторов предлагает считать объем регуляторной среды относительно постоянным, указывая лишь на структурные изменения в части замещения неформальных институтов формальными (схема 1) ввиду увеличения человеческих сообществ и усложнения общественных отношений (коллектив авторов Высшей школы экономики¹). Другие предполагают постоянный рост объема формальных и неформальных институтов (схема 2), в том числе в силу того, что технологическое развитие расширяет потребности индивида, формирует новые привычки (профессор О. С. Сухарев²).

Автор данного исследования, склоняясь ближе к первому подходу, предлагает собственную модель. Поскольку появляющиеся новые институты с течением времени вытесняют старые и вместе с тем в силу сопротивляемости, инертности институтов и их наслоения в точке бифуркации происходит временный рост общего объема и усложнение структуры регуляторной среды, то наблюдается «пульсация объема» регуляторной среды. При переходе к новому аттрактору синхронизируются формальные и неформальные институты и сокращается объем регуляторной среды (схема 3). Даже говоря о правовом поле и отмечаемой всеми экспертами в разных странах растущей зарегулированности (что опять же частично обусловлено именно изменением соотношения формальных и неформальных институтов), следует отметить, что технический прогресс приводит к устареванию норм, а нарастание объема норм, не адекватных технологиям и потребностям общества, противоречащих друг другу, которые можно назвать «несправедливыми» для данного территориального сообщества в конкретный исторический момент³, приводит к осознанию необходимости регуляторами «чистки» правовой сферы и растущей популярности такого инструмента, как «регуляторная гильотина».

¹ Кузьминов Я. И., Бендукидзе К. А., Юдкевич М. М. Как наука о рынках становится наукой об обществе? // Вопросы экономики. – 2005. – № 12. – С. 80.

² Сухарев О. С. Экономический рост, институты и технологии: монография. – М.: Финансы и статистика, 2014. – С. 152.

³ Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика. – М.: Юстицинформ, 2017. – С. 190.

О. С. Сухарев предлагает гипотетически «в зависимости от соотношения динамики транзакционных издержек по формальным и неформальным институтам три варианта динамики общих транзакционных издержек:

1) неуклонное возрастание транзакционных издержек от рубежа, которое происходит даже при снижении транзакционных издержек при введении формальных правил, за счет роста издержек по неформальным правилам;

2) сначала снижение общих транзакционных издержек на отрезке за счет опережающего снижения издержек по формальным институтам (при росте их числа), рост же издержек по неформальным институтам не обгоняет роста издержек, затем происходит возрастание общих издержек;

3) когда общие транзакционные издержки не увеличиваются и не уменьшаются при росте числа институтов, так как снижение издержек по одним институтам компенсируется ростом их по другим институтам, но затем начинают расти, поскольку имеется общий их средний рост»¹.

Автор не согласен с идеей о неизбежности непрерывного роста общих транзакционных издержек. Авторская модель эволюции объема и структуры регуляторной среды (схема 3 на рисунке 35) демонстрирует, что в точке бифуркации происходит рост транзакционных издержек в силу запаздывания правового регулирования новых складывающихся общественных отношений и появления разрозненных неустойчивых неформальных правил, неустроенности нового уклада. После перехода к новому аттрактору часть старых институтов редуцируется, а часть замещается новыми, как правило, предполагающими меньшие транзакционные издержки. При этом четвертая промышленная революция оставляет «стихийно складывающемуся экономическому порядку (равносильно неформальным институтам. – *И. Р.*) все меньше места», а большая роль отводится «механизмам сознательного направления и регулирования экономических и технологических

¹ Сухарев О. С. Экономический рост, институты и технологии: монография. – М.: Финансы и статистика, 2014. – С. 132.

процессов»¹. После синхронизации неформальных и формальных институтов вызванные их конфликтом трансакционные издержки уменьшаются.

В период промышленных, институциональных, экономических революций, когда происходит ускорение прогресса и скачкообразный переход в формах общественных отношений, становится крайне актуальным утверждение «правотворческие ошибки слишком дорого обходятся обществу»², поскольку отставание в формировании благоприятной регуляторной среды, адекватной требованиям нового общества, приводит к незначительному смещению траектории развития на начальных этапах и существенному расхождению в развитии по сравнению с лидерами в долгосрочной перспективе.

Автор разделяет позицию, что «негативная оценка последствий трансплантации нового системообразующего института для состояния социальной справедливости в обществе – катализатор массовой оппортунистической активности в отношении как данного, так и других институтов»³.

Подчеркнем дихотомию развития отношений власти с населением и бизнесом, которую основатель Всемирного экономического форума К. Шваб описывает следующим образом: технологии будут давать гражданам «новый способ выражать свои мнения, координировать усилия... Вполне может оказаться верным и противоположное, т. е. усиление надзора и чрезмерная власть государственных органов благодаря новым технологиям наблюдения»⁴.

Развивая теоретическое ядро новой научной парадигмы (параграф 1.1), автор предлагает рассматривать общественное благосостояние с учетом обеспечения социальной справедливости, воспринимаемой индивидами как благо и ценность. Тогда переход, ведущий к росту материального и финансового капитала территориального сообщества при снижении уровня справедливости, не будет расцениваться

¹ Бодрунов С. Д. Ноономика: монография. – М.–СПб.–Лондон: Культурная революция, 2018. – С. 39.

² Карапетов А. Г. Экономический анализ права. – М.: Статут, 2016. – С. 19.

³ Дементьев В. Е. Доверие – фактор функционирования и развития современной рыночной экономики // Российский экономический журнал. – 2004. – № 8. – С. 53.

⁴ Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ.. – М.: Эксмо, 2018. – С. 114–115.

как повышение регионального благосостояния и оптимальный переход. Принимаемые при этом регулятивные меры (изменение формальной составляющей региональной регуляторной среды) окажутся неэффективными (при толковании концепта эффективности нормы как достижения цели, подробнее см. параграф 1.1), поскольку произойдет негативное восприятие новых правил и избегание их выполнения.

Региональные органы власти могут оказать влияние на перечисленные управляемые факторы перехода к новому аттрактору путем снижения транзакционных издержек (за счет новых технологий коммуникации, проактивного характера управленческих решений для создания правового поля хозяйствования в новых условиях, снятия при нормотворчестве противоречия с устойчивыми неформальными институтами и новыми складывающимися порядками) и обеспечения справедливого распределения ресурсов и возможностей, что приведет к повышению благосостояния.

5.2 Научные подходы к исследованию трансформации региональной регуляторной среды в условиях новой реальности

Новая парадигма экономической науки предписывает, что «теория должна обосновать оптимальный набор правовых норм и инструментов регулирования хозяйственной деятельности для достижения максимально возможных темпов экономического развития на обозримую перспективу. Поскольку главным фактором этого развития является НТП, а источником последнего является творческая активность человека, теория должна определить необходимые и достаточные условия для повышения творческой активности граждан в развитии и реализации научно-технического потенциала в целях гармоничного и устойчивого экономического

развития»¹. Переход к новому индустриальному обществу (НИО.2) С. Д. Бодрунов видит в «переориентации на решение гуманитарных задач гармоничного развития человека, усиление воспитательного и общекультурного компонентов, государственной координации научно-технического развития»². Именно задачу выработки путей трансформации регуляторной среды для обеспечения социально-экономического развития субъектов РФ в условиях перехода к новому технологическому укладу и ставит перед собой автор в данном разделе.

Если формальными институтами регулятор может управлять напрямую, то неформальными – лишь косвенно, «задавая некоторые формирующие факторы, определять их абстрактные особенности»³.

В научной литературе описываются следующие механизмы изменения регуляторной среды:

1) для формальных институтов:

- революции, приводящие к коренному изменению формальных институциональных условий⁴;
- формализация обычаев, вновь укоренившихся практик или отбор среди альтернативных массовых практик⁵;
- трансплантация заимствованных институтов⁶;

¹ Глазьев С. Ю. О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 56. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/56_2016glazuev.htm (дата обращения: 24.01.2018).

² Бодрунов С. Д. Государство и технологическая революция: политэкономический взгляд // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 3 (61). – С. 13.

³ Хайек Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. – М.: ИРИСЭН; Челябинск: Социум, 2016. – С. 59.

⁴ Латов Ю. В. Запретить нельзя разрешить: экономический анализ институтов прогибационизма и антипрогибационизма // Terra Economicus. – 2009. – Т. 7, № 4. – С. 17.

⁵ Коммонс Дж. Р. Правовые основания капитализма / пер. с англ. А. Апполонова, А. Маркова; под ред. М. Одинцовой. – М.: Высшая школа экономики, 2011. – С. 75–114; Курбатова М. В., Трофимова Ю. В. Деформализация и формализация институтов взаимодействия власти и бизнеса на местном уровне // Экономика региона. – 2008. – № 4 (16). – С. 54–70.

⁶ Капогузов Е. А., Левин С. Н., Саблин К. С. Что понимается под импортом институтов // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16, № 3. – С. 480–487; Мокроносов А. Г., Анисимов А. В. Совершенствование институциональной среды стратегического проектирования нематериальных активов территории // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2019. – Т. 215, № 1. – С. 255; Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. – 2001. – № 3. – С. 24–50.

– проактивная формализация желаемых ценностей, видов деятельности, поведения¹;

2) для неформальных институтов:

– изменение идеологии через воспитание или пропаганду;

– через «воздействие на индивидуальную реакцию» (например, за счет музейных экспозиций) укрепление общих, культурных ценностей²;

– выращивание институтов, отражающих специфику культуры данного региона (вместо их механического заимствования из опыта других регионов или пассивного ожидания их появления)³;

– формализация новых социально-экономических ценностей в формах непосредственного указания на ценность в актах высшего уровня, «указание на ценность как на некую данность, состояние; выражение ценности в форме принципа; провозглашение ценности в качестве цели правового регулирования»⁴;

– «массовизация разнообразных способов жизнедеятельности людей в обществе: производства и потребления, политики, общения, досуга, когда порождаются одинаковые или подобные интересы, устремления, потребности, оценки, привычки»⁵;

3) для формальных и неформальных институтов:

¹ Попов Е. В. Моделирование экономических институтов: монография / отв. ред. А. Д. Некипелов. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2019. – С. 581–604.

² Тросби Д. Экономика и культура / пер. с англ. И. Кушнаревой. – 2-е изд. – М.: Высшая школа экономики, 2018. – С. 67.

³ Кузьминов Я. И., Радаев В. В., Яковлев А. А., Ясин Е. Г. Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений: доклад к 6-й Междунар. науч. конф. «Модернизация экономики и выращивание институтов» (Москва, 5–7 апреля 2005 г.). – М.: б. и., 2005. – С. 5. – URL: <https://www.hse.ru/data/2009/10/29/1228453785/institution2005.pdf> (дата обращения: 12.04.2021).; Новоселов А. С., Волянская Т. В., Фалеев А. В. Основные контуры современной институциональной системы управления региональным развитием // Анализ, Моделирование, Управление, Развитие социально-экономических систем (АМУР-2019) : сб. науч. тр. XIII Всерос. с междунар. участием школы-симпозиума (Симферополь – Судак, 14–27 сентября 2019 г.). – Симферополь – Судак: ИП Корниенко А. А., 2019. – С. 302.

⁴ Клименко А. И. Функции и дисфункции юридического права и формы правового регулирования общественных отношений // Регуляторная политика в России: проблемы теории и практики: сб. науч. тр. / под ред. А. Б. Дидикина. – М.: Проспект, 2019. – С. 20.

⁵ Глазьев С. Ю., Наумов Е. А., Понукалин А. А. Институциональные проблемы устойчивого социально-экономического развития: парадигма формирования научно-образовательных и инновационных структур // Социологические науки. – 2014. – № 3 (03). – С. 102.

– «сдвиг в структуре относительных цен»¹, обусловленный техническим прогрессом и, как следствие, увеличением трансакционных издержек привычных форм взаимодействия.

Неформальные институты имеют высокую степень укорененности в обществе, и их трансляция происходит преимущественно через проживающее на территории население как носителей культуры и традиций. В то же время австралийский экономист Д. Тросби выдвигает идею о том, что господствующую культуру «намеренно навязывает какая-то группа элиты противостоящему или же ничего не подозревающему населению»². При этом согласимся с тезисом, что именно «элита всегда является инициатором и проводником модернизации экономики»³.

Профессор А. Г. Карапетов видит возможность «запрограммировать своих членов (группы. – *И. Р.*) на... просоциальное поведение посредством воспитания, религии и идеологии», что обеспечит сильные конкурентные преимущества в долгосрочной перспективе⁴. При этом профессор А. Г. Шеломенцев с коллегами установили, что «индивидуальные модели адаптации» к воздействиям четвертой промышленной революции «в значительной степени ограничены» процессами коллективной адаптации⁵.

Опираясь на изложенные выше идеи, автор утверждает возможность влияния на неформальный компонент регуляторной среды региона «сверху», в том числе со стороны органов власти субъектов РФ и местных элит.

Справедливые неформальные институты обладают высокой устойчивостью и могут со временем трансформироваться в формальные. Переходным состоянием можно назвать обычай – «сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законо-

¹ Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 6.

² Тросби Д. Экономика и культура / пер. с англ. И. Кушнारेвой. – 2-е изд. – М.: Высшая школа экономики, 2018. – С. 24.

³ Лапаева М. Г., Лапаева О. Ф. Контуры технологического рывка России и Оренбургской области // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 2. – С. 56.

⁴ Карапетов А. Г. Экономический анализ права. – М.: Статут, 2016. – С. 50.

⁵ Шеломенцев А. Г., Бессонова Т. Н., Гончарова К. С. Современные модели адаптации населения к динамично меняющимся социально-экономическим условиям жизни // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2020. – Т. 26, № 10. – С. 143.

дательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе»¹.

Ключевым методом управления формальной регуляторной средой региона выступает нормотворчество, продуцирующее нормы, наполняющие регуляторную среду. Дополнительными методами выступают инструменты, во-первых, сопровождающие процесс нормотворчества, или методы ex-ante (предшествующие вступлению актов в силу); во-вторых, связанные с процессом мониторинга реальных условий осуществления предпринимательской деятельности и правоприменения, или методы post-ante (последующие после вступления актов в силу) (рисунок 36). Содержание формальной составляющей регуляторной среды конкретизирует непосредственная правоприменительная и судебная практика, которые вносят уточнения в толкование и применение правовых норм².

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 36 – Методы управления формальной регуляторной средой региона

Рассмотрим данные методы более подробно, определив ключевые подходы и принципы к их реализации с целью создания качественной регуляторной среды.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. – Ст. 5.

² Судебная практика формирует судебные прецеденты, не признаваемые официально в РФ в качестве источника права. Вместе с тем ряд исследователей в сфере предпринимательского права отмечают, что судебные решения, прежде всего вышестоящих судов, в современной России являются ориентиром для судей и юристов. См., например: Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика. – М.: Юстицинформ, 2017. – С. 209; Лаптев В. А. Источники предпринимательского права в Российской Федерации. – М.: Проспект, 2017. – С. 247.

1. Нормотворчество.

Из тезиса В. А. Вайпана о том, что «экономические отношения окутываются идеологическими (волевыми) отношениями... Только волевая природа идеологических общественных отношений допускает их правовое регулирование»¹, коррелирующее с постулатом институциональной экономики об институтах как рамках поведения экономического агента, и идеи автора диссертации о целевом характере институтов (см. подробнее параграф 1.1) следует, что нормы права закладывают представление индивида о желаемом целевом состоянии. При этом профессор А. Г. Карапетов первым, базовым вопросом правотворческой деятельности считает решение проблемы целей и ценностей². Это соответствует теории нравственной экономики и новой научной парадигме, которых придерживается автор диссертации.

Профессор О. С. Сухарев называет политику «властным принуждением в движении к какой-то цели», при этом он выделяет две ключевые проблемы: «цели неверно поставлены либо иные действия, иные цели не позволяют достичь именно данных целей»³. Автор данного исследования хотел бы выделить третью ситуацию, когда декларируемые цели и фактические действия самого правительства идут вразрез друг с другом.

Профессор В. А. Вайпан считает, что социально справедливая правовая норма должна адекватно выражать «коренные экономические интересы участников экономических отношений»⁴, соответствовать текущим интересам и состоянию общества⁵, учитывать «рисковый характер» предпринимательской и инвестиционной деятельности⁶. Автор диссертации видит в этом тезисе включение принципа справедливости в трактование экономической эффективности, что соответствует

¹ Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика. – М.: Юстицинформ, 2017. – С. 125.

² Карапетов А. Г. Экономический анализ права. – М.: Статут, 2016. – С. 21.

³ Сухарев О. С. Экономический рост, институты и технологии: монография. – М.: Финансы и статистика, 2014. – С. 192.

⁴ Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика. – М.: Юстицинформ, 2017. – С. 126.

⁵ Там же. – С. 190.

⁶ Там же. – С. 192.

предпосылкам нравственной экономики как составляющей новой научной парадигмы (см. подробнее параграф 1.1). Перуанский экономист Э. де Сото, указывая на общепризнанный факт, что «хороший закон гарантирует и повышает эффективность экономики и общественной деятельности, им регулируемых, а плохой закон разрушает или полностью ликвидирует и то, и другое», погружается вглубь тех стимулов к эффективной экономической деятельности, которые должны создавать «правильные» формальные институциональные условия. По его мнению, к таковым относятся:

- низкие издержки исполнения закона, которые не будут подталкивать людей к теневой деятельности;
- стимулирование использования экономических и социальных возможностей, предоставляемых страной;
- облегчение специализации и сотрудничества людей и ресурсов¹.

Академик РАН Е. В. Попов выделил следующие принципы институционального моделирования²:

- выполнение правил построения, описывающих спецификацию использования ресурсов;
- моделирование на основе системного представления, выделяющего различные функции институтов;
- моделирование на основе иерархии функционального наполнения данных устоявшихся норм взаимодействия между экономическими агентами;
- институциональная структура экономической системы может быть измерена издержками транзакций на формирование и поддержание данных экономических институтов;
- моделирование на основе формализации ресурсного потенциала и существующей институциональной инфраструктуры.

¹ De Soto H. The other path: the invisible revolution in the third world. – New York: Harper & Row, 1989.

² Попов Е. В. Институты / отв. ред. А. Д. Некипелов. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2015. – С. 621.

Г. Н. Лебедева выделяет семь базовых факторов проведения регуляторной политики: прояснение роли регулятора, отказ от нецелесообразного вмешательства и сохранение доверия, процесс принятия решений и структура руководящего органа для независимых регуляторов, отчетность и прозрачность, вовлеченность, финансирование и оценка эффективности¹.

Я. Корнаи выделял следующие основные экономические условия для нейтрализации негативных институциональных факторов: децентрализованная инициатива, значительная отдача от внедрения инноваций, в том числе возможность получать монополистическую ренту, стимулирующая конкурентная среда, постоянное экспериментирование и готовый к вложению резервный капитал². Также Я. Корнаи указывал на противоречие в демократическом обществе между необходимостью зависимости правительства от парламентского большинства и выполнения государственных функций экспертами, профессионалами, независимыми от партий, проводимой внутренней политики и парламента³.

Следует также отметить существенное влияние принимаемых федеральных нормативных правовых актов на социально-экономическое развитие регионов, которое выражается в «воздействии на расходы региональных бюджетов, на налоговую систему, на бизнес-активность, на реальные доходы населения и на привлекательность регионов»⁴.

С точки зрения выравнивания пространственного развития институты должны опираться на «базовые „правила игры“ по трем основным компонентам региональной политики:

- 1) баланс выравнивающей и стимулирующей политики;
- 2) выбор пространственных приоритетов развития;

¹ Лебедева Г. Н. Планирование на предприятии. Бизнес-планирование: учеб. пособие. – М.: Рос. заоч. ин-т текстил. и легкой пром-сти, 2015. – С. 22.

² Корнаи Я. Инновации и динамизм: взаимосвязь систем и технического прогресса // Вопросы экономики. – 2012. – № 4. – С. 11–12.

³ Корнаи Я. Честность и доверие в переходной экономике // Вопросы экономики. – 2003. – № 9. – С. 14.

⁴ Теория и практика регуляторной политики в России: монография / А. Б. Дидикина, О. В. Москвани, М. А. Дмитриев и др.; под ред. А. Б. Дидикина. – М.: Проспект, 2020. С. 110.

3) согласование интересов центра и регионов (целого и части)»¹.

При этом ключевой целью регулирования остается устойчивое социально-экономическое развитие территории. Так, А. И. Татаркин пишет: «Главная функция и задача государственно-правового регулирования видится не столько в удовлетворении потребности (населения, рыночных агентов и других субъектов отношений) как таковой, сколько в удовлетворении общественной потребности в устойчиво сбалансированном, социально и экологически ориентированном развитии всего общества, каждой его сферы и структуры (региона, муниципалитета, столичного и периферийного поселка), всех групп и слоев населения в соответствии с закрепленными в Конституции принципами и приоритетами»². Согласно закрепленному в нормативной базе подходу, устойчивое развитие представляет собой обеспечение «сбалансированного решения социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей»³.

В условиях четвертой промышленной революции долгосрочное устойчивое социально-экономическое развитие возможно только при успешном переходе к пятому и шестому технологическим укладам, а «для успешного перехода к новому технологическому укладу первостепенным становится изменение фундаментальных подходов к осуществлению экономической политики»⁴. При этом правовое поле должно непрерывно адаптироваться к новым условиям. Говоря словами С. С. Алексеева, «римляне создали юридическую статику... а требованиями будущего является юридическая динамика»⁵.

¹ Зубаревич Н. В. Региональное развитие и институты: российская специфика // Региональные исследования. – 2010. – № 2 (28). – С. 8.

² Татаркин А. И. Диалектика государственного и рыночного регулирования социально-экономического развития регионов и муниципалитетов // Экономика региона. – 2014. – № 1. – С. 15.

³ О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: указ Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 440.

⁴ Бодрунов С. Д. Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Journal of new economy. – 2019. – Т. 20, № 1. – С. 5.

⁵ Алексеев С. С. Гражданское право в современную эпоху. – М.: Юрайт, 1999. – С. 10.

Важно оценивать принимаемые решения в долгосрочной перспективе с учетом всех факторов развития экономики, поскольку корректировка регуляторной среды несет значительные транзакционные издержки, «правила образуют иерархические структуры, так что каждое следующее изменить дороже, чем предыдущее»¹.

2. Сопровождение нормотворчества.

Правительством РФ признается, что «умное» государственное регулирование предполагает «необходимость широкой вовлеченности субъектов хозяйственной деятельности в управленческий процесс»². В частности, в мировой практике публичного менеджмента «умное» государственное регулирование базируется на ряде ключевых аспектов, в том числе:

1) выстраивании координационных отношений и диалогового взаимодействия между государством и обществом;

2) вовлечении общества и его отдельных сегментов в управленческие процессы, в том числе правотворческий процесс (включая вопросы корректирования существующего правового регулирования).

Так, С. Ю. Глазьев отмечает высокое значение для китайской экономики настроенного «диалога государственной власти, делового и научного сообщества, в котором устанавливаемые на политическом уровне стратегические цели реализуются в частных инициативах на основе сложной системы прямых и обратных связей, поощряющих созидательную деятельность и наказывающих за нанесение ущерба обществу»³.

Среди действующих инструментов, сопровождающих процесс нормотворчества, в России применяются правовая, научная, антикоррупционная экспертизы, а также ОРВ. Автор считает, что наибольшим экономическим эффектом для создания качественной регуляторной среды обладает ОРВ. При этом предметом ОРВ

¹ North D. C. Institutions and economic growth: an historical introduction // World development. – 1989. – Vol. 17, no. 9. – P. 1325.

² Стандарт комплексной профилактики нарушений обязательных требований, утв. протоколом заседания проектного комитета от 12 сентября 2017 г. № 61 (11).

³ Глазьев С. Ю. Какая идеология поднимет Россию? // Завтра. – URL: https://zavtra.ru/blogs/kakaya_ideologiya_podnimet_rossiyu (дата обращения: 24.01.2018).

должны выступать не только экономические, но социальные, культурные, юридические и иные риски и последствия регулирования. Это обосновано высокой синергетической связью всех сторон жизнедеятельности человека. Профессор А. Г. Карапетов так описывает этот феномен: «Реальное позитивное право всегда находилось и находится под значительным влиянием экономических, социальных, этических, культурных и даже религиозных идей и реалий, без понимания которых» сложно осознать движущие факторы и выбирать адекватные пути регулирования¹.

Идея необходимости применения аналитического инструментария и подходов экономической науки для анализа права формируется в конце XIX – начале XX века в рамках школы правового реализма, в частности, в трудах Оливера Холмса² и Карла Льюэллина³, когда правоведы осознали оторванность сформировавшейся на тот момент теории права от реальных экономических, социальных и политических условий. Непосредственно реализовать задачу разработки инструментария для экономического анализа права и сформировать отдельное научное направление предстояло экономистам (Р. Познер, Г. Калабрези и др.), активно откликнувшимся на запрос о получении новых научных знаний.

Особенности ОРВ в субъектах РФ были рассмотрены в предыдущих разделах. Обратим внимание на необходимость дополнения социально-экономических направлений оценки воздействия вопросами анализа влияния новых технологий в условиях четвертой промышленной революции (рисунок 37), поскольку «опасные для стабильности, безопасности общества и индивидов технологии или способы их применения должны быть под контролем государства»⁴, при этом органы власти должны обеспечивать технологическое развитие территорий в направлении пятого и шестого технологических укладов.

¹ Карапетов А. Г. Экономический анализ права. – М.: Статут, 2016. – С. 16.

² Holmes O. W. The common law (1882). – Toronto: University of Toronto Law School, Typographical Society, 2011. – 381 p.

³ Llewellyn K. N. The effect of legal institutions upon economics // American economic review. – 1925. – Vol. 15, no. 4. – P. 665–683.

⁴ Рахмеева И. И. Дисфункции правовой среды как препятствие технологическому развитию регионов. Часть 1 // Russian Economic Bulletin. – 2020. – Т. 3, № 4. – С. 164. – URL: <http://dgpu-journals.ru/archives/11279> (дата обращения: 25.09.2021).

<p><i>Влияние на государство (регион) и общество:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – государственное управление (оценка риска утраты или возможности роста управляемости системы); – моральные основы (оценка риска неэтичного применения технологии); – коллективная безопасность (оценка риска использования для угроз и насилия); – социальное равенство (оценка угрозы роста социального неравенства в силу высокой стоимости новых технологий или необходимости наличия специфичных знаний) 	<p><i>Влияние на экономику:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – производительность; – изменение структуры занятости (оценка трансформации форм занятости, утраты востребованности некоторых специальностей с появлением спроса на новые); – конкурентоспособность (оценка угрозы сокращения числа предприятий); – транзакционные издержки бизнеса (оценка риска роста или возможностей сокращения транзакционных издержек взаимодействия предпринимателей друг с другом, органами власти и потребителем)
Технология	
<p><i>Влияние на индивида:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – персональные данные (оценка рисков утечки и несанкционированного использования); – права и свободы человека (оценка риска их нарушений); – самоидентификация личности (оценка риска утраты личностных установок) 	<p><i>Влияние на окружающую среду:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – экологическая обстановка (оценка риска ухудшения или возможностей улучшения экологии); – ресурсы (оценка перспектив сохранения/истощения ресурсов)

Рисунок 37 – Направления технологической оценки¹

Ключевые методы управления неформальными институциональными условиями включают образование и воспитание², социальную пропаганду, профессиональные стандарты (кодексы чести, этика поведения и иные своды неформальных правил).

Д. Рюшемайер указывал на необходимость навязывания институтами экономическим агентам предпосылок и ожиданий, образующих общую для них рациональность³, что, по его мнению, и определяет эффективность «институционального строительства».

¹ Рахмеева И. И. Дисфункции правовой среды как препятствие технологическому развитию регионов. Часть 1 // Russian Economic Bulletin. – 2020. – Т. 3, № 4. – С. 164. – URL: <http://dgpu-journals.ru/archives/11279> (дата обращения: 25.09.2021).

² Uslaner E., Bădescu G. Honesty, trust and legal norms in the transition to democracy. – Budapest: Collegium Budapest, 2003. – P. 27.

³ Rueschemeyer D. Structural differentiation, efficiency and power // American journal of sociology. – 1977. – No. 83 (1). – P. 1–25.

Основываясь на вышеописанных концепциях и результатах исследования, автор предлагает следующие базовые принципы трансформации неформальных институтов с целью технологического развития региона¹:

– создание доверительной среды в бизнес-сообществе, способствующей кооперации и сотрудничеству, снижению транзакционных издержек заключения контрактов и взаимодействия с органами власти;

– воспитание технологической и экологической культуры во всех поколениях;

– поддержание идеологии ценности человека труда и предпринимательства, творчества, в первую очередь технологического, значимости деятельности каждого человека для повышения общего благосостояния;

– изменение парадигмы государственного управления и ценностей (культуры) административной элиты и бюрократического аппарата (включая регуляторов и органы контроля) с идеологии «стражей и надзирателей» на идеологию сотрудничества и поддержки бизнеса и инноваторов;

– внедрение системы комплаенса в предпринимательской деятельности.

С учетом выявленных особенностей резюмируем на основе теории, изложенной в главе 1, особенности реформирования регуляторной среды непосредственно в субъектах РФ и предложим подходы к ее трансформации, способствующей обеспечению социально-экономического развития регионов в условиях перехода к новому технологическому укладу.

1. Необходимость трансформации коренного института рыночной экономики – института собственности.

«В передовых странах законодательно закреплены права не только собственников капитала, но и работников, изобретателей, кредиторов, местных и национальных органов власти и др. субъектов, которые имеют отношение к организации хозяйственной деятельности и распределению ее результатов. Все шире применяются институты коллективной собственности и права трудовых кол-

¹ Кулагина Н. А., Рахмеева И. И., Лысенко А. Н. Институциональное управление технологическим будущим старопромышленного региона // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – Т. 15, № 3. – С. 82–97.

лективов на участие в управлении предприятиями»¹. Активно развивается экономика совместного пользования, а трудовой коллектив и предпринимательское общество все чаще хотят включаться в решение ключевых вопросов использования ресурсов и распределения результатов на предприятии или территории своей деятельности соответственно.

«Нынешняя система распределения частной собственности в России является несправедливой», считает 49 % респондентов, и лишь 9 % не согласны с этим утверждением, остальные опрошенные не дали однозначного ответа².

Серьезные вызовы традиционному праву собственности бросает экономика совместного пользования. Трансформация института собственности также повысит уровень доверия в предпринимательской среде и создаст основу для усиления специализации.

«Технологические вызовы трансформируют институт интеллектуальной собственности в сторону решения задач цифрового оборота интеллектуальных прав по сетям обмена идеями и сведениями для взаимодействия исследователей, технологических предпринимателей и инвесторов в целях создания новых продуктов и услуг»³. Необходимо развивать защиту интеллектуальной собственности для обеспечения стимулов к разработке инноваций.

2. Высокая инерционность трансформации институтов.

Автор вслед за институционалистами указывает на длительность процессов изменения институтов и отложенный эффект их трансформации. Например, О. С. Сухарев описывает это явление следующим образом: «...институциональные факторы, воздействовать на которые можно только в длительной перспективе, по-

¹ Глазьев С. Ю. О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 56. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/56_2016glazuev.htm (дата обращения: 24.01.2018).

² Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены / М. К. Горшков, В. А. Аникин, Л. М. Дробижина и др. – М.: ФНИСЦ РАН, 2018. – С. 25.

³ Мокронос А. Г., Анисимов А. В. Совершенствование институциональной среды стратегического проектирования нематериальных активов территории // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2019. – Т. 215, № 1. – С. 254.

тому как они высокоинерционные факторы»¹, «в силу протяженного жизненного цикла и вытекающей из него инерции, технологии и технические системы далеко не мгновенно реагируют на экзогенные по отношению к ним факторы, в частности, на правительственные меры воздействия»².

Региональные органы власти должны учитывать эту особенность при осуществлении регулирования и планирования. Наилучшим ответом на этот вызов может стать проактивная политика (см. подробнее параграф 4.2).

3. Высокая сила укоренившихся неформальных институтов.

В диссертации изложено и обосновано преобладание неформальных институтов над формальными, их высокая укорененность в социуме (см., например, параграфы 1.3, 2.2, 3.2, 4.2). В связи с этим важно обеспечить сонаправленность двух типов институтов.

Эксперты отмечают необходимость учитывать интересы различных групп и их идентичность³ при импорте институтов, в том числе межрегиональном, обеспечить тонкую подстройку заимствованных институтов к среде территории⁴. Перуанский экономист Э. де Сото, на практике успешно внедривший институциональный подход к развитию территорий, считает, что «гораздо разумнее приспособить законы к действительности, чем пытаться влиять на взгляды каждого, поскольку закон есть наиболее полезный и покорный воле и разуму человека инструмент перемен»⁵.

Автор считает, что в кратко- и среднесрочной перспективе проектируемое законодательство должно опираться на существующие ценности и практики. В про-

¹ Сухарев О. С. Экономический рост, институты и технологии: монография. – М.: Финансы и статистика, 2014. – С. 32.

² Там же. – С. 166.

³ Fligstein N. Fields, power, and social skill: a critical analysis of the new institutionalisms // *Journal of economic sociology*. – 2001. – Vol. 2, no. 1. – P. 7.

⁴ Мокронос А. Г., Анисимов А. В. Совершенствование институциональной среды стратегического проектирования нематериальных активов территории // *Научные труды Вольного экономического общества России*. – 2019. – Т. 215, № 1. – С. 251; Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов // *Экономическая наука современной России*. – 2001. – № 3. – С. 24–50.

⁵ De Soto H. *The other path: the invisible revolution in the third world*. – New York: Harper & Row, 1989. – P. 157.

тивном случае возрастает риск оппортунистического поведения и неэффективной правоприменительной практики. Однако в долгосрочной перспективе необходимо корректировать неформальные институты, выводя территорию из «колеи».

4. Необходимость снижения издержек следования регулированию.

Названный выше подход сопряжения правового регулирования с действительностью тесно переплетается с принципом снижения издержек следования регулированию, потому что в итоге начнет преобладать поведение с наименьшими трансакционными издержками. Этому будет способствовать «обеспечение единства позитивного и нормативного анализа», заключающееся в «формировании „реалистического“ подхода к институциональному проектированию, который будет базироваться на том, что проектируемые институты должны быть не просто „правильными“, но и реализуемыми в рамках существующей институциональной среды и наличного «расклада» сил и возможностей групп специальных интересов»¹. Профессор А. Г. Карапетов видит один из ключевых смыслов деятельности правотворцев, как вовлеченных в научную деятельность, так и вне ее, «в содержательном улучшении позитивного права», имеющего «инструментальную природу», выраженную в регулировании общественных отношений для обеспечения общего блага².

В ходе эксперимента на группе сотрудников органов внутренних дел было установлено, что «в условиях, когда коррупционное поведение сильно выгоднее честного, не только полицейские, но и обычные граждане будут к нему склонны, т. е. коррупция порождается прежде всего не личными особенностями тех или иных общественных групп, а институциональной средой»³. Из этого авторы исследования делают вывод о необходимости изменения среды в целом и безуспешности усилий отдельных честных государственных служащих.

¹ Левин С. Н. Региональные институциональные системы в современной экономике России: методология анализа // Институциональная трансформация экономики: российский вектор новой индустриализации: материалы IV Междунар. науч. конф. (Омск, 21–23 октября 2015 г.): в 2 ч. – Омск: ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2015. – Ч. 1. – С. 43.

² Карапетов А. Г. Экономический анализ права. – М.: Статут, 2016. – С. 11.

³ Белянин А. В., Бобкова Н. В., Эгберт Х., Косалс Л. Я. Экспериментальные методы исследования коррупции в экономических и социологических науках // Экономическая социология. – 2014. – Т. 15, № 1. – С. 78.

5. Кратковременный рост транзакционных издержек при появлении новых норм.

В параграфе 5.1 в рамках описания бифуркационной модели автор продемонстрировал кратковременный рост транзакционных издержек (см. рисунок 35) при появлении новых норм (как введения регулирования, так и смены практик взаимодействия под воздействием новых технологий коммуникации), связанный с наслоением устаревающих и нарождающихся институтов.

«Формируя все новые правила и регламентации деятельности для необходимости достижения некоей эффективности, можно привести экономическую экологию к „институциональному склерозу“, который в силу роста правил обеспечит их несоблюдение в силу высоких издержек, а значит, и бесполезность дальнейших институциональных модификаций. В таком случае полезной будет лишь одна модификация, связанная с сокращением ненужных регламентов, норм»¹.

Отсечение неэффективных неформальных правил в территориальном сообществе будет происходить самостоятельно в соответствии с его способностью к саморазвитию. Правовое поле регулируется органами власти, и исключение неэффективных правовых норм возможно только целенаправленным принятием соответствующих нормативных правовых актов. Ускоренному сокращению объема регуляторной среды субъекта РФ и транзакционных издержек, возникающих в пространстве региона, будет способствовать «регуляторная гильотина» (см. параграф 4.1).

6. Сложность и хаотичность существующей системы правовых норм, «чрезмерная производительность» норм со стороны органов власти.

Регуляторная среда региона представляет собой сложную многомерную диссипативную динамичную систему регуляторных документов, склонную в отсутствие управляющих факторов к хаотичной структуре, а именно к разрастанию самой системы и появлению дисфункций (возникновению противоречий и дублированных норм, пробелов в нормативном правовом поле).

¹ Сухарев О. С. Экономический рост, институты и технологии: монография. – М.: Финансы и статистика, 2014. – С. 160.

В России наблюдается уверенный рост числа действующих федеральных законов (рисунок 38), при этом ежегодно принимается порядка 20 тыс. нормативных правовых актов федерального уровня, регуляторная среда находится в перманентном состоянии трансформации¹.

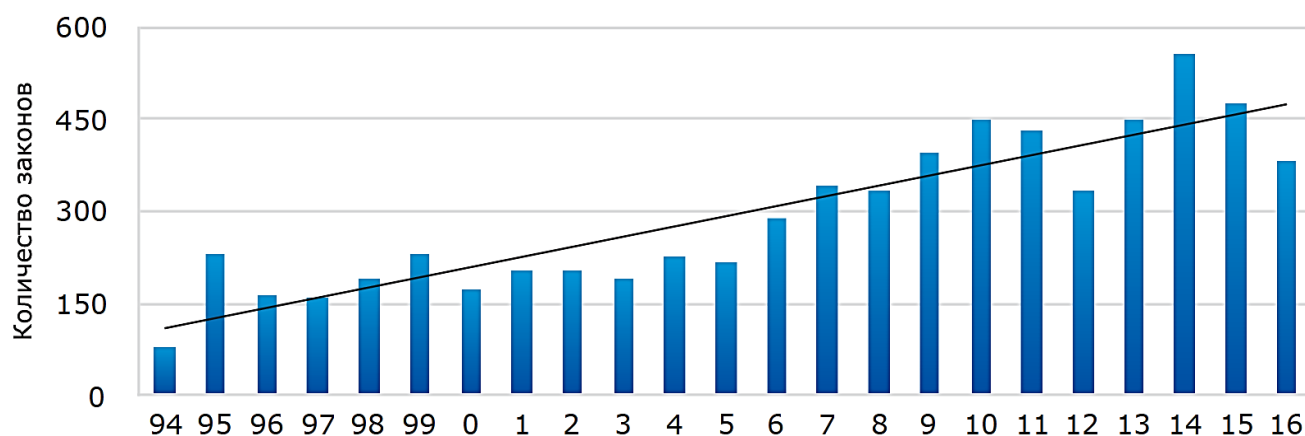

Рисунок 38 – Количество федеральных законов²

Коллектив Высшей школы экономики полагает, что «действующая система нормативного правового регулирования общественных отношений является одним из ключевых препятствий для социально-экономического развития в Российской Федерации. Она характеризуется избыточностью и постоянным ростом количества и объема требований, устанавливаемых нормативными правовыми актами, отсутствием эффективных механизмов контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления в сфере нормативного правового регулирования, а также нехваткой системной оценки эффективности самого регулирования, позволяющей не только ограничивать рост регуляторной нагрузки, но и сокращать ее значимым образом»³. Например, период стабильности (длитель-

¹ Авдийский В. И. Экономический анализ права // Вестник Финансового университета. – 2012. – № 2. – С. 106.

² Ткаченко Н. Статистический анализ федерального законодательства. – М.: Гарант, 2017. – С. 12.

³ Регуляторная политика в России: основные тенденции и архитектура будущего: монография / А. Е. Голодникова, А. А. Ефремов, Д. В. Соболев и др. – М.: Высшая школа экономики, 2018. – С. 11

ность условного периода, в течение которого в акт не вносились изменений) в 2016 г. для КоАП составил около 10 дней, Лесного кодекса – 22 дня, Земельного кодекса – 27 дней¹ и т. д.

На региональном уровне в условиях постоянной необходимости приведения региональной нормативной базы в соответствие с федеральной, а также разработки множественных подзаконных актов ситуация еще больше усугубляется.

Согласно основным положениям синергетики, благодаря внешнему воздействию и усилению неравновесности отклонения в системе со временем возрастают, накапливаются, что в итоге приводит к расшатыванию прежнего порядка, за которым следует разрушение прежней структуры или возникновение нового порядка вследствие самоорганизации системы. Условием самоорганизации системы через этап хаоса к новой структуре является наличие достаточного количества взаимодействующих между собой элементов, способных обеспечить коллективное поведение элементов системы. Кроме того, в соответствии с законами общей теории систем управляемость объектом обеспечивается при условии, что скорость изменений в управляемом объекте не превышает возможностей контроля и реагирования.

Таким образом, регуляторная среда региона в условиях интенсивного развития экономики и перехода к новому технологическому укладу способна перейти к новому качеству, или «устойчивому состоянию», в случае корреляции взаимодействия всех акторов экономической системы региона по обеспечению достаточных темпов изменения регуляторной среды, соответствующей новым внешним вызовам.

7. Высокая степень взаимовлияния институциональных условий и технологических инноваций.

В главе 3 было показано воздействие четвертой промышленной революции и новых технологий на изменение регуляторной среды региона, а также необходимость адаптации, в том числе усилиями региональных органов власти.

¹ Ткаченко Н. Статистический анализ федерального законодательства. – М.: Гарант, 2017. – С. 12.

В параграфе 1.3 было обосновано влияние регуляторной среды на технологическое развитие, и практическим подтверждением теоретических выкладок автора являются результаты оценки такого влияния в пространстве Уральского макрорегиона, представленные в параграфе 4.3. Соответствующие задачи Президент РФ поставил еще в своем Послании в 2018 г.: «Скорость технологических изменений нарастает стремительно, идет резко вверх. Тот, кто использует эту технологическую волну, вырвется далеко вперед. Тех, кто не сможет этого сделать, она – эта волна – просто захлестнет, утопит... Активное внедрение цифровых технологий и платформ позволит последовательно идти к повышению прозрачности и обелению экономики... Необходимо снять все барьеры для разработки и широкого применения робототехники, искусственного интеллекта, беспилотного транспорта, электронной торговли, технологий обработки больших данных»¹.

Как отмечалось ранее, необходимо задавать коридор технологического развития, создавая подталкивающие институциональные условия для деятельности на базе технологий новых технологических укладов и увеличивая транзакционные издержки менее желательной деятельности. «Требуются специальные воздействия институционального свойства, понижающие риск ведения хозяйственной деятельности в области новых технологий и обрабатывающих секторов, чтобы обеспечить приоритетное их развитие за счет поступающего банковского капитала. Соответственно, понадобятся институциональные коррекции, выполняемые в рамках отраслевой (структурно-промышленной и инвестиционной) политики»².

8. Построение регулирования на платформенных решениях, включение данных и искусственного интеллекта в процессы нормотворчества и рассмотрение их как предмета регулирования.

Российские эксперты рассматривают платформу как наиболее эффективный способ управления в новых условиях, складывающихся под воздействием четвертой промышленной революции. Уральские экономисты, исследуя процессы

¹ Послание Президента России В. В. Путина Федеральному Собранию в 2018 г. // Российская газета. – 2018. – № 7509. – С. 1.

² Сухарев О. С. Управление структурой технологического развития: риск и «процентный портфель» // Управленец. – 2019. – Т. 10, № 1. – С. 14–15.

трансформации промышленного комплекса в условиях внедрения цифровых технологий, обосновали перспективность «формирования индустриальной экосистемы, основанной на платформенной организации промышленного производства»¹. Платформенный подход является актуальным и для государственного управления в целом². Большие данные становятся основой для принятия «умных» регуляторных решений, позволяя объективно оценивать параметры социально-экономического состояния общества и его потребностей. При этом ряд государственных функций, связанных с обработкой данных, формированием прогнозов на их основе, оказанием государственных услуг, в том числе проактивного характера, исходя из возникающих данных, могут быть переданы на исполнение искусственному интеллекту. Однако все перечисленные аспекты должны реализовываться в рамках ясных, прозрачных и четко установленных правил.

5.3 Траектории трансформации региональной регуляторной среды в пространстве Уральского макрорегиона

В параграфе 4.3 была доказана статистическая значимость влияния региональной регуляторной среды на экономическое благосостояние субъектов РФ. Из формулы (8), характеризующей зависимость нормированного ВРП на душу населения субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, от различных параметров, в том числе качества региональной регуляторной среды, следует, что при увеличении качества формальной регуляторной среды на 1 ед. нормированный уровень ВРП на душу населения возрастет на 0,53 ед. В таблице 13 представлены результаты прогноза значения ВРП на душу населения субъек-

¹ Акбердина В. В., Пьянкова С. Г. Методологические аспекты цифровой трансформации промышленности // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2021. – Т. 227, № 1. – С. 292.

² Государство как платформа: люди и технологии / под общ. ред. М. С. Шклярчук. – М.: РАНХиГС, 2019. – С. 38.

ектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, в 2030 г., рассчитанные путем тренда линейной аппроксимации показателя за период 2010–2018 гг. (после выхода из кризиса 2008 г., старта новой экономической политики, нацеленной на инновационное развитие и начала активной информатизации российских регионов), а также значения показателя в случае улучшения качества региональной регуляторной среды на 1 балл, согласно методике, описанной в параграфе 2.2.

Таблица 13 – Прогноз ВРП на душу населения субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона

Показатель	Свердловская область	Челябинская область	Курганская область	Оренбургская область	Пермский край	Республика Башкортостан	Удмуртская Республика
Данные стратегий социально-экономического развития субъектов РФ (целевой сценарий)							
ВРП на душу населения в 2030 г., тыс. р.	754,1	826,0*	–	608,4**	–	898,6	–
ВРП на душу населения в 2025 г., тыс. р.	–	–	–	–	–	–	891,9
Расчетные данные							
Прогноз ВРП на душу населения в 2030 г. методом линейной аппроксимации данных за 2010–2018 гг., тыс. р.	968,8	787,5	434,1	821,1	879,8	684,8	782,8
Прогноз ВРП на душу населения в 2030 г. методом линейной аппроксимации данных за 2010–2018 гг. при условии увеличения качества формальной регуляторной среды (F_i) на 1, тыс. р.	1 020,6	839,3	485,9	872,9	931,6	736,6	834,6
<p>Примечание – Составлено автором. * Рассчитано исходя из указанных в стратегии темпов прироста ВРП по годам. ** Рассчитано исходя из заявленного увеличения ВРП при условии сохранения численности населения.</p>							

Сравнение расчетных данных прогноза ВРП на душу населения субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, в 2030 г. с целевыми значениями, заложенными в стратегиях социально-экономического развития, позволяет сделать следующие выводы:

1) для достижения заявленных в стратегиях целевых значений требуются существенные усилия по улучшению региональной регуляторной среды в Удмуртской Республике и Республике Башкортостан;

2) реализация мер по развитию региональной регуляторной среды в Челябинской области будет способствовать более надежному достижению заявленных целей;

3) в Оренбургской и Свердловской областях целевые значения существенно занижены;

4) стратегии социально-экономического развития Курганской области и Пермского края не содержат сведений о целевых значениях ВРП на душу населения или данных, позволяющих их рассчитать.

Период перехода к новому аттрактору в ходе промышленных революций может занимать несколько лет¹. Профессор Н. В. Зубаревич указывает, что «цена вопроса» снижения географических барьеров велика, поэтому «раньше или позже придется делать выбор в пользу наиболее гибкого из факторов – модернизации институтов»². Вместе с тем она полагает, что «рост, основанный на особых институциональных преимуществах, неустойчив»³. Автор согласен с последним утверждением в той части, что точечное изменение отдельных институтов не создаст комплексного эффекта долгосрочного социально-экономического развития (например, воспитание технологического творчества у детей без возможности последующей реализации своих способностей, создание института поддержки изобретательства без институтов коммерциализации и всей совокупности институтов инновационного развития). Напротив, как отмечалось ранее (см. параграф 2.1), инвариантные институциональные условия задают устойчивую «колею» для долгосрочного развития.

¹ Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – С. 17.

² Зубаревич Н. В. Региональное развитие и институты: российская специфика // Региональные исследования. – 2010. – № 2 (28). – С. 4.

³ Там же. – С. 12.

Формально трансформация регуляторной среды в России и регионах запущена: приводится в действие «регуляторная гильотина», Президентом РФ поставлены задачи изменения институциональных условий:

«9. Правительству Российской Федерации при реализации совместно с органами государственной власти субъектов Российской Федерации национальной программы в сфере повышения производительности труда и поддержки занятости обеспечить в 2024 г.: <...>

б) решение следующих задач: *сокращение нормативно-правовых и административных ограничений*, препятствующих росту производительности труда, а также замещение устаревших и непроизводительных рабочих мест. <...>

11. Правительству Российской Федерации при реализации совместно с органами государственной власти субъектов Российской Федерации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» обеспечить в 2024 г.: <...>

б) решение следующих задач: *создание системы правового регулирования цифровой экономики*, основанного на гибком подходе в каждой сфере, а также внедрение гражданского оборота на базе цифровых технологий»¹.

Основные мероприятия, реализованные на государственном уровне, по развитию качества регуляторной среды:

«– обеспечение Национальной предпринимательской инициативы по улучшению инвестиционного климата в РФ, направленной на улучшение условий ведения предпринимательской деятельности по наиболее важным и проблемным сферам государственного регулирования;

– внедрение Стандарта деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе, предусматривающий создание на региональном уровне ключевых институтов и инструментов содействия и развития инвестиционной деятельности;

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204.

– тиражирование лучших практик по улучшению инвестиционного климата»¹.

Вместе с тем, согласно опросам Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук в 2018 г., большинство населения страны полагает, что за последние пять лет ситуация в области прав и свобод, развития демократии, а также в области борьбы с коррупцией, законности и правопорядка не изменилась и даже ухудшилась (84 % и 77 % соответственно)². Объективные социально-экономические показатели также не демонстрируют перехода на траекторию устойчивого роста и инновационной экономики.

В параграфе 5.1 (см. рисунок 34) были рассмотрены аспекты, способствующие выходу на позитивный или негативный аттрактор из точки бифуркации (см. рисунок 33). Проанализируем наличие данных аспектов применительно к субъектам РФ, расположенным в пространстве Уральского макрорегиона, и определим наметившееся направление выхода из точки бифуркации.

1. В качестве негативной социальной инварианты для российских регионов автор выделяет «вертикальный» общественный договор, выражающийся в сильной централизации власти, ограничении свободы регионов в принятии решений, экстрактивном характере управления.

Проведенный социологический опрос местных российских руководителей территорий в 2010 г. показал их ориентированность «на помощь „сверху“, нежели на собственные усилия», а в числе факторов развития отмечались «выгодное географическое положение и природно-ресурсный потенциал (от 40 % до 75 % опрошенных), в то время как промышленный, научный, интеллектуальный потенциал как источник развития рассматривался лишь 6–12 % опрошенных»³. Эконо-

¹ Доклад о достигнутых результатах по улучшению условий ведения предпринимательской деятельности, развитию малого и среднего бизнеса и поддержке индивидуальной предпринимательской инициативы / Минэкономразвития России. – М., 2017. – С. 18.

² Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены / М. К. Горшков, В. А. Аникин, Л. М. Дробижина и др. – М.: ФНИСЦ РАН, 2018. – С. 7.

³ Байков Н. М., Невеличко Л. Г. Особенности функционирования местных сообществ городских и сельских поселений в социологическом измерении // Власть и управление на Востоке России. – 2011. – № 3 (56). – С. 110.

мические кризисы прошедшего десятилетия и пандемия сделали субъекты РФ еще более зависимыми от помощи федерального центра.

2. Укоренившиеся неформальные институты и низкий уровень институционального доверия в обществе препятствуют проведению реформ¹.

По итогам изучения динамики общественных настроений в свете майского указа Президента РФ от 2018 г.² ведущий российский социолог С. А. Белановский отмечает, что главная тенденция 2019 г. – снижение доверия к власти, что выражается в том числе, по мнению респондентов, в следующем:

– «обещания властей обычно остаются невыполненными. Не выполняются даже указы В. Путина. При этом чиновники продолжают обещать, хотя сами в свои обещания не верят»;

– «власть все решения принимает закрыто. Что власть себе мыслит, никто не знает. Власть не понимает, что происходит в стране»;

– «все важные решения принимаются без каких-либо обсуждений»;

– «стране нужна реконструкция власти в пользу большей прозрачности и открытости принятия решений»³.

Экономический кризис и пандемия 2020 г. еще больше усилили недоверие общества к органам власти. Ежегодное исследование Института национальных проектов и Российской венчурной компании «Социокультурные факторы инновационной активности населения» выявило в 2020 г. сохранение крайне низкого уровня доверия населения к региональным (41 %) и муниципальным (37 %) властям, при этом отмечен рост доверия к крупным онлайн-сервисам, который на

¹ Рахмеева И. И. Региональная регуляторная среда: на распутье: монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2021. – С. 186.

² Белановский С. А. Изучение динамики общественных настроений в свете «майского» указа Президента от 2018 г.: презентация результатов исследования // Личный сайт Сергея Белановского. – URL: <http://sbelan.ru/Research-Presentations/Izuchenie-dinamiki-obshhestvennyh-nastroenii-v-svete-maiskogo-Ukaza-Prezidenta-ot-2018-g.pdf> (дата обращения: 24.06.2019).

³ Там же.

10 п. п. превысил уровень доверия к Правительству РФ и составил 59 %¹. Также авторы данного исследования отмечают прямое влияние уровня институционального доверия на «готовность населения пользоваться новыми технологиями»².

В регионах России предпринимаются попытки восстановления утраченного доверия. Так, в Оренбургской и Свердловской областях запущены цифровые платформы по взаимодействию бизнеса и надзорных органов, на которых размещены перечни типовых нарушений, чек-листы для самопроверки, формы обратной связи с контрольными органами. Одной из ключевых целей создания платформы заявляется повышение прозрачности контрольной сферы и, как следствие, создание доверительной среды. Однако такие платформы по состоянию на конец I квартала 2021 г. не являются достаточно функциональными и эргономичными.

Руководствуясь предпосылкой о целевом характере неформальных институтов (см. параграф 1.1), автор видит причину в отсутствии у граждан соответствующих долгосрочных общественных целей прогресса регионов и страны, что вызвано, по нашему мнению, хаотичной, непоследовательной, экстрактивной государственной политикой, ставшей фактором смещения целей к краткосрочному выживанию в текущих условиях³. Этот тезис подтверждается результатами опроса Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, показавшими, что многие не считают важными лично для себя цели, обеспечивающие экономический, социальный и политический прогресс России, в том числе: «снижение доли государства в экономике (23 % респондентов не считают эту задачу для себя актуальной), расширение пространства свободы во всех сферах жизни, укреп-

¹ Данные приводятся по: Отношение населения к новым технологиям в период коронакризиса / Российская венчурная компания. – URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/fd8/RVC_attitudes_to_technologies_report2020_fragment.pdf (дата обращения: 25.09.2021); Аузан А. А. Доверие как фактор и инструмент социально-экономического развития: доклад. – URL: http://www.rabe.ru/upload/files/20_02_2021/Презентация%20Аузана%20-%20ДОВЕРИЕ.pdf (дата обращения: 18.03.2021).

² Социокультурные факторы инновационной активности населения: исследовательский отчет / Е. В. Антонов, А. А. Аузан, В. А. Брызгалин и др. – М.: Ин-т национальных проектов; Российская венчурная компания, 2019. – С. 66.

³ Авторы цитируемого ниже доклада Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН видят причину в неосознании населением взаимосвязи между научно-техническим прогрессом страны и увеличением уровня и качества жизни.

ление институтов демократии, местного самоуправления (19 %), существенный рост малого и среднего бизнеса (17 %), формирование в стране массового среднего класса (15 %), обеспечение рывка в сфере науки и высоких технологий (15 %)»¹.

Основатель Всемирного экономического форума К. Шваб констатирует, что «население теперь лучше информировано и более требовательно в своих ожиданиях», а «новая парадигма власти подрывает доверие» к государству². Французский экономист Т. де Монбриаль в начале XXI века отметил, что в мире усилилось отрицательное восприятие «идеи правительства как организации, в исключительные обязанности которой входит отправление общественных дел»³. Это объясняет рост популярности среди населения различных цифровых платформ, обеспечивающих взаимодействие экономических агентов, реализацию и защиту контрактов, гарантированность прав сторон, за пределами традиционных практик, обеспечиваемых при участии государства.

Таким образом, бурный расцвет цифровой экономики при сохранении «вертикального» контракта создает для органов власти субъектов РФ угрозу еще большего падения доверия государственным структурам и утрату управляемости социально-экономической системы региона.

3. К неоднозначным (управляемым) аспектам был отнесен объем транзакционных издержек. Отечественным органам власти не удалось в полной мере воспользоваться данным фактором, возможности управления которым открывала четвертая промышленная революция.

Были приняты существенные усилия по переводу государственных и муниципальных услуг в электронный вид, по организации удаленного взаимодействия с органами власти.

По России и Уральскому федеральному округу доля пользователей Интернета в возрасте от 15 до 72 лет, прибегающих к получению информации сред-

¹ Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены / М. К. Горшков, В. А. Аникин, Л. М. Дробижина и др. – М.: ФНИСЦ РАН, 2018. – С. 37.

² Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – С. 114.

³ Монбриаль Т. де. Действие и система мира / пер. с фр. В. М. Володина. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 303.

ствами официальных сайтов для взаимодействия с органами власти, составляет близкие значения: 65,8 % и 65,3 % соответственно (наибольший показатель по Свердловской области – 69,7 %) ¹ и показывает высокий уровень использования и востребованности информационных технологий для обеспечения коммуникации.

Урал характеризуется высоким уровнем развития общества в части гражданской (политической) активности, использования современных технологий, уровня образования и предпринимательской инициативы. Все это способствует формированию из среды предпринимательского сообщества и общественных организаций пула активных участников публичных консультаций и иных форм влияния на регуляторную политику. Однако возникающие локальные политические конфликты между региональными властями и предпринимательским сообществом, нахождение уральских регионов по качеству ОРВ преимущественно в группе среднего уровня говорят о неполной реализации потенциала кооперации региональных властей с предпринимательским сообществом.

Стабильно возрастает объем правового регулирования при увеличении громоздкости системы, ее инертности, избыточности и противоречивости вызовом четвертой промышленной революции, социальным потребностям общества. Адаптивность регуляторной среды ограничена продуктивностью и качеством нормотворчества.

Так, А. В. Чадаев приводит следующие примеры действия соответствующего ограничения на федеральном уровне ²:

– экологическую сферу регулируют семь кодексов, более сотни отдельных федеральных законов, свыше 200 постановлений Правительства РФ, несколько сотен ведомственных подзаконных актов и тысячи инструкций, регламентов, приложений только федерального уровня, не считая региональных и муниципальных. Профильный комитет Государственной думы РФ в год рассматривает порядка четырех законопроектов в данной сфере;

¹ Информационное общество в Российской Федерации: стат. сб. / Г. И. Абдрахманова, Л. М. Гохберг, О. Ю. Дудорова и др. – М.: Высшая школа экономики, 2017. – С. 172–176.

² Алексей Чадаев – наблюдения, замечания и предложения. – URL: <http://chadayev.ru> (дата обращения: 09.12.2018).

– Государственная дума РФ принимает в среднем за сессию порядка 300 федеральных законов при общей их численности около 5,5 тыс. В итоге многие законопроекты и целые темы приходится откладывать на месяцы, а иногда и на годы; кроме того, федеральные министерства регулярно затягивают с подготовкой комплектов подзаконных актов.

Таким образом, максимально возможный темп изменений в нормативном поле, который российская правовая система в целом способна выдержать, не соответствует требованиям прогресса и не позволяет зачастую реализовывать необходимые реформы.

4. Влияние на социальную справедливость.

Большие данные, искусственный интеллект, интернет вещей и другие цифровые технологии позволяют органам власти иметь доступ к огромному массиву данных граждан и организаций, осуществлять контроль за ними и принимать управленческие решения.

С одной стороны, это позволяет повысить безопасность общества и государства. Например, современные технологии позволяют путем компьютерного лингвистического анализа выявлять сообщения и лиц, выделяющихся девиантным, деструктивным и противоправным поведением по отношению к государству¹. С другой стороны, установление чрезмерно жестких критериев недобросовестного поведения в формальных институтах ведет к ограничению свободы личности и движению к негативному аттрактору².

Отношение региональных властей к этому вопросу можно проследить на примере решений, принимаемых в период пандемии COVID-19³. В целом субъек-

¹ Болеславович С. Ю. Интеллектуальная система поддержки принятия решений в процессе информационного противоборства в виртуальных социальных сетях: презентация доклада в рамках Национального форума информационной безопасности. – URL: <https://yadi.sk/d/7giy7g-193SAjSF> (дата обращения: 22.02.2018).

² Например, в гражданском сообществе активные дискуссии разворачиваются вокруг запрета на критику действий и решений органов власти в социальных сетях, ограничений взаимодействия вузов с зарубежными учеными и пр.

³ Vlasova N. Yu., Rakhmееva I. I. Regional decision-making in the context of a pandemic: speed vs cost assessment // Proceedings of the Research Technologies of Pandemic Coronavirus Impact (RTCOV 2020). – Amsterdam: Atlantis Press, 2020. – P. 90–94. – (Advances in social science, education and humanities research; vol. 486).

ты РФ, расположенные в пространстве Уральского макрорегиона, вводили более мягкие ограничения, чем федеральный центр. В регионах не приостанавливалась деятельность ключевых промышленных предприятий, что предотвратило глубокий экономический спад. Наиболее существенно пострадал малый и средний бизнес в сфере обслуживания населения. Несмотря на сравнительно быстрое возобновление их работы в регионах Урала, ограничения в деятельности не позволили им сохранить рентабельность. Сильная дифференциация неформальных институтов в регионах проявилась в ограничении личной свободы граждан. Например, в Республике Башкортостан временно вводились электронные пропуска, в Свердловской области были введены ограничения и штрафы в области санитарно-эпидемиологической безопасности, однако основной акцент Губернатором Свердловской области был сделан на социальную пропаганду и призыв к социальной ответственности граждан. Кроме того, из всех территорий Уральского макрорегиона только в Свердловской области были внесены изменения в порядок проведения ОРВ в части необходимости учета ускорения принятия управленческих решений в условиях пандемии с сохранением публичности процесса.

Учитывая изложенные аспекты и дисфункции регуляторной среды субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона (параграф 4.2), автор делает вывод, что исследуемые регионы находятся на траектории движения к негативному аттрактору. Наилучшие позиции занимает Свердловская область, однако вызывает сомнение способность отдельного региона стать источником институциональной трансформации всей страны. Можно прогнозировать, что регион сохранит конкурентные позиции относительно субъектов РФ, однако негативные институциональные инварианты и воздействие соседних территорий и национальных тенденций не позволят ему перейти к позитивному аттрактору.

Автор всецело поддерживает позицию академика РАН С. Ю. Глазьева, что «опережающее реформирование системы хозяйственного права сможет конструктивно разрешать экономические противоречия и упреждать обострение социально-политических конфликтов. Для этого, однако, нужен широкий общественный консенсус и эффективные процедуры делегирования полномочий институтам,

призванным гармонизировать социально-экономические отношения в правовых нормах»¹. Также считаем необходимой для перехода к позитивному аттрактору «институционализацию справедливости»², способствующей повышению мотивации к труду и добросовестному предпринимательству³.

Для корректировки выявленных негативных тенденций, с учетом установленного влияния регуляторной среды регионов на социально-экономическое развитие территориального сообщества автор предлагает следующие меры, направленные на смещение развития региональных систем в сторону позитивного аттрактора в контексте новой реальности.

1. Полномасштабное воспитание нового поколения на ценностях честности, уважения к труду⁴ и личности, творчества, заботы об окружающей среде и устойчивого восприятия связи личных усилий с индивидуальными успехами и качеством жизни общества.

Мера может быть обеспечена социальной рекламой, воспитательной и просветительской работой в дошкольных и школьных образовательных учреждениях, созданием инфраструктуры дополнительного образования, наполнением соответствующими идеями развлекательного контента для детей.

Образовательные программы высшего образования, в том числе технических специальностей, должны быть дополнены идеологической составляющей ноономики, нравственной экономики, ориентированной на природосбережение и социальную справедливость. Автор разделяет подход Заслуженного экономиста РФ В. С. Бочко, что приоритетами развития России «в условиях новой реальности

¹ Глазьев С. Ю. О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 56. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/56_2016glazujev.htm (дата обращения: 24.01.2018).

² Вахтина М. А. Институциональные основания справедливой рыночной экономики. – Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2013. – С. 72.

³ Там же. – С. 40.

⁴ Рахмеева И. И. Институциональные механизмы управления предложением рабочих профессий и их престижностью на региональном рынке труда // Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем: материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 26–27 ноября 2020 г.). – Уфа: УФИЦ РАН, 2020. – С. 231–236.

должны стать нравственно-этическая интеллектуализация населения»¹, мнение профессора С. Д. Бодрунова, что «главными профессиями наступающего нового индустриального производства должны стать не менеджер, маркетолог и финансист, а инженер, ученый и педагог»², позиции французского экономиста Т. де Монбриаля, что «деятельность инженера... сопряжена с культурой человеческого сообщества, в котором эта деятельность осуществляется» и американского экономиста Дж. Коммонса, что «производство богатства неотделимо от единства мастерства, науки, инженерии и этики»³.

Профессор А. Г. Карапетов называет такой способ «самым древним, дешевым и эффективным» для построения «рациональной и справедливой системы взаимного уважения и достижения общего блага»⁴. По мнению основателя Всемирного экономического форума К. Шваба, «в сердце (четвертой промышленной революции. – *И. Р.*) лежат инновации, реализуемые в сотрудничестве... На каждую из заинтересованных сторон возложена роль в направлении инноваций на общее благо», и запустить этот процесс может именно «среда доверия»⁵.

Региональные власти, социально ориентированные предприниматели и активные граждане должны обеспечить сохранение богатства горнозаводской культуры Уральского макрорегиона, например, через «социально-культурные практики туризма и гостеприимства уральских городов»⁶.

2. Согласимся с авторами доклада «Государство как платформа: люди и технологии» в том, что цифровая трансформация частично делает «невостребованным многолетний опыт» государственных служащих, зато требует освоения «совсем иных знаний и навыков», что приводит к «рискам неприятия изменений,

¹ Бочко В. С. Экономическая самостоятельность регионов в условиях новой реальности // Экономика региона. – 2016. – Т. 12, № 2. – С. 343.

² Бодрунов С. Д. Ноономика: монография. – М.–СПб.–Лондон: Культурная революция, 2018. – С. 137.

³ Монбриаль Т. де. Действие и система мира / пер. с фр. В. М. Володина. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 445.

⁴ Карапетов А. Г. Экономический анализ права. – М.: Статут, 2016. – С. 51.

⁵ Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – С. 178.

⁶ Крутева О. В., Минина О. Ю. Горнозаводская культура Урала: перекресток цивилизаций // Культура и цивилизация. – 2016. – Т. 6, № 5А. – С. 305.

выгорания, саботажа»¹. Современный работник, в том числе государственный служащий, должен обладать способностями «к постоянной адаптации и усвоению новых навыков в разнообразных контекстах»². Это определяет актуальность «грамотного планирования программ переподготовки и перепрофилирования кадров»³.

Программы переподготовки государственных служащих должны включать не только освоение новых технологических навыков, но и восприятие новых ценностей адаптивности, непрерывного саморазвития, сотрудничества (партнерства с бизнесом и населением), клиентоориентированности, доверия, открытости и приоритета общественных целей, в том числе развития предпринимательства, перед властными. Профессор А. Г. Карапетов верно подмечает, что формирование права неизбежно ставит правотворца в ситуацию «ценностного выбора и этических дилемм»⁴, а профессор В. А. Вайпан призывает нравственные принципы, прежде всего справедливости, «сделать идеологической основой правотворчества»⁵.

Должна быть продолжена работа по формированию антикоррупционного поведения представителей власти. Представляется целесообразной реализация идеи профессора А. Н. Митина о «внедрении прямой кодификации норм служебного поведения или добавление этических требований в законодательные акты о государственной службе»⁶.

3. Формирование «цифрового правотворчества» и «цифрового поля нормативных правовых актов». Реализация данного направления возможна с применением искусственного интеллекта и технологии блокчейн.

¹ Государство как платформа: люди и технологии / под общ. ред. М. С. Шклярчук. – М.: РАНХиГС, 2019. – С. 78.

² Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – С. 77.

³ Государство как платформа: люди и технологии / под общ. ред. М. С. Шклярчук. – М.: РАНХиГС, 2019. – С. 78.

⁴ Карапетов А. Г. Экономический анализ права. – М.: Статут, 2016. – С. 12.

⁵ Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика. – М.: Юстицинформ, 2017. – С. 174.

⁶ Митин А. Н. Проблемы формирования антикоррупционного поведения // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 6 (114). – С. 103.

«Цифровое поле нормативных правовых актов» могло бы включать весь массив нормативных правовых актов различного уровня в их взаимосвязи друг с другом. Первые шаги в направлении формирования единой системы, реестра нормативных правовых актов, обязательных требований запланированы Минэкономразвития России на начало 2020-х годов.

Искусственный интеллект мог бы быть использован для анализа существующих актов, выявления разногласий между уровнями, разночтений в правоприменительной практике и в последующем автоматизированном обеспечении унификации норм на территориях (по определенным вопросам), приведении муниципальных актов и актов субъектов РФ в соответствие с документами вышестоящего уровня. Также цифровые технологии могли бы обеспечить мониторинг правоприменения и оценку фактического воздействия принятых регуляторных решений с индикацией провалов регулирования и необходимости корректирующих мер.

4. Переход на презумпцию добросовестности предпринимателей при формировании регуляторной среды. Профессор А. Г. Карапетов отмечает, что «развитие прорыночного правового регулирования основывалось именно и во многом на доверии к рациональности участников оборота»¹, которую он понимает как раз в рамках новой научной парадигмы с учетом просоциального стремления к общему благу и справедливости.

Еще в 2003 г. Конституционный суд РФ указал, что федеральное законодательство, регулирующее предпринимательскую деятельность, должно «отвечать требованиям справедливости, быть адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц»².

Попытка внедрения предложенного принципа в России предпринималась в рамках реформы контрольно-надзорной деятельности, запущенной в 2016 г.

¹ Карапетов А. Г. Экономический анализ права. – М.: Статут, 2016. – С. 64.

² По делу о проверке конституционности положений ст. 35 Федерального закона «Об акционерных обществах», ст. 61 и 99 Гражданского кодекса РФ, ст. 31 Налогового кодекса РФ и ст. 14 Арбитражного процессуального кодекса РФ в связи с жалобами гражданина А. Б. Борисова, ЗАО «Медиа-Мост» и ЗАО «Московская Независимая Вещательная Корпорация»: постановление Конституционного суда РФ от 18 июля 2003 г. № 14-П.

Официально был заявлен переход от «палочной системы», основанной на штрафах как целевом показателе эффективности контрольно-надзорной деятельности, к модели, ориентированной на профилактику и оцениваемой по уровню обеспечения безопасности охраняемых законом ценностей. В части формальной составляющей регуляторной среды были изменены подходы к оценке результативности контрольно-надзорной деятельности, сформированы программы профилактики нарушений обязательных требований, разработаны проверочные листы и внедрено самообследование организаций. Однако трансформация неформальной составляющей регуляторной среды, выраженная в отношениях проверяющих и поднадзорных лиц, не соответствовала новому принципу в силу инертности и укорененности неформальных норм. Прежде всего противоречие двух компонентов регуляторной среды наблюдалось на местах, в региональных органах власти и территориальных отделениях федеральных органов власти.

Цифровые технологии предлагают возможности организации бесконтактного контроля за соблюдением законодательства, что снижает риски коррупции и повышает уровень безопасности. При этом «люди, знающие, что за ними наблюдают, начинают в своем поведении проявлять больший конформизм и соблюдать требования»¹, т. е. стимулируется их добросовестное поведение. Здесь остается дискуссионным вопрос границ вмешательства в жизнь людей. Но как отмечает американский политический философ М. Сандел: «...мы, похоже, все в большей степени готовы обменять конфиденциальность на удобства»². Данный тезис подтверждают результаты исследования «Отношение населения к новым технологиям в период коронакризиса», проведенного Институтом национальных проектов в октябре 2020 г. Так, согласно опросам, 66 % респондентов считают допустимым сбор государством данных о контактах граждан для выявления потенциальных зараженных инфекционными заболеваниями, 76 % полагают допустимым использование правоохранительными органами алгоритма распознавания

¹ Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – С. 169.

² Цит. по: Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – С. 168.

лиц для анализа данных с камер наружного видеонаблюдения в целях обеспечения безопасности¹.

Поддержание принципа презумпции добросовестности предпринимателей в среднесрочной перспективе, подкрепленное обезчеловеченным сплошным удаленным контролем на основе цифровых технологий, позволит существенно снизить транзакционные издержки как самого бизнеса, так и государственного управления, повысить уровень институционального доверия.

5. Усиление полномочий и ответственности региональных властей.

Автор согласен с утверждением, что «местные властные структуры могут лучше, чем централизованные, учитывать желания... адресатов благ»².

Основатель Всемирного экономического форума К. Шваб отмечает, что в современных условиях усиливается влияние «микровласти» (региональных, местных властей и отдельных личностей) на принятие решений макроуровня государственными правительствами³, называя это «смещением власти в географическом отношении»⁴. Эмпирический анализ исследователей Пермского государственного национального исследовательского университета показал, что использование региональным правительством «адекватных и своевременных управленческих решений... инструментов государственного управления в пределах своих полномочий» позволяет влиять на экономический рост региона⁵.

«Регионы и города способны не просто изменить нормативную базу, а... превратиться в стартовые площадки для цифрового преобразования, за счет этого

¹ Отношение населения к новым технологиям в период коронакризиса / Российская венчурная компания. – URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/fd8/RVC_attitudes_to_technologies_report2020_fragment.pdf (дата обращения: 25.09.2021).

² Калабреззи Г. Будущее права и экономики: очерки о реформе и размышления / пер. с англ. И. Кушнаревой; под науч. ред. М. Одинцовой. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. – С. 102.

³ Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – С. 114.

⁴ Там же. – С. 133.

⁵ Миролюбова Т. В., Ворончихина Е. Н. Обоснование приоритетов экономической политики на основе структурного анализа валового регионального продукта (на примере Пермского края) // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. – 2017. – Т. 12. – № 1. – С. 106.

привлекать и поощрять предпринимателей, создающих инновационные стартапы, а также инвесторов»¹.

б. Вовлечение адресатов регулирования в процессы принятия управленческих решений и оценки эффективности деятельности органов власти.

Лауреат Нобелевской премии по экономике Ф. А. фон Хайек считал необходимым условием успеха демократического общества «передачу права принятия решений из рук выборных органов коалициям организованных интересов и их наемным экспертам» в противовес сложившейся практике выборных органов «мобилизовать согласие» не за счет выражения мнений, а посредством «манипулирования мнением тех, кого они представляют»². Французский экономист Т. де Монбриаль под демократическим принципом управления понимает стремление правительства «к достижению целей, определенных общественным мнением, несмотря на все трудности в истолкованиях»³, при этом его представления об общественном благе, которые «затрагивают все, вплоть до самоидентификации группы»⁴, укладываются в новую научную парадигму. А французско-российский социолог К. Клеман считает, что «обязанность достойного гражданина (члена нации) – участвовать в политике»⁵.

По мнению основателя Всемирного экономического форума К. Шваба, «прорыв в сфере политических, экономических и социальных моделей в результате четвертой промышленной революции потребует от самостоятельно действующих лиц признания себя частью системы распределенной власти, которая предусматривает коллективные формы взаимодействия»⁶. Это требует смены как фор-

¹ Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – С. 129.

² Хайек Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. – М.: ИРИСЭН; Челябинск: Социум, 2016. – С. 22.

³ Монбриаль Т. де. Действие и система мира / пер. с фр. В. М. Володина. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 97.

⁴ Там же. – С. 37.

⁵ Клеман К. Патриотизм снизу. Как такое возможно, чтобы люди жили так бедно в богатой стране? – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – С. 11.

⁶ Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – С. 11.

мальных институтов принятия решений, так и неформальных институтов, выраженных в идеологических ценностях.

Современные цифровые технологии предлагают уникальные технические возможности для мониторинга, учета и сбора потребностей, интересов и мнений всего регионального сообщества и решения локальных вопросов с учетом общественного мнения путем построения баланса интересов различных групп.

7. Формирование цифровых компетенций у всех поколений¹.

Доступность кружков технологического творчества, работы с цифровыми технологиями для формирования цифровых компетенций должна сопровождаться развитием программ общего и высшего образования. «В Китае, Сингапуре и Южной Корее технологические рывки были обеспечены модернизацией университетов и школ»². Для обеспечения технологического рывка в российских регионах также необходимо коренным образом скорректировать содержание программ и оснащение образовательных учреждений.

Программы переподготовки работающего населения для освоения цифровых навыков не только позволят повысить производительность, но и обеспечат увеличение спроса на инновации. Особое внимание должно быть уделено людям старшего поколения ввиду трудности освоения ими передовых технологий.

8. Детерминация технологического развития в правовых документах (ее отсутствие представляет одну из ключевых выявленных дисфункций регуляторной среды субъектов РФ, см. параграфы 4.1–4.2), создание нормативных условий для коммерчески эффективной инновационной деятельности позволят совершить новую индустриализацию в традиционно-промышленных регионах.

Определение перспективных технологий в стратегических документах должно совершаться не только в рамках финансовой эффективности и конкурентоспособности территорий, но и отвечать требованиям нравственной экономики,

¹ Blizkiy R. S., Rakhmееva I. I., Ergunova O. T. Prospects of shifting basic competencies in the digital economy // AmurCon 2020 International Scientific Conference. – Nicosia: European Publisher, 2021. – P. 764–772. – (European proceedings of social and behavioural sciences; vol. 111).

² Лапаева М. Г., Лапаева О. Ф. Контуры технологического рывка России и Оренбургской области // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 2. – С. 56.

т. е. быть ориентированным на «создание знаний и человеческого капитала для всеобщей пользы»¹, соответствовать этическим принципам.

Автор согласен с позицией профессора И. В. Даниловой и Е. Н. Салимоненко, что «оценка достаточности институционального обеспечения (концепций, стратегий, законов и программ субъектов РФ) с позиции принципов и критериев „умного развития“, разработка системы показателей для мониторинга и анализа продвижения по пути реформирования отраслевой структуры экономики позволяет повысить эффективность деятельности органов исполнительной власти»².

Анализ институционального обеспечения развития в условиях промышленной революции представлен в главе 4, по итогам которого в данном разделе сформулированы предложения для органов власти субъектов РФ. Дополнительно в этом параграфе рассмотрим существующую систему задач и показателей регионального развития, отражающую процессы ре- и новой индустриализации в пространстве Уральского макрорегиона. Также предложим авторское видение корректировки набора показателей с целью смещения траектории развития в сторону более активной новой индустриализации.

Реиндустриализация подразумевает возврат к индустриальной модели экономики и увеличение доли промышленности в ВРП. При этом данный процесс происходит преимущественно за счет расширения традиционных отраслей. Это может реализоваться за счет экстрактивных (увеличение добычи ресурсов) либо инклюзивных факторов (модернизация производства, увеличение глубины обработки сырья). Обозначим первую схему реиндустриализации как экстрактивный промышленный рост, вторую – как инклюзивную реиндустриализацию. Вместе с тем эксперты отмечают исчерпание потенциала традиционных технологий и падение отдачи инвестиций в них³.

¹ Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – С. 46.

² Данилова И. В., Салимоненко Е. Н. Оценка механизма реализации промышленной политики регионов: прикладные аспекты концепции «умного» развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № 11-2. – С. 199.

³ Лапаева М. Г., Лапаева О. Ф. Контуры технологического рывка России и Оренбургской области // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 2. – С. 50.

Новая индустриализация подразумевает увеличение в структуре выпуска продукции новых технологических укладов, а также трансформацию традиционных отраслей на базе новых моделей управления и технологий, предлагаемых Индустрией 4.0.

Декомпозиция задач промышленного развития региона по трем перечисленным направлениям представлена на рисунке 39.

Ряд механизмов характерны для нескольких направлений. В частности, экстрактивный промышленный рост на основе добычи и экспорта минеральных ресурсов требует модернизации базовых отраслей, обслуживающих добывающий сектор и задействованных с ним в одной производственной цепочке. Инклюзивная реиндустриализация подразумевает сокращение объемов добычи природных ресурсов с переходом к производствам высоких переделов, возобновляемой энергетике, зеленой экономике, устойчивому развитию путем ресурсосбережения и увеличению утилизации и переработки отходов. Как и новая индустриализация, она базируется на поддержке науки и инновационной деятельности, подготовке специализированных кадров, создании в пространстве региона полюсов роста (территорий опережающего социально-экономического развития) и вовлечении малого и среднего бизнеса в реальный сектор.

Новая индустриализация обладает рядом таких специфичных задач, как производство продукции и технологий пятого и шестого технологических укладов, их внедрение на предприятиях региона, в том числе цифровизация и роботизация производства и иных экономических процессов.

В части эволюции региональной регуляторной среды новая индустриализация означает формирование эффективного правового поля и цифровой среды доверия.

Выбор направления промышленного развития региона фиксируется в стратегиях социально-экономического развития субъектов РФ через закрепление задач и целевых показателей развития.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 39 – Декомпозиция направлений промышленного развития региона по задачам

Отсутствие конкретных целевых индикаторов в стратегии приводит к низкой эффективности ее реализации, невозможности оценки фактического достижения целей и снижению мотивации исполнительных органов власти субъектов РФ. Поэтому крайне значимым для успешного выхода на траекторию новой индустриализации и движения к позитивному аттрактору в точке бифуркации автор полагает закрепление корректной системы целевых показателей. Исходя из декомпозиции задач структурирован авторский взгляд на матрицу целевых показателей промышленного развития регионов.

Автором проанализировано включение в стратегии социально-экономического развития субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, задач и целевых показателей промышленного развития по трем выделенным направлениям. Детализированные результаты представлены в приложении П. По итогам анализа сделаны следующие выводы.

Ярко выраженная направленность на экстрактивный промышленный рост прослеживается в Стратегии социально-экономического развития Удмуртской Республики. Ключевыми проблемами и рисками в стратегии выделены падение цен и спроса на нефть, барьеры расширения экспорта сырья, подчеркивается роль ценового фактора регионального развития. Нефтедобыча обозначена как ключевой сектор экономики, а его поддержка и развитие – как приоритетная задача. Базовый сценарий развития Удмуртской Республики предполагает сохранение ориентации экономики на эксплуатацию доступных ресурсов, альтернативный целевой сценарий рассчитан на формирование новой технологической базы при условии сохранения высокого уровня потребления энергоресурсов в мире.

В стратегиях всех субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, отражены задачи развития перспективных, высокотехнологичных отраслей, подготовки специализированных кадров (за исключением Курганской области), поддержки науки и инновационной деятельности, устойчивого, природо- и ресурсосберегающего развития (за исключением Удмуртской Республики), полностью или частично раскрыты вопросы формирования территорий опережающего социально-экономического роста.

В стратегиях Челябинской области и Республики Башкортостан уделено внимание развитию экологической культуры населения, также в них раскрыты задачи цифрового развития.

Поддержка производства продукции пятого и шестого технологических укладов с перечислением конкретных типов продукции представлена в Свердловской, Челябинской и Оренбургской областях, Республике Башкортостан.

Только в Челябинской области поставлены задачи работы над регуляторной средой новой экономики, складывающейся в условиях четвертой промышленной революции.

В части показателей промышленного развития Пермский край и Удмуртская Республика, а также во многом Оренбургская область не ставят конкретных значений для достижения, что снижает эффективность региональной регуляторной среды, выполнимость стратегий развития.

В целом регионы с неблагоприятной регуляторной средой демонстрируют в своих стратегиях развития ориентацию на экстрактивный промышленный рост (Удмуртская Республика) и инклюзивную реиндустриализацию (Пермский край, Оренбургская и Курганская области).

Регионы с благоприятной регуляторной средой (Свердловская и Челябинская области, Республика Башкортостан) сосредоточены на процессах новой индустриализации, система их целевых показателей глубоко проработана, раскрывает практические механизмы решения поставленных задач и способствует обеспечению условий для развития и продвижения новых укладов на этих территориях, движению к позитивному аттрактору.

Таким образом, полученные результаты еще раз подтверждают выводы диагностики и распределения субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, по качеству регуляторной среды и прогнозу перспектив их развития. Корректирование траектории развития региона в сторону новой индустриализации и позитивного аттрактора выхода из текущей точки бифуркации путем влияния на региональную регуляторную среду должно начинаться с построе-

ния полноценной стратегии, в соответствии задачами и целевыми индикаторами, структурированными в приложении П.

Совершенствование формальной составляющей регуляторной среды регионов способно обеспечить технологический рывок и экономический рост в среднесрочной перспективе. Для выхода из «колеи» необходима кардинальная трансформация неформальных институтов, а именно надконституционных правил, которая может быть осуществлена через поколение и позволит в долгосрочной перспективе перейти на путь развития нравственной экономики, справедливого общества всеобщего благосостояния.

Заключение

Автором по итогам проведения диссертационного исследования сформулированы следующие выводы, положения и рекомендации по проблемам и перспективам теории и методологии развития региональной регуляторной среды в контексте новой реальности.

1. Уточнены парадигмальные установки исследования региональной регуляторной среды, синтезирующие теории региональной, институциональной, эволюционной и нравственной экономики, включающие, в отличие от неоклассического подхода, теоретические воззрения на значимость влияния институтов и нравственных принципов на социально-экономическое развитие, в соответствии с которыми:

– сформулирован новый концепт «региональная регуляторная среда», под которым понимается синергия системы правовых норм, механизмов поощрения и принуждения, устойчивых ценностей и практик взаимодействия предпринимателей друг с другом, обществом и властью в экономическом пространстве региона, раскрыты его сущностно-содержательные черты;

– обосновано влияние региональной регуляторной среды на социально-экономическое развитие субъекта РФ;

– доказана необходимость формирования в системе теорий региональной экономики научного направления, связанного с раскрытием сущности и принципов трансформации региональной регуляторной среды.

Новая реальность трансформирует влияние факторов развития территории, требуя переосмысления теоретических подходов к обоснованию и выработке новых практических инструментов к управлению социально-экономическим развитием региона.

Предлагаемый концепт «регуляторная среда региона» как синергия формальных и неформальных институциональных условий вступает в конфликт с традиционным неоклассическим методологическим подходом, не позволяя объяснить

взаимосвязи регуляторной среды и процессов трансформаций социума и экономики региона. Решением данного противоречия служит исследование в рамках новой экономической парадигмы, ядро (по И. Лакатосу и М. Блаугу) научной исследовательской программы которой содержит следующие предпосылки:

1) множественность точек равновесия (аттракторов), изменчивость мира и базовых законов (вместо них законы-тенденции с определением границ применимости), представление о непрерывном развитии между аттракторами;

2) эволюционный научный подход: объект развивается под воздействием активной внешней среды путем механизмов изменчивости, наследственности и отбора. Переход общества от аттрактора к аттрактору приводит к смене порядков, вместе с тем ряд институтов как «социальная инварианта» наследуется, приводя к «эффекту колеи»;

3) катализация модернизации и новой индустриализации всей страны регионами – лидерами технологической и институциональной перестройки в соответствии с первым законом географии и концепцией диффузии инноваций;

4) построение модели человека (биосоциальной) на концепции ограниченной рациональности, дополненной поведенческими особенностями и когнитивными механизмами, а также восприятием моральных ценностей как вида востребованного экономическим агентом блага. Развивая данную модель, автор предлагает ряд уточнений:

– расширить понимание «рационального максимизатора богатства» с финансовых выгод до моральных ценностей для индивида, а трактование рациональности дополнить разумным сбережением когнитивно-эмоциональных ресурсов, стремлением к сокращению транзакционных издержек на выполнение общественных правил, интуитивным восприятием правил группы как эволюционно отобранных механизмов выживания сообщества;

– толкование общественного благосостояния дополнить не только качеством жизни, но и удовлетворенностью морально-психологических потребностей, в частности, в равенстве и справедливости;

– соглашаясь с неповторимой индивидуальностью личности, анализировать макропоказатели как суперпозицию индивидуальных состояний с различной статистической вероятностью (синергетический подход). Это соответствует практикологическому подходу к региональному сообществу как активно-деятельному образованию, внутри которого существует устойчивая система практик взаимодействия, создающая эффект для всей группы.

Предложенный автором подход позволит приблизить экономические исследования к реальности, повысит их прогностическую и управленческую ценность и сгладит ряд междисциплинарных противоречий;

5) новое понимание общественного благосостояния, дополненное удовлетворенностью морально-психологических потребностей населения, в том числе в равенстве и справедливости, включение теории нравственной экономики в «защитный пояс» новой научной парадигмы;

6) при анализе региональной регуляторной среды использование не системы синергии, а суперпозиции правовой системы и укорененных деловых практик, которые одновременно дополняют, усиливают или противостоят друг другу;

7) диалектический подход в части исследования проблем диалектической связи технологического и институционального прогресса, правовой формы с обуславливающим ее материальным (экономическим) содержанием, единства и борьба правовой и экономической систем за влияние на общественные отношения;

8) «новая экономическая география» и неинституциональная экономика предлагают новые факторы развития (географические и институциональные);

9) мезоуровень как интегратор индивидуальных и общественных потребностей в конкретно-историческом территориальном контексте выдвигает региональную экономику с ее аналитическим каркасом пространственной неоднородности и диффузии социально-экономических параметров в «защитный пояс» новой научной парадигмы;

10) операционализм в использовании эконометрического инструментария и экспериментальной экономики, способствующих включению теории экономи-

ки и права, поведенческой экономики, естественных экспериментов в институциональной экономике в «защитный пояс» новой научной парадигмы.

Первое упоминание термина «регуляторная среда» в российской научной литературе по экономике датируется 2006 г., на протяжении следующего десятилетия единичные публикации затрагивают данный объект исследования преимущественно на национальном уровне, делая акцент на правовой составляющей среды. Теоретический концепт региональной регуляторной среды не сформулирован в трудах российских экономистов, не осознана ее роль для социально-экономического развития региона.

Диссертантом предложено следующее определение: региональная регуляторная среда – это институциональные условия ведения и развития предпринимательской деятельности в экономическом пространстве региона, выраженные в синергии системы правовых норм, механизмов поощрения и принуждения, а также устойчивых ценностей и практик взаимодействия предпринимателей друг с другом, обществом и властью.

Авторская дефиниция расширяет понимание региональной регуляторной среды в части включения в нее неформальных институтов, синергии взаимодействия ее элементов и учета широкого круга акторов.

Формальные институты задают рамки поведения предпринимателей в экономическом пространстве региона, а неформальные могут сужать или расширять эти рамки, в чем и проявляется эффект синергии. Данный тезис подкреплен в исследовании выявленной структурой формальной и неформальной составляющих региональной регуляторной среды.

Разделяя позицию, что инновации обеспечивают устойчивое экономическое развитие в долгосрочной перспективе, автор обосновывает причину высокой дифференциации и низкой результативности в целом решения задачи инновационного развития субъектов РФ качеством региональной регуляторной среды, поскольку она, устанавливая трансакционные издержки, влияет на процессы производства, распределения и обмена и определяет в конечном итоге эффективность предпринимательской деятельности, использования затрат на НИОКР и инвестиций,

направления технологического развития и структуру экономики. Данный вывод основан в том числе на результатах систематизации механизмов влияния на поведение акторов социально-экономической системы региона и функций формальной и неформальной составляющих региональной регуляторной среды. В диссертации показано, что долгосрочное социально-экономическое развитие региона служит результирующей функцией региональной регуляторной среды, к которой ведут другие задачи.

В рамках мезоэкономического подхода обосновывается ведущая роль в структуре связей общественных групп в пространстве региона органов власти субъекта РФ, которые, коммуницируя со всеми акторами системы, выступают каналом взаимодействия элементов системы друг с другом и проводником федеральной политики на местный уровень.

В исследовании отмечается дихотомия характера региональной регуляторной среды, которая может быть как экстрактивной, так и инклюзивной. Первая способна обеспечить кратковременный экономический рост, но ведет к увеличению социального расслоения общества и социальной напряженности. Вторая способствует длительному стабильному росту, повышению уровня жизни и сокращению бедности в пространстве региона.

В долгосрочной перспективе рыночная экономика в совокупности с демократической формой правления способна обеспечить лучшие показатели социально-экономического развития, вместе с тем в краткосрочной перспективе, особенно в кризисных ситуациях, вмешательство государственной власти необходимо, и зачастую именно государственное регулирование способно обеспечить быстрый выход из кризиса или прорывное развитие. Это заключение основано на обзоре научных дискуссий и аналитических данных мировых экспертов о связи типов политической и экономической систем и показателях социально-экономического развития территории, а также практических примеров развития и преодоления экономических кризисов и последствий пандемии.

2. В рамках предложенной научной парадигмы раскрыта методологическая платформа исследования функционирования региональной регулятор-

ной среды, объединяющая институциональную мезоэкономику, эволюционно-синергетическую и нравственную методологию экономического развития, позволившая:

– сформировать бифуркационную модель трансформации регуляторной среды субъектов РФ в условиях новой реальности, подразумевающую описание, во-первых, совокупности факторов, формирующих точку бифуркации, в числе которых надвигающаяся четвертая промышленная революция, постпандемийные условия, критический уровень социального неравенства и обостренная потребность в устойчивом развитии, во-вторых, новых аттракторов, различимых на основании изменения уровня справедливости, доверия, качества жизни и экономической активности в территориальном сообществе;

– разработать авторскую методику диагностики региональной регуляторной среды, отличающуюся от существующих подходов к оценке институциональных условий и государственного управления узкой направленностью оценки именно на качество регуляторной среды, а не на качество государственного управления (т. е. смещение акцента на анализ условий и ограничений хозяйственной деятельности, детерминирование и стимулирование технологической, новаторской деятельности), оценкой с позиции создания условий для долгосрочного экономического роста территории, а не обеспечения максимальной экономической свободы и минимального государственного вмешательства, региональным аспектом методики;

– предложить эконометрическую модель для анализа способности региональной регуляторной среды обеспечивать социально-экономическое развитие региона.

В рамках новой научной парадигмы сформулированы ключевые методологические предпосылки для исследования региональной регуляторной среды, формирующие методологическую платформу, исходя из которых выбраны соответствующие методические принципы для решения задач диссертационного исследования.

Систематизация факторов функционирования региональной регуляторной среды и анализ тенденций трансформации этих факторов под влиянием новой реальности привели к выводу о приближении территориальных сообществ к точке бифуркации.

На основе эволюционного подхода, предполагающего наследственность, изменчивость и отбор специфических черт систем, в работе описана эволюция региональной регуляторной среды в точке бифуркации. Предложенная в диссертации бифуркационная модель трансформации региональной регуляторной среды под воздействием промышленных революций описывает фактическое движение из точек бифуркации в периоды промышленных революций в России к негативному или позитивному аттрактору, выделяемому на основании скачкообразного изменения уровней благосостояния, справедливости распределения благ и возможностей в обществе, в том числе влияния на принятие управленческих решений.

Изучение международной практики оценки качества государственного управления, неформальных институтов и условий ведения предпринимательской деятельности позволило выявить основные методы и группы показателей качества институтов. На основе этих данных в совокупности с концепцией эффективности права сформулированы параметры и критерии качественной регуляторной среды субъекта РФ. Авторская система показателей опирается на соотношение формальных и неформальных институциональных условий, включает показатели состояния правовой среды (экспертная оценка наличия ключевых элементов, которые оказывают существенное влияние на экономическую деятельность в условиях надвигающейся четвертой промышленной революции) и косвенные показатели неформальной составляющей региональной регуляторной среды.

Научной новизной авторской методики является, во-первых, узкая направленность оценки именно на качество регуляторной среды, а не на качество государственного управления; во-вторых, оценка качества с позиции создания условий для долгосрочного экономического роста территории, а не обеспечения максимальной экономической свободы и минимального государственного вмешательства; в-третьих, региональный аспект методики.

Для проверки гипотезы исследования о статистически значимой зависимости уровня социально-экономического развития от качества регуляторной среды в субъекте РФ предложена эконометрическая модель зависимости уровня развития региона от географических и институциональных факторов.

3. Определены концептуальные основания формирования и развития регуляторной среды отдельных субъектов РФ, включающие социально-экономические, географические, исторические, технологические детерминанты, а также изменение степени их влияния в контексте новой реальности; сформулированы научные подходы к обеспечению учета особенностей регионального развития в содержании регуляторной среды субъектов РФ, заключающиеся в формировании актуального правового поля, среды доверия и корректировке территориального планирования для эффективного функционирования цифровой экономики, детерминации коридоров технологического развития региона, создании каналов перетока инноваций для сглаживания усиливающегося межтерриториального технологического неравенства.

Обзор экономических исследований показал, что факторы, определяющие функционирование, трансформацию региональной регуляторной среды, являются малоизученными. В то же время региональная регуляторная среда обусловлена географическим и историческим контекстом, что определяет актуальность исследования региональных аспектов ее формирования и функционирования.

Автором систематизированы региональные детерминанты развития для формальной и неформальной составляющих региональной регуляторной среды, прослежена их трансформация и ключевые тенденции изменений общественных отношений под воздействием новой реальности, а также предложены варианты ответов на возникающие вызовы. В частности, отмечено, как цифровые технологии уменьшают фактор физического расстояния в производственных и общественных отношениях, меняя географию размещения производства и расселения, усиливая урбанизацию (города растут вверх физически и вглубь виртуального пространства, беднеют и исчезают сельские территории и моногорода, основан-

ные вокруг промышленных производств, базирующихся на устаревших и более не конкурентоспособных факторах производства). Органы власти могут решать проблему большой протяженности и неоднородности физического пространства страны и регионов, сложности поддержания связности за счет дорожного сообщения путем цифровизации регуляторной среды, в том числе осуществления контроля и предоставления государственных услуг онлайн. Исключение человека из ряда производственных и экономических отношений требует формирования новых институтов, среди которых уже укоренились совместное потребление (долевая экономика) и платформа.

Уровень технологического развития субъектов РФ сильно различается; более того, сильная дифференциация может быть даже внутри региона. Приход четвертой промышленной революции приводит к усилению неравенства между территориями, что подтверждает модель волн нововведений Т. Хагерстранда, когда в рамках первой волны появляются центры инноваций и контраст между источниками нововведений и иными территориями усиливается.

Анализ различных социологических исследований институционального доверия позволил установить, что в России одинаково низкий уровень доверия и к бизнесу, особенно крупному, и к правительству (при этом к региональным органам власти уровень доверия ниже, чем к федеральным, а к органам местного самоуправления – самый низкий).

Проведенное автором социологическое исследование уровня доверия в системе региональные власти (контролеры и регуляторы) – предприниматели-потребители на региональном уровне на базе Свердловской области выявило незначительное превышение доверия в данном регионе со стороны населения к предпринимателям региона в сравнении со среднероссийскими значениями и существенное превышение уровня доверия со стороны бизнес-сообщества к контролерам по сравнению с регуляторами. Это позволяет прогнозировать низкую восприимчивость делового сообщества к новым правовым нормам.

Решение социально-экономических задач территории должно быть приспособлено под региональные особенности. Моделирование качественной регио-

нальной регуляторной среды может позволить обеспечить эффективность процессов производства и распределения, если будут учитываться общие закономерности регионального развития, локальные особенности и текущие тренды, вызванные, в частности, четвертой промышленной революцией.

В исследовании систематизированы региональные аспекты социально-экономического развития региона и предложены подходы к их учету при формировании и целенаправленной трансформации региональной регуляторной среды в рамках имеющихся полномочий региональных органов власти. Региональные аспекты систематизированы по двум группам: традиционные и современные, характерные для России в XXI веке, обусловленные во многом влиянием четвертой промышленной революции.

Среди выявленных аспектов наиболее дискуссионным в научном сообществе является вопрос относительно тенденции к выравниванию или усилению неравенства регионов. Автор полагает, что тенденция к региональному выравниванию характерна для длительно структурно устойчивой национальной экономики, а усиленная дифференциация происходит под воздействием технологических революций и перехода к турбулентной экономике. Таким образом, в условиях надвигающейся четвертой промышленной революции автор прогнозирует усиление регионального неравенства в ближайшее десятилетие, в том числе и в качестве региональной регуляторной среды.

Социологическое исследование готовности студентов вести собственный бизнес, проведенное автором на базе Уральского государственного экономического университета – одного из ключевых экономических вузов Свердловской области, подтвердило перспективность вовлечения выпускников университетов в предпринимательскую деятельность. Выявлен потенциал предпринимательской активности среди выпускников вуза в сферах пятого технологического уклада. Падение готовности открыть собственный бизнес среди студентов отмечается по направлениям туризма (что обусловлено постпандемийным кризисом отрасли) и сферам шестого технологического уклада, в том числе биотехнологии (объясняется переходом данных технологий с этапа «пик ожиданий» на этап «разочарова-

ния» в соответствии с кривой развития технологий по Гартнеру). Исследование подтвердило гипотезу автора о высоком уровне социальной ответственности современных молодых предпринимателей. С учетом результатов опроса сформулированы направления совершенствования образовательного процесса с целью содействия молодым бизнесменам.

4. Разработан авторский методический подход к диагностике состояния региональной регуляторной среды, интегрировавший институционально-мезоэкономический, эволюционно-синергетический и нравственно-экономический подходы, позволивший:

– выявить ключевую институциональную инварианту, ведущую к «эффекту колеи» в субъектах РФ, локализованных в пространстве Уральского макрорегиона, – государствоцентрированный «вертикальный» общественный договор, определяющий перечень сопутствующих системных дисфункций, среди которых экстрактивный характер управления, высокий уровень коррумпированности, ограниченность органов власти субъектов РФ в определении приоритетов развития территории и реализации регионального потенциала, низкий уровень правовой защиты бизнеса в целом и гарантий защиты интеллектуальной собственности, несбалансированность интересов развития и безопасности, низкая адаптивность правовой среды к «ускорению» ускорения технического прогресса, реактивность региональной регуляторной среды;

– составить профили состояния региональной регуляторной среды субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, и распределить их по группам «стимулирующая» и «вязкая» среда;

– доказать статистическую обусловленность уровня социально-экономического развития субъектов РФ комплексом сохраняющегося воздействия ресурсной зависимости, усиливающегося влияния институциональных факторов при одновременно уменьшающейся значимости транспортно-географического положения в условиях новой реальности.

Субъекты РФ, расположенные в пространстве Уральского макрорегиона, относятся к регионам традиционно-промышленного типа с индустриальным «генетическим кодом». Несмотря на высокую историческую, географическую и экономическую связность изучаемых территорий, наблюдается достаточно высокая гетерогенность пространства Уральского макрорегиона по социальным и экономическим параметрам. В частности, в диссертации выявлена высокая неоднородность уровня цифрового развития в пространственном и структурном разрезе. Имеющиеся диспропорции позволяют использовать синергетический эффект от усиления цифровизации отдельных подсистем.

Проведенная на основе авторской методики диагностика с составлением профилей регуляторной среды уральских регионов позволила получить следующие выводы.

1. Субъекты РФ, расположенные в пространстве Уральского макрорегиона, существенно дифференцированы по качеству формальной части регуляторной среды, которая в большей степени является результатом деятельности региональных органов власти. Неформальный компонент различается по качеству в меньшей степени, что обусловлено исторической и пространственной связностью, высоким уровнем хозяйственного и культурного взаимодействия, что приводит к перетоку неформальных институтов и сглаживанию ценностей и практик между территориальными сообществами.

2. Качество оценки регулирующего воздействия в субъектах РФ сильно различается преимущественно в силу различия неформальных институтов, связанных с устоявшимися практиками взаимодействия власти с гражданским сообществом в целом и предпринимателями.

3. Базовые нормативные правовые акты приняты во всех субъектах РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, в большинстве случаев во исполнение поручений федерального уровня. Большинство стратегий развития регионов ориентированы на общий характер поддержки инновационной деятельности.

4. Характер технологического развития в региональных документах можно описать как слабодетерминированный. Выделение приоритетных технологий с учетом специфики региона с ориентацией на технологии пятого и шестого технологических укладов вызывает трудности во всех изученных субъектах РФ. В Стратегии социально-экономического развития Курганской области указывается преимущественно на развитие базовых отраслей.

5. Включение технологического, инновационного развития в качестве приоритета социально-экономического развития территории, углубленная проработка соответствующего направления характерна для Свердловской и Челябинской областей, Республики Башкортостан. По совокупности параметров данные субъекты РФ отнесены к группе регионов с благоприятной регуляторной средой, которая стимулирует инновационную, предпринимательскую деятельность в пространстве региона, направляет экономическую деятельность в едином русле, нацеленном на технологический прогресс и рост благосостояния общества.

6. Пермский край, Удмуртская Республика, Оренбургская и Курганская области отнесены к группе регионов с неблагоприятной (вязкой) регуляторной средой, которая тормозит технологическое, социально-экономическое развитие территории, отличается фрагментарностью, турбулентностью, не способствует технологическому прогрессу, развитию предпринимательской и инновационной деятельности и долгосрочному экономическому росту территории.

На субъекты РФ, расположенные в пространстве Уральского макрорегиона, распространяются дисфункции региональной регуляторной среды и наследуемые институциональные инварианты, характерные для всех регионов страны, которые приводят к «эффекту колеи». Среди них ключевое место занимает государствоцентрированный «вертикальный» общественный договор, определяющий перечень сопутствующих дисфункций: экстрактивный характер управления, высокий уровень коррумпированности, ограниченность органов власти субъектов РФ в определении приоритетов развития территории и реализации регионального потенциала, низкий уровень правовой защиты бизнеса в целом и гарантий защиты интеллектуальной собственности, несбалансированность интересов развития и безопас-

ности, низкая адаптивность правовой среды к «ускорению» ускорения технического прогресса, реактивность региональной регуляторной среды.

Автором проведен эконометрический анализ корреляции уровня цифровизации субъектов РФ с параметрами, отражающими финансовое благополучие населения с учетом принципов справедливости. Выявлена умеренная положительная корреляция между уровнем цифровизации и средней заработной платой в регионе. Таким образом, ориентация на цифровую экономику в среднесрочной перспективе способна увеличить благосостояние региона.

Не выявлено связи между изменением коэффициента Джини в регионах и уровнем цифровизации субъекта РФ. Можно предположить, что темпы адаптации предложения труда, в том числе по формированию необходимых цифровой экономике компетенций, адекватны процессам цифровизации производственных технологий и экономических отношений в регионах России.

Обнаружена корреляция между уровнем цифровизации в 2018 г. и коэффициентом Джини, причем связь с коэффициентом в 2010 г. сильнее, чем в 2019 г. Учитывая также однонаправленность течения времени, автор утверждает, что социальное неравенство способствует цифровому неравенству территорий.

Оценка авторской эконометрической модели зависимости уровня ВРП от географических и институциональных факторов развития для субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, привела к следующим результатам.

Статистически значимыми (на уровне значимости 10 %) для ВРП региона на душу населения являются ресурсные факторы (объем добычи полезных ископаемых и площадь сельскохозяйственных угодий), наибольшей статистической значимостью обладает качество правовой среды (уровень значимости 5 %). Модель обладает сильной корреляцией ($R = 0,85$).

Неформальная институциональная среда оказалась статистически незначимой в пределах анализируемой базы. Можно предположить, что на большей выборке по числу субъектов РФ, существенно различающихся неформальными институтами, данный фактор в долгосрочной перспективе может играть весомую

роль. Эта гипотеза требует дополнительной фальсификации. Подтверждена гипотеза потери значимости транспортно-географического положения для регионального развития.

В четырех регионах с неблагоприятной регуляторной средой сохраняется в целом сырьевая ориентация и экстрактивный характер экономики. В данном явлении наблюдаем наследственность, «эффект колеи» в части негативного влияния ориентации на экстенсивное производство, культивируемой на протяжении длительного времени, на темпы индустриального развития. Мировой кризис и падение цен на энергоресурсы создают угрозы дальнейшему развитию этих регионов за счет экстенсивных факторов.

В регионах с благоприятной регуляторной средой происходят процессы адаптации, изменчивости системы, смещения на инклюзивный путь развития. В указанных субъектах РФ благодаря сформированной благоприятной региональной регуляторной среде для развития обрабатывающих отраслей и инновационной экономики удалось обеспечить высокий уровень экономического развития при низком уровне добычи полезных ископаемых. В долгосрочной перспективе эти регионы с высокой вероятностью продемонстрируют более устойчивое развитие и станут полюсами роста для всей страны.

5. На основе предложенной методологической платформы исследования региональной регуляторной среды:

– обоснованы методические подходы и предложена технология построения траекторий ее развития с учетом новой реальности;

– проанализирована склонность регуляторной среды субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, к выявленным дихотомическим аттракторам: негативному, связанному с ухудшением регуляторной среды, сопровождающимся спадом экономической активности, качества жизни, уровней доверия и справедливости, и позитивному, характеризующемуся улучшением регуляторной среды, сопровождающимся ростом уровней доверия, справедливости, равенства возможностей, положительных

ожиданий и экономической активности, и выявлена траектория их движения к негативному аттрактору;

– выявлены на основе декомпозиции задач и целевых показателей промышленного развития регионов три типа промышленной политики в субъектах РФ: экстрактивный промышленный рост, инклюзивная реиндустриализация и новая индустриализация;

– систематизированы принципы, методы, механизмы и инструменты управления региональной регуляторной средой, позволившие предложить корректирующие меры для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, отличающиеся от традиционных подходов ориентацией на новую индустриализацию и формирование нравственной экономики в субъектах РФ.

В диссертации в рамках авторской бифуркационной модели трансформации региональной регуляторной среды представлены образы аттракторов в точке бифуркации, сформированной под воздействием новой реальности. Ключевыми особенностями крайних аттракторов, к которым может прийти общество, служат: для позитивного аттрактора – ноономика, нравственная экономика, экономика религии, экономика технократии; для негативного аттрактора – общество контроля и манипулирования на основе больших данных и цифровых технологий.

В работе представлена схема изменения в точке бифуркации объема региональной регуляторной среды и трансакционных издержек предпринимательской деятельности, описывающая их «пульсацию» в сторону увеличения вследствие наложения новых и старых правил и практик поведения, инертности укоренения в социуме неформальных институтов и принятия управленческих решений руководящими органами. После периода адаптации и естественного отбора происходит обратное сокращение объема, выраженное в отсеивании устаревших, неадекватных технологиям и потребностям общества, противоречащих друг другу норм, а также сокращение трансакционных издержек в силу происходящего сужения региональной регуляторной среды и новых технологий коммуникации, появившихся в рамках промышленной революции.

Затяжной экономический кризис, пандемия, экономико-политические войны, увеличение нестабильности социально-экономических процессов на пороге второй четверти XXI века подталкивают общественные системы к выходу из точки бифуркации. В исследовании проанализированы аспекты, способствующие выходу территориальных сообществ к негативному и позитивному аттрактору, а также управляемые факторы, воздействие на которые со стороны органов власти может обеспечить смещение в заданном направлении.

Анализ реализации выявленных факторов в пространстве Уральского макрорегиона показал следующее:

– сохраняется «вертикальный» общественный договор, в связи с чем органы региональной власти не ориентированы на собственные усилия, а экономические кризисы и пандемия коронавируса усиливают зависимость субъектов РФ от помощи федерального центра;

– укоренившиеся неформальные институты и низкий уровень институционального доверия в обществе препятствуют проведению реформ, у граждан отсутствуют долгосрочные общественные цели прогресса;

– управляемым фактором объема трансакционных издержек органам власти не удалось воспользоваться в полной мере. Были приняты существенные усилия по переводу государственных и муниципальных услуг в электронный вид, организации удаленного взаимодействия с органами власти. На Урале высокий уровень гражданской активности, использования электронных средств взаимодействия с властью, но сохраняется невысокая степень кооперации региональных властей с предпринимательским сообществом;

– другим управляемым фактором является направление применения органами власти цифровых технологий и доступа к огромному массиву данных граждан и организаций. С одной стороны, возможность осуществлять контроль за экономическими агентами и принимать управленческие решения на основе цифровых технологий позволяет повысить безопасность общества и государства. С другой стороны, установление чрезмерно жестких критериев недобросовестного поведения в формальных институтах ведет к ограничению свободы личности и дви-

жению к негативному аттрактору. Проанализировано отношение региональных властей к этому вопросу на примере решений, принимаемых в период пандемии COVID-19. В целом субъекты РФ, расположенные в пространстве Уральского макрорегиона, проводили более мягкую ограничительную политику по сравнению с иными субъектами РФ.

По результатам анализа автор приходит к выводу, что исследуемые регионы находятся на траектории движения к негативному аттрактору. Наилучшие позиции занимает Свердловская область, однако вызывает сомнение способность отдельного региона стать источником институциональной трансформации всей страны. Можно прогнозировать, что регион сохранит конкурентные позиции относительно субъектов РФ, однако негативные институциональные инварианты и воздействие соседних территорий и национальных тенденций не позволят ему перейти к позитивному аттрактору.

В работе обобщены механизмы изменения, методы управления и принципы реформирования региональной регуляторной среды. Предложено дополнить социально-экономическую оценку воздействия нормативных правовых актов технологической оценкой, направления которой раскрыты в диссертации.

Сформированная теоретико-методологическая база управления объектом исследования позволила выработать корректирующие меры для развития регуляторной среды субъектов РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, с целью выхода из «колеи развития», обеспечения новой индустриализации, повышения благосостояния жителей регионов, смещения развития региональных систем в сторону позитивного аттрактора. Предложенные меры направлены на воспитание новых ценностей, формирование новых компетенций у населения и государственных гражданских служащих, построение практики взаимодействия органов власти и предпринимательского сообщества на принципах сотрудничества и презумпции добросовестности, детерминацию технологического развития в правовых документах.

Для обеспечения последней меры автором структурированы комплексы задач и целевых показателей регионального развития, обеспечивающие процессы

экстрактивного промышленного развития, инклюзивной реиндустриализации и новой индустриализации. Проанализированы выбранные в субъектах РФ, расположенных в пространстве Уральского макрорегиона, направления промышленного развития и обосновано корректирование набора целевых показателей с целью смещения траектории развития в сторону активной новой индустриализации.

Совершенствование формальной составляющей региональной регуляторной среды способно обеспечить технологический рывок и экономический рост в среднесрочной перспективе. Проактивный подход особенно важен для традиционно-промышленных регионов, для которых удержание высоких темпов экономического роста в период смены технологических укладов в условиях неэффективной и экстрактивной институциональной среды исключительно рыночными механизмами маловероятно. Для выхода из «колеи» необходима кардинальная трансформация неформальных институтов, а именно надконституционных правил, которая может быть осуществлена через поколение и позволит в долгосрочной перспективе перейти на путь развития нравственной экономики, справедливого общества всеобщего благосостояния.

Список сокращений и условных обозначений

АНО – автономная некоммерческая организация.

Минэкономразвития России – Министерство экономического развития Российской Федерации.

МСП – малое и среднее предпринимательство.

НПА – нормативные правовые акты.

ОПК – оборонно-промышленный комплекс.

ОРВ – оценка регулирующего воздействия.

РАН – Российская академия наук.

РИНЦ – Российский индекс научного цитирования.

РФ – Российская Федерация.

ТОСЭР – территория опережающего социально-экономического развития.

Список литературы

1. Абалкин, Л. И. Эволюционная экономика в системе переосмысления базовых основ обществоведения / Л. И. Абалкин // Эволюционная теория и «мэйнстрим»: доклады и выступления участников международного симпозиума (г. Пушкино, 29 мая – 1 июня 1998 г.). – Москва : Наука, 2000. – С. 7–14.

2. Абдурахимов, Ю. В. Выбор отраслевых приоритетов перехода старопромышленных регионов Урала и Западной Сибири к экономике неоиндустриального типа: на примере Челябинской области (часть 2) / Ю. В. Абдурахимов, О. П. Иванов. – DOI 10.22394/1996-0522-2020-1-44-58 // Социум и власть. – 2020. – № 1 (81). – С. 44–58.

3. Авдийский, В. И. Экономический анализ права / В. И. Авдийский // Вестник Финансового университета. – 2012. – № 2. – С. 101–107.

4. Автономов, В. С. Модель человека в экономической науке / В. С. Автономов. – Санкт-Петербург : Экономическая школа, 1998. – 229 с. – ISBN 5-900428-33-8.

5. Аганбегян, А. Г. Социально-экономическое развитие России / А. Г. Аганбегян. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Дело, 2004. – 272 с. – ISBN 5-7749-0337-0.

6. Аджемоглу, Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты / Д. Аджемоглу, Дж. А. Робинсон. – Москва : АСТ, 2015. – 770 с. – ISBN 978-5-17-092736-4.

7. Айзард, У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах / У. Айзард. – Москва : Прогресс, 1966. – 659 с.

8. Акбердина, В. В. Методологические аспекты цифровой трансформации промышленности / В. В. Акбердина, С. Г. Пьянкова. – DOI 10.38197/2072-2060-2021-227-1-292-313 // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2021. – Т. 227, № 1. – С. 292–313.

9. Алексеев, С. С. Гражданское право в современную эпоху / С. С. Алексеев. – Москва : Юрайт, 1999. – 40 с. – ISBN 5-85294-082-8.

10. Алексей Чадаев – наблюдения, замечания и предложения. – URL: <http://chadayev.ru> (дата обращения: 09.12.2018).

11. Алешкова, И. А. Развитие местного самоуправления в условиях новой цифровой реальности / И. А. Алешкова, О. Х. Молокаева. – DOI 10.18572/2072-4314-2021-3-3-6 // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2021. – № 3. – С. 3–6.

12. Анализ существующих юридико-технических и лингвистических подходов к разработке проектов законодательных актов, выработка предложений по их корректировке: результаты исследования. – Москва : Высшая школа экономики, 2020. – 23 с.

13. Ананьев, А. Н. Информационная безопасность как тренд трансформации бизнеса : презентация в рамках Национального форума информационной безопасности / А. Н. Ананьев. – URL: <https://yadi.sk/d/8ELg176M3SDAFN> (дата обращения: 22.20.2018).

14. Анимица, Е. Г. Городская политика: теория, методология, практика : монография / Е. Г. Анимица, Н. Ю. Власова, Я. П. Силин. – Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2004. – 306 с.

15. Анимица, Е. Г. Средний Урал на пути новой индустриализации / Е. Г. Анимица, Я. П. Силин. – DOI 10.17059/2013-3-5 // Экономика региона. – 2013. – № 3 (35). – С. 71–81.

16. Анимица, Е. Г. Экономическое пространство России: проблемы и перспективы / Е. Г. Анимица, Н. М. Сурнина // Экономика региона. – 2006. – № 3. – С. 34–46.

17. Анохина, Л. В. Перспективные направления формирования регуляторной среды цифровой экономики России / Л. В. Анохина. – DOI 10.24411/2411-0450-2019-10355 // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 2. – С. 5–7.

18. Антонов, В. И. Ли Куан Ю – отец «сингапурского чуда» / В. И. Антонов // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2009. – № 2. – С. 62–76.

19. Антонюк, В. С. Закономерности пространственного развития производительных сил Российской Федерации в современных условиях / В. С. Антонюк, Е. Л. Корниенко, Э. Р. Вансович. – DOI 10.31063/2073-6517/2020.17-2.6 // Журнал экономической теории. – 2020. – Т. 17, № 2. – С. 314–327.

20. Ариэли, Д. Предсказуемая иррациональность: скрытые силы, определяющие наши решения / Д. Ариэли. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2010. – 335 с. – ISBN 978-5-91657-086-1.

21. Артемова, О. В. Влияние глобальных и региональных трендов на социально-экономическое развитие и уровень жизни населения региона / О. В. Артемова, И. Ю. Нестеренко, А. Н. Савченко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 2 (436). – С. 66–76.

22. Артемова, О. В. Гармонизация пространства промышленного города: социальные ориентиры / О. В. Артемова, Н. М. Логачева, А. Н. Савченко. – DOI 10.17059/ekon.reg.2021-2-13 // Экономика региона. – 2021. – Т. 17, № 2. – С. 538–551.

23. Артемова, О. В. Основные тренды регионального развития: коридор возможностей / О. В. Артемова, А. Н. Савченко. – DOI 10.14529/em190301 // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2019. – Т. 13, № 3. – С. 5–13.

24. Артемова, О. В. Оценка технологических возможностей регионов для развития человеческого потенциала (на примере субъектов Уральского и Сибирского федеральных округов) / О. В. Артемова, Н. М. Логачева, А. Н. Савченко. – DOI 10.22394/1996-0522-2020-4-30-46 // Социум и власть. – 2020. – № 4 (84). – С. 30–46.

25. Атлас международных отношений: пространственный анализ индикаторов мирового развития / И. Ю. Окунев, С. Л. Баринов, А. А. Беликов [и др.]. – Москва : Аспект Пресс, 2020. – 447 с. – ISBN 978-5-7567-1083-0.

26. Аузан, А. А. Доверие как фактор и инструмент социально-экономического развития: доклад / А. А. Аузан. – URL: http://www.rabe.ru/upload/files/20_02_2021/Презентация%20Аузана%20-%20ДОВЕРИЕ.pdf (дата обращения: 18.03.2021).

27. Аузан, А. А. Общественный договор и гражданское общество / А. А. Аузан // Мир России. Социология. Этнология. – 2005. – Т. 14, № 3. – С. 3–18.

28. Аузан, А. А. Социокультурная экономика / А. А. Аузан // Наука и инновации. – 2017. – № 2 (168). – С. 4–10.

29. Бабкин, А. В. Анализ развития и регулирования криптовалют: зарубежный и российский опыт / А. В. Бабкин, Д. Д. Буркальцев, О. А. Гук, А. С. Тюлин. – DOI 10.18184/2079-4665.2017.8.4.554-565 // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2017. – Т. 8, № 4 (32). – С. 554–565.

30. Бабкин, А. В. Институционализация системы регулирования криптовалют в цифровой экономике / А. В. Бабкин, Д. Д. Буркальцев, О. А. Гук [и др.]. – DOI 10.18720/IEP/2017.6 // Тенденции развития экономики и промышленности в условиях цифровизации / под ред. А. В. Бабкина. – Санкт-Петербург : С.-Петербург. политехн. ун-т Петра Великого, 2017. – С. 9–67.

31. Базуева, Е. В. Эконометрическая оценка влияния социальных индикаторов на динамику регионального экономического роста (на примере субъектов Приволжского федерального округа) / Е. В. Базуева, М. В. Радионова. – DOI 10.15838/esc.2020.2.68.4 // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 56–70.

32. Байков, Н. М. Особенности функционирования местных сообществ городских и сельских поселений в социологическом измерении / Н. М. Байков, Л. Г. Невеличко // Власть и управление на Востоке России. – 2011. – № 3 (56). – С. 106–113.

33. Баржаев, Р. Р. Перспективы развития исламского банкинга в странах СНГ / Р. Р. Баржаев. – DOI 10.34925/EIP.2020.119.6.013 // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 6 (119). – С. 82–86.

34. Бартов, О. Б. Мезоуровневая модель влияния информационно-коммуникационных ресурсов на экономическое развитие российских регионов / О. Б. Бартов, Е. А. Третьякова. – DOI 10.17059/ekon.reg.2021-2-4 // Экономика региона. – 2021. – Т. 17, № 2. – С. 402–417.

35. Бархатов, В. И. Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» / В. И. Бархатов, Д. А. Плетнев, Ю. Ш. Капкаев. – DOI 10.22394/1996-0522-2019-5-65-83 // Социум и власть. – 2019. – № 5 (79). – С. 65–83.

36. Белановский, С. А. Изучение динамики общественных настроений в свете «майского» указа Президента от 2018 г. : презентация результатов исследования / С. А. Белановский // Личный сайт Сергея Белановского. – URL: <http://sbelan.ru/Research-Presentations/Izuchenie-dinamiki-obshhestvennyh-nastroenii-v-svete-maiskogo-Ukaza-Prezidenta-ot-2018-g.pdf> (дата обращения: 24.06.2019).

37. Белоус, А. П. Состояние, тренды и ориентиры развития рынка проектного финансирования / А. П. Белоус, С. Ю. Ляльков // Банковское дело. – 2019. – № 11. – С. 35–39.

38. Белянин, А. В. Экспериментальные методы исследования коррупции в экономических и социологических науках / А. В. Белянин, Н. В. Бобкова, Х. Эгберт, Л. Я. Косалс // Экономическая социология. – 2014. – Т. 15, № 1. – С. 61–88.

39. Бём, Ф. Наша задача (Ордо-манифест) / Ф. Бём, В. Ойкен, Г. Гроссман-Дёрт // Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России / под ред. Р. М. Нуреева [и др.]. – Москва : ГУ ВШЭ, 2007. – С. 22–31.

40. Бенц, Д. С. Промышленный рост регионов Урала в условиях новой экологической реальности / Д. С. Бенц. – DOI 10.47475/1994-2796-2021-10313 // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – № 3 (449). – С. 115–125.

41. Бессмертная, М. М. Развитие цифровой экономики в Российской Федерации. Университет как агент глобальной цифровизации общества : монография / М. М. Бессмертная, Е. С. Воронина, М. В. Начевский. – Москва : Государственный университет управления, 2019. – 84 с. – ISBN 978-5-215-03186-5.

42. Бехтель, М. Будущее труда. Размышления, взгляды, перспективы / М. Бехтель. – Москва : Ин-т им. Гете, 2000. – 267 с.

43. Бизнес и власть в России: регуляторная среда и правоприменительная практика : монография / А. Н. Шохин, М. Ф. Баширов, С. Р. Борисов [и др.]; под общ. ред. А. Н. Шохина. – Москва : Высшая школа экономики, 2017. – 384 с. – ISBN 978-5-7598-1565-5.

44. Блауг, М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / М. Блауг ; пер. с англ. Ю. В. Автономова ; под ред. В. С. Автономова. – 2-е изд. – Москва : Журнал «Вопросы экономики», 2004. – 416 с. – ISBN 5-901389-04-2.

45. Бодрунов, С. Д. Государство и технологическая революция: политэкономический взгляд / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 3 (61). – С. 11–14.

46. Бодрунов, С. Д. Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2016. – № 2 (48). – С. 5–14.

47. Бодрунов, С. Д. Ноономика : монография / С. Д. Бодрунов. – Москва–Санкт-Петербург–Лондон : Культурная революция, 2018. – 432 с. – ISBN 978-5-6040343-1-6.

48. Бодрунов, С. Д. Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития / С. Д. Бодрунов. – DOI 10.29141/2073-1019-2019-20-1-1 // Journal of new economy. – 2019. – Т. 20, № 1. – С. 5–12.

49. Бодрунов, С. Д. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски / С. Д. Бодрунов, Р. С. Гринберг, Д. Е. Сорокин // Экономическое возрождение России. – 2013. – № 1. – С. 19–49.

50. Болеславович, С. Ю. Интеллектуальная система поддержки принятия решений в процессе информационного противоборства в виртуальных социальных сетях : презентация доклада в рамках Национального форума информационной безопасности / С. Ю. Болеславович. – URL: <https://yadi.sk/d/7giy7g193SAjSF> (дата обращения: 22.02.2018).

51. Бородин, А. И. Сравнительный анализ показателей экономического и социального развития регионов / А. И. Бородин, А. С. Ченцов // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2015. – Т. 25, № 2. – С. 25–31.

52. Бочкарев, А. М. Формирование факторов внешней макросреды сельскохозяйственных предприятий / А. М. Бочкарев // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2018. – № 8. – С. 35–40.

53. Бочко, В. С. Методология формирования образа будущего при разработке стратегии развития территории / В. С. Бочко, Е. А. Захарчук. – DOI 10.31063/2073-6517/2019.16-4.7 // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16, № 4. – С. 688–704.

54. Бочко, В. С. Экономическая самостоятельность регионов в условиях новой реальности / В. С. Бочко. – DOI 10.17059/2016-2-2 // Экономика региона. – 2016. – Т. 12, № 2. – С. 342–358.

55. Буевский, В. В. Влияние регуляторной среды на производительность труда в компаниях железнодорожного транспорта / В. В. Буевский // Повышение производительности труда на транспорте – источник развития и конкурентоспособности национальной экономики : тр. IV Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 17 апреля 2019 г.). – Москва : РУТ (МИИТ), 2019. – С. 18–20.

56. Булгаков, С. Н. Философия хозяйства / С. Н. Булгаков ; отв. ред. О. Платонов. – Москва : Ин-т рус. цивилизации, 2009. – 464 с.

57. Бурганов, Р. А. Экономика и право: вместе или отдельно? / Р. А. Бурганов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2009. – № 2. – С. 5–11.

58. Буторина, О. В. Методический инструментарий анализа технологического цикла на уровне региональных экономических систем / О. В. Буторина, Е. А. Третьякова, Ю. В. Карпович. – DOI 10.15826/vestnik.2019.18.2.013 // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 249–267.

59. Бухвальд, Е. М. Конституционные изменения и новый этап развития российского федерализма / Е. М. Бухвальд. – DOI 10.21686/2073-1051-2021-1-44-61 // Федерализм. – 2021. – Т. 26, № 1 (101). – С. 44–61.

60. Вайпан, В. А. Теория справедливости: право и экономика / В. А. Вайпан. – Москва : Юстицинформ, 2017. – 280 с. – ISBN 978-5-7205-1424-2.
61. Вахтина, М. А. Институциональные основания справедливой рыночной экономики / М. А. Вахтина. – Самара : Изд-во СамНЦ РАН, 2013. – 255 с. – ISBN 978-5-93424-685-4.
62. Вебер, А. О теории размещении промышленности: чистая теория штандорта / А. О. Вебер / пер. с нем. Н. Морозов под ред. Н. Баранского. – Ленинград–Москва : Книга, 1926. – 223 с.
63. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / М. Вебер ; пер. с нем. под ред. Л. Г. Ионина. – Москва : Высшая школа экономики, 2016. – Т. 1: Социология. – 448 с. – ISBN 978-5-7598-1513-6.
64. Веретенников, Н. П. Практические аспекты методики оценки инвестиционного климата муниципального образования как фактора стимулирования предпринимательской деятельности / Н. П. Веретенников, К. Г. Янковская, Н. Д. Бочкарева // Дискурс. – 2018. – № 4. – С. 78–91.
65. Ветошкин, А. П. Духовно-нравственная экономика / А. П. Ветошкин, Н. А. Каратеева, А. М. Миняйло. – Екатеринбург : УрГУ, 2008. – 702 с.
66. Воробьев, Ю. Ф. Общественная среда предпринимательской деятельности в современной России / Ю. Ф. Воробьев // Экономическая история. – 2010. – № 1. – С. 37–45.
67. Воронов, А. А. Имитационные модели конкуренции и факторы конкурентоспособности промышленных предприятий / А. А. Воронов, Н. А. Овчаренко, Г. В. Москаленко // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 4-1 (45). – С. 641–649.
68. Габдулхакова, О. И. Экологическая экспертиза проектов и оценка воздействия на окружающую среду / О. И. Габдулхакова, Э. М. Ахметшин, В. Л. Васильев, Ю. И. Хорошилова // Экономика и менеджмент систем управления. – 2018. – № 1 (27). – С. 18–25.

69. Гаджиев, Г. А. Экономическая эффективность, правовая этика и доверие к государству / Г. А. Гаджиев // Журнал российского права. – 2012. – № 1 (181). – С. 10–21.

70. Гаджиев, Ю. А. Зарубежные теории регионального экономического роста и развития / Ю. А. Гаджиев // Экономика региона. – 2009. – № 2 (18). – С. 45–62.

71. Гайдар, Е. Т. Государство и эволюция. Дни поражений и побед : в 2 т. / Е. Т. Гайдар. – Москва : Евразия, 1997. – Т. 1. – 169 с. – ISBN 5-88268-021-2.

72. Гелих, О. Я. Предпринимательство как социальный феномен / О. Я. Гелих // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2003. – Т. 3, № 5. – С. 217–230.

73. Глазьев, С. Ю. Великая цифровая экономика: вызовы и перспективы для экономики XXI века / С. Ю. Глазьев // Официальный сайт С. Ю. Глазьева. – URL: <https://glazev.ru/articles/6-jekonomika/54923-velikaja-tsifrovaja-revoljutsija-vyzovy-i-perspektivy-dlja-jekonomiki-i-veka> (дата обращения 18.09.2017).

74. Глазьев, С. Ю. Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике : науч. докл. / С. Ю. Глазьев. – Москва : ГУУ, 2008. – 91 с.

75. Глазьев, С. Ю. Институциональные проблемы устойчивого социально-экономического развития: парадигма формирования научно-образовательных и инновационных структур / С. Ю. Глазьев, Е. А. Наумов, А. А. Понукалин // Социологические науки. – 2014. – № 3 (03). – С. 100–113.

76. Глазьев, С. Ю. Какая идеология поднимет Россию? / С. Ю. Глазьев // Завтра. – URL: https://zavtra.ru/blogs/kakaya_ideologiya_podnimet_rossiyu (дата обращения 24.01.2018).

77. Глазьев, С. Ю. О новой парадигме в экономической науке / С. Ю. Глазьев // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 56. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/56_2016glazjev.htm (дата обращения 24.01.2018).

78. Глазьев, С. Ю. Россия: главные аспекты мобилизационного проекта / С. Ю. Глазьев ; Изборский клуб. – URL: <https://izborsk-club.ru/15286> (дата обращения 24.01.2018).

79. Глазьев, С. Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах / С. Ю. Глазьев. – Москва : Книжный мир, 2018. – 768 с. – ISBN 978-5-6041071-1-9.

80. Глазьев, С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития : монография / С. Ю. Глазьев. – Москва : ВладДар, 1993. – 310 с. – ISBN 5-86209-003-7.

81. Глазьев, С. Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? / С. Ю. Глазьев. – Москва : Книжный мир, – 2016. – 640 с. – ISBN 978-5-8041-0869-5.

82. Голова, И. М. Инновационно-технологическое развитие промышленных регионов в условиях социально-экономической нестабильности / И. М. Голова, А. Ф. Суховой // Экономика региона. – 2015. – № 1 (41). – С. 131–144.

83. Голодникова, А. Отчет в рамках проекта «Исследование хода и результатов внедрения ОРВ на региональном уровне в различных странах, выводы и рекомендации для Российской Федерации» / А. Голодникова, Д. Цыганков, А. Беляев. – Москва : Высшая школа экономики, 2015. – 7 с.

84. Гончарова, О. Ю. Взаимодействие публичной власти и малого предпринимательства: региональный аспект / О. Ю. Гончарова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2014. – № 4. – С. 107–115.

85. Горшков, М. К. Российская идентичность в контексте новых вызовов и рисков / М. К. Горшков // Научные труды Вольного экономического общества. – 2015. – Т. 195, № 6. – С. 274–290.

86. Гостяева, Ю. Ю. Социально-экономическая среда принятия управленческих решений / Ю. Ю. Гостяева, Е. Д. Щетинина // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. – 2014. – № 5. – С. 144–146.

87. Государство как платформа: люди и технологии / под общ. ред. М. С. Шклярчук. – Москва : РАНХиГС, 2019. – 112 с.

88. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.

89. Гранберг, А. Г. Становление в России научного направления «пространственная экономика» / А. Г. Гранберг // Вестник университета. – 2009. – № 26-2. – С. 18–24.

90. Гриб, В. В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты : монография / В. В. Гриб. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва : Юрист, 2011. – 400 с. – ISBN 978-5-91835-079-9.

91. Григорьев, О. В. Эпоха роста. Лекции по неоконимике. Расцвет и упадок мировой экономической системы / О. В. Григорьев. – Москва : Карьера Пресс, 2014. – 448 с. – ISBN 978-5-00074-026-2.

92. Григорьев, С. И. Социальная экономия и моральная экономика – альтернатива развития российского общества, основанная на социально-исторической эволюции / С. И. Григорьев, М. Г. Колокольцев, Н. Ю. Колокольцева // Уровень жизни населения регионов России. – 2015. – № 2 (196). – С. 123–129.

93. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера земли / Л. Н. Гумилев. – Москва : Эксмо, 2007. – 760 с.

94. Даванков, А. Ю. Обоснование теоретико-методологической модели оценки устойчивости социо-эколого-экономической среды региона / А. Ю. Даванков, Д. Ю. Двинин. – DOI 10.23670/IRJ.2017.63.005 // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 9-1 (63). – С. 6–8.

95. Данилова, И. В. Оценка механизма реализации промышленной политики регионов: прикладные аспекты концепции «умного» развития / И. В. Данилова, Е. Н. Салимоненко. – DOI 10.17513/vaael.1412 // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № 11-2. – С. 199–211.

96. Дворядкина, Е. Б. Векторы развития уральских городов-заводов в эпоху новой индустриализации / Е. Б. Дворядкина, Е. И. Кайбичева // Новая индустриализация России: стратегические приоритеты страны и возможности Урала : моно-

графия / под ред. С. Д. Бодрунова [и др.]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. – С. 249–263.

97. Дворядкина, Е. Б. Методический подход к анализу экономического развития традиционно-промышленного региона / Е. Б. Дворядкина, Е. В. Голошейкин // *Journal of new economy*. – 2010. – № 5 (31). – С. 115–118.

98. Дементьев, В. Е. Глава 8. Длинные волны в экономике: институциональный аспект / В. Е. Дементьев // Н. Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности : сб. ст. / под ред. Л. Е. Гринина [и др.]. – Москва : Учитель, 2017. – С. 138–154.

99. Дементьев, В. Е. Доверие – фактор функционирования и развития современной рыночной экономики / В. Е. Дементьев // *Российский экономический журнал*. – 2004. – № 8. – С. 46–65.

100. Дидикин, А. Б. Мониторинг фактического воздействия в системе правовых средств регуляторной политики / А. Б. Дидикин // *Регуляторная политика в России: проблемы теории и практики : сб. науч. тр.* / под ред. А. Б. Дидикина. – Москва : Проспект, 2019. – С. 5–17.

101. Доверие институтам / Левада-центр: аналитический центр Юрия Левады. – URL: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam> (дата обращения: 25.09.2021).

102. Доклад о достигнутых результатах по улучшению условий ведения предпринимательской деятельности, развитию малого и среднего бизнеса и поддержке индивидуальной предпринимательской инициативы / Минэкономразвития России. – Москва, 2017. – 59 с.

103. Домрачев, А. Л. Инвестиционный климат в региональном измерении / А. Л. Домрачев // *Власть и управление на Востоке России*. – 2018. – № 3 (84). – С. 52–60.

104. Дорошенко, С. В. Активизация механизмов развития молодежного предпринимательства в университетской среде / С. В. Дорошенко, Е. П. Ерошенко. – DOI 10.25198/2077-7175-2020-5-28 // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. – 2020. – № 5. – С. 28–38.

105. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – Москва : Канон, 1996. – 430 с. – ISBN 978-5-88873-036-1.

106. Евграфова, О. В. Новая экономическая реальность: тренды 2021 г. / О. В. Евграфова // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. – 2021. – № 1 (42). – С. 14–20.

107. Евстигнеев, Р. Н. Современная экономика: новый концептуальный вызов / Р. Н. Евстигнеев // Общественные науки и современность. – 2016. – № 3. – С. 112–121.

108. Евстигнеева, Л. П. Экономическая стратегия: экстраполяция или закономерность? / Л. П. Евстигнеева, Р. Н. Евстигнеев // Вопросы экономики. – 2016. – № 6. – С. 147–157.

109. Ефремов, А. А. Экспериментальные правовые режимы. Зарубежный опыт и российский старт : монография / А. А. Ефремов, Е. И. Добролюбова, Э. В. Талапина, В. Н. Южаков. – Москва : Дело, 2020. – 126 с. – ISBN 978-5-85006-195-1.

110. Жарова, Л. В. Имплементация положений конвенций Рио в национальную политику устойчивого развития Украины / Л. В. Жарова, Е. В. Хлобыстов, Н. В. Еремеева // Маркетинг и менеджмент инноваций. – 2014. – № 3. – С. 176–186.

111. Закрытый опрос ФСО показал рекордное недоверие бизнеса к силовикам. Почему предприниматели не верят в борьбу с коррупцией и просят изменить Уголовный кодекс / РБК. – URL: https://www.rbc.ru/society/28/05/2019/5cebe7939a794754023bf449?utm_source=application (дата обращения 28.05.2019).

112. Захаров, А. Унитарная федерация: пять этюдов о российском федерализме / А. Захаров. – Москва : Московская школа политических исследований, 2008. – 144 с. – ISBN 978-5-93895-094-8.

113. Захарчук, С. С. Некоторые проблемы государственного регулирования экономики в аспекте повышения конкурентоспособности продовольственного сектора Украины / С. С. Захарчук // Економіка. Управління. Інновації. – 2009. – № 2 (2). – С. 88–98.

114. Зверева, Т. В. Новая философия налогового администрирования в цифровой реальности / Т. В. Зверева. – DOI 10.51832/2223-7984_2021_1_166 // Инновационное развитие экономики. – 2021. – № 1 (61). – С. 166–175.

115. Земцов, С. П. Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов / С. П. Земцов, Ю. А. Смелов. – DOI 10.31737/2221-2264-2018-40-4-4 // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2018. – № 4 (40). – С. 84–108

116. Зинин, А. А. Регуляторная среда оценочной деятельности в цифровой экономике РФ / А. А. Зинин // Электронный научный журнал «Вектор экономики». – 2019. – № 6 (36). – URL: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2019/6/financeandcredit/Zinin.pdf> (дата обращения: 24.05.2021).

117. Зосименко, Т. И. Сравнительный анализ основных показателей качества среды регулирования в различных странах / Т. И. Зосименко // Вестник Черниговского государственного технологического университета. Серия: Экономические науки. – 2012. – № 4. – С. 23–31.

118. Зотова, Т. С. Развитие концепции «Открытое правительство» в России в условиях цифровой экономики / Т. С. Зотова, М. А. Мирошниченко // Проблемы общества и экономики, основанных на знании: инновации и неоиндустриализация : сб. науч. ст. молодых исследователей / науч. ред. В. В. Ермоленко. – Краснодар : КубГУ, 2018. – С. 11–19.

119. Зубаревич, Н. В. Региональное развитие и институты: российская специфика / Н. В. Зубаревич // Региональные исследования. – 2010. – № 2 (28). – С. 3–14.

120. Зубаревич, Н. В. Региональное развитие и региональная политика в России / Н. В. Зубаревич // ЭКО. – 2014. – № 4 (478). – С. 6–27.

121. Зырянов, А. И. Методологические подходы к исследованию развития региона с позиций новой экономической и теоретической географии / А. И. Зырянов, Т. В. Миролубова // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2014. – № 5. – С. 23–31.

122. Иваненко, Н. С. Жизненные шансы карьерного роста молодежи в новой социальной реальности в контексте дифференцирующих различий / Н. С. Иваненко. – DOI 10.17213/2075-2067-2021-1-45-52 // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 45–52.

123. Иванова, О. Ю. Тенденции развития и размещения производительных сил в пространстве Уральского макрорегиона / О. Ю. Иванова // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2017. – № 9 (103). – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30022776> (дата обращения: 12.04.2018).

124. Иванова, Ю. Н. Проблемы региональной экспансии российских компаний / Ю. Н. Иванова, В. В. Иванов // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 1. – С. 275–279.

125. Иконописцева, О. Г. Современные структуроформирующие факторы городской среды (на примере Оренбурга) / О. Г. Иконописцева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 9 (128). – С. 111–118.

126. Иллюзия реальности: зачем мы придумываем мифы о России? / Дискуссии в еврейском музее. – URL: <http://jewish.gaidarfund.ru/articles/3237/tab1> (дата обращения 25.03.2019).

127. Ильин, В. А. Проблемы эффективности государственного управления = Public administration efficiency: тенденции рыночных трансформаций, кризис бюджетной системы, роль частного капитала, Стратегия-2020: проблемы реализации : монография / В. А. Ильин, А. И. Поварова. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. – 185 с. – ISBN 978-5-93299-255-5.

128. Ильин, И. А. В поисках утраченной державности / И. А. Ильин // Федерализм. – 1998. – № 1. – С. 183–184.

129. Ильичева, М. В. Новые медиа в цифровой реальности / М. В. Ильичева. – DOI 10.33693/2223-0092-2021-11-1-19-26 // Социально-политические науки. – 2021. – Т. 11, № 1. – С. 19–26.

130. Индекс «Цифровая Россия». Отражение цифровизации субъектов Российской Федерации через призму открытых источников / Московская школа

управления СКОЛКОВО. – М., 2018. – URL: https://sk.skolkovo.ru/storage/file_storage/00436d13-c75c-46cf-9e78-89375a6b4918/SKOLKOVO_Digital_Russia_Report_Full_2019-04_ru.pdf (дата обращения: 25.11.2020).

131. Институциональная экономика. Новая институциональная экономическая теория / А. А. Аузан, М. Е. Дорошенко, А. Н. Елисеев [и др.]; под ред. А. А. Аузана. – Москва : ИНФРА-М, 2011. – 446 с.

132. Институциональные изменения в экономике российских регионов : монография / В. Л. Тамбовцев, Т. Д. Баснина, Е. П. Вигушина [и др.]; под ред. В. Л. Тамбовцева. – Москва : ТЕИС, 2013. – 236 с. – ISBN 978-5-7218-1329-0.

133. Информационное общество в Российской Федерации 2020 : стат. сб. – Москва : НИУ ВШЭ, 2020. – 269 с. – ISBN 978-5-7598-2237-0.

134. Информационное общество в Российской Федерации : стат. сб. / Г. И. Абдрахманова, Л. М. Гохберг, О. Ю. Дудорова [и др.]. – Москва : Высшая школа экономики, 2017. – 328 с. – ISBN 978-5-7598-1719-2.

135. Исса, И. А. Роль инвестиций в устойчивом развитии фармацевтической отрасли Швейцарии / И. А. Исса // Вопросы организации и информатизации здравоохранения. – 2014. – № 1 (78). – С. 55–62.

136. Казакова, С. М. Зарубежный опыт применения дифференцированного подхода в регулировании регионального развития / С. М. Казакова, В. В. Климанов. – DOI 10.15688/re.volsu.2018.4.5 // Региональная экономика. Юг России. – 2018. – № 4. – С. 55–68.

137. Калабреззи, Г. Будущее права и экономики: очерки о реформе и мышления / Г. Калабреззи ; пер. с англ. И. Кушнаревой ; под науч. ред. М. Одинцовой. – Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. – 295 с. – ISBN 978-5-93255-456-2.

138. Каменская, Е. А. Сущность и особенности информационной открытости органов власти в современной России / Е. А. Каменская // Общество: политика, экономика, право. – 2011. – № 2. – С. 18–24.

139. Каминка, А. И. Основы предпринимательского права / А. И. Каминка. – Петроград : Труд, 1917. – 338 с.

140. Канарейко, Д. А. Оценка растущих потребностей в развитии новых навыков в условиях новой реальности – массовой дистанционной работы / Д. А. Канарейко // *Modern Science*. – 2020. – № 11-2. – С. 103–106.

141. Кантильон, Р. Очерк о природе и торговле вообще / Р. Кантильон. – Москва : ЮНИТИ, 2006. – 448 с.

142. Капогузов, Е. А. Что понимается под импортом институтов / Е. А. Капогузов, С. Н. Левин, К. С. Саблин. – DOI 10.31063/2073-6517/2019.16-3.15 // *Журнал экономической теории*. – 2019. – Т. 16, № 3. – С. 480–487.

143. Карапетов, А. Г. Экономический анализ права / А. Г. Карапетов. – Москва : Статут, 2016. – 528 с. – ISBN 978-5-8354-1238-9.

144. Карпова, П. Г. Советы по оптимизации регулирования как неотъемлемый компонент «smart regulation» / П. Г. Карпова, Д. Б. Цыганков // *Вопросы государственного и муниципального управления*. – 2012. – № 3. – С. 5–34.

145. Катасонов, В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия. «Бумажный рубль» С. Шарапова / В. Ю. Катасонов. – Москва : Ин-т русской цивилизации, 2014. – 656 с. – ISBN 978-5-4261-0081-7.

146. Кейсы цифровой трансформации регионов / АНО «Цифровая экономика». – URL: <https://data-economy.ru/regions?fbclid=IwAR2oRLN-rVaOYzYyDC1orxfGkK1GScrMNH-U7R24JCPMTQESC06zzsV5JvQ#!/tab/186841341-4> (дата обращения: 30.03.2021).

147. Кирдина, С. Г. Роль институтов и географии в экономическом развитии: актуальная полемика в гетеродоксальной экономике / С. Г. Кирдина // *Пространственная экономика*. – 2016. – № 3. – С. 133–150.

148. Клейнер, Г. Б. Институциональные факторы долговременного экономического роста / Г. Б. Клейнер // *Экономическая наука современной России*. – 2000. – № 1. – С. 5–20.

149. Клейнер, Г. Б. Предприятие в нестабильной экономической среде / Г. Б. Клейнер, В. Л. Тамбовцев, Р. М. Качалов. – Москва : Экономика, 1997. – 288 с. – ISBN 5-282-01865-9.

150. Клейнер, Г. Б. Системная парадигма и экономическая политика / Г. Б. Клейнер // *Общественные науки и современность*. – 2007. – № 2. – С. 141–149.

151. Клейнер, Г. Б. Эволюция институциональных систем = Evolution of institutional systems / Г. Б. Клейнер. – Москва : Наука, 2004. – 238 с. – ISBN 5-02-032878-2.

152. Клейнер, Г. Б. Экономика России и кризис взаимных ожиданий / Г. Б. Клейнер // *Общественные науки и современность*. – 1999. – № 1. – С. 5–19.

153. Клеман, К. Патриотизм снизу. Как такое возможно, чтобы люди жили так бедно в богатой стране? / К. Клеман. – Москва : Новое литературное обозрение, 2021. – 232 с. – ISBN 978-5-4448-1556-4.

154. Климанов, В. Отражение международных экономических санкций в стратегиях социально-экономического развития субъектов Российской Федерации / В. В. Климанов, В. Варданян // *Проблемы теории и практики управления*. – 2019. – № 2. – С. 40–50.

155. Климанов, В. В. Большие вызовы и их влияние на траектории развития территориальных систем (на примере арктической зоны Российской Федерации): постановка проблемы / В. В. Климанов // *Общественные финансы*. – 2018. – № 37. – С. 41–52.

156. Климанов, В. В. Ретроспективный анализ устойчивости регионов России как социально-экономических систем / В. В. Климанов, С. М. Казакова, А. А. Михайлова. – DOI 10.32609/0042-8736-2019-5-46-64 // *Вопросы экономики*. – 2019. – № 5. – С. 46–64.

157. Клименко, А. И. Функции и дисфункции юридического права и формы правового регулирования общественных отношений / А. И. Клименко // *Регуляторная политика в России: проблемы теории и практики : сб. науч. тр. / под ред. А. Б. Дидикина*. – Москва : Проспект, 2019. – С. 18–26.

158. Климова, Е. В. Роль межведомственной комиссии по проблемам генно-инженерной деятельности в государственном регулировании генно-инженерно-модифицированных растений в России / Е. В. Климова // *Экологическая безопасность в АПК. Реферативный журнал*. – 2006. – № 1. – С. 73.

159. Клисторин, В. И. Проблемы российского федерализма и экономический рост / В. И. Клисторин // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2003. – Т. 3, № 1. – С. 131–145.

160. Ключевский, В. О. Сочинения : в 8 т. / В. О. Ключевский. – Москва : Госполитиздат, 1956. – Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. – 427 с.

161. Ковалева, Т. К. «Законодательная инфляция» в современном юридическом дискурсе и некоторые способы ее преодоления / Т. К. Ковалева // Вестник университета. – 2014. – № 1. – С. 246–249.

162. Ковтун, О. А. Усовершенствование механизмов формирования финансового потенциала домохозяйств / О. А. Ковтун // Экономика. Управление. Право. – 2013. – № 9. – С. 7–10.

163. Козина, И. М. Индустриальные конфликты в современной России / И. М. Козина // Экономическая социология. – 2009. – Т. 10, № 3. – С. 16–32.

164. Козырева, П. М. Правовое сознание и доверие / П. М. Козырева // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 4. – С. 86–101.

165. Коковихин, А. Ю. Факторы институциональной среды в оценке предпринимателем инвестиционного климата муниципального образования / А. Ю. Коковихин, Е. С. Огородникова, Д. Уильямс, А. Е. Плахин. – DOI 10.17059/2017-1-8 // Экономика региона. – 2017. – Т. 13, № 1. – С. 80–92.

166. Кокотов, А. Н. Доверие. Недоверие. Право / А. Н. Кокотов. – Москва : Юрист, 2004. – 192 с.

167. Колегов, В. В. Особенности институционализации оценки регулирующего воздействия на региональном уровне. Опыт внедрения в Москве / В. В. Колегов // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2013. – № 2. – С. 127–146.

168. Колокольникова, З. У. Традиции культурно-исторической среды и их воспитательный потенциал / З. У. Колокольникова, Л. С. Сергеева // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 1–4. – С. 580–582.

169. Коммонс, Дж. Р. Правовые основания капитализма / Дж. Р. Коммонс ; пер. с англ. А. Апполонова, А. Маркова ; под ред. М. Одинцовой. – Москва : Высшая школа экономики, 2011. – 413 с. – ISBN 978-5-7598-0781-0.

170. Кондратьев, Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения / Н. Д. Кондратьев. – Москва : Экономика, 2002. – 768 с. – ISBN 5-282-02181-1.

171. Конуэй, П. Регулирование рынков товаров и услуг в России / П. Конуэй, Т. Лысенко, Д. Барнард // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2011. – № 10. – С. 95–124.

172. Корнаи, Я. Инновации и динамизм: взаимосвязь систем и технического прогресса / Я. Корнаи // Вопросы экономики. – 2012. – № 4. – С. 4–31.

173. Корнаи, Я. Системная парадигма / Я. Корнаи // Вопросы экономики. – 2002. – № 4. – С. 10–12.

174. Корнаи, Я. Честность и доверие в переходной экономике / Я. Корнаи // Вопросы экономики. – 2003. – № 9. – С. 4–17.

175. Коррупция в сфере государственного и муниципального управления: проблемы, тенденции, перспективы противодействия : монография / К. А. Бейсенбин, В. Н. Борков, В. И. Винницкий [и др.]. – Екатеринбург : Урал. ин-т упр. РАНХиГС, 2015. – 296 с. – ISBN 978-5-8056-0323-6.

176. Костин, А. И. Кросс-культурный менеджмент и политическая среда в условиях глобализации экономики / А. И. Костин, И. А. Костина // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2005. – № 1. – С. 103–131.

177. Котлярова, С. Н. Формирование и развитие региональных институтов / С. Н. Котлярова // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2014. – № 3 (27). – С. 99–109.

178. Кругман, П. Р. Кредо либерала / П. Р. Кругман. – Москва : Европа, 2009. – 368 с. – ISBN 978-5-9739-0183-7.

179. Крутеева, О. В. Горнозаводская культура Урала: перекресток цивилизаций / О. В. Крутеева, О. Ю. Минина // Культура и цивилизация. – 2016. – Т. 6, № 5А. – С. 305–316.

180. Кузнецова, О. В. Пирамида факторов социально-экономического развития регионов / О. В. Кузнецова // Вопросы экономики. – 2013. – № 2. – С. 121–131.

181. Кузьминов, Я. И. Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений : доклад к 6-й Междунар. науч. конф. «Модернизация экономики и выращивание институтов» (Москва, 5–7 апреля 2005 г.) / Я. И. Кузьминов, В. В. Радаев, А. А. Яковлев, Е. Г. Ясин. – Москва : [б. и.], 2005. – 54 с. – URL: <https://www.hse.ru/data/2009/10/29/1228453785/institution2005.pdf> (дата обращения: 12.04.2021).

182. Кузьминов, Я. И. Как наука о рынках становится наукой об обществе? / Я. И. Кузьминов, К. А. Бендукидзе, М. М. Юдкевич // Вопросы экономики. – 2005. – № 12. – С. 63–81.

183. Кузьминов, Я. И. Курс институциональной экономики: институты, сети, трансакционные издержки, контракты : учебник / Я. И. Кузьминов, К. А. Бендукидзе, М. М. Юдкевич. – Москва : ГУ ВШЭ, 2006. – 442 с. – ISBN 5-7598-0303-4.

184. Кун, Т. С. Структура научных революций / Т. С. Кун. – Москва : Прогресс, 1975. – 288 с.

185. Курбатова, М. В. Деформализация и формализация институтов взаимодействия власти и бизнеса на местном уровне / М. В. Курбатова, Ю. В. Трофимова // Экономика региона. – 2008. – № 4 (16). – С. 54–70.

186. Курочкин, В. А. Социально-экономическое развитие регионов Российской Федерации: методика количественного оценивания / В. А. Курочкин. – Санкт-Петербург : СПбГУЭФ, 2004. – 37 с.

187. Курцвейл, Р. Эволюция разума / Р. Курцвейл. – Москва : БОМБОРА, 2021. – 352 с. – ISBN 978-5-04-089904-3.

188. Кутилина, О. М. Межрегиональные сопоставления как системный элемент институционального обеспечения территориального развития / О. М. Кутилина. – Москва : Реглант, 2003. – 114 с.

189. Кущева, Н. Б. Индустрия гостеприимства в постковидный период: новая реальность, новые правила / Н. Б. Кущева // Техничко-технологические проблемы сервиса. – 2021. – № 2 (56). – С. 79–83.

190. Лаврикова, Ю. Г. Оптимальная пространственная организация экономики региона: поиск параметров и зависимостей / Ю. Г. Лаврикова, А. В. Суворова. – DOI 10.17059/ekon.reg.2020-4-1 // Экономика региона. – 2020. – Т. 16, № 4. – С. 1017–1030.

191. Лаженцев, В. Н. Опыт комплексного исследования проблем территориального развития / В. Н. Лаженцев ; отв. ред. Н. П. Юшкин. – Сыктывкар : Коми науч. центр УрО РАН, 2003. – 192 с. – ISBN 5-89606-158-7.

192. Лаженцев, В. Н. Социально-экономическая география и междисциплинарный синтез в изучении Севера и Арктики России / В. Н. Лаженцев // Пространственная экономика. – 2015. – № 4. – С. 117–130.

193. Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос. – Москва : Медиум, 1995. – 236 с.

194. Лапаева, М. Г. Контуры технологического рывка России и Оренбургской области / М. Г. Лапаева, О. Ф. Лапаева. – DOI 10.25198/2077-7175-2019-2-50 // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 2. – С. 50–57.

195. Лаптев, В. А. Источники предпринимательского права в Российской Федерации / В. А. Лаптев. – Москва : Проспект, 2017. – 302 с. – ISBN 978-5-392-25317-3.

196. Латов, Ю. В. Запретить нельзя разрешить: экономический анализ институтов прогибиционизма и антипрогибицинизма / Ю. В. Латов // Terra Economicus. – 2009. – Т. 7, № 4. – С. 9–30.

197. Лебедева, Г. Н. Планирование на предприятии. Бизнес-планирование : учеб. пособие / Г. Н. Лебедева. – Москва : РосЗИТЛП, 2015. – 121 с.

198. Левин, С. Н. «Политизированные» бюрократы как субъект развития экономики регионов «ресурсного типа» / С. Н. Левин, К. С. Саблин // Общественные науки и современность. – 2017. – № 1. – С. 128–139.

199. Левин, С. Н. Институциональная организация регионов ресурсного типа в России: общая характеристика и структурные сдвиги в экономике / С. Н. Левин, Д. В. Кислицин, А. А. Сурцева. – DOI 10.17835/2076-6297.2019.11.4.061-076 // Журнал институциональных исследований. – 2019. – Т. 11, № 4. – С. 61–76.

200. Левин, С. Н. Предприниматели как субъект развития современной российской экономики: общая характеристика и специфика регионов «ресурсного типа» / С. Н. Левин, К. С. Саблин // Журнал институциональных исследований. – 2016. – Т. 8, № 2. – С. 76–86.

201. Левин, С. Н. Проблемы экономического роста в современной России: общая характеристика и региональный аспект / С. Н. Левин, Д. В. Кислицын, К. С. Саблин // Journal of economic regulation. – 2016. – Т. 7, № 4. – С. 6–19.

202. Левин, С. Н. Региональные институциональные системы в современной экономике России: методология анализа / С. Н. Левин // Институциональная трансформация экономики: российский вектор новой индустриализации : материалы IV Междунар. науч. конф. (Омск, 21–23 октября 2015 г.) : в 2 ч. – Омск : ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2015. – Ч. 1. – С. 38–44.

203. Леони, Б. Свобода и закон / Б. Леони ; пер. с англ. В. Кошкина ; под ред. А. Куряева. – Москва : ИРИСЭН, 2008. – 308 с. – ISBN 5-91066-014-8.

204. Лисин, В. С. Инвестиционные процессы в российской экономике / В. С. Лисин // Вопросы экономики. – 2004. – № 6. – С. 4–27.

205. Ложевский, И. А. Государство и рынки капитала. Электронно-цифровые платформы как результат постоянного совершенствования регуляторной среды / И. А. Ложевский, А. М. Зоркин // Бизнес. Общество. Власть. – 2017. – № 1. – С. 250–264.

206. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк // Сочинения : в 3 т. – Москва : Мысль, 1988. – Т. 3. – С. 137–405.

207. Лунгэнь, И. Экономический рост в Китае: пространственно-экономический анализ / И. Лунгэнь // Пространственная экономика. – 2005. – № 1. – С. 133–152.

208. Львов, Д. С. Нравственная экономика / Д. С. Львов // Свободная мысль. – 2004. – № 9. – С. 24–36.

209. Ляско, А. Доверие и трансакционные издержки / А. Ляско // Вопросы экономики. – 2003. – № 1. – С. 42–58.

210. Ляшенко, Е. А. Опыт и проблемы формирования региональной институциональной среды функционирования технопарковых структур / Е. А. Ляшенко // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2018. – Т. 7, № 3 (24). – С. 172–175.

211. Малкина, М. Ю. Влияние институциональной среды на функционирование и развитие национальной инновационной системы / М. Ю. Малкина, В. В. Вольчик, Д. Д. Кривошеева-Медянцева // Journal of economic regulation. – 2014. – Т. 5, № 4. – С. 26–43.

212. Манойло, А. В. Информационная война и новая политическая реальность (II) / А. В. Манойло. – DOI 10.18384/2224-0209-2021-2-1075 // Вестник Московского государственного областного университета. – 2021. – № 2. – С. 110–148.

213. Мансуров, Г. З. Экономический анализ права: некоторые современные проблемы / Г. З. Мансуров // Право и экономика. – 2009. – № 1. – С. 125–126.

214. Маркварт, Э. Российское местное самоуправление перед главными вызовами современности / Э. Маркварт // Российский экономический журнал. – 2016. – № 6. – С. 3–17.

215. Маркс, К. Капитал: критика политической экономии / К. Маркс. – Москва : Эксмо, 2011. – Т. 23, ч. 1. – 1200 с. – ISBN 978-5-699-23766-1.

216. Маркс, К. Сочинения : в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва : Госполитиздат, 1954. – Т. 25, ч. II. – 558 с.

217. Мау, В. Институциональные предпосылки современного экономического роста : монография / В. Мау, К. Яновский, С. Жаворонков, Д. Маслов. – Москва : ИЭПП, 2007. – 133 с. – ISBN 978-5-9325-5203-2.

218. Маштакеева, Д. К. Особенности развития различных форм посредничества на современном рынке финансово-кредитных услуг / Д. К. Маштакеева // Денежная система России: история, современность и перспективы развития : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 31 октября – 1 ноября 2019 г.). – Новосибирск : Сибирская академия финансов и банковского дела, 2019. – С. 75–81.

219. Мезоэкономика: элементы новой парадигмы : монография / под ред. В. И. Маевского, С. Г. Кирдиной-Чэндлер. – Москва : Ин-т экономики РАН, 2020. – 392 с. – ISBN 978-5-9940-0661-0.

220. Меньшикова, Н. А. Социокультурное наследие Уральского региона как ресурс формирования региональной идентичности личности / Н. А. Меньшикова // Личность. Общество. Образование. Непрерывное образование как фактор развития личности в современном обществе : сб. ст. XXI Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 30 марта 2018 г.). – Санкт-Петербург : ЛОИРО, 2018. – С. 101–111.

221. Методика формирования рейтинга качества осуществления оценки регулирующего воздействия и экспертизы в субъектах Российской Федерации от 26 октября 2016 г. № 1613-СШ/Д26вн / Департамент экономики Ямало-Ненецкого автономного округа. – URL: <https://de.yanao.ru/upload/uf/e50/Methodika.pdf> (дата обращения: 15.08.2020).

222. Милль, Д. С. Основы политической экономии : в 3 т. / Д. С. Милль. – Москва : Прогресс, 1980–1981.

223. Минакир, П. А. Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения? / П. А. Минакир // Пространственная экономика. – 2016. – № 3. – С. 7–15.

224. Минакир, П. А. Региональные стратегии и имперские амбиции / П. А. Минакир // Пространственная экономика. – 2015. – № 4. – С. 7–11.

225. Минакир, П. А. Шоки и институты: парадоксы российского кризиса / П. А. Минакир // Пространственная экономика. – 2016. – № 1. – С. 7–13.

226. Мирлюбова, Т. В. Обоснование приоритетов экономической политики на основе структурного анализа валового регионального продукта (на примере Пермского края) / Т. В. Мирлюбова, Е. Н. Ворончихина // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. – 2017. – Т. 12. – № 1. – С. 91–109.

227. Мирлюбова, Т. В. Цифровая экономика: проблемы идентификации и измерений в региональной экономике / Т. В. Мирлюбова, Т. В. Карлина,

Р. С. Николаев. – DOI 10.17059/2020-2-4 // Экономика региона. – 2020. – Т. 16, № 2. – С. 377–390.

228. Мисевич, К. Н. Географическая среда и условия жизни населения Сибири : монография / К. Н. Мисевич, С. В. Рященко. – Новосибирск : Наука, 1988. – 120 с. – ISBN 5-02-028891-8.

229. Митин, А. Н. Проблемы формирования антикоррупционного поведения / А. Н. Митин. – DOI 10.34076/2410-2709-6-103-110 // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 6 (114). – С. 103–110.

230. Мокроносов, А. Г. Совершенствование институциональной среды стратегического проектирования нематериальных активов территории / А. Г. Мокроносов, А. В. Анисимов // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2019. – Т. 215, № 1. – С. 239–263.

231. Монбриаль, Т. де. Действие и система мира / Т. де Монбриаль ; пер. с фр. В. М. Володина. – Москва : РОССПЭН, 2005. – 483 с. – ISBN 5-8243-0742-3.

232. Мониторинг внедрения института оценки регулирующего воздействия в механизм принятия решений в субъектах РФ. – Москва : НИСИПП, 2013. – 23 с.

233. Мороз, Ю. Л. На пути к метабизнесу: для интеллектуалов / Ю. Л. Мороз. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2003. – 377 с. – ISBN 5-222-03278-7.

234. Мотрич, Е. Л. Население Дальнего Востока России = Population of the Russian Far East / Е. Л. Мотрич. – Владивосток: ДВО РАН, 2006. – 224 с. – ISBN 5-7442-1413-5.

235. Научная электронная библиотека. – URL: <https://elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения: 04.05.2018).

236. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ / Агентство стратегических инициатив. – URL: https://asi.ru/government_officials/rating (дата обращения: 23.11.2017).

237. Некрасов, В. И. Инновационность в системе обеспечения конкурентоспособности территорий / В. И. Некрасов // Проблемы региональной экономики. – 2020. – № 3–4. – С. 92–105.

238. Неретина, С. С. Концепты политической культуры / С. С. Неретина, А. П. Огурцов. – Москва : ИФРАН, 2011. – 279 с. – ISBN 978-5-9540-0187-7.

239. Новая индустриализация России: стратегические приоритеты страны и возможности Урала : монография / под ред. С. Д. Бодрунова [и др.]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. – 317 с. – ISBN 978-5-9656-0272-8.

240. Новоселов, А. С. Институциональная система управления социально-экономическим развитием региона / А. С. Новоселов, А. С. Маршалова. – DOI 10.15372/REG20170201 // Регион: экономика и социология. – 2017. – № 2 (94). – С. 3–31.

241. Новоселов, А. С. Основные контуры современной институциональной системы управления региональным развитием / А. С. Новоселов, Т. В. Волянская, А. В. Фалеев // Анализ, Моделирование, Управление, Развитие социально-экономических систем (АМУР-2019) : сб. науч. тр. XIII Всерос. с междунар. участием школы-симпозиума (Симферополь – Судак, 14–27 сентября 2019 г.). – Симферополь – Судак : ИП Корниенко А. А., 2019. – С. 301–304.

242. Новоселов, А. С. Роль институциональной системы управления в реализации комплексного подхода к развитию территории / А. С. Новоселов, А. С. Маршалова, Г. В. Ждан. – DOI 10.15372/REG20180101 // Регион: экономика и социология. – 2018. – № 1 (97). – С. 3–31.

243. Новоселов, А. С. Экономические интересы субъектов регионального воспроизводства: противоречия и проблемы их разрешения в системе управления / А. С. Новоселов, А. С. Маршалова. – DOI 10.15372/REG20190201 // Регион: экономика и социология. – 2019. – № 2 (102). – С. 3–29.

244. Норт, Д. Институциональные изменения: рамки анализа / Д. Норт // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 6–17.

245. Норт, Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. Норт ; пер. с англ. Д. Узла-нера [и др.]. – Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. – 480 с. – ISBN 978-5-93255-303-9.

246. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» : федер. закон от 11 июня 2021 г. № 170-ФЗ.

247. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и экспертизы нормативных правовых актов : федер. закон от 30 декабря 2015 г. № 447-ФЗ.

248. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях : федер. закон от 8 декабря 2020 № 407-ФЗ.

249. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и ст. 7 и 46 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» по вопросам оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и экспертизы нормативных правовых актов : федер. закон от 2 июля 2013 г. № 176-ФЗ.

250. О внесении изменения в ст. 26.3-3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» : федер. закон от 1 мая 2019 г. № 94-ФЗ.

251. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ.

252. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля : федер. закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ.

253. О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию : указ Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 440.

254. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г. : указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204.

255. О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1318.

256. О Стратегии развития Оренбургской области до 2020 г. и на период до 2030 г.: постановление Правительства Оренбургской области от 20 августа 2010 г. № 551-пп.

257. О Стратегии социально-экономического развития Пермского края до 2026 г. : постановлением Законодательного собрания Пермского края от 1 декабря 2011 г. № 3046.

258. О Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 г. : постановление Правительства Республики Башкортостан от 20 декабря 2018 г. № 624.

259. О Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 гг. : закон Свердловской области от 21 декабря 2015 г. № 151-оз.

260. О Стратегии социально-экономического развития Удмуртской Республики на период до 2025 г. : закон Удмуртской Республики от 9 октября 2009 г. № 40-РЗ.

261. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федер. закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ.

262. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ.

263. Об одобрении проекта Стратегии социально-экономического развития Курганской области на период до 2030 г. : распоряжение Правительства Курганской области от 2 декабря 2008 г. № 488-р.

264. Об основах общественного контроля в Российской Федерации : федер. закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ.

265. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления : указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601.

266. Об утверждении Стратегии Челябинской области на период до 2035 г. : постановление Законодательным собранием Челябинской области от 31 января 2019 г. № 1748.

267. Одинцова, А. В. Пространственная экономика в работах представителей французской школы регуляции / А. В. Одинцова // Пространственная экономика. – 2011. – № 3. – С. 56–70.

268. Ойкен, В. Основы национальной экономики / В. Ойкен. – Москва : Экономика, 1996. – 351 с. – ISBN 5-282-01849-7.

269. Орехова, С. В. Технологические системы в экономике: гетеродоксальный подход и институциональные основы / С. В. Орехова, М. В. Евсеева. – DOI 10.17835/2076-6297.2020.12.4.034-053 // Журнал институциональных исследований. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 34–53.

270. Отношение населения к новым технологиям в период коронакризиса / Российская венчурная компания. – URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/fd8/RVC_attitudes_to_technologies_report2020_fragment.pdf (дата обращения: 25.09.2021).

271. Павлов, К. В. Интенсификация экономики в условиях неопределенности рыночной среды / К. В. Павлов. – Москва : Магистр, 2007. – 271 с. – ISBN 978-5-9776-0010-1.

272. Паламарчук, А. Р. Проблема государственного регулирования цифровых финансовых активов в РФ / А. Р. Паламарчук // Вестник науки. – 2018. – Т. 2, № 8 (8). – С. 38–42.

273. Пахомова, Н. Экономический анализ экологического права / Н. Пахомова, К. Рихтер // Вопросы экономики. – 2003. – № 10. – С. 34–49.

274. Пашуканис, Е. Б. Общая теория права и марксизм / Е. Б. Пашуканис. – Москва : [б. и.], 1929. – 136 с.

275. Перский, Ю. К. Подход к оценке уровня развития инновационной системы региона в его социально-экономической среде / Ю. К. Перский, М. И. Ахметова // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – № 46. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2014/vipusk__46._oktjabr_2014_g._/persky_akhmetova.pdf (дата обращения: 12.05.2021).

276. Петров, Н. Нам надо продумать стратегию пространственного отступления : фрагмент дискуссии «Иллюзия реальности: зачем мы придумываем мифы о России?», состоявшейся 12 марта 2019 г. в рамках цикла «Homo Sovieticus: сто лет человеку советскому», организованного Гайдаровским университетом / Н. Петров. – URL: <http://gaidarfund.ru/articles/3240/tab1> (дата обращения: 25.03.2019).

277. Петросянц, В. З. Механизм регулирования регионального развития: особенности формирования и алгоритм реализации / В. З. Петросянц, С. В. Дохлян, Л. Г. Шахтаманова, Д. В. Петросянц // Экономика и управление. – 2018. – № 8 (154). – С. 8–13.

278. Пилясов, А. Н. Политические и экономические факторы развития российских регионов / А. Н. Пилясов // Вопросы экономики. – 2003. – № 5. – С. 67–82.

279. Писарева, Е. В. Основные управленческие принципы формирования лояльности потребителей к брендам региональных компаний / Е. В. Писарева, Е. С. Сергиенко. – DOI 10.26425/2309-3633-2018-3-40-44 // Управление. – 2018. – Т. 6, № 3. – С. 40–44.

280. Плахин, А. Е. Сегментирование рынка инвестиций в региональные промышленные парковые структуры / А. Е. Плахин, А. Б. Ставрова // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2016. – № 4. – С. 66–79.

281. По делу о проверке конституционности положений ст. 35 Федерального закона «Об акционерных обществах», ст. 61 и 99 Гражданского кодекса РФ, ст. 31 Налогового кодекса РФ и ст. 14 Арбитражного процессуального кодекса РФ в связи с жалобами гражданина А. Б. Борисова, ЗАО «Медиа-Мост» и ЗАО «Московская Независимая Вещательная Корпорация» : постановление Конституционного суда РФ от 18 июля 2003 г. № 14-П.

282. Полтерович, В. М. К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? / В. М. Полтерович. – DOI 10.32609/0042-8736-2018-11-5-26 // Вопросы экономики. – 2018. – № 11. – С. 5–26.

283. Полтерович, В. М. Трансплантация экономических институтов / В. М. Полтерович // Экономическая наука современной России. – 2001. – № 3. – С. 24–50.

284. Попов, Е. В. Институты / Е. В. Попов ; отв. ред. А. Д. Некипелов. – Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2015. – 712 с. – ISBN 978-5-94646-515-1.

285. Попов, Е. В. Институты экономики благосостояния: теория и методология / Е. В. Попов, И. В. Лавров // Социум и власть. – 2009. – № 3 (23). – С. 66–71.

286. Попов, Е. В. Институциональное обеспечение долевой экономики в развитии городской среды / Е. В. Попов, А. Ю. Веретенникова. – DOI 10.17835/2076-6297.2019.11.2.044-059 // Journal of institutional studies. – 2019. – Т. 11, № 2. – С. 44–59.

287. Попов, Е. В. Институциональный атлас социальных инноваций / Е. В. Попов, А. Ю. Веретенника, Ж. К. Омонов // Экономическое возрождение России. – 2017. – № 2 (52). – С. 80–96.

288. Попов, Е. В. Инструментарий институционального моделирования социально-инновационной деятельности / Е. В. Попов, А. Ю. Веретенникова, Ж. К. Омонов. – DOI 10.26310/2071-3010.2019.249.7.004 // Инновации. – 2019. – № 7 (249). – С. 28–36.

289. Попов, Е. В. Моделирование экономических институтов : монография / Е. В. Попов ; отв. ред. А. Д. Некипелов. – 2-е изд. – Москва : Юрайт, 2019. – 643 с. – ISBN 978-5-534-09243-1.

290. Попов, Е. В. Типология моделей региональных инновационных экосистем / Е. В. Попов, В. Л. Симонова, И. П. Челак. – DOI 10.24891/re.18.7.1336 // Региональная экономика: теория и практика. – 2020. – Т. 18, № 7 (478). – С. 1336–1356.

291. Поппер, К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход / К. Р. Поппер. – Москва : Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с. – ISBN 5-8360-0327-0.

292. Послание Президента России В. В. Путина Федеральному Собранию в 2018 г. // Российская газета. – 2018. – № 7509. – С. 1.

293. Преснякова, В. В. Развитие цифровой экономики: особенности формирования экосистемы / В. В. Преснякова, А. В. Лошкарев // Аллея науки. – 2018. – Т. 5, № 9 (25). – С. 515–520.

294. Пушкарев, М. С. Значение судебной практики для формирования правовой основы цифровой экономики в Российской Федерации / М. С. Пушкарев // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 9 (124). – С. 171–173.

295. Пчелинцев, О. С. Проблемы социально-экономического обоснования региональной политики / О. С. Пчелинцев // Проблемы прогнозирования. – 2002. – № 1. – С. 1–20.

296. Пчелинцев, О. С. Регулирование воспроизводственного потенциала территории как основа региональной политики / О. С. Пчелинцев, В. Я. Любовный, А. Б. Воякина // Проблемы прогнозирования. – 2000. – № 5. – С. 62–68.

297. Пыжев, И. С. Реализация теоретического подхода к оценке экономической эффективности институциональных изменений на отраслевом рынке / И. С. Пыжев, В. П. Горячев. – DOI 10.23683/2073-6606-2018-16-2-99-113 // Terra Economicus. – 2018. – Т. 16, № 2. – С. 99–113.

298. Работа органов прокуратуры Российской Федерации в 2018 г. по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов / Генеральная прокуратура Российской Федерации. – URL: <http://genproc.gov.ru/anticor/expert/nadzor/document-1540958> (дата обращения: 25.03.2019).

299. Радаев, В. В. Формирование новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика / В. В. Радаев. – Москва : Центр полит. технологий, 1998. – 328 с.

300. Ракитов, А. И. Прогноз развития науки и технологии в России на период до 2025 г. / А. И. Ракитов // Вестник Российской академии наук. – 1998. – Т. 68, № 8. – С. 746–753.

301. Рахмеева, И. И. Региональные особенности развития и пространственной организации производственной инновационной инфраструктуры : дис. ...

канд. экон. наук : 08.00.05 / Рахмеева Ирина Игоревна. – Екатеринбург, 2015. – 180 с.

302. Регион в социально-экономическом пространстве России: анализ, динамика, механизм управления : монография / Е. Г. Анимица, П. И. Блусь, Е. Б. Дворянкина [и др.] ; под науч. ред. А. И. Татаркина. – Пермь : ПГУ, 2008. – 402 с.

303. Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / А. В. Кузнецов, О. В. Кузнецова, К. В. Слесарева [и др.] ; под ред. А. В. Кузнецова, О. В. Кузнецовой. – Москва : ИМЭМО РАН, 2015. – 137 с. – ISBN 978-5-9535-0427-0.

304. Региональная экономика : курс лекций / кол. авт. ; под общ. ред. Я. П. Силина, Е. Г. Анимицы. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2020. – 417 с. – ISBN 978-5-9656-0289-6.

305. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020 : стат. сб. – Москва : Росстат, 2020. – 1242 с. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/LkooETqG/Region_Pokaz_2020.pdf (дата обращения: 25.09.2021).

306. Регіонально-адміністративний менеджмент : навчальний посібник / за ред. В. Г. Воронкової. – Київ : Професіонал, 2010. – 352 с. – ISBN 978-966-370-133-2.

307. Регуляторная политика в России: основные тенденции и архитектура будущего : монография / А. Е. Голодникова, А. А. Ефремов, Д. В. Соболев [и др.]. – Москва : Высшая школа экономики, 2018. – 192 с.

308. Регуляторная политика в России: проблемы теории и практики : сб. ст. / отв. ред. А. Б. Дидикин. – Москва : Проспект, 2019. – 80 с. – ISBN 978-5-7986-0111-0.

309. Рейтинг инвестиционного климата субъектов РФ / РА «Эксперт». – URL: <https://raex-a.ru/ratings/regions/2019/att1> (дата обращения: 25.09.2021).

310. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 7 / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, С. В. Бредихин [и др.] ; под ред. Л. М. Гохберга. – Москва : НИУ ВШЭ, 2021. – 274 с. – ISBN 978-5-7598-2390-2.

311. Рейтинг качества проведения оценки регулирующего воздействия в субъектах РФ / Минэкономразвития России. – URL: <http://orv.gov.ru/ranking> (дата обращения: 12.11.2020).

312. Романова, О. А. Инновационная парадигма новой индустриализации в условиях формирования интегрального мирохозяйственного уклада / О. А. Романова. – DOI 10.17059/2017-1-25 // Экономика региона. – 2017. – Т. 13, № 1. – С. 276–289.

313. Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены / М. К. Горшков, В. А. Аникин, Л. М. Дробижева [и др.]. – Москва : ФНИСЦ РАН, 2018. – 55 с.

314. Руссо, Ж. Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права / Ж. Ж. Руссо ; пер. с фр. А. Д. Хаютина, В. С. Алексеева-Попова. – Москва : КАНОН-пресс ; Кучково поле, 1998. – 170 с.

315. Рыбалченко, К. О. Разработка концептуальных основы реализации государственной регуляторной политики в рыбохозяйственной деятельности / К. О. Рыбалченко // Экономика. Управління. Інновації. – 2014. – № 2. – С. 386–391.

316. Рябоконт, В. П. Усовершенствование государственного регулирования экономических интересов аграрной сферы / В. П. Рябоконт, Н. Л. Новикова // Международный научно-производственный журнал «Экономика АПК». – 2016. – № 3 (257). – С. 14–21.

317. Рязанов, В. Т. Неустойчивый экономический рост как «новая нормальность»? / В. Т. Рязанов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2013. – № 4. – С. 3–34.

318. Рязанцев, С. В. Современный демографический и миграционный портрет Северного Кавказа : монография / С. В. Рязанцев. – Ставрополь : Ставрополь-сервисшк., 2003. – 375 с. – ISBN 5-93078-176-1.

319. Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании. Принято на итоговом пленарном заседании VIII Всемирного Русского Народного Собора // Безопасность Евразии. – 2004. – № 2 (16). – С. 37–45.

320. Сидорина, Т. Ю. Операция «Welfare State»: решило ли государство всеобщего благосостояния проблемы идеального государства? / Т. Ю. Сидорина // Terra Economicus. – 2012. – Т. 10, № 3. – С. 84–99.

321. Силин, Я. П. «Новая нормальность» в российской экономике: региональная специфика / Я. П. Силин, Е. Г. Анимица, Н. В. Новикова. – DOI 10.17059/2016-3-9 // Экономика региона. – 2016. – Т. 12, № 3. – С. 714–725.

322. Силин, Я. П. Стратегии и сценарии социально-экономического развития Уральского региона / Я. П. Силин // Актуальные проблемы социального и профессионально-экономического вхождения молодежи в региональную общественно-производственную среду : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 5 июня 2017 г.). – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2017. – С. 3–9.

323. Силин, Я. П. Уральский макрорегион: большие циклы индустриализации / Я. П. Силин, Е. Г. Анимица, Н. В. Новикова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2019. – 371 с. – ISBN 978-5-9656-0286-5.

324. Сеницын, С. А. Экономический анализ права и его место в цивилистической методологии / С. А. Сеницын. – DOI 10.17323/2072-8166.2017.2.4.17 // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 2. – С. 4–17.

325. Следователи пишут всякую ерунду в полной уверенности, что она пройдет в суде. Почему российское следствие служит не обществу, а властным группировкам. Интервью адвоката // Znak.com. – URL: https://www.znak.com/2019-07-26/pochemu_rossiyskoe_sledstvie_ne_sluzhit_obchestvu_a_obslyuzhivaet_vlastnye_gruppirovki_intervyu_advok (дата обращения 29.07.2019).

326. Смирнягин, Л. В. Российский федерализм / Л. В. Смирнягин, И. М. Бусыгина. – URL: <http://www.inop.ru/files/Chapter10.pdf> (дата обращения 21.03.2018).

327. Солдаткин, С. Н. Эффективность региональной долговой политики через призму инвестиционной активности / С. Н. Солдаткин // Региональная экономика: теория и практика. – 2015. – № 30. – С. 46–57.

328. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. – Москва : Эксмо, 2005. – 1022 с. – ISBN 978-5-699-44728-2.

329. Соловяненко, Н. И. Эволюция предпринимательского права как фактор устойчивого развития / Н. И. Соловяненко // *Modern Science*. – 2019. – № 6-3. – С. 124–129.

330. Сорокин, П. А. Система социологии / П. А. Сорокин. – Москва : Астрель, 2008. – 1003 с. – ISBN 978-5-271-14765-4.

331. Сорокин, П. А. Социологические теории современности: специализированная информация по общеакадемической программе «Человек, наука, общество: комплексное исследование» / П. А. Сорокин. – Москва : ИНИОН, 1992. – 193 с.

332. Социокультурные факторы инновационной активности населения: исследовательский отчет / Е. В. Антонов, А. А. Аузан, В. А. Брызгалин [и др.]. – Москва : Ин-т национальных проектов; Российская венчурная компания, 2019. – 124 с. – ISBN 978-5-6043949-0-8.

333. Социологический энциклопедический словарь: на русском, английском, немецком, французском и чешском языках. – Москва : ИНФРА-М, 1998. – 488 с. – ISBN 5-89123-162-X.

334. Стандарт комплексной профилактики нарушений обязательных требований, утв. протоколом заседания проектного комитета от 12 сентября 2017 г. № 61 (11).

335. Старостин, М. Г. Изменение и анализ состояния региональной регуляторной среды для развития предпринимательской инициативы / М. Г. Старостин, Н. В. Парушина, Н. А. Лытнева. – DOI 10.36683/2076-5347-2020-2-52-253-262 // *Вестник ОрелГИЭТ*. – 2020. – № 2 (52). – С. 253–262.

336. Стиглиц, Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99 % населения? / Дж. Стиглиц. – Москва : Эксмо, 2016. – 480 с. – ISBN 978-5-699-83649-9.

337. Субетто, А. И. Эпоха Великого Эволюционного Перелома как эпоха императива ноосферного преобразования мира / А. И. Субетто. – Москва : Междунар. акад. методологии гос. упр., 2020. – Т. 348 (390). – 16 с. – ISBN 978-5-91578-342.

338. Сурнина, Н. М. Фрактальные структуры в социально-экономическом пространстве Уральского макрорегиона : монография / Н. М. Сурнина, Е. А. Шишкина, Е. В. Радковская, М. А. Козлова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2014. – 180 с. – ISBN 978-5-9656-0198-1.

339. Сухарев, О. С. Институты, поведение агентов и эффективность / О. С. Сухарев. – DOI 10.17835/2076-6297.2016.8.1.054-071 // Журнал институциональных исследований. – 2016. – Т. 8, № 1. – С. 54–71.

340. Сухарев, О. С. Управление структурой технологического развития: риск и «процентный портфель» / О. С. Сухарев. – DOI 10.29141/2218-5003-2019-10-1-1 // Управленец. – 2019. – Т. 10, № 1. – С. 2–15.

341. Сухарев, О. С. Экономическая политика – институциональный механизм : монография / О. С. Сухарев. – 2-е изд., перераб. – Москва : Ленанд, 2018. – 542 с. – ISBN 978-5-9710-5511-2.

342. Сухарев, О. С. Экономический рост, институты и технологии : монография / О. С. Сухарев. – Москва : Финансы и статистика, 2014. – 458 с. – ISBN 978-5-2790-3554-0.

343. Сэй, Ж.-Б. Трактат по политической экономии / Ж.-Б. Сэй. – Москва : Дело, 2000. – 229 с. – ISBN 5-7749-0190-4.

344. Тамбовцев, В. Л. Методы экономического анализа права в проектировании нормативно-правовых актов / В. Л. Тамбовцев // Российский журнал правовых исследований. – 2014. – Т. 1, № 4 (1). – С. 101–107.

345. Тамбовцев, В. Л. Миф о «культурном коде» в экономических исследованиях / В. Л. Тамбовцев. – DOI 10.32609/0042-8736-2015-12-85-106 // Вопросы экономики. – 2015. – № 12. – С. 85–106.

346. Тамбовцев, В. Л. Устойчивое региональное развитие: актуальные направления институционального анализа / В. Л. Тамбовцев. – DOI 10.17835/2076-6297.2019.11.3.104-118 // Журнал институциональных исследований. – 2019. – Т. 11, № 3. – С. 104–118.

347. Тамбовцев, В. Л. Экономическая теория неформальных институтов : монография / В. Л. Тамбовцев. – Москва : Проспект, 2017. – 176 с. – ISBN 978-5-392-26306-6.

348. Татаркин, А. И. Государственно-правовое регулирование в России. Как его оценить? / А. И. Татаркин // Экономика и управление. – 2013. – № 9 (95). – С. 3–11.

349. Татаркин, А. И. Диалектика государственного и рыночного регулирования социально-экономического развития регионов и муниципалитетов / А. И. Татаркин. – DOI 10.17059/2014-1-1 // Экономика региона. – 2014. – № 1 (37). – С. 9–33.

350. Татаркин, А. И. Формирование парадигмальной теории региональной экономики / А. И. Татаркин, Е. Г. Анимица // Экономика региона. – 2012. – № 3 (31). – С. 11–22.

351. Теория и практика регуляторной политики в России : монография / А. Б. Дидикина, О. В. Москвани, М. А. Дмитриев [и др.] ; под ред. А. Б. Дидикина. – Москва : Проспект, 2020. – 248 с. – ISBN 978-5-7986-0002-1.

352. Тимофеев, Е. А. Роль экономического анализа права в условиях российской правовой системы / Е. А. Тимофеев // Вестник Костромского государственного университета. – 2015. – Т. 21, № 4. – С. 186–188.

353. Тихомиров, Ю. А. Регулирующее воздействие: методики и опыт / Ю. А. Тихомиров. – Москва : Юриспруденция, 2016. – 72 с. – ISBN 978-5-9516-0769-0.

354. Тихомиров, Ю. А. Эффективность законодательства в экономической сфере. Научно-практическое исследование : научные работы / Ю. А. Тихомиров, Б. М. Баранов, С. В. Васильева. – Москва : Волтерс Клувер, 2010. – 384 с. – ISBN 978-5-466-00636-0.

355. Ткаченко, Н. Статистический анализ федерального законодательства / Н. Ткаченко. – Москва : Гарант, 2017. – 60 с.

356. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. – Москва : Астрель: АСТ, 2003. – 1578 с.

357. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва : Сов. энцикл., 1935–1940.

358. Толмачева, А. Регуляторная политика и усовершенствование бизнес среды в Украине / А. Толмачева, В. Ляшенко, В. Хахулин, О. Якубьяк // Вестник экономической науки Украины. – 2013. – № 2 (24). – С. 156–164.

359. Толмачева, А. Ф. Малое предпринимательство Украины в условиях кризиса: анализ развития и проблем / А. Ф. Толмачева, А. С. Квилинский // Управление экономикой: теория и практика. – 2013. – № 5. – С. 131–148.

360. Толмачева, А. Ф. Пути сокращения административных барьеров в развитии малого и среднего предпринимательства / А. Ф. Толмачева // Управление экономикой: теория и практика. – 2011. – № 3. – С. 168–182.

361. Трансформация // Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – Москва : Сов. энциклопедия, 1969–1978. – URL: <https://gufo.me/dict/bse/> Трансформация (дата обращения: 20.07.2021).

362. Третьякова, Е. А. Методический подход к комплексной оценке устойчивого развития региона в условиях экологизации экономики / Е. А. Третьякова, Т. В. Миролубова, Ю. Г. Мыслякова, Е. А. Шамова. – DOI 10.15826/vestnik.2018.17.4.029 // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 651–669.

363. Тросби, Д. Экономика и культура / Д. Тросби ; пер. с англ. И. Кушнаревой. – 2-е изд. – Москва : Высшая школа экономики, 2018. – 254 с. – ISBN 978-5-7598-1524-2.

364. Тюнен, Й. Изолированное государство / Й. Тюнен ; пер. Е. А. Торнеус ; под ред. А. А. Рыбникова. – Москва : Экономическая жизнь, 1926. – 326 с.

365. Фадейкина, Н. В. Институциональные условия внедрения оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов в области предпринимательской деятельности в практику регионального публичного управления / Н. В. Фадейкина, Н. В. Брюханова // Сибирская финансовая школа. – 2014. – № 2 (103). – С. 3–10.

366. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. – URL: <https://regulation.gov.ru/projects#sysfilters=12> (дата обращения: 25.09.2021).

367. Федулова, Е. А. Формирование и развитие регуляторной среды доверительного управления прямыми инвестициями в Российской Федерации и мире / Е. А. Федулова, Ю. М. Емохонова // Непрерывное профессиональное образование и новая экономика. – 2018. – № 1 (2). – С. 151–165.

368. Фролов, Д. П. Имеют ли институты значение для пространственной экономики? / Д. П. Фролов. – DOI 10.14530/se.2015.1.014-037 // Пространственная экономика. – 2015. – № 1. – С. 14–37.

369. Хавинсон, В. Х. Увеличение ресурса жизнедеятельности человека в условиях новой демографической реальности / В. Х. Хавинсон, О. Н. Михайлова, И. Г. Попович. – DOI 10.26163/RAEN.2021.28.92.003 // Вестник образования и развития науки Российской академии естественных наук. – 2021. – № 1. – С. 30–37.

370. Хайек, Ф. А. фон. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. / Ф. А. фон Хайек. – Москва : Либеральная миссия, 2003. – 286 с. – ISBN 5-94282-169-0.

371. Хайек, Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Ф. А. фон Хайек. – Москва : ИРИСЭН ; Челябинск : Социум, 2016. – 644 с. – ISBN 978-5-91066-063-6.

372. Хизрич, Р. Предпринимательство, или Как завести собственное дело и добиться успеха : пер. с англ. / Р. Хизрич, М. Питерс. – Москва : Прогресс-Универс, 1991. – 160 с.

373. Ходжсон, Дж. Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории / Дж. Ходжсон ; пер. с англ. М. Я. Каждана. – Москва : Дело, 2003. – 279 с. – ISBN 5-7749-0307-9.

374. Хорунжий, С. Н. Конституционная идеология как элемент правовой среды / С. Н. Хорунжий // Государственная власть и местное самоуправление. – 2014. – № 10. – С. 3–6.

375. Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований : монография / Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, Р. В. Амелин [и др.]. – Москва : Ин-т государства и права РАН, 2020. – 340 с. – ISBN 978-5-8339-0188-5.

376. Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е. И. Добролюбова, В. Н. Южаков, А. А. Ефремов [и др.]. – Москва : Дело, 2019. – 114 с. – ISBN 978-5-7749-1434-0.

377. Чадаев, А. В. Константы русской политической культуры : сб. / А. В. Чадаев. – Москва : Европа, 2007. – 96 с. – ISBN 978-5-9739-0119-6.

378. Черкашин, А. К. Географическая среда и территориальная организация Арктики / А. К. Черкашин // География и природные ресурсы. – 2015. – № 4. – С. 81–89.

379. Четчуев, М. В. Об отмене устаревших нормативных актов / М. В. Четчуев // Железнодорожный транспорт. – 2020. – № 12. – С. 52–53.

380. Чичерин, Б. Н. Опыты по истории русского права / Б. Н. Чичерин. – Москва : К. Солдатенков и Н. Щепкин, 1858. – 402 с.

381. Шанин, С. А. Институциональная, организационно-экономическая и правовая среда сельскохозяйственного землепользования в регионе / С. А. Шанин, Е. Н. Шанина // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. – 2014. – № 4. – С. 690–695.

382. Шарапов, С. Ф. Бумажный рубль: его теория и практика / С. Ф. Шарапов. – Санкт-Петербург : Обществ. польза, 1895. – 156 с.

383. Шаститко, А. Е. Почему экономический анализ права имеет значение? / А. Е. Шаститко, Н. С. Павлова // Закон. – 2018. – № 3. – С. 57–66.

384. Шахмаева, Е. Е. Информационная безопасность в условиях цифровизации: проблемы и перспективы / Е. Е. Шахмаева, Ю. А. Мальцева // Российские регионы в фокусе перемен : сб. докл. XIV Междунар. конф. (Екатеринбург, 14–16 ноября 2019 г.). – Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2020. – С. 163–165.

385. Шваб, К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution : пер. с англ. / К. Шваб. – Москва : Эксмо, 2018. – 288 с. – ISBN 978-5-699-98379-7.

386. Швецов, А. Н. Либерализация государственной региональной политики / А. Н. Швецов. – DOI 10.32609/0042-8736-2006-7-73-83 // Вопросы экономики. – 2006. – № 7. – С. 73–83.

387. Швецов, А. Н. Российская информатизация в региональном измерении / А. Н. Швецов // Федерализм. – 2012. – № 4 (68). – С. 73–84.

388. Шеломенцев, А. Г. Современные модели адаптации населения к динамично меняющимся социально-экономическим условиям жизни / А. Г. Шеломенцев, Т. Н. Бессонова, К. С. Гончарова. – DOI 10.21209/2227-9245-2020-26-10-136-149 // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2020. – Т. 26, № 10. – С. 136–149.

389. Шклярчук, М. С. Перезагрузка матрицы: как избавить бизнес и общество от ненужных правил / М. С. Шклярчук, Д. Б. Цыганков // РБК. – URL: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/26/09/2017/59ca24239a7947371d080a9b> (дата обращения: 12.10.2017).

390. Шнипер, Р. И. Регион: диагностика и прогнозирование / Р. И. Шнипер. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2001. – 135 с.

391. Шолух, Н. В. Системная модель исследования культурно-исторической среды промышленного города / Н. В. Шолух, М. А. Черныш // Вестник Донбасской национальной академии строительства и архитектуры. – 2016. – № 2 (118). – С. 36–41.

392. Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия = Theorie der wirtschaftlichen entwicklung. Capitalism, socialism and democarcy / Й. А. Шумпетер ; пер. с нем. В. С. Автономова [и др.]. – Москва : Эксмо, 2007. – 540 с. – ISBN 978-5-699-19290-8.

393. Щербакова, Л. Н. «Человек информационный» как новый субъект цифровой экономики / Л. Н. Щербакова, Е. К. Евдокимова, С. А. Савинцева // Фундаментальные исследования. – 2019. – № 11. – С. 202–206.

394. Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние: научные записки и очерки / науч. ред. О. Т. Богомолов. – Москва : Ин-т экон. стратегий, 2008. – 222 с. – ISBN 978-5-93618-147-4.

395. Экономический анализ нормативных актов / под ред. В. Л. Тамбовцева. – Москва : ТЕИС, 2001. – 407 с. – ISBN 5-7218-0340-1.
396. Экономическое здоровье российских регионов: ковидные осложнения». – URL: <https://raexpert.ru/docbank/f3c/d69/4de/034b6483d3ca80083061390.pdf> (дата обращения: 25.09.2021).
397. Эрхард, Л. Мышление порядка в рыночной экономике // Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России / Р. М. Нуреев, К. Н. Костюк, Г. Г. Попов [и др.]. – Москва : Высшая школа экономики, 2007. – 325 с. – С. 32–40.
398. Яковлев, А. А. Эволюция стратегий взаимодействия бизнеса и власти в российской экономике / А. А. Яковлев // Российский журнал менеджмента. – 2005. – Т. 3, № 1. – С. 27–52.
399. Янжул, И. И. Экономическое значение честности (забытый фактор производства) / И. И. Янжул. – Москва : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1912. – 27 с.
400. Abolafia, M. Markets as cultures: an ethnographic approach / M. Abolafia // The law of markets / ed. by M. Callon. – Oxford : Blackwell, 1998. – P. 69–85.
401. Acemoglu, D. Reversal of fortune: geography and institutions in the making of the modern world income distribution / D. Acemoglu, S. Johnson, J. Robinson // Quarterly journal of economics. – 2002. – Vol. 117, no. 4. – P. 1231–1294.
402. Acemoglu, D. The colonial origins of comparative development: an empirical investigation / D. Acemoglu, S. Johnson, J. Robinson // The American economic review. – 2001. – Vol. 91, no. 5. – P. 1369–1401.
403. Algan, Y. Trust, growth and well-being: new evidence and policy implications / Y. Algan, P. Cahuc // Handbook of economic growth. – 2013. – Vol. 2. – P. 49–120.
404. Arrow, K. J. Gifts and exchanges / K. J. Arrow // Philosophy and public affairs. – 1974. – Vol. 1, no. 4. – P. 343–362.
405. Arrow, K. J. Social choice and individual values / K. J. Arrow. – 2nd ed. – New Haven : Yale University Press, 1963. – 124 p.

406. Audretsch, D. B. Handbook of research on entrepreneurship policy / D. B. Audretsch, I. Grillo, A. R. Thurik. – Cheltenham : Edward Elgar, 2007. – 41 p.
407. Badie, B. La fin des territoires: essai sur le désordre international et sur l'utilité social du respect / B. Badie. – Paris : Fayard, 1995. – 278 p.
408. Becker, G. S. Crime and punishment: an economic approach / G. S. Becker // Journal of political economy. – 1968. – No. 76 (2). – P. 169–217.
409. Bentham, J. An introduction to the principles of morals and legislation / J. Bentham. – Oxford : Clarendon Press, 1823. – 378 p.
410. Borts, G. H. Economic growth in a free market / G. H. Borts, J. L. Stein. – New York : Columbia University Press, 1964. – 234 p.
411. Boudeville, J. Les espaces économiques / J. Boudeville. – Paris : PUF, 1970. – 126 p.
412. Boudreaux, C. J. Institutional quality and the wealth of autocrats / C. J. Boudreaux, R. Holcombe // European Journal of Government and Economics. – 2017. – No. 2. – P. 106–125.
413. Buchanan, J. M. The calculus of consent: logical foundations of constitutional democracy / J. M. Buchanan, G. Tullock. – Michigan : University of Michigan, 1962. – 384 p.
414. Budanov, V. Manipulative marketing technologies in new digital reality / V. Budanov, I. Aseeva // Економічний часопис-XXI. – 2019. – № 11–12. – P. 58–68.
415. Calabresi, G. About law and economics: a letter to Ronald Dworkin / G. Calabresi // Hofstra Law Review. – 1979–1980. – Vol. 8, no. 3. – P. 553–562.
416. Canton, J. Future smart: managing the game-changing trends that will transform your world hardcover / J. Canton. – Boston : Da Capo Press, 2015. – 256 p. – ISBN 0306822865.
417. Cass, D. Optimum growth in an aggregative model of capital accumulation / D. Cass // The review of economic studies. – 1965. – No. 32. – P. 233–240.
418. Castells, M. The rise of the network society, the information age: economy, society and culture. – Vol. I. / M. Castells. – 2nd ed. – Oxford : Blackwell, 2009. – 556 p. – ISBN 9781405196864

419. Cheung, S. A. A Theory of Price Control / S. A. Cheung // Journal of law and economics. – 1974. – Vol. 17. – P. 53–69.
420. Cheung, S. A. Transaction costs, risk aversion, and the choice of contractual arrangements / S. A. Cheung // Journal of law and economics. – 1969. – Vol. 12, no. 1. – P. 23–42.
421. Chorafas, O. Capitalism without capital / O. Chorafas. – Hampshire : Basingstone, 2009. – 264 p.
422. Coase, R. Law and economics at Chicago / R. Coase // Journal of law and economics. – 1993. – Vol. 36, no. 1. – P. 239–254.
423. Cobb, C. W. A Theory of production / C. W. Cobb, P. H. Douglas // American economic review. – 1928. – Vol. 18. – P. 139–165.
424. Coleman, J. S. Foundations of social theory / J. S. Coleman. – Cambridge : Harvard University Press, 1990. – 993 p.
425. Coleman, J. S. Introducing social structure into economic analysis / J. S. Coleman // The American economic review. – 1984. – Vol. 74, no. 2. – P. 84–88.
426. Commons, J. Institutional economics. Vol. 1, 2 / J. Commons. – Madison : The University of Wisconsin Press, 1959. – 921 p.
427. Commons, J. R. Institutional economics / J. R. Commons // The American economic review. – 1931. – Vol. 21, no. 4. – P. 648–657.
428. Commons, J. R. Principles of labor legislation / J. R. Commons, J. B. Andrews. – New York : Harper, 1916. – 524 p.
429. Cope, J. Social capital and entrepreneurship: an introduction / J. Cope, S. Jac, M. Rose // International Small Business Journal. – 2007. – No. 3. – P. 213–220.
430. Costanza, R. Beyond GDP: The need for new measures of progress / R. Costanza, M. Hart, J. Talberth, S. Posner. – Boston : Pardee/Center for the Study of the Longer-Range Future, 2009. – 37 p.
431. D'Agostino, F. Contemporary approaches to the social contract / F. D'Agostino, G. Gaus, J. Thrasher // The Stanford encyclopedia of philosophy / ed. by N. Z. Edward. – Stanford : Stanford University, 2014. – URL: <https://plato.stanford.edu/entries/contractarianism-contemporary> (дата обращения: 25.09.2021).

432. Daly, H. E. For the common good / H. E. Daly, J. B. Cobb. – Boston : Beacon Press, 1989. – 482 p. – ISBN 0-8070-4702-3.
433. Davis, L. Institutional change and American economic growth / L. Davis, D. North. – Cambridge : Cambridge University Press, 1971. – 282 p.
434. De Boer, B. Sustainable national income and multiple indicators for sustainable development / B. De Boer, R. Hueting. – Paris : OECD Publishing, 2004. – 427 p.
435. De Soto, H. The other path: the invisible revolution in the third world / H. De Soto. – New York : Harper & Row, 1989. – 271 p.
436. Deighton-Smith, R. Promoting inclusive growth through better regulation: the role of regulatory impact assessment / R. Deighton-Smith, A. Erbacci, C. Kauffmann. – Paris : OECD Publishing, 2016. – 54 p. – (OECD regulatory policy working papers, no. 3).
437. Djankov, S. Regulation and growth / S. Djankov, C. McLiesh, R. M. Ramalho // *Economic letters*. – 2006. – Vol. 92, no. 3. – P. 395–401.
438. Domar, E. D. Capital expansion, rate of growth, and employment / E. D. Domar // *Econometrica*. – 1946. – Vol. 14, no. 2. – P. 137–147.
439. Edelman trust barometer 2020: global report. – URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2020-01/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report_LIVE.pdf (дата обращения: 20.02.2021).
440. Evans, P. Bureaucracy and growth: a cross-national analysis of the effects of “Weberian” state structures on economic growth / P. Evans, J. E. Rauch // *American sociological review*. – 1999. – Vol. 64, no. 5. – P. 748–765.
441. Evans, P. B. Bringing the state back in: new perspectives on the state as institution and social actor / P. B. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol. – New York : Cambridge University Press, 1985. – 390 p.
442. Fligstein, N. Fields, power, and social skill: a critical analysis of the new institutionalisms / N. Fligstein // *Journal of economic sociology*. – 2001. – Vol. 2, no. 1. – P. 4–25.

443. Freeman, C. Structural crises of adjustment: business cycles and investment behavior / C. Freeman, C. Perez // *Technical change and economic theory*. – London : Pinter Publishers, 1988. – P. 38–66.
444. Friedmann, J. Regional development policy: a case study of Venezuela / J. Friedmann. – Cambridge : MIT Press, 1966. – 279 p.
445. Fujita, M. Structural stability and evolution of urban systems / M. Fujita, T. Mori // *Regional science and urban economics*. – 1996. – No. 27. – P. 4–5.
446. Fujita, M. The spatial economy: cities, regions and international trade / M. Fujita, P. Krugman, A. J. Venables. – Cambridge : MIT Press, 1999. – 384 p.
447. Fukuyama, F. Trust: the social virtues and the creation of prosperity / F. Fukuyama. – New York : The Free Press, 1995. – 457 p.
448. Galbraith, J. K. The new industrial state / J. K. Galbraith. – Boston : Houghton Mifflin, 1967. – 443 p.
449. Gallup, J. L. geography and economic development / J. L. Gallup, J. Sachs, A. Mellinger // *International regional science review*. – 1999. – Vol. 22. – P. 179–232.
450. Galor, O. Unified growth theory / O. Galor. – Princeton : Princeton University Press, 2011. – 344 p. – ISBN 978-0691130026.
451. Gerschenkron, A. Economic backwardness in historical perspective / A. Gerschenkron. – Cambridge : Harvard University Press, 1962. – 456 p.
452. Giddens, A. The constitution of society. Outline of the theory of structuration / A. Giddens. – Cambridge : Polity Press, 1986. – 417 p.
453. Gneezy, U., A Fine is a price / U. Gneezy, A. Rustichini // *The journal of legal studies*. – 2000. – Vol. 29, no. 1. – P. 1–17.
454. Görgens, T. How does public regulation affect growth? / T. Görgens, M. Paldam, A. Würtz. – Aarhus: University of Aarhus, 2003. – 20 p. – (University of Aarhus working paper, no. 2003-14).
455. Hägerstrand, S. T. E. Innovation diffusion as a spatial process / S. T. E. Hägerstrand. – Chicago : The University of Chicago Press, 1967. – 357 p.
456. Haggett, P. Locational analysis in human geography / P. Haggett. – London : Edward Arnold, 1965. – 339 p.

457. Hall, R. Why do some countries produce so much more output per worker than others? / R. Hall, C. Jones // *Quarterly journal of economics*. – 1999. – No. CXIV. – P. 83–116.

458. Harari, Y. N. 21 Lessons for the 21st century / Y. N. Harari. – London : Jonathan Cape, 2018. – 306 p. – ISBN 978-0-5255-1217-2.

459. Harris, C. D. The market as a factor in the localization of industry in the United States / C. D. Harris // *Annals of the Association of American geographers*. – 1954. – Vol. 44, no. 4. – P. 315–348.

460. Harrod, R. F. Towards a dynamic economics: some recent developments of economic theory and their application to policy / R. F. Harrod. – London : Macmillan, 1942. – 168 p.

461. Hayami, Y. Toward an east Asian model of economic development / Y. Hayami // *The institutional foundations of east Asian economic development*. – London : Macmillan, 1998. – P. 3–35.

462. Hayek, F. A. von. Sensory order: an inquiry into the foundations of theoretical psychology / F. A. von Hayek. – Chicago : University of Chicago Press, 1952. – 244 p.

463. Hayek, F. A. von. The fatal conceit. The errors of socialism / F. A. von Hayek. – Chicago : The University of Chicago Press, 1988. – 194 p.

464. Heckscher, E. The effect of foreign trade on the distribution of income / E. Heckscher // *Ekonomisk Tidskrift*. – 1919. – Vol. 21. – P. 497–512.

465. Hirschman, A. The strategy of economic development / A. Hirschman. – New Haven : Yale University Press, 1958. – 217 p.

466. Hobbes, T. Leviathan or the matter, forme and power of a common-wealth ecclesiasticall and civil / T. Hobbes. – London : A. Crooke, 1651. – 396 p.

467. Holmes, O. W. The common law (1882) / O. W. Holmes. – Toronto : University of Toronto Law School, Typographical Society, 2011. – 381 p.

468. Horwitz, M. J. The transformation of American law, 1780–1860 / M. J. Horwitz. – Cambridge : Harvard University Press, 1977. – 384 p.

469. Human Development Report 1990: Concept and Measurement of Human Development. – New York : United Nations Development Programme, 1990. – 189 p.

470. Hume, D. An enquiry concerning the principles of morals / D. Hume. – London : A. Millar, 1751. – 253 p.

471. Inglehart, R. F. Cultural evolution. people's motivations are changing, and reshaping the world / R. F. Inglehart. – Cambridge : Cambridge University Press, 2018. – 288 p.

472. International Property Rights Index. – URL: <https://www.international-propertyrightsindex.org> (дата обращения: 12.08.2021).

473. Jacobzone, S. Assessing the impact of regulatory management systems / S. Jacobzone, F. Steiner, E. Ponton, E. Job. – Paris : OECD Publishing, 2010. – 67 p. – (OECD working papers on public governance, no. 17).

474. Kahneman, D. Choices, Values and Frames / D. Kahneman, A. Tversky. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – 840 p.

475. Keynes, J. M. The general theory of employment, interest and money / J. M. Keynes. – London : Macmillan, 1936. – 404 p.

476. Klimanov, V. V. Economic and fiscal resilience of Russia's regions / V. V. Klimanov, S. M. Kazakova, A. A. Mikhaylova // Regional science policy and practice. – 2020. – Vol. 4. – P. 627–640.

477. Knack, S. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation / S. Knack, P. Keefer // Quarterly journal of economics. – 1997. – Vol. 112. – P. 1251–1288.

478. Koopmans, T. C. On the concept of optimal economic growth / T. C. Koopmans. – New Haven : Yale University Press, 1963. – 39 p. – (Cowles Foundation Discussion Paper, no. 163).

479. Krueger, A. Globalization and International Locational Competition. Lecture at the Kiel Institute, May 11, 2006 / A. Krueger. – URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/sp051106> (дата обращения: 01.08.2020).

480. Krugman, P. Increasing returns and economic geography / P. Krugman // Journal of political economy. – 1991. – No. 99. – P. 483–499.

481. Kuznets, S. Schumpeter's business cycles / S. Kuznets // *The American economic review*. – 1940. – Vol. 30, iss. 2. – P. 257–271.
482. Lancaster, K. J. A New approach to consumer theory / K. J. Lancaster // *journal of political economy*. – 1966. – Vol. 74. – P. 132–157.
483. Lancaster, K. J. Change and innovation in the technology of consumption / K. J. Lancaster // *American Economic Review*. – 1966. – Vol. 56, no. 2. – P. 14–23.
484. Lanier J. *Who Owns the Future?* / J. Lanier. – New York: Simon & Schuster, 2013. – 367 p. – ISBN1451654967.
485. Lanier, J. *Ten arguments for deleting your social media accounts right now* / J. Lanier. – New York : Henry Holt and Co., 2018. – 160 p. – ISBN 9781250196682.
486. Lasuen, J. R. On growth poles / J. R. Lasuen // *Urban studies*. – 1969. – No. 6. – P. 137–152.
487. Lawrence, T. B. Institutional theory / T. B. Lawrence, M. Shadnam // *The international encyclopedia of communication* / ed. by W. Donsbach. – Malden : Blackwell Publishing, 2008. – P. 2288–2293.
488. Lentner, C. New dimensions of internal controls in banking after the GFC / C. Lentner, L. Vasa, P. Kolozsi, Z. Zéman // *Економічний часопис-XXI*. – 2019. – Т. 176, № 3–4. – С. 38–48.
489. Llewellyn, K. N. The Effect of Legal Institutions upon Economics / K. N. Llewellyn // *American Economic Review*. – 1925. – Vol. 15, no. 4. – P. 665–683.
490. Loayza, N. V. Regulation and macroeconomic performance / N. V. Loayza, A. M. Oviedo, L. Servén. – Washington: World Bank, 2004. – 44 p. – (Policy research working paper, no. 3469).
491. Lorenz, A. *The Economic Growth Debate – Geography versus Institutions: Is There Anything Really New?* / A. Lorenz, H.-R. Hemmer, S. Ahlfeld. – Gießen : Justus-Liebig-Universität Gießen, 2005. – 19 S. – (Entwicklungsökonomische Diskussionsbeiträge, No. 34).
492. Lösch, A. *Die räumliche Ordnung der Wirtschaft: eine Untersuchung über Standort, Wirtschaftsgebiete und internationalem Handel* / A. Lösch. – Jena : Fischer, 1940. – 380 S.

493. Luhmann, N. Trust and power / N. Luhmann. – Chichester : John Wiley and Sons Inc., 1979. – 208 p.
494. Malyshev, N. Regulatory policy: OECD experience and evidence / N. Malyshev // Oxford review of economic policy. – Vol. 22, no. 2. – P. 274–299.
495. Mankiw, G. Contribution to the empirics of economic growth / G. Mankiw, D. Romer, D. Weil. – Washington : National Bureau of Economic Research, 1990. – 48 p. – (NBER Working Paper, no. 3541).
496. Medvedev, D. A new reality: Russia and global challenges / D. Medvedev // Russian journal of economics. – 2015. – № 1. – P. 109–129.
497. Miguel, E. Corruption, norms, and legal enforcement: evidence from diplomatic parking tickets / E. Miguel, R. Fisman // Journal of political economy. – 2007. – Vol. 115, no. 6. – P. 1020–1040.
498. Miller, T. 2016 index of economic freedom. Promoting Economic Opportunity and Prosperity / T. Miller, A. B. Kim. – Washington : The Heritage Foundation, 2016. – 500 p. – ISBN 978-0-89195-290-9.
499. Myrdal, G. Economic theory and undeveloped regions / G. Myrdal. – London : Duckworth, 1957. – 167 p.
500. Nelson, R. An evolutionary theory of economic change / R. Nelson, S. Winter. – Cambridge : Belknap Press of Harvard University Press, 1982. – 437 p.
501. North, D. C. Institutions and economic growth: an historical introduction / D. C. North // World development. – 1989. – Vol. 17, no. 9. – P. 1319–1332.
502. North, D. C. Institutions, institutional change and economic performance / D. C. North. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 159 p.
503. North, D. C. Institutions, transaction costs and economic growth / D. C. North // Economic inquiry. – 1988. – Vol. 25. – P. 419–428.
504. Novikova, N. M. Education in a new social reality: covid-19 lessons / N. M. Novikova, P. I. Ananchenkova // Labour and social relations journal. – 2020. – Vol. 4. – P. 57–64.
505. Ohlin, B. Interregional and international trade / B. Ohlin. – Cambridge : Harvard university press, 1933. – 617 p.

506. Olson, M. The logic of collective action: public goods and the theory of groups / M. Olson. – Cambridge : Harvard University Press, 1965. – 208 p.

507. Ozawa, T. Exploring the Asian economic miracle: politics, economics, society, culture, and history – a review article / T. Ozawa // *Journal of Asian studies*. – 1994. – Vol. 53. – P. 124–131.

508. Pere, E. Impact of good governance in the economic development of Western Balkan countries / E. Pere // *European journal of government and economics*. – 2015. – Vol. 1. – P. 25–45.

509. Perroux, F. Economic space: theory and applications / F. Perroux // *Quarterly journal of economics*. – 1950. – Vol. 64, no. 1. – P. 89–104.

510. Piore, M. J. The second industrial divide: possibilities for prosperity / M. J. Piore, C. F. Sabel. – New York : Basic Books, 1984. – 368 p.

511. Pipes, R. E. Russia under the old regime / R. E. Pipes. – New York : Charles Scribner's Sons, 1974. – 361 p.

512. Polanyi, K. The great transformation / K. Polanyi. – New York : Rinehart, 1944. – 317 p.

513. Porter, M. Competitive advantage / M. Porter. – New York : The Free Press, 1985. – 586 p. – ISBN 0-684-84146-0.

514. Posner, R. A. Economic analysis of law / R. A. Posner. – 7th ed. – Austin : Wolters Kluwer Law & Business, 2007. – 787 p.

515. Pottier, P. Axes de communication et développement économique / P. Pottier // *Revue économique*. – 1963. – Vol. 14, no. 1. – P. 58–132.

516. Przeworski, A. Democracy and development. political institutions and well-being in the world 1950–2000 / A. Przeworski, M. E. Alvarez, J. A. Cheibub, F. Limongi. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – 321 p.

517. Radaev, V. Establishing trust in a distrustful society: the case of Russian business / V. Radaev // In: *Trust and Entrepreneurship: A West-East Perspective*. – 2005. – P. 114–135.

518. Ramsey, F. P. A mathematical theory of saving / F. P. Ramsey // *The Economic Journal*. – 1928. – Vol. 38, iss. 152. – P. 543–559.

519. Rawls, J. A theory of justice (1971) / J. Rawls. – Harvard : Belknap Press of Harvard University Press, 1999. – 538 p.
520. Recommendation of the Council on regulatory policy and governance / OECD. – Paris : OECD Publishing, 2012. – 32 p.
521. Reilly, W. J. The law of retail gravitation / W. J. Reilly. – New York : Knickerbocker Press, 1931. – 75 p.
522. Reiser, M. Firms trust? Evidence from a survey of 26 transition economies / M. Reiser, A. Rousso, F. Stein. – Budapest : Collegium Budapest, 2003. – 21 p.
523. Repetto, R. Wasting assets, natural resources in the national income accounts / R. Repetto, W. Magrath, M. Wells [et al.]. – Washington : World Resources Institute, 1989. – 68 p. – ISBN 0-915825-31-7.
524. Ricardo, D. On the principles of political economy and taxation / D. Ricardo. – Cambridge : Cambridge University Press, 1951. – 603 p.
525. Riker, W. Comment on: “American experiment in constitutional choice” / W. Riker // Public choice. – 1976. – Vol. 27. – P. 13–15.
526. Roberts, P. C. How America was lost: from 9/11 to the police/warfare state / P. C. Roberts. – New York : Clarity Press, 2014. – 464 p. – ISBN 978-0-9860-3629-3.
527. Rodrik, D. Institutions rule: the primacy of institutions over geography and integration in economic development / D. Rodrik, A. Subramanian, F. Trebbi. – Washington : International Monetary Fund, 2002. 44 p. – (IMF Working Paper, WP/02/189).
528. Roland, G. Transition and economics. Politics, markets and firms / G. Roland. – Cambridge, Massachusetts : The MIT Press, 2000. – 400 p.
529. Rueschemeyer, D. Structural differentiation, efficiency and power / D. Rueschemeyer // American journal of sociology. – 1977. – No. 83 (1). – P. 1–25.
530. Sachs, J. D. Institutions don't rule: direct effects of geography on per capita income / J. D. Sachs. – Washington : National Bureau of Economic Research, 2003. – 12 p. – (NBER working paper ; no. 9490).
531. Sachs, J. D. Institutions matter, but not for everything: the role of geography and resource endowments in development shouldn't be underestimated / J. D. Sachs // Finance and development. – 2003. – Vol. 40, no. 2. – P. 38–41.

532. Schultz, T. W. Investment in human capital: the role of education and of research / T. W. Schultz. – New York : Free Press, 1971. – 272 p.
533. Seligmen, A. B. The problem of trust / A. B. Seligmen. – Princeton : Princeton University Press, 1997. – 231 p.
534. Siebert, H. Regional economic growth theory and policy / H. Siebert. – Scranton : International Textbook Co., 1969. – 217 p.
535. Simon, H. A. Administrative Behavior / H. A. Simon. – New York : Macmillan, 1947. – 159 p.
536. Smith, A. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations (1776) / A. Smith. – Oxford : Oxford University Press, 1998. – 618 p.
537. Smith, A. Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms (1766) / A. Smith. – Oxford : Clarendon Press, 1896. – 293 p.
538. Solow, R. On the intergenerational allocation of natural resources / R. Solow // Scandinavian journal of economics. – 1986. – Vol. 88. – P. 141–149.
539. Solow, R. M. A contribution to the theory of economic growth / R. M. Solow // Quarterly journal of economic. – 1956. – Vol. 70. – P. 65–94.
540. Stigler, G. J. The theory of economic regulation / G. J. Stigler // Bell journal of economics and management science. – 1971. – Vol. 2, no. 1. – P. 3–21.
541. Sunstein, C. R. After the rights revolution reconceiving the regulatory state / C. R. Sunstein. – Cambridge : Harvard University Press, 1990. – 284 p.
542. Swan, T. W. Economic Growth and Capital Accumulation / T. W. Swan // Economic Record. – 1956. – Vol. 32. – P. 334–361.
543. Sztompka, P. Trust: a sociological theory / P. Sztompka. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 214 p.
544. Thaler, R. H. Nudge: improving decisions about health, wealth, and happiness / R. H. Thaler, C. R. Sunstein. – New Haven : Yale University Press, 2008. – 293 p.
545. The anxious optimist in the corner office. 21st CEO survey / PwC. – 2018. – URL: <https://www.pwc.co.uk/who-we-are/regional-sites/northern-ireland/insights/CEO-Survey-01.html> (дата обращения: 25.09.2021).

546. The inclusive development index 2018: summary and data highlights. – Geneva : World Economic Forum, 2018. – 25 p.

547. Tobler, W. R. A computer movie simulating urban growth in the Detroit region / W. R. Tobler // *Economic geography*. – 1970. – Vol. 46. – P. 234–240.

548. Transparency International Russia. – URL: <https://www.transparency.org/en/countries/russia> (дата обращения: 29.01.2021).

549. Treshchevsky, Yu. I. Management of changes of socio-economic systems: economic analysis of the state and consequences of the systemic feature / Yu. I. Treshchevsky, I. E. Risin, L. S. Korobeinikova, V. V. Gavrilov // *Studies in systems, decision and control*. – 2018. – Vol. 135. – P. 21–30.

550. Turgel, I. The evaluation methodology for the ecological and economic potential of the metallurgical cluster / I. Turgel, L. Bozhko, O. Bazhenov // *Environmental and Climate Technologies*. – 2020. – Vol. 24, iss. 1. – P. 501–515.

551. Tversky, A. Judgment under uncertainty: Heuristics and biases / A. Tversky, D. Kahneman // *Science*. – 1974. – Vol. 185, no. 4157. – P. 1124–1131.

552. Uslaner, E. Honesty, trust and legal norms in the transition to democracy / E. Uslaner, G. Bădescu. – Budapest : Collegium Budapest, 2003. – 52 p.

553. Veblen, T. The place of science in modern civilization and other essays / T. Veblen. – New York : Huebsch, 1919. – 456 p.

554. Veblen, T. The theory of the leisure class: an economic study of institutions / T. Veblen. – New York : Macmillan, 1899. – 404 p.

555. Veblen, T. The vested interests and the common man / T. Veblen. – New York : B. W. Huebsch, 1919. – 183 p.

556. Veblen, T. Why is economics not an evolutionary science / T. Veblen // *Quarterly journal of economics*. – 1898. – Vol. 12, no. 4. – P. 373–397.

557. Weber, M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism (1905) / M. Weber. – London : Allen & Unwin Hyman, 1930. – 292 p.

558. Williamson, O. E. The economic institutions of capitalism / O. E. Williamson. – New York : Simon and Schuster, 1985. – 450 p.

559. World Competitiveness Yearbook. – Lausanne : IMD Publishing, 2018. – 4 p.

560. World Values Survey. – URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVS-Contents.jsp> (дата обращения: 09.04.2021).

561. Zheleznyakov, S. Reduction of social and economic asymmetry of territories in new economic conditions / S. Zheleznyakov, I. Risin // *Економічний часопис – XXI*. – 2017. – Vol. 166, no. 7–8. – P. 80–85.

Публикации автора по теме диссертации

562. Анимица, Е. Г. Методология анализа регуляторной среды региона / Е. Г. Анимица, И. И. Рахмеева. – DOI 10.31857/S086904990012502-4 // *Общественные науки и современность*. – 2020. – № 6. – С. 127–135.

563. Анимица, Е. Г. Третья институциональная революция и изменение структуры экономических отношений / Е. Г. Анимица, И. И. Рахмеева. – DOI 10.38197/2072-2060-2020-222-2-206-218 // *Научные труды Вольного экономического общества России*. – 2020. – Т. 222, № 2. – С. 206–218.

564. Анимица, Е. Г. Эконометрический факторный анализ развития регионов Уральского макрорегиона в эпоху четвертой промышленной революции / Е. Г. Анимица, И. И. Рахмеева. – DOI 10.22394/1996-0522-2020-5-51-64 // *Социум и власть*. – 2020. – № 5 (85). – С. 51–64.

565. Ергунова, О. Т. Трансформация профессиональных компетенций для нужд цифровой экономики / О. Т. Ергунова, А. В. Лебедев, И. И. Рахмеева. – DOI 10.38197/2072-2060-2021-230-4-502-507 // *Научные труды Вольного экономического общества России*. – 2021. – Т. 230, № 4. – С. 498–503.

566. Кулагина, Н. А. Институциональное управление технологическим будущим старопромышленного региона / Н. А. Кулагина, И. И. Рахмеева, А. Н. Лы-

сенко. – DOI 10.22394/2071-2367-2020-15-3-82-97 // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – Т. 15, № 3. – С. 82–97.

567. Лысенко, А. Н. Регулирование технологического развития регионов в современных условиях / А. Н. Лысенко, И. И. Рахмеева // Управление в условиях цифровизации социально-экономических процессов : сб. науч. ст. (Чебоксары, 20 октября 2020 г.). – Чебоксары : Чувашский гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева, 2020. – С. 207–211.

568. Рахмеева, И. И. Дисфункции правовой среды как препятствие технологическому развитию регионов. Часть 1 / И. И. Рахмеева // Russian Economic Bulletin. – 2020. – Т. 3, № 4. – С. 161–167. – URL: <http://dgpu-journals.ru/archives/11279> (дата обращения: 25.09.2021).

569. Рахмеева, И. И. Дисфункции правовой среды как препятствие технологическому развитию регионов. Часть 2 / И. И. Рахмеева // Russian Economic Bulletin. – 2020. – Т. 3, № 5. – С. 38–43. – URL: <http://dgpu-journals.ru/archives/11397> (дата обращения: 10.11.2020).

570. Рахмеева, И. И. Изменение содержания концепта «качество жизни» в цифровую эпоху / И. И. Рахмеева, А. Л. Золкин // Менеджмент в социальных и экономических системах : сб. ст. XII Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 17–18 декабря 2020 г.). – Пенза : Пензенский гос. аграр. ун-т, 2020. – С. 97–100.

571. Рахмеева, И. И. Институты технологического развития старопромышленных регионов / И. И. Рахмеева, А. Н. Лысенко. – DOI 10.15593/2224-9354/2020.4.13 // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2020. – № 4. – С. 152–166.

572. Рахмеева, И. И. Институциональные механизмы управления предложением рабочих профессий и их престижностью на региональном рынке труда / И. И. Рахмеева // Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем : материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 26–27 ноября 2020 г.). – Уфа : УФИЦ РАН, 2020. – С. 231–236.

573. Рахмеева, И. И. Исследование региональных процессов цифровизации / И. И. Рахмеева, А. Н. Лысенко, Р. С. Близкий // Управление устойчивым развитием. – 2021. – № 2 (33). – С. 14–21.

574. Рахмеева, И. И. Исследование региональных процессов цифровизации деятельности ключевых групп акторов цифровой трансформации / И. И. Рахмеева, А. Н. Лысенко, Р. С. Близкий // Устойчивое развитие регионов России в условиях цифровизации : монография / под общ. ред. Ю. Н. Шедько. – Москва : КноРус, 2022. – С. 62–84.

575. Рахмеева, И. И. Комплексная оценка эффективности управления инновационным развитием региона (на примере Свердловской области) / И. И. Рахмеева // Modern Economy Success. – 2020. – № 6. – С. 195–211. – URL: <http://mes-journal.ru/wp-content/uploads/2021/01/mes-6.pdf>.

576. Рахмеева, И. И. Неформальные институты развития инновационной экономики и неоиндустриального общества в регионе / И. И. Рахмеева, А. Н. Лысенко // Акселерация инноваций – институты и технологии : сб. ст. науч. делового форума (Уфа, 14–24 октября 2020 г.). – Уфа : Ин-т стратегич. исслед. Респ. Башкортостан, 2020. – С. 69–72.

577. Рахмеева, И. И. Оценка регулирующего воздействия в качестве институционального фактора развития региональной социально-экономической системы / И. И. Рахмеева // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2020. – Т. 221, № 1. – С. 218–235.

578. Рахмеева, И. И. Оценка регулирующего воздействия в качестве правового механизма обеспечения экономической безопасности территории / И. И. Рахмеева // Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17 мая 2018 г.). – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. – С. 100–103.

579. Рахмеева, И. И. Оценка регулирующего воздействия в регионе: инструменты повышения доверия к власти / И. И. Рахмеева // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. – 2017. – № 4 (22). – С. 30–34.

580. Рахмеева, И. И. Подходы к оценке экономической эффективности системы принятия регуляторных решений / И. И. Рахмеева // Статистический анализ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации : материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф. (Брянск, 28–29 марта 2019 г.). – Брянск : БГИТУ, 2019. – С. 431–435.

581. Рахмеева, И. И. Региональная регуляторная среда: на распутье : монография / И. И. Рахмеева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2021. – 211 с. – ISBN 978-5-9656-0311-4.

582. Рахмеева, И. И. Региональные объединения предпринимателей как институциональное средство повышения экономической безопасности / И. И. Рахмеева // Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 19 марта 2020 г.). – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2020. – С. 259–263.

583. Рахмеева, И. И. Роль регуляторной правовой среды в развитии регионов в условиях четвертой промышленной революции / И. И. Рахмеева // Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Кызыл, 23–25 октября 2019 г.). – Кызыл : ТуВИКОПР СО РАН, 2019. – С. 230–234.

584. Рахмеева, И. И. Сравнение отечественных и зарубежных подходов к сущности регуляторной политики / И. И. Рахмеева, М. С. Прохорова // Государственное управление и управление экономикой: опыт и практика разных стран : сб. ст. I Междунар. конф. (Пермь, 24 мая 2018 г.). – Пермь : ПГНИУ, 2018. – С. 117–121.

585. Рахмеева, И. И. Сравнительный анализ уровня цифровизации уральских регионов / И. И. Рахмеева, А. Н. Лысенко // Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 19 марта 2021 г.). – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2021. – С. 101–103.

586. Рахмеева, И. И. Студенты экономического университета как резерв для развития предпринимательства в регионах России / И. И. Рахмеева, М. В. Клейменов // Вестник экономики, права и социологии. – 2021. – № 3. – С. 35–39.

587. Рахмеева, И. И. Технологическое развитие регионов: хаотичное или детерминированное / И. И. Рахмеева // Развитие территориальных социально-экономических систем: вопросы теории и практики : материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (Екатеринбург, 12–13 марта 2019 г.). – Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2019. – С. 37–40.

588. Рахмеева, И. И. Трансформация взаимодействия бизнеса и власти в Свердловской области в рамках оценки регулирующего воздействия / И. И. Рахмеева // Оценка регулирующего воздействия: стратегическое партнерство органов власти, бизнеса и НКО : сб. науч. тр. Междунар. молодеж. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 18–20 апреля 2018 г.). – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. – С. 30–34.

589. Рахмеева, И. И. Управляемые параметры системы оценки регулирующего воздействия региона / И. И. Рахмеева. – DOI 10.29141/2218-5003-2018-9-5-5 // Управленец. – 2018. – Т. 9, № 5. – С. 48–57.

590. Рахмеева, И. И. Эконометрический анализ влияния регуляторной среды на развитие экономики региона / И. И. Рахмеева // Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 31 мая 2019 г.). – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2019. – С. 111–117.

591. Рахмеева, И. И. Экономическая эффективность оценки регулирующего воздействия в регионах России / И. И. Рахмеева. – DOI 10.26140/anie-2019-0801-0063 // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2019. – Т. 8, № 1 (26). – С. 273–278.

592. Animitsa, E. G. Assessment of sustainable development factors of the old industrial region: the case of the Ural federal okrug / E. Animitsa, I. Rakhmееva. – DOI 10.1051/e3sconf/202020808002 // First Conference on Sustainable Development: Indus-

trial Future of Territories (IFT 2020). – Les Ulis : EDP Sciences, 2020. – Art. 08002. – (E3S Web of Conferences ; vol. 208).

593. Animitsa, E. G. Regional spread canals of knowledge for innovation: a spatial model / E. G. Animitsa, I. I. Rakhmееva // Российские регионы в фокусе перемен : сб. докл. XIV Междунар. конф. (Екатеринбург, 14–16 ноября 2019 г.). – Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2020. – С. 660–663.

594. Blizkiy, R. S. Prospects of shifting basic competencies in the digital economy / R. S. Blizkiy, I. I. Rakhmееva, O. T. Ergunova. – DOI 10.15405/epsbs.2021.06.03.102 // AmurCon 2020 International Scientific Conference. – Nicosia : European Publisher, 2021. – P. 764–772. – (European proceedings of social and behavioural sciences ; vol. 111).

595. Polyakova, A. G. A model of regional economic space modernization / A. G. Polyakova, E. M. Akhmetshin, L. V. Goloshchapova, I. I. Rakhmееva [et al.] // European research studies journal. – 2018. – Vol. 21, iss. 2. – P. 624–634.

596. Rakhmееva, I. I. Development of a quality rating for regulatory impact assessment in municipalities / I. I. Rakhmееva. – DOI 10.15826/recon.2017.3.1.003 // R-Economy. – 2017. – Vol. 3, no. 1. – P. 23–31. – URL: <https://journals.urfu.ru/index.php/r-economy/article/view/2957>.

597. Rakhmееva, I. Stimulating regulatory environment for new industrialization / I. Rakhmееva. – DOI 10.2991/sicni-18.2019.169 // Proceedings of the 2nd International Scientific conference on New Industrialization: Global, national, regional dimension (SICNI 2018). – Amsterdam : Atlantis Press, 2019. – P. 840–844. – (Advances in social science, education and humanities research ; vol. 240).

598. Rakhmееva, I. Strategizing sustainable development: the case of the Ural industrial regions / I. Rakhmееva, I. Antipin. – DOI 10.1051/e3sconf/202125005004 // 1st Conference on Traditional and Renewable Energy Sources: Perspectives and Paradigms for the 21st Century (TRESP 2021). – Les Ulis : EDP Sciences, 2021. – Art. 05004. – (E3S Web of Conferences ; vol. 250).

599. Rakhmееva, I. I. Geographical vs institutional factors of the development of old industrial regions in industry 4.0: the case of Ural macro-region / I. I. Rakhmееva. –

DOI 10.15826/recon.2020.6.4.025 // R-Economy. – 2020. – Vol. 6, iss. 4. – P. 280–291. – URL: <https://journals.urfu.ru/index.php/r-economy/article/view/4901>.

600. Rakhmeeva, I. I. The digitalization in the service the assessment of regulatory legal acts / I. I. Rakhmeeva. – DOI 10.2991/mtde-19.2019.34 // Proceedings of the 1st International Scientific Conference «Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth» (MTDE 2019). – Amsterdam : Atlantis Press, 2019. – P. 178–181. – (Advances in economics, business and management research ; vol. 81).

601. Vlasova, N. Yu. Regional decision-making in the context of a pandemic: speed vs cost assessment / N. Yu. Vlasova, I. I. Rakhmeeva. – DOI 10.2991/assehr.k.201105.017 // Proceedings of the Research Technologies of Pandemic Coronavirus Impact (RTCov 2020). – Amsterdam : Atlantis Press, 2020. – P. 90–94. – (Advances in social science, education and humanities research ; vol. 486).

602. Zaytsev, A. A. Building a model for financial management of digital technologies in the areas of combinatorial effects / A. A. Zaytsev, R. S. Blizkyi, I. I. Rakhmeeva, N. D. Dmitriev. – DOI 10.3390/economies9020052 // Economies. – 2021. – Vol. 9, iss. 2. – Art. 52.

Приложение А (обязательное)

Сравнение подходов к определению термина «регуляторная политика»

Источник	Регуляторная политика (экономическое содержание термина)	Особенности, авторские акценты
Зарубежные источники		
Организация экономического сотрудничества и развития ¹	Регуляторная политика определяет процессы, с помощью которых правительство при установлении целей политики решает, использовать ли регулирование как инструмент политики, и переходит к разработке и принятию регулирования посредством принятия решений на основе фактических данных	Регуляторная политика включает оценку необходимости государственного вмешательства и основана на объективных данных
Дж. Дж. Стиглер ²	Регуляторная политика обеспечивает использование государственных ресурсов и полномочий для улучшения экономического положения экономических групп (таких как отрасли и профессии), извлечения выгод для производства	Регуляторная политика трактуется через цель обеспечения экономического роста
К. Р. Санстейн ³	Регуляторная политика – это регулирование частного предпринимательства на основе конституционных обязательств, способствующее укреплению свободы и благосостояния, в том числе безопасности окружающей среды и рабочего места, защите от дискриминации	Акцент регуляторной политики смещается на обеспечение конституционных прав не только предпринимателей, но и потребителей, работников

¹ Recommendation of the Council on regulatory policy and governance / OECD. – Paris: OECD Publishing, 2012. – P. 6

² Stigler G. J. The theory of economic regulation // Bell journal of economics and management science. – 1971. – Vol. 2, no. 1. – P. 3–21.

³ Sunstein C. R. After the rights revolution reconceiving the regulatory state. – Cambridge: Harvard University Press, 1990. – 284 p.

Источник	Регуляторная политика (экономическое содержание термина)	Особенности, авторские акценты
Российские источники		
Высшая школа экономики ¹	Регуляторная политика – широкий спектр форм регулирования государством предпринимательской деятельности, включая создание различных условий допуска на рынок, установление обязательных требований к продукции и процессам, контрольно-надзорные процедуры, запреты, ограничения, преференции и т. д., а также механизмы прогнозной и ретроспективной оценки эффективности такого регулирования	Механизмы оценки эффективности регулирования включены в саму регуляторную политику
В. Г. Воронкова ²	Регуляторная политика государства обусловливается системой мер, которые осуществляет центральная власть с целью обеспечения развития ее составляющих: административно-территориальных и других территориальных единиц. При этом такая политика является согласованной деятельностью национальных и местных органов государственной власти, институтов местного самоуправления, совокупностью организационно-правовых и экономических мер, осуществляемых государством в сфере муниципального развития, в частности, отдельных сфер и видов экономической деятельности в соответствии с ее стратегическими и текущими целями и задачами	Акцент регуляторной политики смещен на развитие территориальных единиц
Т. И. Зосименко ³	Регуляторная политика – это основа создания конкурентных условий для развития страны	Функциональный подход к определению через утверждение о необходимости вмешательства государства в рыночные механизмы для обеспечения конкуренции

¹ Регуляторная политика в России: основные тенденции и архитектура будущего: монография / А. Е. Голодникова, А. А. Ефремов, Д. В. Соболев и др. – М.: Высшая школа экономики, 2018. – С. 7.

² Регионально-административный менеджмент: навчальний посібник / за ред. В. Г. Воронкової. – Київ: Професіонал, 2010. – С. 29.

³ Зосименко Т. И. Сравнительный анализ основных показателей качества среды регулирования в различных странах // Вестник Черниговского государственного технологического университета. Серия: Экономические науки. – 2012. – № 4. – С. 23.

Источник	Регуляторная политика (экономическое содержание термина)	Особенности, авторские акценты
П. Конуэй, Т. Лысенко, Д. Барнард ¹	Регуляторная политика – это наиболее распространенная форма вмешательства государства в экономическую деятельность	Регуляторная политика понимается как различные виды вмешательства в экономическую деятельность, а следовательно, воспринимается как фактор влияния на конкуренцию и свободу предпринимательства
Примечание – Составлено автором.		

В целом регуляторная политика во всех странах трактуется как регулирование (создание условий, контроль за выполнением требований) хозяйственной деятельности. Анализируя российские и зарубежные подходы, автор установил, что общим для них служит включение в содержание понятия аналитических (необходимости вмешательства государства, анализ фактических данных и оценка воздействия) и коммуникационных (участие общества в формировании регуляторной политики) аспектов, а ключевым отличием в понимании регуляторной политики в зарубежных странах служит то, что уже в самом термине заложена цель регуляторной политики как обеспечение экономического роста и благосостояния общества.

¹ Конуэй П., Лысенко Т., Барнард Д. Регулирование рынков товаров и услуг в России // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2011. – № 10. – С. 95.

Приложение Б
(обязательное)

**Анализ научных публикаций, содержащих словосочетание «регуляторная среда»
в названии, аннотации или ключевых словах,
в источниках, входящих в Российский индекс научного цитирования в период по 2019 г.**

Публикация	Год публикации	Тип публикации	Уровень рассматриваемой среды	Отраслевая специфика	Имеется ли определение термина	Как трактуется регуляторная среда из контекста публикации
Баржаев Р. Р. Перспективы развития исламского банкинга в странах СНГ // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 6 (119). – С. 82–86	2020	Статья в журнале	Национальный	Финансы	–	Как система норм и механизмов обеспечения их реализации (практика правоприменения)
Старостин М. Г., Парушина Н. В., Лытнева Н. А. Изменение и анализ состояния региональной регуляторной среды для развития предпринимательской инициативы // Вестник ОрелГИЭТ. – 2020. – № 2 (52). – С. 253–262	2020	Статья в журнале	Региональный	Малый бизнес	–	Как система норм, регулирующих предпринимательскую деятельность, и качество государственных услуг для бизнеса (автор опирается на исследование регуляторной среды в рамках Национального рейтинга состояния инвестиционного климата субъектов РФ)

Публикация	Год публикации	Тип публикации	Уровень рассматриваемой среды	Отраслевая специфика	Имеется ли определение термина	Как трактуется регуляторная среда из контекста публикации
Четчуев М. В. Об отмене устаревших нормативных актов // Железнодорожный транспорт. – 2020. – № 12. – С. 52–53	2020	Статья в журнале	Национальный	Транспорт	–	Как система нормативных правовых актов
Шахмаева Е. Е., Мальцева Ю. А. Информационная безопасность в условиях цифровизации: проблемы и перспективы // Российские регионы в фокусе перемен: сб. докл. XIV Междунар. конф. (Екатеринбург, 14–16 ноября 2019 г.). – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2020. – С. 163–165.	2020	Статья в сборнике	Национальный	Цифровая экономика	–	Как нормативное регулирование деятельности
Бессмертная М. М., Воронина Е. С., Начевский М. В. Развитие цифровой экономики в Российской Федерации. Университет как агент глобальной цифровизации общества: монография. – М.: Государственный университет управления, 2019. – 84 с.	2019	Монография	Национальный	Цифровая экономика	–	Как нормативное регулирование деятельности

Публикация	Год публикации	Тип публикации	Уровень рассматриваемой среды	Отраслевая специфика	Имеется ли определение термина	Как трактуется регуляторная среда из контекста публикации
Зинин А. А. Регуляторная среда оценочной деятельности в цифровой экономике РФ // Электронный научный журнал «Вектор экономики». – 2019. – № 6 (36). – URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2019/6/financeandcredit/Zinin.pdf (дата обращения: 24.05.2021)	2019	Статья в журнале	Национальный	Цифровая экономика	–	Как система нормативных правовых актов
Анохина Л. В. Перспективные направления формирования регуляторной среды цифровой экономики России // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 2. – С. 5–7	2019	Статья в журнале	Национальный	Цифровая экономика	–	То же
Соловяненко Н. И. Эволюция предпринимательского права как фактор устойчивого развития // Modern Science. – 2019. – № 6-3. – С. 124–129	2019	Статья в журнале	Национальный	Цифровая экономика	–	»
Белоус А. П., Ляльков С. Ю. Состояние, тренды и ориентиры развития рынка проектного финансирования // Банковское дело. – 2019. – № 11. – С. 35–39	2019	Статья в журнале	Национальный	Финансы	–	»

Публикация	Год публикации	Тип публикации	Уровень рассматриваемой среды	Отраслевая специфика	Имеется ли определение термина	Как трактуется регуляторная среда из контекста публикации
Lentner C., Vasa L., Kolozsi P., Zéman Z. New dimensions of internal controls in banking after the GFC // <i>Економічний часопис-XXI</i> . – 2019. – Т. 176, № 3–4. – С. 38–48	2019	Статья в журнале	Национальный	Финансы	–	Как нормативное регулирование деятельности
Дидикин А. Б. Мониторинг фактического воздействия в системе правовых средств регуляторной политики // <i>Регуляторная политика в России: проблемы теории и практики: сб. науч. тр. / под ред. А. Б. Дидикина</i> . – М.: Проспект, 2019. – С. 5–17	2019	Статья в сборнике	Национальный, региональный	–	+	Термин «регуляторная среда» касается создания особых условий взаимодействия между органами публичной власти, экспертами и предпринимателями по корректировке правил принятия публичных властных решений, а не формальных изменений в законодательстве
Маштакеева Д. К. Особенности развития различных форм посредничества на современном рынке финансово-кредитных услуг // <i>Денежная система России: история, современность и перспективы развития: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 31 октября – 1 ноября 2019 г.)</i> . – Новосибирск: Сибирская академия финансов и банковского дела, 2019. – С. 75–81	2019	Статья в сборнике	Национальный	Финансы	+	Регуляторная среда брокериджа представляет систему «законов и других нормативных правовых актов, имеющих целью создание условий для развития института брокериджа, способствующего увеличению активов кредитных и других финансовых организаций и повышению качества кредитного или страхового дела, являющихся предпосылкой повышения экономического роста и общественного благосостояния»

Публикация	Год публикации	Тип публикации	Уровень рассматриваемой среды	Отраслевая специфика	Имеется ли определение термина	Как трактуется регуляторная среда из контекста публикации
Буевский В. В. Влияние регуляторной среды на производительность труда в компаниях железнодорожного транспорта // Повышение производительности труда на транспорте – источник развития и конкурентоспособности национальной экономики: тр. IV Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 17 апреля 2019 г.). – М.: РУТ (МИИТ), 2019. – С. 18–20	2019	Статья в сборнике	Национальный	Транспорт	–	Как нормативное регулирование деятельности
Домрачев А. Л. Инвестиционный климат в региональном измерении // Власть и управление на Востоке России. – 2018. – № 3 (84). – С. 52–60	2018	Статья в журнале	Региональный	–	+	Как качество предоставления государственных услуг для бизнеса
Бочкарев А. М. Формирование факторов внешней макросреды сельскохозяйственных предприятий // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2018. – № 8. – С. 35–40	2018	Статья в журнале	Национальный	Агропромышленный сектор	–	Как совокупность методов государственного регулирования экономики, в том числе финансовых

Публикация	Год публикации	Тип публикации	Уровень рассматриваемой среды	Отраслевая специфика	Имеется ли определение термина	Как трактуется регуляторная среда из контекста публикации
Веретенников Н. П., Янковская К. Г., Бочкарева Н. Д. Практические аспекты методики оценки инвестиционного климата муниципального образования как фактора стимулирования предпринимательской деятельности // Дискурс. – 2018. – № 4. – С. 78–91	2018	Статья в журнале	Муниципальный	–	–	Как качество предоставления государственных услуг для бизнеса
Зотова Т. С., Мирошниченко М. А. Развитие концепции «Открытое правительство» в России в условиях цифровой экономики // Проблемы общества и экономики, основанных на знании: инновации и неоиндустриализация: сб. науч. ст. молодых исследователей / науч. ред. В. В. Ермоленко. – Краснодар: КубГУ, 2018. – С. 11–19	2018	Статья в сборнике конференции	Национальный	–	–	Как система нормативных правовых актов, в совокупности с качеством государственных услуг и механизмами участия бизнеса в обсуждении, принятии и контроле исполнения государственных решений

Публикация	Год публикации	Тип публикации	Уровень рассматриваемой среды	Отраслевая специфика	Имеется ли определение термина	Как трактуется регуляторная среда из контекста публикации
Федулова Е. А., Емохонова Ю. М. Формирование и развитие регуляторной среды доверительного управления прямыми инвестициями в Российской Федерации и мире // Непрерывное профессиональное образование и новая экономика. – 2018. – № 1 (2). – С. 151–165	2018	Статья в журнале	Национальный	Инвестиции	+	Как система нормативных правовых актов, «имеющих целью создание условий для повышения экономического роста и общественного благосостояния», в совокупности с «качеством предоставления государственных услуг, которые влияют на развитие бизнеса»
Пушкарев М. С. Значение судебной практики для формирования правовой основы цифровой экономики в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 9 (124). – С. 171–173	2018	Статья в журнале	Национальный	Цифровая экономика	–	Как система норм и практик правоприменения
Преснякова В. В., Лошкарев А. В. Развитие цифровой экономики: особенности формирования экосистемы // Аллея науки. – 2018. – Т. 5, № 9 (25). – С. 515–520	2018	Статья в журнале	Национальный	Цифровая экономика	–	Как нормативное регулирование деятельности
Паламарчук А. Р. Проблема государственного регулирования цифровых финансовых активов в РФ // Вестник науки. – 2018. – Т. 2, № 8 (8). – С. 38–42	2018	Статья в журнале	Национальный	Финансы	–	Как правовой режим обеспечения некоторой деятельности (система норм права и правоприменения)

Публикация	Год публикации	Тип публикации	Уровень рассматриваемой среды	Отраслевая специфика	Имеется ли определение термина	Как трактуется регуляторная среда из контекста публикации
Бизнес и власть в России: регуляторная среда и право-применительная практика: монография / А. Н. Шохин, М. Ф. Баширов, С. Р. Борисов и др.; под общ. ред. А. Н. Шохина. – М.: Высшая школа экономики, 2017. – 384 с.	2017	Монография	Национальный, региональный, местный	–	+	Как система норм материального права, регулирующих различные стороны предпринимательской деятельности, в совокупности с механизмами участия бизнеса в нормотворчестве
Ложевский И. А., Зоркин А. М. Государство и рынки капитала. Электронно-цифровые платформы как результат постоянного совершенствования регуляторной среды // Бизнес. Общество. Власть. – 2017. – № 1. – С. 250–264	2017	Статья в журнале	Национальный	–	–	Как система норм и решений, определяющих функционирование финансового сектора и рынка
Рябокоть В. П., Новикова Н. Л. Усовершенствование государственного регулирования экономических интересов аграрной сферы // Международный научно-производственный журнал «Экономика АПК». – 2016. – № 3 (257). – С. 14–21	2016	Статья в журнале	Национальный	Агропромышленный сектор	–	Как организационно-экономические механизмы государственного регулирования экономических интересов субъектов хозяйствования, упорядочивание отношений экономических агентов различного уровня

Публикация	Год публикации	Тип публикации	Уровень рассматриваемой среды	Отраслевая специфика	Имеется ли определение термина	Как трактуется регуляторная среда из контекста публикации
Плахин А. Е., Ставрова А. Б. Сегментирование рынка инвестиций в региональные промышленные парковые структуры // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2016. – № 4. – С. 66–79	2016	Статья в журнале	Региональный	Промышленность	–	Как совокупность правовых предпосылок для ведения предпринимательской деятельности и осуществления инвестиций
Бородин А. И., Ченцов А. С. Сравнительный анализ показателей экономического и социального развития регионов // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2015. – Т. 25, № 2. – С. 25–31	2015	Статья в журнале	Региональный	–	–	Как внешняя среда для региона, выражающаяся в деятельности государства по регулированию экономики региона
Солдаткин С. Н. Эффективность региональной долговой политики через призму инвестиционной активности // Региональная экономика: теория и практика. – 2015. – № 30. – С. 46–57	2015	Статья в журнале	Региональный	–	–	Автор опирается на исследование регуляторной среды в рамках Национального рейтинга состояния инвестиционного климата субъектов РФ

Публикация	Год публикации	Тип публикации	Уровень рассматриваемой среды	Отраслевая специфика	Имеется ли определение термина	Как трактуется регуляторная среда из контекста публикации
Жарова Л. В., Хлобыстов Е. В., Еремеева Н. В. Имплементация положений конвенций Рио в национальную политику устойчивого развития Украины // Маркетинг и менеджмент инноваций. – 2014. – № 3. – С. 176–186	2014	Статья в журнале	Национальный	Экономика природопользования	+ ¹	Как система норм, обеспечивающих распределение и управление ресурсами
Рыбалченко К. О. Разработка концептуальной основы реализации государственной регуляторной политики в рыбохозяйственной деятельности // Економіка. Управління. Інновації. – 2014. – № 2. – С. 386–391	2014	Статья в журнале	Национальный	Рыбное хозяйство	–	Как система отношений государства с субъектами предпринимательской деятельности в рыночных условиях
Исса И. А. Роль инвестиций в устойчивом развитии фармацевтической отрасли Швейцарии // Вопросы организации и информатизации здравоохранения. – 2014. – № 1 (78). – С. 55–62	2014	Статья в журнале	Национальный	Фармацевтика	–	Как система контроля за деятельностью организаций (в том числе финансовых структур) и предотвращения незаконной деятельности, обеспечения защиты прав и гарантий предпринимателей и инвесторов

¹ Регуляторная среда состоит из конституции, кодексов, законов и подзаконных актов в сфере защиты и управления ресурсами. См.: Жарова Л. В., Хлобыстов Е. В., Еремеева Н. В. Имплементация положений конвенций Рио в национальную политику устойчивого развития Украины // Маркетинг и менеджмент инноваций. – 2014. – № 3. – С. 177.

Публикация	Год публикации	Тип публикации	Уровень рассматриваемой среды	Отраслевая специфика	Имеется ли определение термина	Как трактуется регуляторная среда из контекста публикации
Толмачева А., Ляшенко В., Хахулин В., Якубяк О. Регуляторная политика и усовершенствование бизнес среды в Украине // Вестник экономической науки Украины. – 2013. – № 2 (24). – С. 156–164	2013	Статья в журнале	Национальный	–	–	Как среда, регулирующая предпринимательскую деятельность
Толмачева А. Ф., Квилинский А. С. Малое предпринимательство Украины в условиях кризиса: анализ развития и проблем // Управление экономикой: теория и практика. – 2013. – № 5. – С. 131–148	2013	Статья в журнале	Национальный	Малый бизнес	–	Как деловая среда для ведения предпринимательской деятельности
Ковтун О. А. Усовершенствование механизмов формирования финансового потенциала домохозяйств // Экономика. Управление. Право. – 2013. – № 9. – С. 7–10	2013	Статья в журнале	Национальный	–	–	Как среда для осуществления хозяйствования, включающая государственные, банковские и иные регуляторы

Публикация	Год публикации	Тип публикации	Уровень рассматриваемой среды	Отраслевая специфика	Имеется ли определение термина	Как трактуется регуляторная среда из контекста публикации
Зосименко Т. И. Сравнительный анализ основных показателей качества среды регулирования в различных странах // Вестник Черниговского государственного технологического университета. Серия: Экономические науки. – 2012. – № 4. – С. 23–31.	2012	Статья в журнале	Национальный	–	–	Как правовое поле осуществления предпринимательской деятельности и элемент конкурентоспособности экономики
Толмачева А. Ф. Пути сокращения административных барьеров в развитии малого и среднего предпринимательства // Управление экономикой: теория и практика. – 2011. – № 3. – С. 168–182	2011	Статья в журнале	Национальный	Малый бизнес	–	Как среда, регулирующая предпринимательскую деятельность
Конузэй П., Лысенко Т., Барнард Д. Регулирование рынков товаров и услуг в России // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2011. – № 10. – С. 95–124	2011	Статья в журнале	Национальный	Рынок товаров и услуг	+	Как различные формы вмешательства государства в экономическую деятельность и конкурентные условия функционирования рынка

Публикация	Год публикации	Тип публикации	Уровень рассматриваемой среды	Отраслевая специфика	Имеется ли определение термина	Как трактуется регуляторная среда из контекста публикации
Захарчук С. С. Некоторые проблемы государственного регулирования экономики в аспекте повышения конкурентоспособности продовольственного сектора Украины // Економіка. Управління. Інновації. – 2009. – № 2 (2). – С. 88–98	2009	Статья в журнале	Национальный	Агропромышленный сектор	–	Как набор государственных прямых и косвенных механизмов регулирования предпринимательской деятельности
Климова Е. В. Роль межведомственной комиссии по проблемам генно-инженерной деятельности в государственном регулировании генно-инженерно-модифицированных растений в России // Экологическая безопасность в АПК. Реферативный журнал. – 2006. – № 1. – С. 73	2006	Статья в журнале	Национальный	Инновации (генная инженерия)	–	Как система норм, регулирующих осуществление определенной деятельности
Примечание – Составлено автором.						

Приложение В
(обязательное)

**Представления о регуляторной политике, взаимосвязи экономики и права
в различных экономических теориях**

Экономическое направление/ экономическая школа	Сущность представлений о регуляторной политике и вмешательстве государства в регулирование экономики
Классический (экономический) либерализм (Д. Рикардо, А. Смит, Ф. А. фон Хайек, М. Фридман), XIX век	Капитализм совершенной свободной конкуренции в сопровождении политической свободы и социальной справедливости, не допускающий вмешательство правительства в свободу рынка и торговли
Неоклассическая школа (Л. Вальрас, Дж. Б. Кларк, И. Фишер, А. Маршалл, А. Пигу), с 1870-х годов	Экономический человек (потребитель, предприниматель, наемный работник) стремится максимизировать доход и минимизировать затраты. Экономика должна опираться на свободную конкуренцию, а государство должно вмешиваться в те сферы, где конкуренция не работает
Институциональная экономика (Т. Веблен), конец XIX века	<p>Экономика представляет собой часть социальной системы, равноправную с наукой, культурой, политикой.</p> <p>Хозяйствующие субъекты следуют нормам. Государственное вмешательство в рыночную экономику оправданно и необходимо для обеспечения общественного блага.</p> <p>Экономическая теория служит инструментом проведения социально-экономических реформ</p>
Кейнсианство (Дж. М. Кейнс) с 1920-х годов; стокгольмская школа (Г. Мюрдаль)	<p>Вмешательство государства неизбежно для обеспечения долгосрочного роста, предотвращения инфляции и рецессий, которые рыночная экономика не может устранить путем саморегулирования.</p> <p>Основным инструментом регулирования экономики служит бюджетная политика, направленная на обеспечение занятости рабочей силы и производственного оборудования.</p> <p>Объектом государственного регулирования выступает процесс воспроизводства.</p>
Шумпетерианство (Й. Шумпетер) с 1940-х годов	Источником развития служат инновации и предприниматели-новаторы. Капитализм ведет к возникновению акционерных обществ, уничтожению частной инициативы и среднего класса. Для разрешения нарастающих при этом проблем расслоения общество будет вынуждено прийти к социализму

Экономическое направление/ экономическая школа	Сущность представлений о регуляторной политике и вмешательстве государства в регулирование экономики
Фрайбургская неоклассическая школа, ордолиберализм, социальное рыночное хозяйство (В. Ойкен, Ф. Бем, Л. Эрхард, А. Мюллер-Армак, Дж. Ролз, П. А. Сорокин), с 1945 г.	Активное государственное воздействие на экономику должно сосредоточиваться на институциональных основах механизма прибыли и конкуренции, правовых нормах хозяйствования, в том числе нужно стремиться всемерно укреплять и поощрять частную собственность на средства производства и свободу экономической деятельности, обеспечивать социальную справедливость
Экономический анализ права (Р. Познер, Г. Беккер, Г. Калабреззи, Р. Коуз), с 1950-х годов	<p>Экономика представляет собой материальный базис общества, над которым надстраиваются государство и право.</p> <p>Нормы общего права интерпретируются как стремление к достижению эффективности.</p> <p>В идеальной ситуации, когда имущественные права определены, а трансакционные издержки отсутствуют, происходит эффективное использование ресурсов, и необходимость в государственном регулировании или налогообложении, направленном на повышение эффективности, отпадает. В случаях, когда трансакционные издержки слишком велики для того, чтобы проблемы, порожденные внешними эффектами, можно было решить рыночным путем, требуется регулирование государства</p>
Региональная экономика, с 1950-х годов	<p>Цель региональной экономики – обеспечить высокий уровень и качество жизни населения в каждом отдельном регионе. Задача – формирование индивидуальных программ развития регионов с учетом их особенностей и обеспечения сбалансированности социально-экономического состояния всей территории.</p> <p>Для реализации указанных целей и задач требуется активное управление хозяйственным развитием каждого региона, перераспределение внутренних ресурсов, формирование специфичных условий для развития отдельных структурных единиц</p>
Теория общественного выбора (К. Бьюкенен, К. Эрроу), с 1960-х годов	<p>Наряду с экономическими процессами, на функционирование правовой системы значительное влияние оказывают политические процессы, которые тоже могут быть описаны в экономических терминах. Политический процесс представляет собой процесс обмена.</p> <p>«Экономический человек» ведет себя рационально. Все – от избирателей до президента – руководствуются в своей деятельности экономическим принципом: сравнивают предельные выгоды и предельные издержки.</p> <p>Существование «благонамеренного» и ориентированного на «общее благо» законодателя нереалистично, оптимальный вариант невозможно выбрать коллективно, законодательный процесс представляет из себя борьбу лоббистских групп и сложного взаимодействия общественных групп влияния и периодически образующихся правящих коалиций.</p> <p>В условиях рынка государство не в состоянии обеспечить эффективное распределение и использование общественных ресурсов.</p>

Экономическое направление/ экономическая школа	Сущность представлений о регуляторной политике и вмешательстве государства в регулирование экономики
	Государственные методы регулирования не должны ущемлять рыночные механизмы, должны быть обоснованы в строго ограниченных пределах, направлены на корректировку провалов рынка
Неокейнсианство, 1970–1990-е годы	Возвращение к идеям кейнсианства вследствие стагнации и кризисов в мировой экономике
Умное регулирование («smart regulation»), с 1990-х годов	Детальная оценка и рациональный выбор вариантов регулятивных мер, поиск баланса между государственным контролем и надзором и свободным рынком
Поведенческая экономическая теория (Р. Талер), с 2000-х годов	<p>Поведенческие особенности людей оказывают влияние на функционирование правовых норм. В частности, люди недооценивают риски неблагоприятного исхода не из-за недостатка информации, а из-за особенностей обработки информации, касающейся лично их самих.</p> <p>Выбор можно организовать таким образом, что люди будут принимать решения, полезные для общества, но при этом сохранится свобода «плохого» выбора</p>
Примечание – Составлено автором.	

Приложение Г
(обязательное)

**Вопросы собственного и совместного с РФ ведения субъектов РФ,
оказывающие прямое влияние на хозяйственную деятельность
со стороны региональных органов власти**

Законодательно закреплены следующие вопросы (при этом по некоторым сферам конкретизируются полномочия в федеральном законодательстве, по иным – нет):

1) разработка, корректировка и утверждение документов стратегического планирования; утверждение схем территориального планирования субъекта РФ, региональных нормативов градостроительного проектирования, выдача разрешений на строительство объекта капитального строительства; организация и осуществление региональных научно-технических и инновационных программ и проектов; утверждение и реализация региональных программ в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности;

2) поддержка сельскохозяйственного производства, планирование использования земель сельскохозяйственного назначения, перевода земель сельскохозяйственного назначения, за исключением земель, находящихся в федеральной собственности, в другие категории земель, изъятие животных и (или) продуктов животноводства при ликвидации очагов особо опасных болезней животных на территории субъекта РФ с возмещением стоимости изъятых животных и (или) продуктов животноводства;

3) разработка и реализация государственных программ субъекта РФ, содержащих мероприятия, направленные на развитие малого и среднего предпринимательства, и проектов в области развития субъектов малого и среднего предпринимательства;

4) природопользование; охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности; особо охраняемые природные территории (в частности, организация и осуществление программ и проектов в области охраны окружающей среды и экологической безопасности, обращения с твердыми коммунальными отходами; установление нормативов образования отходов и лимитов на их размещение, порядка их разработки и утверждения применительно к хозяйственной деятельности; утверждение порядка накопления твердых коммунальных отходов, нормативов накопления твердых коммунальных отходов, предельных тарифов в области обращения с твердыми коммунальными отходами; утверждение территориальной схемы в сфере обращения с отходами, в том числе с твердыми коммунальными отходами; организация деятельности по накоплению, сбору, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию и захоронению твердых коммунальных отходов);

5) вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами (в частности, резервирование земель, изъятие земельных участков для государственных нужд); земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах (в частности, участие в разработке и реализация государственных программ геологического изучения недр, развития и освоения минерально-сырьевой базы Российской Федерации; составление и ведение территориальных балансов запасов и кадастров месторождений и проявлений общераспространенных полезных ископаемых и учет участков недр, используемых для строительства подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых; предоставление права пользования участками недр местного значения; согласование технических проектов разработки месторождений общераспространенных полезных ископаемых и иной проектной документации; установление порядка пользования участками недр местного значения; разработка и реализация территориальных программ развития и использования минерально-сырьевой базы);

б) организация транспортного обслуживания населения воздушным, водным, автомобильным транспортом, включая легковое такси, в межмуниципаль-

ном и пригородном сообщении и железнодорожным транспортом в пригородном сообщении;

7) поддержка народных художественных промыслов;

8) административное, административно-процессуальное законодательство (в том числе установление административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъекта РФ, нормативных правовых актов органов местного самоуправления; профилактика правонарушений);

9) трудовое законодательство (в частности, участие в урегулировании коллективных трудовых споров, осуществление мероприятий в области охраны труда, содействие занятости населения);

10) установление подлежащих государственному регулированию цен (тарифов) на товары (услуги);

11) реализация государственной политики в области торговой деятельности на территории субъекта РФ, разработка и реализация мероприятий, содействующих развитию торговой деятельности;

12) координация международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ.

Приложение Д
(обязательное)

Факторы экономического роста, изучаемые в экономических теориях

Название модели/источник	Факторы экономического роста							
	Специализация (немобильные факторы производства)	Природные ресурсы	Капитал (инвестиции)	Эффективность труда	Нормы сбережения	Технический прогресс	Человеческий капитал	Институциональные факторы Пространственные факторы и региональные особенности
Классические теории								
<i>Теория бесконечного экономического роста А. Смита</i> Smith A. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations (1776). – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 618 p.	+	+		+				
<i>Теория сравнительных издержек Д. Рикардо</i> Ricardo D. On the principles of political economy and taxation. – Cambridge: Cambridge University Press, 1951. – 603 p.	+	+		+				
<i>Теория сравнительных преимуществ (соотношения факторов производства) Хекшера – Олина</i> Heckscher E. The effects of foreign trade on the distribution of income // Ekonomisk Tidskrift. – 1919. – Vol. 21. – P. 497–512; Ohlin B. Interregional and international trade. – Cambridge: Harvard university press, 1933. – 617 p.	+	+		+				
Кейнсианская модель макроэкономического равновесия								
Keynes J. M. The general theory of employment, interest and money. – London: Macmillan, 1936. – 404 p.			+		+			
Неокейнсианские модели динамического равновесия								
Domar E. D. Capital expansion, rate of growth, and employment // Econometrica. – 1946. – Vol. 14, no. 2. – P. 137–147; Harrod R. F. Towards a dynamic economics: some recent developments of economic theory and their application to policy. – London: Macmillan, 1942. – 168 p.			+		+			

Название модели/источник	Факторы экономического роста								
	Специализация (немобильные факторы производства)	Природные ресурсы	Капитал (инвестиции)	Эффективность труда	Нормы сбережения	Технический прогресс	Человеческий капитал	Институциональные факторы	Пространственные факторы и региональные особенности
Теории экзогенного роста (неоклассические), основанные на производственной функции									
<i>П. Дуглас и Ч. Кобб</i> Cobb C. W., Douglas P. H. A Theory of production // American economic review. – 1928. – Vol. 18. – P. 139–165		+	+	+					
<i>Модель Рамсея – Касса – Купманса</i> Ramsey F. P. A mathematical theory of saving // The Economic Journal. – 1928. – Vol. 38, iss. 152. – P. 543–559; Cass D. Optimum growth in an aggregative model of capital accumulation // The Review of economic studies. – 1965. – No. 32. – P. 233–240; Koopmans T. C. On the concept of optimal economic growth. – New Haven: Yale University Press, 1963. – 39 p. – (Cowles Foundation Discussion Paper, no. 163).			+	+	+				
<i>Модель Солоу</i> Solow R. M. A contribution to the theory of economic growth // Quarterly journal of economic. – 1956. – Vol. 70. – P. 65–94; Swan T. W. Economic Growth and Capital Accumulation // Economic Record. – 1956. – Vol. 32. – P. 334–361			+	+	+	+			
<i>Неоклассическая теория регионального роста</i> <i>Дж. Бортса</i> Borts G. H., Stein J. L. Economic growth in a free market. – New York: Columbia University Press, 1964. – 234 p.		+	+	+		+			
<i>Модель Мэнкью – Ромера – Вейла</i> Mankiw G., Romer D., Weil D. Contribution to the empirics of economic growth. – Washington: National Bureau of Economic Research, 1990. – 48 p. – (NBER Working Paper, no. 3541)			+	+	+	+	+		
Теории эндогенного роста (утверждают, что рост обусловлен внутренними факторами, в частности человеческим капиталом)									
<i>Единая теория роста О. Галора</i> Galor O. Unified growth theory. – Princeton: Princeton University Press, 2011. – 344 p.				+		+	+		

Название модели/источник	Факторы экономического роста								
	Специализация (немобильные факторы производства)	Природные ресурсы	Капитал (инвестиции)	Эффективность труда	Нормы сбережения	Технический прогресс	Человеческий капитал	Институциональные факторы	Пространственные факторы и региональные особенности
Siebert H. Regional economic growth theory and policy. – Scranton: International Textbook Co., 1969. – 217 p.			+	+		+	+		+
Schultz T. W. Investment in human capital: the role of education and of research. – New York: Free Press, 1971. – 272 p.		+					+		
<i>Теория инновационной активности (теория творческого разрушения) Й. Шумпетера</i> Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия = Theorie der wirtschaftlichen entwicklung. Capitalism, socialism and democracy / пер. с нем. В. С. Автономова и др. – М.: Эксмо, 2007. – 540 с.			+			+	+ ¹		
<i>Теория конкурентных преимуществ М. Портера</i> Porter, M. Competitive advantage. – New York: The Free Press, 1985. – 586 p.	+		+				+		
Теории регионального роста (выделяя центры роста и периферийные территории, уделяют особое внимание неравномерности развития и процессам диффузии нововведений)									
<i>Концепция взаимной и кумулятивной обусловленности Г. Мюрдаля и модель «ядро – периферия»</i> Myrdal G. Economic theory and undeveloped regions. – London: Duckworth, 1957. – 167 p.	+	+	+			+			+
<i>Концепция «полюсов роста» Ф. Перру, Р. Будвиля</i> Perroux F. Economic space: theory and applications // Quarterly journal of economics. – 1950. – Vol. 64, no. 1. – P. 89–104; Boudeville J. Les espaces économiques. – Paris: PUF, 1970. – 126 p.	+	+	+			+			+
<i>Модель осей развития П. Потье</i> Pottier P. Axes de communication et développement économique // Revue économique. – 1963. – Vol. 14, no. 1. – P. 58–132	+	+	+			+			+

¹ В лице предпринимателей.

Название модели/источник	Факторы экономического роста								
	Специализация (неподвижные факторы производства)	Природные ресурсы	Капитал (инвестиции)	Эффективность труда	Нормы сбережения	Технический прогресс	Человеческий капитал	Институциональные факторы	Пространственные факторы и региональные особенности
<i>Теория «центр – периферия» Дж. Фридмана</i> Friedmann J. Regional development policy: a case study of Venezuela. – Cambridge: MIT Press, 1966. – 279 p.	+	+	+			+			+
<i>Модель диффузии нововведений Т. Хагерстранда</i> Hägerstrand S. T. E. Innovation diffusion as a spatial process. – Chicago: The University of Chicago Press, 1967. – 357 p.	+	+	+			+			+
Новая теория экономического роста									
<i>Теория агломераций П. Кругмана</i> Krugman P. Increasing returns and economic geography // Journal of political economy. – 1991. – No. 99. – P. 483–499			+	+	+		+	+	+
<i>Модели модернизации теории размещения производства М. Фуджиты</i> Fujita M., Mori T. Structural stability and evolution of urban systems // Regional science and urban economics. – 1996. – No. 27. – P. 4–5			+	+	+		+	+	+
<i>Модель Р. Холла и Ч. Джонса</i> Hall R., Jones C. Why do some countries produce so much more output per worker than others? // Quarterly journal of economics. – 1999. – No. CXIV. – P. 83–116			+	+	+		+	+	+
Институциональная экономическая теория									
North, D. C. Institutions, transaction costs and economic growth // Economic inquiry. – 1988. – Vol. 25. – P. 419–428									+
Модели роста в современных условиях, предложенные российскими учеными									
Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития: монография. – М.: ВладДар, 1993. – 310 с.			+				+	+	+

Название модели/источник	Факторы экономического роста							
	Специализация (немобильные факторы производства)	Природные ресурсы	Капитал (инвестиции)	Эффективность труда	Нормы сбережения	Технический прогресс	Человеческий капитал	Институциональные факторы
Сухарев О. С. Экономический рост, институты и технологии: монография. – М.: Финансы и статистика, 2014. – 458 с.; Сухарев О. С. Экономическая политика – институциональный механизм: монография. – 2-е изд., перераб. – М.: Ленанд, 2018. – 542 с.			+			+		+
Григорьев О. В. Эпоха роста. Лекции по неоконимике. Расцвет и упадок мировой экономической системы. – М.: Карьера Пресс, 2014. – 448 с.				+				
Голова И. М., Суховой А. Ф. Инновационно-технологическое развитие промышленных регионов в условиях социально-экономической нестабильности // Экономика региона. – 2015. – № 1 (41). – С. 131–144			+			+		+
Бодрунов С. Д. Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты // Экономическое возрождение России. – 2016. – № 2 (48). – С. 5–14			+			+	+	+
Воронов А. А., Овчаренко Н. А., Москаленко Г. В. Имитационные модели конкуренции и факторы конкурентоспособности промышленных предприятий // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 4-1 (45). – С. 641–649		+	+				+	+
Примечание – Составлено автором на основе источников, указанных в таблице.								

Приложение Е (обязательное)

Методики и показатели оценки регуляторной среды

Наименование методики (организация), ключевой метод	Показатели (индексы)
Качество государственного управления (The World Bank), опросный метод	<ul style="list-style-type: none"> – учет мнения населения и подотчетность государственных органов; – политическая стабильность и отсутствие насилия; – эффективность работы правительства; – сдерживание коррупции; – качество законодательства (Regulatory Quality) – способность правительства формулировать и реализовывать рациональную политику и правовые акты, которые допускают развитие частного сектора и способствуют его развитию); – верховенство закона
Ведение бизнеса: оценка качества и эффективности регулирования (The World Bank), опросный метод	<ul style="list-style-type: none"> – создание предприятий; – получение разрешений на строительство; – подключение к системе электроснабжения; – регистрация собственности; – получение кредитов; – защита миноритарных инвесторов; – налогообложение; – международная торговля; – обеспечение исполнения контрактов; – разрешение неплатежеспособности; – регулирование рынка труда
Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в регионах России (Агентство стратегических инициатив), опросный метод	<ul style="list-style-type: none"> – регуляторная среда (создание предприятий, получение разрешений на строительство, подключение к системе электроснабжения, регистрация собственности); – эффективность институтов, обеспечивающих защищенность бизнеса (качество регионального законодательства о механизмах защиты прав инвесторов, эффективность института ОРВ в субъекте РФ, административное давление на бизнес, меры поддержки бизнеса); – качество и доступность инфраструктуры; – уровень развития малого предпринимательства

Наименование методики (организация), ключевой метод	Показатели (индексы)
Лучшее регулирование (Организации экономического сотрудничества и развития, OECD), экспертный метод	<ul style="list-style-type: none"> – политика для «лучшего регулирования»; – институциональные рамки и потенциал для более эффективного регулирования; – транспарентность, консультации и связь; – инструменты и процессы: разработка новых нормативных документов, снижение административной нагрузки (запас); – соблюдение норм, обеспечение соблюдения и апелляции; – институциональный ландшафт субнационального уровня управления; – политическая экономия лучшего регулирования и оценка потенциала в области регулирования
Индекс непрозрачности (Pricewater-house-Coopers), опросный метод	<ul style="list-style-type: none"> – коррупция в государственных органах; – гарантированность прав собственности; – фискальная, монетарная, налоговая политика; – регулирование предпринимательской деятельности; – стандарты финансирования
Экономическая свобода в мире (Fraser Institute), экспертная оценка законодательства, публикаций, событий и явлений	<ul style="list-style-type: none"> – масштабы государственного регулирования; – правовая система и права собственности; – инфляция; – свобода международной торговли; – регулирование (ограничение прав предпринимателей)
Экономическая свобода организации (Heritage Foundation), экспертная оценка	<ul style="list-style-type: none"> – верховенство права (имущественные права, добросовестность правительства, судебная эффективность); – размер правительства (государственные расходы, налоговое бремя, финансовое здоровье); – эффективность регулирования (свобода бизнеса, свобода труда, монетарная свобода); – открытые рынки (свобода торговли, свобода инвестиций, финансовая свобода)
Индекс мировой конкурентоспособности (World Economic Forum), комбинация анализа статистических данных и опросного метода	<ul style="list-style-type: none"> – общественные институты (имущественные права, этика и коррупция, необоснованное вмешательство, эффективность общественного сектора, безопасность); – частные институты; – инфраструктура; – макроэкономическая среда; – здоровье и образование; – эффективность рынка товаров и труда; – развитие финансового рынка; – технологическая готовность; – размеры рынка; – инновации

Наименование методики (организация), ключевой метод	Показатели (индексы)
<p>Программа поддержки государственного управления (SIGMA), комбинация экспертной оценки законодательства, официальных отчетов, публикаций, интервью и опросного метода</p>	<ul style="list-style-type: none"> – стратегические рамки реформы государственного управления (эффективная программа реформы государственного управления, целевые показатели результатов реформы устанавливаются и регулярно контролируются, обеспечивается финансовая устойчивость реформы государственного управления, созданы надежные и функционирующие структуры управления и координации как на политическом, так и на административном уровнях); – разработка и координация политики (хорошо организованная, последовательная и компетентная система разработки политики, четкие горизонтальные процедуры, регулирующие национальный процесс интеграции, согласованное среднесрочное планирование на основе четких общегосударственных целей и согласованное с финансовыми условиями правительства, секторальная политика отвечает целям правительства и соответствует среднесрочным бюджетным рамкам, согласованная система среднесрочного планирования интегрирована в планирование внутренней политики, общественный контроль за деятельностью правительства, транспарентность подготовки правительственных решений, юридическое соответствие решений, согласованность политики с парламентом, организационная структура, процедуры и распределение персонала министерств обеспечивают реализацию разработанных стратегий, процедуры интеграции и институциональная структура являются неотъемлемой частью процесса разработки политики и обеспечивают систематическое и своевременное внедрение законодательства Европейского союза, нормотворчество основано на инклюзивной основе (активное участие общества и координация различных точек зрения), на фактических данных и оценке воздействия, законодательство является последовательным по структуре, стилю и языку, передается гласности); – управление государственной службой и людскими ресурсами; – подотчетность; – предоставление услуг, управление государственными финансами
<p>Показатели условий и рисков для бизнеса (Global Insight), экспертная оценка законодательства, официальных отчетов, публикаций, политических событий, статистических данных</p>	<ul style="list-style-type: none"> – эффективность системы сбора налогов; – качество законодательства (наличие необходимого регулирования, пробелы, совместимость с законодательством других стран); – регуляторное бремя (риски избыточных обременений для бизнеса); – противоречивость налоговой системы (риск, что штрафы за неуплату налогов будут непропорциональными либо будут использоваться в политических целях)

Наименование методики (организация), ключевой метод	Показатели (индексы)
<p>Ежегодник о мировой конкуренции Международного института развития менеджмента в Лозанне (International Institute for Management Development), оценка на основе статистических данных и объективных критериев</p>	<ul style="list-style-type: none"> – отрицательное влияние протекционизма на ведение бизнеса; – законодательство о конкуренции в стране не препятствует недобросовестной конкуренции; – регулирование цен на продукцию в большинстве отраслей; – легкость доступа к рынкам капитала (внутреннему и зарубежным); – простота ведения бизнеса; – прозрачность финансовых институтов; – обеспечение эффективного транзита товаров со стороны таможи; – негативное влияние правовой системы на конкурентоспособность; – легкость получения контроля над отечественными предприятиями для зарубежных инвесторов; – открытость системы государственных закупок для зарубежных участников; – личные / корпоративные налоги не являются искажающими; – отсутствие препятствий для конкурентоспособности в банковском регулировании; – отсутствие препятствий для бизнеса в банковском регулировании; – негативное влияние субсидий на экономическое развитие; – простота создания бизнеса
<p>Индекс верховенства закона (The World Justice Project), опрос предпринимателей и экспертов</p>	<ul style="list-style-type: none"> – ограничения государственной власти (полномочия правительства ограничены законодательными органами / судебной властью / независимым аудитом и обзором, правительственные чиновники наказаны за проступок, государственные полномочия подлежат негосударственному контролю, переход власти регулируется законом); – отсутствие коррупции; – открытое правительство (опубликованные законы и правительственные данные, право на получение информации, гражданское участие, механизмы подачи жалоб); – основные права (равное обращение и отсутствие дискриминации, право на жизнь и личную безопасность эффективно гарантируется, процессуальные нормы и права обвиняемого, свобода мнений и их свободное выражение фактически гарантировано, свобода убеждений и религии эффективно гарантируется, свобода от произвольного вмешательства в частную жизнь обеспечена, свобода собраний и ассоциаций эффективно гарантируется, основные трудовые права эффективно гарантируются); – порядок и безопасность;

Наименование методики (организация), ключевой метод	Показатели (индексы)
	<ul style="list-style-type: none"> – регуляторное принуждение (постановления правительства не соблюдаются, правительственные постановления применяются и исполняются без ненадлежащего влияния, административное производство проводится без необоснованных задержек, соблюдение надлежащей правовой процедуры в административном производстве, правительство не экспроприирует без надлежащей компенсации); – гражданское судопроизводство; – уголовное правосудие
<p>Обследования деловой среды и эффективности деятельности предприятий (The World Bank), опрос предпринимателей и топ-менеджеров</p>	<ul style="list-style-type: none"> – регулирование и налоги (время, затраченное высшим руководством на выполнение требований государственного регулирования); – процент фирм, которые были посещены или обязаны встретиться с налоговыми чиновниками, среднее количество таких визитов или необходимых встреч; – налоговые ставки; – процент фирм, определяющих налоговое администрирование как основное ограничение; – количество дней на получение лицензии; – количество дней для получения разрешения на строительство; – количество дней для получения лицензии на импорт; – процент фирм, определяющих лицензирование бизнеса и разрешения в качестве основных ограничений; – процент фирм, определяющих политическую нестабильность как основное препятствие; – процент фирм, определяющих доступ к земле в качестве основного ограничения; – коррупция; – преступления; – неформальность; – гендерный подход; – финансы; – инфраструктура; – инновации и технологии; – торговля; – трудовые ресурсы; – общие характеристики; – производительность

Наименование методики (организация), ключевой метод	Показатели (индексы)
Индекс административного давления (ежегодные доклады Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, с 2019 г.), опрос предпринимателей, юристов и адвокатов	<ul style="list-style-type: none"> – доля предпринимателей, подвергнутых контролю и надзору; – доля предупреждений от общего числа административных наказаний; – доля штрафов, наложенных без проведения проверок (по результатам так называемых административных расследований); – средний штраф на одного предпринимателя; – «административный налог» (показатель, отражающий фискальную ориентированность контрольно-надзорной деятельности)
Оценка экономической эффективности институциональных изменений на отраслевом рынке ¹ , оценка на основе статистических данных Федеральной налоговой службы и Федеральной службы государственной статистики в сочетании с экспертной оценкой	<ul style="list-style-type: none"> – фискальная эффективность государства; – различные индексы производства, физического объема инвестиций, индекс экспорта, удельный вес затрат на НИОКР и т. д.; – показатели, характеризующие достижение цели иницируемых институциональных изменений, изменение структуры отраслевого рынка, эффективность деятельности фирм отрасли, изменение положения и поведения субъектов косвенного воздействия; – появление оппортунистической активности субъектов отраслевого рынка, вызванной внедрением нового института и (или) образованием неформальных институтов, противодействующих иницируемым институциональным изменениям
Анализ региональных институтов развития ² , оценка на основе анализа нормативной правовой базы и публичной информации	<ul style="list-style-type: none"> – системность инновационного законодательства в регионе; – наличие действующих кластеров или потенциал кластеризации региона; – проводимые на территории региона инновационные мероприятия как показатель активности инновационной деятельности; – присутствие и функционирование на территории региональных корпораций развития; – наличие на территории региона федерального, национального или вуза, входящего в ведущие рейтинги образовательных учреждений; – вхождение субъектов РФ в состав Ассоциации инновационных регионов России; – участие региона в технологических платформах
Институциональный атлас социальных инноваций ³	<ul style="list-style-type: none"> – источник социальных инноваций; – тип ресурсов; – фазы социально-инновационного процесса

¹ Пыжев И. С., Горячев В. П. Реализация теоретического подхода к оценке экономической эффективности институциональных изменений на отраслевом рынке // Terra Economicus. – 2018. – Т. 16, № 2. – С. 99–113.

² Котлярова С. Н. Формирование и развитие региональных институтов // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2014. – № 3 (27). – С. 99–109.

³ Попов Е. В., Веретенника А. Ю., Омонов Ж. К. Институциональный атлас социальных инноваций // Экономическое возрождение России. – 2017. – № 2 (52). – С. 80–96.

Наименование методики (организация), ключевой метод	Показатели (индексы)
Уровень нормативно-правового обеспечения инновационных процессов в регионе ¹ , оценка на основе анализа нормативной правовой базы	<ul style="list-style-type: none"> – наличие рамочного закона об инновационной деятельности; – наличие стратегии инновационного развития; – наличие целевых инновационных программ
<p>Примечание – Составлено автором на основе обзора научных публикаций и открытых источников (официальных сайтов в сети Интернет) перечисленных организаций.</p> <p>Жирным шрифтом в таблице выделены показатели, затрагивающие характеристики именно регуляторной среды.</p>	

¹ Институциональные изменения в экономике российских регионов: монография / В. Л. Тамбовцев, Т. Д. Баснина, Е. П. Вигушина и др.; под ред. В. Л. Тамбовцева. – М.: ТЕИС, 2013. – С. 153.

Приложение Ж
(обязательное)

Параметры, предлагаемые экономистами
для оценки качества неформальных институтов

Экономист	Предлагаемый параметр	О значении параметра для предпринимательской деятельности и экономики
Зарубежные ученые		
Э. де Сото	Доверие	Доверие является основой эффективного экономического взаимодействия, особенно при плохом регулировании. «Альтернативные методы повышения надежности контрактов заключаются в инвестировании времени, сил и денег в развитие устойчивых дружеских взаимоотношений... Изоляция и недоверие исключают специализацию... Необходимо также, чтобы производители доверяли системе обмена. И только закон и защищающие его институты могут быть источниками такого доверия» ¹
Дж. Стиглиц	Доверие	Доверие – это то, благодаря чему возможны контракты, планы и ежедневные сделки ²
Я. Корнаи	Доверие, честное поведение	«Во всех странах честность и доверие всегда играли важную роль в общественном развитии, но особенно велико их значение в переходной экономике... Чем честнее стороны, тем глубже доверие между ними и ниже транзакционные издержки... Между доверием и конкуренцией существует противоречие ³ . Чем в большей степени доверие выступает критерием выбора, тем сильнее ограничивается конкуренция» ⁴

¹ De Soto H. The other path: the invisible revolution in the third world. – New York: Harper & Row, 1989. – P. 154–156.

² Стиглиц Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99 % населения? – М.: Эксмо, 2016. – С. 74.

³ Я. Корнаи полагает, что в силу плохих законов или недоверия государству и судам предприниматель вынужден ограничиваться кругом проверенных партнеров, опасаясь вступать в новые экономические связи, что ограничивает конкуренцию.

⁴ Корнаи Я. Честность и доверие в переходной экономике // Вопросы экономики. – 2003. – № 9. – С. 4–17.

Экономист	Предлагаемый параметр	О значении параметра для предпринимательской деятельности и экономики
К. Эрроу	Доверие	«В сущности каждая коммерческая операция содержит в себе элемент доверия, особенно если она занимает определенный период времени. Было бы вполне правдоподобно утверждать, что большая часть экономической отсталости в мире может быть объяснена недостаточностью взаимного доверия» ¹
Дж. Ходжсон	Соответствие поведения ожиданиям	«Как бы ни развивались институты – эволюционным ли путем или на основе сознательного плана, – они снабжают агентов обильной информацией, позволяющей последним вырабатывать ожидания относительно будущего поведения других субъектов экономики» ²
Дж. Коммонс	Доверие	Доверие – «главнейшая из полезностей», «возникает вследствие взаимной зависимости», «невидимая полезность доверия... вселяет уверенность в правильном поведении других лиц, также производит богатство» ³
Ф. Фукуяма	Доверие	«Одним из главных уроков изучения экономической жизни является то, что благополучие страны, а также ее состязательная способность на фоне других стран определяются одной универсальной культурной характеристикой – присущим ее обществу уровнем доверия» ⁴
К. Шваб	Доверие	«Высокий уровень доверия способствует вовлеченности и командной работе... В мире, где больше нет ничего постоянного, одной из важнейших ценностей становится доверие» ⁵
Дж. Коулман	Доверие	Функционирование экономических институтов и теория этого функционирования предполагают наличие доверия в качестве своего основания ⁶
Я. Алган, П. Каюк и др.	Доверие	Наблюдается эмпирическая связь между уровнем доверия и уровнем процветания государства ⁷

¹ Arrow K. J. Gifts and exchanges // Philosophy and public affairs. – 1974. – Vol. 1, no. 4. – P. 357.

² Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории / пер. с англ. М. Я. Каждана. – М.: Дело, 2003. – С. 179.

³ Коммонс Дж. Р. Правовые основания капитализма / пер. с англ. А. Апполонова, А. Маркова; под ред. М. Одинцовой. – М.: Высшая школа экономики, 2011. – С. 225.

⁴ Fukuyama F. Trust: the social virtues and the creation of prosperity. – New York: The Free Press, 1995. – P. 3–12.

⁵ Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ. – Москва : Эксмо, 2018. – С. 178.

⁶ Coleman J. S. Introducing social structure into economic analysis // The American economic review. – 1984. – Vol. 74, no. 2. – P. 84.

⁷ Algan Y., Cahuc P. Trust, growth and well-being: new evidence and policy implications // Handbook of economic growth. – 2013. – Vol. 2. – P. 49–120; Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation // Quarterly journal of economics. – 1997. – Vol. 112. – P. 1251–1288.

Экономист	Предлагаемый параметр	О значении параметра для предпринимательской деятельности и экономики
Отечественные ученые		
И. И. Янжул	Доверие	«Без доверия, которое на ней покоится, не может развиваться ни промышленность, ни торговля» ¹
В. В. Радаев, В. Е. Дементьев, А. К. Ляско	Доверие	Высокое доверие способствует снижению транзакционных издержек мониторинга, контроля и защиты прав; согласованию интересов экономических агентов; кооперации; уменьшению инвестиционных рисков и угрозы оппортунистического поведения. Все это вместе способствует экономическому развитию ²
О. С. Сухарев	Честность, нравственность	Нечестность «означает возникновение «контрактного» оппортунизма», по уровню честного поведения в экономической системе можно говорить «о том, насколько эффективна институциональная система, управление, формы контрактов и т. д.» ³
Г. Б. Клейнер	Соответствие ожиданиям, взаимная ответственность, взаимное доверие	«Система взаимных ожиданий и две каркасные подсистемы – системы взаимной ответственности и взаимного доверия – играют колоссальную роль на всех уровнях экономики. Система взаимной ответственности экономических агентов пронизывает всю экономику, является своеобразной соединительной тканью, обеспечивающей единство и целостность общества» ⁴
А. А. Аузан	Социальный капитал	«Социальный капитал – это продукт, который производит гражданское общество. Тогда, когда доверие на нуле, когда социального капитала в стране практически нет» ⁵ . Это приводит к формированию вертикального контракта и перераспределительному характеру экономики
Примечание – Составлено автором.		

¹ Янжул И. И. Экономическое значение честности (забытый фактор производства). – М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1912. – 27 с.

² Радаев В. В. Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. – М.: Центр полит. технологий, 1998. – 328 с.; Дементьев В. Е. Доверие – фактор функционирования и развития современной рыночной экономики // Российский экономический журнал. – 2004. – № 8. – С. 46–65.; Ляско А. Доверие и транзакционные издержки // Вопросы экономики. – 2003. – № 1. – С. 42–58.

³ Сухарев О. С. Экономический рост, институты и технологии: монография. – М.: Финансы и статистика, 2014. – С. 31.

⁴ Клейнер Г. Б. Экономика России и кризис взаимных ожиданий // Общественные науки и современность. – 1999. – № 1. – С. 9.

⁵ Аузан А. А. Общественный договор и гражданское общество // Мир России. Социология. Этнология. – 2005. – Т. 14, № 3. – С. 5.

Приложение И
(обязательное)

Направления оценки качества регуляторной среды субъекта РФ

Направления диагностики	Методика оценки	Взаимосвязь с функциями регуляторной среды (см. рисунок 14)
Масштаб регулирования: необходимость и достаточность вмешательства в предпринимательскую деятельность	Анализ норм на отсутствие избыточных административных барьеров при одновременном выявлении наличия норм, направленных на устранение провалов рынка и обеспечение социальных обязательств государства, экспертная оценка	Масштаб вмешательства в хозяйственную деятельность определяется через регламентацию взаимодействия предприятие-органы власти
Полнота регулируемых отношений	Анализ норм на отсутствие пробелов в правовом регулировании и потенциальных коррупционных ситуаций в условиях широты и неопределенности полномочий государственных служащих, экспертная оценка	Полнота регулируемых отношений обеспечивает предсказуемость взаимодействия с органами власти и предотвращает появление коррупционных ситуаций
Стройность системы	Анализ норм на непротиворечивость друг другу и трансляцию в них единых целей и показателей по всей иерархии норм, в том числе соответствие федеральным актам и государственным приоритетам, экспертная оценка	Стройность системы регуляторных норм обеспечивает качественную регламентацию взаимодействия предприятие – органы власти и предсказуемость такого взаимодействия
Соответствие всей системы норм обеспечению ключевой цели (инновационному развитию и росту благосостояния)	Анализ норм на соответствие обеспечению ключевой цели (социально-экономического развития территории) через создание условий для развития базовых отраслей пятого и шестого технологического уклада, традиционных и инновационных для региона отраслей, сохранение природных ресурсов для будущих поколений и обеспечение достойного качества жизни каждого	Соответствие всей системы норм обеспечению ключевой цели долгосрочно социально-экономического развития является необходимым условием такого развития

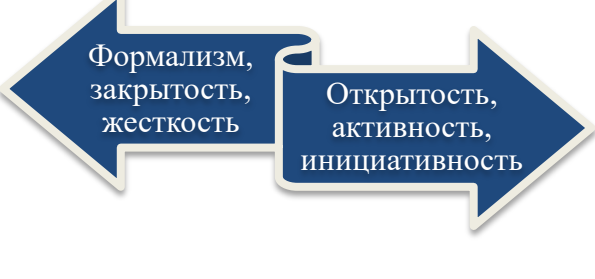
Направления диагностики	Методика оценки	Взаимосвязь с функциями регуляторной среды (см. рисунок 14)
Адаптивность системы	Анализ порядка нормотворчества в регионе на возможность быстрого изменения регулирования под изменяющиеся внешние экономические условия, а также фактической скорости изменения норм в соответствии с изменяющимися условиями и фактических стимулов трансформации регуляторной среды (изменение внешних условий или поручения вышестоящих органов)	Адаптивность системы обеспечивает соответствие системы норм актуальным вызовам и угрозам
Учет пространственных особенностей региона	Анализ норм на учет в них потребностей и потенциала территории региона, локальных (местных) особенностей, необходимости обеспечения равномерного пространственного развития	Учет пространственных особенностей региона является необходимым условием долгосрочного социально-экономического развития конкретной территории
Баланс интересов различных групп	Анализ норм на учет в них потребностей различных групп, анализ системы нормотворчества и организации ОРВ на возможность участия негосударственных акторов в формировании регуляторной политики	Достижение баланса интересов различных групп в нормативных правовых актах и предоставление возможности отстаивания своих интересов в ходе нормотворчества создают благоприятные условия ведения бизнеса (стимулы к предпринимательству, инновациям и инвестициям), а также способствуют обеспечению безопасности работников и потребителей
Доверие органам власти	Анализ количества коррупционных преступлений (официальные данные), численности лиц, уволенных с государственной (муниципальной) службы в связи с утратой доверия (официальные данные), уровня доверия власти, опрос	Высокий уровень доверия органам власти формирует уверенность в будущем, повышает восприимчивость акторов к нормам, обеспечивает высокую эффективность правоприменения, соблюдение регуляторных норм
Доверие иным предпринимателям	Анализ уровня доверия контрагентам (опрос) и количества преступлений экономической направленности (официальные данные)	Высокий уровень доверия между предпринимателями снижает транзакционные издержки их взаимодействия, поиска новых контрагентов

Направления диагностики	Методика оценки	Взаимосвязь с функциями регуляторной среды (см. рисунок 14)
Доверие потребителям, сотрудникам и населению в целом	Анализ уровня доверия населению, потребителям, сотрудникам и социальной ответственности бизнеса, опрос	Высокая социальная ответственность бизнеса, ориентация на общественно значимые цели развития собственного бизнеса, отрасли, города, региона способствует повышению доверия и лояльности потребителей, снижению вероятности их оппортунистического поведения, в свою очередь повышая уровень доверия предпринимателей потребителям. Доверие собственным сотрудникам способствует снижению транзакционных издержек найма, защиты информации и иных
Примечание – Составлено автором.		

Приложение К
(обязательное)

**Функциональные роли и активность акторов,
задействованных в генерации и функционировании регуляторной среды
в пространстве региона**

Актор системы	Возможные функции	Возможная активность
Федеральные законодательные и исполнительные органы	<p>1. Установление ключевых направлений и силы регулирующего воздействия национальной регуляторной среды.</p> <p>2. Установление границ полномочий региональных и местных органов по влиянию на регуляторную среду и предпринимательскую деятельность</p>	
Исполнительный орган власти РФ, уполномоченный за проведение единой государственной экономической, региональной политики (Минэкономразвития России)	<p>1. Мониторинг и рейтингование субъектов РФ в части создания благоприятной регуляторной среды.</p> <p>2. Методическое, организационное и техническое сопровождение повышения качества регуляторной среды в субъекте РФ.</p> <p>3. Взаимодействие с национальными бизнес-объединениями, административный контроль за соблюдением норм федерального уровня и охрана правопорядка</p>	

Актор системы	Возможные функции	Возможная активность
<p>Исполнительный орган власти субъекта РФ, уполномоченный за проведение единой государственной экономической политики на территории региона (как правило, данный орган является уполномоченным в сфере ОРВ)</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Наполнение и трансформация регуляторной среды региона путем нормотворчества, определения генеральной стратегии социально-экономического развития. 2. Выявление и преодоление «узких мест» развития экономики и локальных территорий, осуществления экономической деятельности, в том числе в отдельных отраслях. 3. Контроль за соблюдением установленных правил и норм. 4. Проведение внутреннего мониторинга качества регуляторной среды, формирование отчетности, в том числе публичной, и определение направлений развития регуляторной среды. 5. Обеспечение обратной связи, в том числе выявление мнения предпринимательского сообщества, и взаимодействия всех акторов системы региона 	
<p>Законодательные и исполнительные органы власти субъекта РФ – регуляторы</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Наполнение и трансформация регуляторной среды региона путем нормотворчества, определения отраслевых стратегий развития. 2. Выявление и преодоление «узких мест» развития отрасли и осуществления экономической деятельности в ней. 	

Актор системы	Возможные функции	Возможная активность
	<p>3. Контроль за соблюдением установленных правил и норм (при реализации данной функции высокую значимость приобретает явление коррупции).</p> <p>4. Обеспечение обратной связи, в том числе выявление мнения отраслевого профессионального сообщества, и взаимодействия с ним</p> <p>5. Административный контроль за соблюдением норм федерального и регионального уровня и охрана правопорядка</p>	
Правоохранительные и судебные органы	<p>1. Защита прав и свобод предпринимателей.</p> <p>2. Защита прав и свобод иных экономических агентов</p>	
Уполномоченный по защите прав предпринимателей субъекта РФ	<p>1. Защита интересов предпринимателей в случаях дисфункции регуляторной среды региона.</p> <p>2. Отстаивание интересов предпринимательского сообщества при формировании регуляторной политики путем участия в ОРВ и совещательных органах.</p> <p>3. Выявление и преодоление точечных и системных проблем при осуществлении экономической деятельности</p>	

Актор системы	Возможные функции	Возможная активность
<p>Предпринимательское сообщество, в том числе бизнес-объединения</p>	<p>1. Влияние на регуляторную политику и защита своих интересов путем участия в ОРВ, совещательных органах, общественных объединениях.</p> <p>2. Соблюдение/нарушение действующих норм и правил (подчинение/сопротивление воздействию регуляторной среды, или добросовестное поведение/недобросовестное поведение, оппортунизм, нечестная конкуренция)</p>	
<p>Научные и учебные организации</p>	<p>1. Проведение исследований развития экономики и локальных территорий, осуществления экономической деятельности, в том числе в отдельных отраслях, состояния регуляторной среды, с целью выявления «узких мест», точек роста и формирования рекомендаций для органов власти.</p> <p>2. Участие в ОРВ и иных видах экспертизы нормативной правовой базы.</p> <p>3. Формирование компетенций у студентов, повышение квалификации государственных служащих по направлениям государственного управления и регулирования экономики</p>	

Актор системы	Возможные функции	Возможная активность
Население субъекта РФ, в том числе союзы потребителей и профсоюзы	1. Защита интересов трудящихся и потребителей при формировании регуляторной политики путем жалоб в органы власти, митингов, участия в ОРВ и совещательных органах	
СМИ	<p>1. Выявление и освещение дисфункций регуляторной среды и позитивных практик ее влияния и развития.</p> <p>2. Консолидация общественного мнения по вопросам качества регуляторной среды и социально-экономического развития региона</p>	
Примечание – Составлено автором.		

Приложение Л
(обязательное)

**Отчет по социологическому исследованию «Готовность студентов УрГЭУ
открыть свое дело и вести собственный бизнес»**

Социологическое исследование на тему «Готовность студентов УрГЭУ открыть свое дело и вести собственный бизнес» проведено в феврале-марте 2021 г.

Объектом исследования выступили студенты всех курсов очной формы обучения бакалавриата УрГЭУ.

Применена квотная выборка по критерию принадлежности учащихся к институтам университета. Сбор информации производился с помощью онлайн-инструментов Google.

Было опрошено 655 студентов всех курсов очной формы обучения в бакалавриате во всех институтах вуза: Институт менеджмента и информационных технологий (ИМиИТ) – 24,6 %; Институт экономики (ИЭ) – 27,3 %; Институт торговли, пищевых технологий и сервиса (ИТПТиС) – 32,1 %; Институт финансов и права (ИФиП) – 16 %.

Выборка соблюдена, данные исследования репрезентативны (рисунок Л.1).

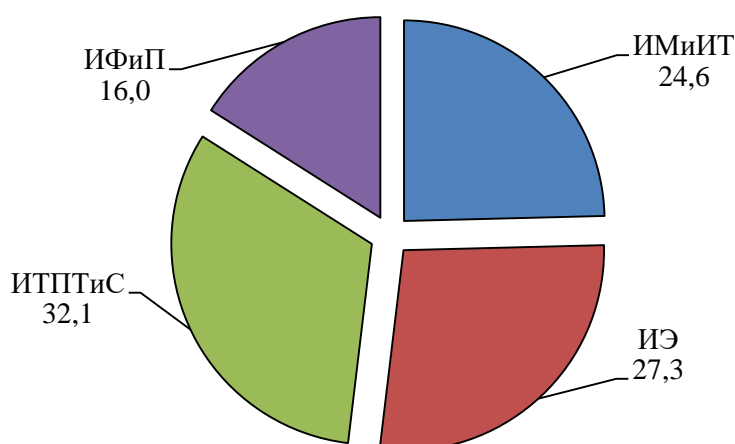

Рисунок Л.1 – Распределение студентов по институтам вуза, %

В исследовании были опрошены студенты разных курсов: I курс – 38 %, II курс – 23 %, III курс – 19 %, IV курс – 19 % (рисунок Л.2).

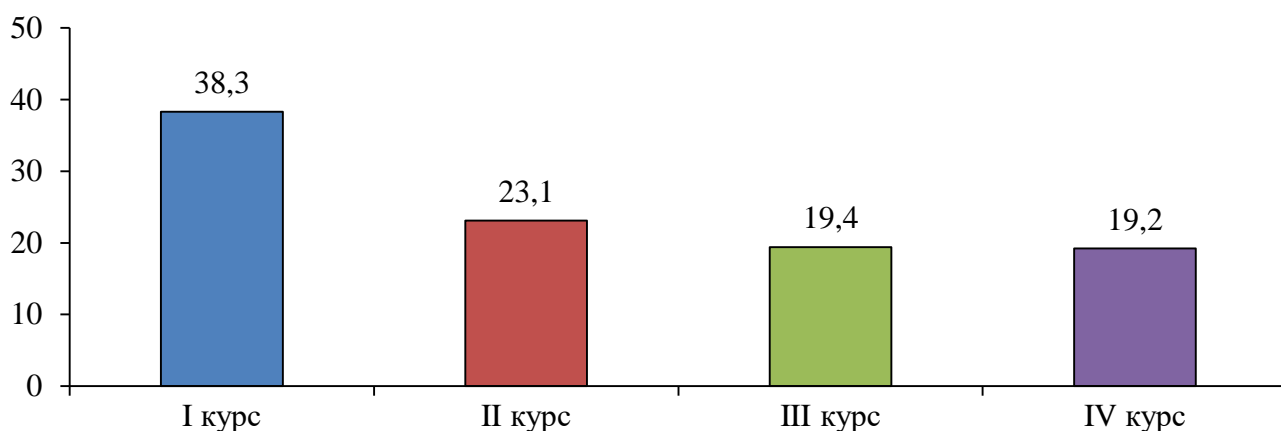

Рисунок Л.2 – Распределение студентов по курсам обучения, %

Наиболее многочисленными были студенты таких направлений подготовки, как «Экономика» – 27 %, «Менеджмент» – 9,9 %, «Юриспруденция» – 9,6 %, «Торговое дело» – 7,9 % (таблица Л.1).

Таблица Л.1 – Распределение по направлению подготовки в бакалавриате

Направление подготовки	Доля опрошенных, %
Экономика	27,0
Менеджмент	9,9
Юриспруденция	9,6
Торговое дело	7,9
Управление качеством	5,2
Технология продукции и организация общественного питания	4,4
Прикладная информатика	3,8
Туризм	3,7
Государственное и муниципальное управление	3,4
Землеустройство и кадастры	3,1
Гостиничное дело	2,7

Направление подготовки	Доля опрошенных, %
Информационная безопасность	2,6
Биотехнология	2,4
Математическое обеспечение и администрирование информационных систем	2,3
Товароведение	2,3
Бизнес-информатика	2,3
Технологические машины и оборудование	2,0
Информатика и вычислительная техника	2,1
Управление персоналом	1,7
Сервис	1,5
Итого опрошенных	100,0

Цель исследования – изучить мнение студентов о трудностях открытия и ведения своего дела, их личной готовности стать предпринимателями и достаточности для этого получаемых ими знаний и навыков.

Задачи исследования:

- 1) определить динамику заинтересованности студентов к открытию своего дела в процессе обучения, в том числе в разрезе направлений подготовки;
- 2) определить факторы, влияющие на решение студентов об открытии и ведении своего дела;
- 3) выяснить оценку студентами получаемых знаний и навыков в процессе образования для последующего ведения собственного бизнеса;
- 4) определить, как УрГЭУ мог бы способствовать становлению своих выпускников в качестве предпринимателей.

Настоящий отчет структурирован в соответствии с поставленными задачами в исследовании.

Основное содержание

Первая задача заключалась в том, чтобы определить динамику заинтересованности студентов к открытию своего дела в процессе обучения, в том числе в разрезе направлений подготовки.

До поступления в университет каждый второй студент (50,9 %) намеревался открыть собственный бизнес после получения высшего образования (рисунок Л.3). Почти треть студентов (30 %) не планировали открыть свое дело; 18,9 % опрошенных затруднились ответить на заданный вопрос.

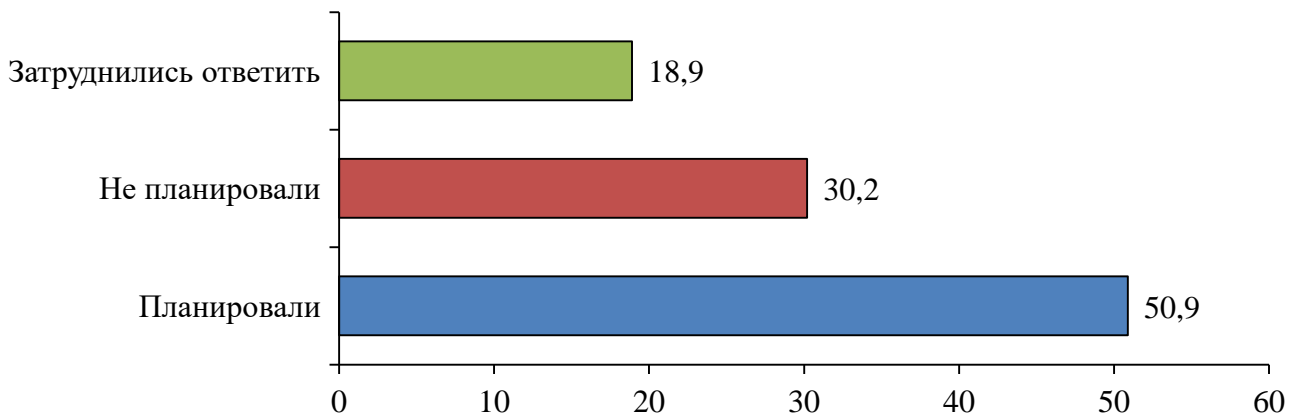

Рисунок Л.3 – Распределение ответов на вопрос о том, планировали ли студенты, поступая в университет, открыть собственный бизнес после получения высшего образования, %

Если рассматривать направления подготовки (таблица Л.2), то мы увидим, что больше всего планировали открыть собственный бизнес студенты направления «Технология продукции и организация общественного питания» – 76 %, «Туризм» – 71 %, «Биотехнология» – 62 %, «Гостиничное дело» – 61 %, «Сервис» – 60 %. Меньше всего планировали открыть собственный бизнес студенты направлений подготовки «Товароведение» – 20 %, «Государственное и муниципальное управление» – 23 %, «Информатика и вычислительная техника» – 28 %, «Матема-

тическое обеспечение и администрирование информационных систем» – 33 %, «Землеустройство и кадастры» – 35 %.

Таблица Л.2 – Распределение по направлениям подготовки студентов, планировавших при поступлении в УрГЭУ открыть собственный бизнес после получения высшего образования, %

Направление подготовки	Планировали	Не планировали	Затруднились ответить	Итого
Экономика	53,3	29,9	16,4	100,0
Сервис	60,0	40,0	0,0	100,0
Торговое дело	46,2	26,9	26,9	100,0
Туризм	70,8	12,5	16,7	100,0
Технология продукции и организация общественного питания	75,9	10,3	13,8	100,0
Прикладная информатика	48,0	40,0	12,0	100,0
Государственное и муниципальное управление	22,7	50,0	27,3	100,0
Математическое обеспечение и администрирование информационных систем	33,3	33,3	33,3	100,0
Информатика и вычислительная техника	28,6	35,7	35,7	100,0
Управление персоналом	45,5	36,4	18,4	100,0
Биотехнология	62,5	25,0	12,5	100,0
Менеджмент	55,4	20,0	24,6	100,0
Информационная безопасность	52,9	23,5	23,5	100,0
Товароведение	20,0	53,3	26,7	100,0
Землеустройство и кадастры	35,0	30,0	35,0	100,0
Технологические машины и оборудование	53,8	38,5	7,7	100,0
Гостиничное дело	61,1	22,2	16,7	100,0
Бизнес-информатика	53,3	26,7	20,0	100,0
Управление качеством	55,9	29,4	14,7	100,0
Юриспруденция	44,4	44,4	11,1	100,0
<i>Всего</i>	<i>50,8</i>	<i>30,2</i>	<i>18,9</i>	<i>100,0</i>
Примечание – Коэффициент Крамера [0...1] – 0,208, вероятность ошибки (значимость) – 0,027.				

На момент проведения опроса примерно половина опрошенных (48,4 %) готова после окончания высшего образования заниматься бизнесом (рисунок Л.3). Почти 27 % не планируют открывать свое дело после получения диплома; 24,7 % студентов затрудняются ответить на поставленный вопрос.

Рисунок Л.3 – Распределение ответов на вопрос о том, планируют ли студенты в настоящее время вести собственный бизнес после получения высшего образования, %

Что касается направлений подготовки студентов (таблица Л.3), то больше всего среди студентов направления «Технология продукции и организация общественного питания» – 79 %, «Гостиничное дело» – 67 %, «Бизнес-информатика» – 67 %, «Информационная безопасность» – 65 %, «Менеджмент» – 61 % на данный момент планируют открыть собственный бизнес после получения высшего образования. Меньше всего планируют открыть собственный бизнес студенты направлений подготовки «Государственное и муниципальное управление» и «Управление персоналом» – 27 %, «Информатика и вычислительная техника» – 28 %, «Юриспруденция» – 30 %, «Землеустройство и кадастры» – 30 %, «Товароведение» – 33 %.

Таблица Л.3 – Распределение по направлениям подготовки студентов, планирующих в настоящее время вести собственный бизнес после получения высшего образования, %

Направление подготовки	Планируют	Не планируют	Затруднились ответить	Итого
Экономика	52,0	28,8	19,2	100,0
Сервис	50,0	40,0	10,0	100,0
Торговое дело	48,1	26,9	25,0	100,0
Туризм	37,5	8,3	54,2	100,0
Технология продукции и организация общественного питания	79,3	6,9	13,8	100,0
Прикладная информатика	48,0	36,0	16,0	100,0
Государственное и муниципальное управление	27,3	40,9	31,8	100,0
Математическое обеспечение и администрирование информационных систем	40,0	33,3	26,7	100,0
Информатика и вычислительная техника	28,6	35,7	35,7	100,0
Управление персоналом	27,3	54,5	18,2	100,0
Биотехнология	43,8	18,8	37,5	100,0
Менеджмент	61,5	15,4	23,1	100,0
Информационная безопасность	64,7	17,6	17,6	100,0
Товароведение	33,3	33,3	33,3	100,0
Землеустройство и кадастры	30,0	25,0	45,0	100,0
Технологические машины и оборудование	46,2	23,1	30,8	100,0
Гостиничное дело	66,7	22,2	11,1	100,0
Бизнес-информатика	66,7	20,0	13,3	100,0
Управление качеством	44,1	29,4	26,5	100,0
Юриспруденция	31,7	36,5	31,7	100,0
<i>Всего</i>	<i>48,4</i>	<i>26,9</i>	<i>24,7</i>	<i>100,0</i>
Примечание – Коэффициент Крамера [0...1] – 0,228, вероятность ошибки (значимость) – 0,002.				

Данные таблицы Л.4 показывают, что резкое падение доли планирующих вести собственный бизнес произошло среди студентов направлений подготовки «Туризм» (снижение с 70 % до 37 %), «Управление персоналом» (с 45 % до 27 %), «Биотехнология» (с 62 % до 43 %). Сравнительно небольшое падение произошло среди студентов направлений подготовки «Сервис» (снижение с 60 % до 50 %),

«Технологические машины и оборудование» (с 53 % до 46 %), «Управление качеством» (падение с 55 % до 44 %), «Юриспруденция» (с 44 % до 31 %).

Но также мы выявили и рост числа студентов, планирующих открыть свой бизнес, среди направлений подготовки «Математическое обеспечение и администрирование информационных систем» (увеличение с 33 % до 40 %), «Менеджмент» (с 55 % до 61 %), «Информационная безопасность» (с 52 % до 64 %), «Товароведение» (с 20 % до 33 %).

Таблица Л.4 – Изменение доли студентов, планирующих вести свой бизнес, до поступления в вуз и во время обучения (по направлениям подготовки)

Направление подготовки	Доля студентов, планирующих вести свой бизнес, %	
	до поступления в университет	в настоящее время
Туризм	70,8	37,5
Управление персоналом	45,5	27,3
Биотехнология	62,5	43,8
Сервис	60,0	50,0
Технологические машины и оборудование	53,8	46,2
Управление качеством	55,9	44,1
Юриспруденция	44,4	31,7
Математическое обеспечение и администрирование информационных систем	33,3	40,0
Менеджмент	55,4	61,5
Информационная безопасность	52,9	64,7
Товароведение	20,0	33,3

Вторая исследовательская задача ориентировала на определение факторов, влияющих на решение студентов об открытии и ведении своего дела.

На вопрос об основных трудностях при открытии и ведении собственного дела нами были собраны 1 243 ответа (таблица Л.5). Главным барьером, по мнению студентов, является неравный доступ к первоначальным инвестициям – 22,7 %. На втором месте стоят сложности ведения частного бизнеса в России – 15,8 %, высо-

кая конкуренция – 15,4 %. На третью позицию студенты поставили отсутствие идей для открытия дела – 13,8 %. Далее следуют варианты «низкая рентабельность бизнеса в России» – 11,9 % и «зарегулированность бизнеса» – 11,3 %.

Меньше всего студенты считают барьерами для открытия и ведения бизнеса «высокие личные трудозатраты» (5 %) и «риск привлечения к ответственности» (2,8 %).

Таблица Л.5 – Трудности для открытия и ведения собственного дела

Варианты ответа	Доля ответов, %
Трудности доступа к первоначальным инвестициям	22,7
Сложность ведения частного бизнеса в России	15,8
Высокая конкуренция	15,4
Отсутствие идей для открытия дела	13,8
Низкая рентабельность бизнеса в России	11,9
Зарегулированность бизнеса (завышенное количество законодательных требований к бизнесу и проверок)	11,3
Высокие личные трудозатраты	5,0
Риск привлечения к ответственности	2,8
Другое	1,3
Итого ответов	100,0

На вопрос об основных преимуществах ведения бизнеса студенты дали 1 874 ответа (таблица Л.6). Больше всего студенты считают, что важно «быть профессионалом своего дела» – 22 %. На втором месте стоит «высокий доход» – 19 % и «создавать полезный или уникальный продукт» – 18 %. На третьем месте расположились «гармоничное сочетание личной жизни и работы» – 13 % и «быть свободным, независимым» – 13 %.

Таблица Л.6 – Распределение ответов на вопрос, что для студентов является наиболее ценным, важным в предпринимательской деятельности

Варианты ответа	Доля ответов, %
Быть профессионалом своего дела	22,2
Получать высокий доход	19,5
Создавать полезный/уникальный продукт/услугу для окружающих	18,9
Гармонично сочетать личную жизнь и работу	13,6
Быть свободным, независимым	12,9
Руководить, отдавать поручения, команды	6,8
Вносить вклад в развитие малой родины (своей области/города/поселка)	4,7
Ничего, мне не интересна предпринимательская деятельность	1,4
Итого ответов	100,0

Как студенты оценивают получаемые в процессе образования знания и навыки для последующего ведения собственного бизнеса?

Оценивая теоретическую подготовку, студенты поставили «удовлетворительные» отметки (таблица Л.7).

Таблица Л.7 – Оценка теоретической подготовки в вузе по 5-балльной шкале, средний балл

1 ←—————→ 5		
Объем знаний недостаточный	3,5	Объем знаний достаточный
Знания устаревшие, неадекватные современному рынку	3,6	Знания актуальные, адекватные современному рынку
Знания не имеют практического применения	3,3	Знания имеют высокое практическое применение

Аналогичные оценки поставили и практической подготовке (таблица Л.8).

Таблица Л.8 – Оценка практической подготовки в вузе по 5-балльной шкале, средний балл

1 ←—————→ 5		
Объема практических навыков недостаточно	3,1	Объема практических навыков достаточно
Форма освоения навыков неэффективна	3,3	Форма освоения навыков эффективна
Получаемые навыки неадекватны современным требованиям	3,5	Получаемые навыки соответствуют современным требованиям

Студенты в целом удовлетворены теоретической и практической подготовкой к ведению бизнеса в университете на 3,3–3,6 балла.

Только 3,7 % получили практические навыки, проходя производственную практику в вузе. Почти половина опрошенных (48 %) имеют только теоретические представления о ведении собственного дела (таблица Л.9). В большинстве случаев практические представления студенты получают из опыта членов семьи – 21 %, личного опыта работы помощником/заместителем руководителя – 11,5 %. Только 5,7 % имеют собственное дело уже сейчас.

Таблица Л.9 – Распределение ответов на вопрос о наличии у студентов УрГЭУ практических представлений о ведении бизнеса

Варианты ответа	Доля ответов, %
Да, у меня уже есть собственное дело	5,7
Да, я имею опыт работы помощником/заместителем руководителя организации	11,5
Да, я много знаю об этом из опыта членов своей семьи	21,2
Да, я получил такие представления на практике от вуза	3,7
Нет, я имею только теоретические представления о ведении собственного дела	48,4
Затрудняюсь ответить	9,5
Итого ответов	100,0

Каким образом вуз мог бы способствовать становлению своих выпускников в качестве предпринимателей?

На вопрос о потребности в сопровождении и конкретных мероприятиях со стороны вуза опрошенные студенты дали 233 ответа (таблица Л.9).

Лидером среди ответов стал «углубленный анализ предпринимательской среды, рынков для бизнеса и процессов ведения бизнеса (актуальные кейсы по бизнесу)» – почти 25 %. На втором месте стоят «практические занятия» – 17 %. И на третьем месте «инвестиции, налогообложение» – 9 %, «юридические аспекты предпринимательской деятельности, документооборот» – 8,6 %.

Студентов интересует, как надо начинать бизнес, стартапы, – 7,7 %. Учащиеся высшей школы проявляют интерес к онлайн-технологиям в бизнесе – 5,6 %. Опрошенные студенты не против послушать лекции коучей, опытных предпринимателей – 3,9 %.

Также студенты отметили дисциплины, которых не хватает в учебных планах: финансовая грамотность – 6 %, психология – 3,9 %; экономические дисциплины (корпоративная экономика, экономическая безопасность) – 3 %; маркетинг, реклама – 2,6 %; менеджмент – 1,8 %; социология – 0,9 %; ораторское искусство – 0,9 %.

С полным списком можно ознакомиться в таблице Л.10.

Таблица Л.10 – Распределение ответов на вопрос о том, каких направлений / тем / предметов / знаний и навыков не хватает в программах обучения для открытия дела студентам вуза

Варианты ответа	Доля ответов, %
Углубленный анализ предпринимательской среды, рынков для бизнеса и процессов ведения бизнеса (актуальные кейсы по бизнесу)	24,85
Больше практических занятий	17,2
Инвестиции, налогообложение	9,0
Юридические аспекты предпринимательской деятельности, документооборот	8,6
Стартапы, как начать бизнес	7,7
Финансовая грамотность	6,0
Онлайн-технологии в бизнесе	5,6
Лекции приглашенных предпринимателей, коучей	3,9
Психология	3,9

Варианты ответа	Доля ответов, %
Экономические дисциплины (корпоративная экономика, экономическая безопасность)	3,0
Маркетинг, реклама	2,6
Менеджмент	1,8
Работа с пакетом программ 1С	1,35
Криптоиндустрия	0,9
Социология	0,9
Ораторское искусство	0,9
Кейтеринг	0,45
Нанотехнологии	0,45
Ивент-индустрия	0,45
Мошенничество в бизнесе	0,45
Итого ответов	100,0

На вопрос о том, какие мероприятия по поддержке выпускников вуза, желающих открыть собственное дело, нужны в нашем университете, мы получили 1 186 ответов (таблица Л.11).

Таблица Л.11 – Желательные мероприятия со стороны вуза по поддержке выпускников бакалавриата, решивших стать предпринимателями

Варианты ответа	Доля ответов, %
Организация дополнительных специализированных курсов и программ повышения квалификации по вопросам предпринимательства	36,2
Помощь в поиске наставника	21,8
Возможность обратиться за советом/консультацией в родной университет	19,4
Приглашение в качестве слушателей на конференции, организуемые в УрГЭУ	15,0
Не нуждаюсь в сопровождении и помощи после выпуска	7,6
Итого ответов	100,0

На первое место студенты поставили организацию дополнительных специализированных курсов и программ повышения квалификации по вопросам предпринимательства – 36 %.

Второе место в рейтинге заняла помощь в поиске наставника – 22 %.

На третьем месте возможность обратиться за советом/консультацией в родной университет – 19 %.

Приложение М
(обязательное)

Диагностика регуляторной среды субъектов Уральского макрорегиона

Элемент регуляторной среды	Свердловская область	Челябинская область	Курганская область	Оренбургская область	Пермский край	Республика Башкортостан	Удмуртская Республика
Формальная составляющая регуляторной среды							
<i>Проработанность приоритета технологического развития</i>							
Технологическое (промышленное, инновационное) развитие как один из приоритетов стратегии социально-экономического развития региона	+	+	-	-	+	+	-
Концепция/стратегия технологического (промышленного, инновационного) развития региона	+ ¹	+ ²	- ³	-	-	+ ⁴	+ ⁵
Перечень приоритетных/критических технологий с учетом специфики региона и ориентацией на технологии пятого и шестого технологических укладов	± ⁶	-	-	± ⁷	-	+ ⁸	± ⁹
Региональный закон о промышленной политике	+ ¹⁰	+ ¹¹	+ ¹²	+ ¹³	+ ¹⁴	+ ¹⁵	+ ¹⁶

¹ Постановления Правительства Свердловской области от 22.05.2013 № 646-ПП и от 28.06.2019 № 383-ПП.

² Распоряжение Правительства Челябинской области от 12.10.2012 № 260-рп.

³ Распоряжением Администрации (Правительства) Курганской области от 21.02.2006 № 59-р утверждалась стратегия до 2015 г.

⁴ Распоряжение Правительства Республики Башкортостан от 21.07.2017 № 689-р.

⁵ Распоряжение Правительства Удмуртской Республики от 10.08.2015 № 800-р.

⁶ Постановление Правительства Свердловской области от 22.05.2013 № 646-ПП, утратило силу с 2020 г.

⁷ Постановление Правительства Оренбургской области от 7.12.2006 № 394-П. Перечень дублирует федеральный перечень без региональной специфики.

⁸ Действующий перечень перечислен в распоряжении Правительства Республики Башкортостан от 21.07.2017 № 689-р.

⁹ Распоряжение Правительства Удмуртской Республики от 05.03.2012 № 170-р. Перечень дублирует федеральный перечень без региональной специфики.

¹⁰ Закон Свердловской области от 23.11.2015 № 136-ОЗ.

¹¹ Закон Челябинской области от 11.06.2015 № 201-ЗО.

¹² Законы Курганской области от 27.06.1999 № 220 и от 29.12.2015 № 136.

¹³ Закон Оренбургской области от 09.03.2016 № 3800/1038-V-ОЗ.

¹⁴ Закон Пермского края от 03.03.2015 № 440-ПК.

¹⁵ Закон Республики Башкортостан от 01.12.2015 № 294-з.

¹⁶ Закон Удмуртской Республики от 27.12.2005 № 73-РЗ.

Элемент регуляторной среды	Свердловская область	Челябинская область	Курганская область	Оренбургская область	Пермский край	Республика Башкортостан	Удмуртская Республика
Региональная (государственная, комплексная, целевая) программа развития промышленности, науки, инновационной деятельности	+ ¹	+ ²	+ ³	± ⁴	+ ⁵	+ ⁶	+ ⁷
Итого	4,5	4	2	2	3	5	3,5
<i>Поддержка науки и инновационных форм предпринимательства</i>							
Региональный закон о науке, научно-технической и инновационной деятельности	+ ⁸	–	+ ⁹	–	+ ¹⁰	+ ¹¹	+ ¹²
Региональные акты о поддержке, в том числе финансовой, науки, научно-технической, промышленной и инновационной деятельности	+ ¹³	+ ¹⁴	±	+ ¹⁵	±	+ ¹⁶	±
Нормативное закрепление подходов к повышению кооперации промышленных предприятий друг с другом, крупного и малого бизнеса, промышленности и науки	+	+	–	–	–	±	± ¹⁷
Нормативное закрепление действия на территории региона специализированной формы технологической кооперации и развития (технологические платформы, кластеры, технопарки)	+	± ¹⁸	± ¹⁹	+	+	+	+

¹ Постановление Правительства Свердловской области от 24.10.2013 № 1293-ПП.

² Постановление Правительства Челябинской области от 16.12.2015 № 623-П.

³ Постановление Правительства Курганской области от 14.10.2013 № 493.

⁴ Является подпрограммой общей программы «Экономическое развитие». Постановление Правительства Оренбургской области от 10.09.2013 № 767-пп, действующая редакция – от 25.12.2018 № 888-пп.

⁵ Постановление Правительства Пермского края от 03.10.2013 № 1325-п.

⁶ Действующая редакция утверждена постановлением Правительства Республики Башкортостан от 12.03.2018 № 98.

⁷ Постановление Правительства Удмуртской Республики от 20.05.2013 № 201.

⁸ Закон Свердловской области от 02.04.2001 № 33-ОЗ.

⁹ Закон Курганской области от 27.03.2000 № 302.

¹⁰ Законы Пермского края от 11.06.2008 № 238-ПК и от 02.04.2008 № 220-ПК.

¹¹ Закон Республики Башкортостан от 28.12.2006 № 400-з.

¹² Закон Удмуртской Республики от 26.06.2017 № 55-РЗ.

¹³ Закон Свердловской области от 15.07.2010 № 60-ОЗ.

¹⁴ Закон Челябинской области от 07.06.2005 № 383-ЗО.

¹⁵ Закон Оренбургской области от 16.11.2009 № 3222/739-IV-ОЗ.

¹⁶ Действующий акт утвержден постановлением Правительства Республики Башкортостан от 13.08.2019 № 490.

¹⁷ В стратегии развития региона закреплена задача по поиску форм кооперации.

¹⁸ Специализированные формы упоминаются в Стратегии инновационного развития Челябинской области.

¹⁹ Специализированные формы упоминаются в Порядке ведения реестров технопарка.

Элемент регуляторной среды	Свердловская область	Челябинская область	Курганская область	Оренбургская область	Пермский край	Республика Башкортостан	Удмуртская Республика
Региональные планы импортозамещения	+ ¹	+ ²	+ ³	+ ⁴	+ ⁵	+ ⁶	+ ⁷
Итого	5	3,5	3	3	3,5	4,5	4
<i>Поддержка престижа технологического творчества и промышленных профессий</i>							
Закрепление и поддержка конкурсов профессионального мастерства в промышленной сфере на регулярной основе	+ ⁸	+ ⁹	- ¹⁰	-	+ ¹¹	+ ¹²	+ ¹³
Закрепление и поддержка развития детского технологического творчества	+ ¹⁴	+ ¹⁵	+ ¹⁶	+ ¹⁷	-	+ ¹⁸	+ ¹⁹
Итого	5	5	3	3	3	5	5
<i>Проработанность устойчивости развития региона</i>							
Устойчивое (эколого- и ресурсосберегающее) развитие как один из приоритетов стратегии социально-экономического развития региона	+	± ²⁰	+	+	± ²¹	-	-

¹ Постановление Правительства Свердловской области от 24.10.2013 № 1293-ПП.

² Распоряжение Губернатора Челябинской области от 21.01.2015 № 9-р.

³ Распоряжение Правительства Курганской области от 11.09.2018 № 316-р.

⁴ Постановление Правительства Оренбургской области от 11.05.2016 № 321-п.

⁵ Приказ Министерства промышленности, предпринимательства и торговли Пермского края от 04.04.2016 № СЭД-03-01-03-53.

⁶ Распоряжение Правительства Республики Башкортостан от 7.08.2015 № 838-р.

⁷ Приказ Агентства инвестиционного развития Удмуртской Республики от 16.08.2016 № 01-07/137.

⁸ Распоряжение Правительства Свердловской области от 29.06.2011 № 1154-РП.

⁹ Постановление Губернатора Челябинской области от 06.03.2008 № 59.

¹⁰ Проводился один конкурс в 2003 г. в сфере легкой промышленности.

¹¹ Постановление Администрации города Перми Пермского края от 20.10.2011 № 655.

¹² Приказ Министерства экономического развития и промышленности Республики Башкортостан от 04.06.2004 № 14 и Приказ Госстроя РБ от 28.11.2019 № 370.

¹³ Постановление Правительства Удмуртской Республики от 20.01.2014 № 6.

¹⁴ Постановление Правительства Свердловской области от 02.03.2016 № 127-ПП.

¹⁵ Развитие сети «Кванториум»: приказы Министерства образования и науки Челябинской области от 30.08.2019 № 01/3078 и № 01/3077.

¹⁶ Распоряжение Правительства Курганской области от 05.07.2019 № 263-р.

¹⁷ Постановление Правительства Оренбургской Области от 04.07.2019 № 482-пп.

¹⁸ Приказ Министерства образования Республики Башкортостан от 25.12.2018 № 1607 и распоряжение Правительства Республики Башкортостан от 16.12.2016 № 1451-р.

¹⁹ Распоряжение Правительства Удмуртской Республики от 04.07.2019 № 803-р.

²⁰ Неключевой стратегический приоритет, редко упоминается.

²¹ Приоритет – эффективное природопользование; кроме того, слабо представлен в сравнении с другими вопросами стратегии.

Элемент регуляторной среды	Свердловская область	Челябинская область	Курганская область	Оренбургская область	Пермский край	Республика Башкортостан	Удмуртская Республика
Концепция экологической безопасности	+ ¹	- ²	-	-	- ³	-	-
Концепция/ программа/ мероприятия в стратегии социально-экономического развития по формированию экологической культуры населения	- ⁴	+ ⁵	-	± ⁶	- ⁷	+ ⁸	-
Сбалансированное, равномерное пространственное развитие (освоение) территории как приоритет стратегии социально-экономического развития региона	+	+	+	+	+	+	+
Проработка вопросов развития территорий опережающего экономического роста в стратегии социально-экономического развития	+	+	+	±	-	+	+
Итого	4	3,5	3	3	1,5	3	2
Региональный закон о поддержке малого предпринимательства	+ ⁹	+ ¹⁰	+ ¹¹	+ ¹²	+ ¹³	+ ¹⁴	+ ¹⁵

¹ Постановления Правительства Свердловской области от 28.05.2020 № 353-ПП и от 28.07.2009 № 865-ПП (утратило силу 01.10.2020).

² Постановление Правительства Челябинской области от 20.09.2007 № 192-П. Есть для Челябинска.

³ Постановление Законодательного собрания Пермской области от 22.04.2004 № 1380.

⁴ В стратегии не упоминается.

⁵ Постановление Правительства Челябинской области от 20.02.2013 № 23-П.

⁶ Развитие непрерывного экологического образования как мероприятие по достижению цели улучшения качества природной среды и условий жизни населения, снижение экологической нагрузки на природные комплексы области, задействование экономических механизмов рационального природопользования в Стратегии развития Оренбургской области до 2020 г. и на период до 2030 г.

⁷ Есть неутвержденный проект.

⁸ Постановление Кабинета Министров Республики Башкортостан от 06.02.2003 № 45.

⁹ Закон Свердловской области от 04.02.2008 № 10-ОЗ.

¹⁰ Закон Челябинской области от 12.04.2008 № 250-ЗО.

¹¹ Закон Курганской области от 26.09.2008 № 389.

¹² Закон Оренбургской области от 29.09.2009 № 3118/691-IV-ОЗ.

¹³ Закон Пермского края от 26.02.2009 № 392-ПК.

¹⁴ Закон Республики Башкортостан от 28.12.2007 № 511-з.

¹⁵ Закон Удмуртской Республики от 08.10.2008 № 34-РЗ.

Элемент регуляторной среды	Свердловская область	Челябинская область	Курганская область	Оренбургская область	Пермский край	Республика Башкортостан	Удмуртская Республика
<i>Развитие цифровой экономики</i>							
Цифровое развитие как один из приоритетов стратегии социально-экономического развития	–	+ ¹	– ²	– ³	–	+ ⁴	± ⁵
Региональные акты в сфере развития цифровой экономики	+ ⁶	+ ⁷	+ ⁸	+ ⁹	+ ¹⁰	+ ¹¹	– ¹²
Итого (оценка с учетом содержания актов)	3	5	3	3	3	5	2
<i>Рейтинг ОРВ (группа)¹³</i>							
За 2020 г.	Хор.	Ср.	Неуд.	Ср.	Ср.	Выс.	Ср.
Итого	4	3	2	3	3	5	3
<i>Качество правовой среды развития в условиях новой реальности</i>							
Баллы	26,5	24	16	17	17	26,5	17,5

¹ Направление «Цифровая инфраструктура экономики» включает: создание инфраструктуры для обеспечения услуг по хранению и обработке данных; внедрение цифровых платформ работы с данными для граждан, предпринимателей и органов исполнительной власти; оказание содействия организациям сферы информационных технологий.

² Содержит проект «Развитие коммуникационной инфраструктуры и сферы связи», включающий мероприятия по снижению информационного неравенства в пространстве региона и развитию электронного правительства.

³ Содержит раздел «Информационно-телекоммуникационный комплекс», включающий мероприятия по снижению информационного неравенства в пространстве региона и развитию электронного правительства.

⁴ Внедрение и тиражирование технологических инноваций предусматривается в рамках Башкирской технологической инициативы.

⁵ Выделено только развитие производства оборудования и компонентов для цифрового телевидения, для чего планируется оказать поддержку предприятиям в части запуска производства соответствующих новых видов продукции.

⁶ Постановление Правительства Свердловской области от 29.12.2017 № 1050-ПП.

⁷ Программа цифрового развития экономики региона утверждена Стратегическим комитетом 26.11.2019 (неправовой акт).

⁸ Постановление Правительства Курганской области от 14.12.2018 № 428.

⁹ Постановление Правительства Оренбургской области от 29.12.2018 № 917-пп.

¹⁰ Указ Губернатора Пермского края от 04.07.2018 № 59.

¹¹ Постановление Правительства Республики Башкортостан от 26.09.2018 № 473.

¹² Проект в 2019 г.

¹³ Официальный информационный ресурс об оценке регулирующего воздействия Министерства экономического развития РФ <http://orv.gov.ru/ranking>. В рейтинге регионы распределены на группы: высшая, хорошая (+1 балл при оценке качества правовой среды), средняя (+0,5), удовлетворительная и неудовлетворительная (0 баллов). Методика составления рейтинга изменялась несколько раз вместе с развитием ОРВ.

Элемент регуляторной среды	Свердловская область	Челябинская область	Курганская область	Оренбургская область	Пермский край	Республика Башкортостан	Удмуртская Республика
Неформальная составляющая регуляторной среды							
<i>Ориентированность власти на поддержку предпринимательства</i>							
Доля предпринимателей, считающих, что региональные власти способствуют/препятствуют развитию бизнеса, предпринимательства, % ¹	23/41	20/62	12/42	26/33	16/39	44/28	12/52
Итого	4	3	2	4	3	5	2
<i>Уровень добросовестности в экономической среде²</i>							
Среднее количество ежегодно регистрируемых преступлений экономической направленности на 1 000 предприятий за 2014–2018 гг.	16	25	41	25	23	26	27
Среднее число ежегодно выявляемых лиц, совершивших преступления экономической направленности, на 1 000 предприятий за 2014–2018 гг. ³	7	12	13	15	12	9	15
Итого	5	3	2	3	3	4	3
<i>Уровень коррумпированности</i>							
Среднее количество ежегодно регистрируемых преступлений коррупционной направленности на 1 000 чиновников за 2014–2018 гг.	5	5	3	4	6	6	4
Итого	3	3	5	4	2	2	4
<i>Качество неформальной регуляторной среды ведения бизнеса</i>							
Баллы	12	9	9	11	8	11	9
<p>Примечание – Условные обозначения: «+» – утвержден документ с явным названием, отражающим наличие элемента; «-» – документ или упоминание о соответствующем элементе не обнаружено; «±» – элемент упоминается в общестратегическом документе, вопрос проработан в общих словах. В сносках указаны реквизиты первичного документа, отражающего наличие соответствующего элемента.</p>							

¹ Данные опроса «Пульс бизнеса» Фонда общественное мнение 2013 г. В опросе участвовали по 500–800 респондентов в каждом из регионов. – URL: <https://fom.ru/pulse/region.html?region=56> (дата обращения: 25.09.2021).

² Данные Портала правовой статистики. – URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 25.09.2021).

³ Данные Портала правовой статистики (учтены преступления по злоупотреблению должностными полномочиями и получению/даче взятки). – URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 25.09.2021).

Приложение Н
(обязательное)

Показатели, применяемые в различных методиках оценки системы ОРВ в субъектах РФ

Показатель	Методика Минэкономразвития России формирования рейтинга качества осуществления ОРВ и экспертизы в субъектах РФ от 26 октября 2016 г. № 1613-СШ/Д26вн	Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ Агентства стратегических инициатив	Методика Центра ОРВ НИУ ВШЭ ¹	Рейтинг субъектов РФ по качеству проведения ОРВ Национального института системных исследований проблем предпринимательства ²
Проведение ОРВ проектов НПА, разработчиком которых является законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта РФ	+			
Использование экономических, расчетных, количественных методов оценки	+		+	+
Качество проведения публичных консультаций	+			

459

¹ Голодникова А., Цыганков Д., Беляев А. Отчет в рамках проекта «Исследование хода и результатов внедрения ОРВ на региональном уровне в различных странах, выводы и рекомендации для Российской Федерации». – М.: Высшая школа экономики, 2015. – 7 с.

² Мониторинг внедрения института оценки регулирующего воздействия в механизм принятия решений в субъектах РФ. – М.: НИСИП, 2013. – 23 с.

Национальным институтом системных исследований проблем предпринимательства проводится мониторинг развития ОРВ в субъектах РФ с 2012 г. В рамках раундов 1–3 проводилась комплексная оценка системы ОРВ в регионе (именно ее методика указана в таблице), последующие раунды были узкоспециализированными, в рамках которых оценивались отдельные аспекты: например, достижения российских региональных парламентов, лучшие практики применения количественных расчетов и т. д.

Показатель	Методика Минэкономразвития России формирования рейтинга качества осуществления ОРВ и экспертизы в субъектах РФ от 26 октября 2016 г. № 1613-СШ/Д26вн	Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ Агентства стратегических инициатив	Методика Центра ОРВ НИУ ВШЭ ¹	Рейтинг субъектов РФ по качеству проведения ОРВ Национального института системных исследований проблем предпринимательства ²
Результативность процедуры оценки регулирующего воздействия и экспертизы НПА	+			
ОРВ проектов НПА проводится на систематической основе	+	+		
Информационная активность региона в сфере ОРВ, прозрачность и открытость института ОРВ	+			
Практика проведения процедуры ОРВ в органах местного самоуправления	+			
Учет выводов, содержащихся в заключении об ОРВ (обязательный, специальная процедура, иной механизм учета выводов)		+		
Представители экспертного сообщества и деловых объединений принимают участие в проведении ОРВ проектов НПА		+		

Показатель	Методика Минэкономразвития России формирования рейтинга качества осуществления ОРВ и экспертизы в субъектах РФ от 26 октября 2016 г. № 1613-СШ/Д26вн	Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ Агентства стратегических инициатив	Методика Центра ОРВ НИУ ВШЭ ¹	Рейтинг субъектов РФ по качеству проведения ОРВ Национального института системных исследований проблем предпринимательства ²
На официальном сайте уполномоченного органа / региональном портале размещаются заключения об ОРВ, информация о проведении публичных консультаций, информация об ОРВ		+		
Объем финансирования системы ОРВ			+	
Объем трудозатрат на развитие системы ОРВ (обучение госслужащих, внедрение самой процедуры и контроля за ней)			+	
Качество аналитических документов по ОРВ			+	
Полнота сводных отчетов по ОРВ				+
Применение нетрадиционных подходов				+
Изучение альтернативных вариантов регулирования				+
<p>Примечание – Приводится по: Рахмеева И. И. Экономическая эффективность оценки регулирующего воздействия в регионах России // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2019. – Т. 8, № 1 (26). – С. 274.</p>				

Приложение П
(обязательное)

**Анализ стратегий социально-экономического развития субъектов РФ,
расположенных в пространстве Уральского макрорегиона,
на предмет включения в них задач и показателей промышленного развития
по направлениям экстрактивного промышленного роста,
инклюзивной реиндустриализации и новой индустриализации**

	Свердловская область	Челябинская область	Курганская область	Оренбургская область	Пермский край	Республика Башкортостан	Удмуртская Республика
И. Задачи, содержащиеся в стратегии социально-экономического развития субъекта РФ							
Экстрактивный промышленный рост							
Рост/поддержание объемов добычи полезных ископаемых и поддержка добывающих отраслей	-	±	±	±	-	-	+
Инклюзивная реиндустриализация							
Модернизация базовых отраслей производства	+	+	+	+	-	-	+
Развитие перспективных/высокотехнологичных отраслей производства	+	+	±	+	+	+	+
Увеличение глубины переработки сырья и уменьшение доли добывающей отрасли в структуре промышленности	-	-	-	+	-	+	-
Коммерциализация технологий ОПК (трансфер технологий в гражданский сектор)	-	+	+	-	-	+	+
Развитие науки, поддержка фундаментальных и прикладных исследований, инноваций	+	+	+	+	+	+	+
Кооперация, интеграция и развитие межотраслевого взаимодействия субъектов науки, образования, промышленности и малого предпринимательства	+	+	-	+	-	+	+
Подготовка специализированных кадров	+	+	-	+	+	+	+
Развитие территорий опережающего социально-экономического роста	+	+	+	±	±	+	±

	Свердловская область	Челябинская область	Курганская область	Оренбургская область	Пермский край	Республика Башкортостан	Удмуртская Республика
Новая индустриализация							
Поддержка и вовлечение субъектов МСП в реальный сектор экономики	+	+	-	+	-	-	+
Устойчивое (эколого- и ресурсосберегающее, рациональное) развитие как один из приоритетов стратегии	+	+	+	+	±	+	-
Развитие экологической культуры населения	-	+	-	±	-	+	-
Развитие возобновляемых источников энергии	+	-	-	-	-	+	-
Цифровое развитие как один из приоритетов стратегии	-	+	-	-	-	+	±
Осуществление нормативного регулирования, направленного на развитие цифровой экономики, цифровой среды доверия, эффективное использование интеллектуальной собственности	-	+	-	-	-	-	-
Поддержка производства продукции пятого и шестого технологических укладов	+	+	-	+	-	+	±
II. Показатели стратегии социально-экономического развития субъекта РФ							
Экстрактивный промышленный рост							
Рост (сохранение) объемов добычи полезных ископаемых	-	±	±	±	-	-	+
Инклюзивная реиндустриализация							
Рост объема отгруженной промышленной продукции/ индекс промышленного производства	+	+	+	+	-	+	—*
Рост доли обрабатывающих производств	+	-	-	+	-	-	+
Увеличение производительности труда в промышленности / рост числа высокопроизводительных рабочих мест	+	+	+	+	-	+	—*
Увеличение доли высококвалифицированных работников	-	+	-	-	-	+	-
Увеличение удельного веса организаций, осуществляющих инновационную деятельность	+	+	-	-	-	+	-
Увеличение объемов несырьевого экспорта	-	+	+	+	-	+	-
Увеличение объемов / доли затрат на НИОКР	+	-	+	-	—*	+	—*
Увеличение объема инвестиций в основной капитал в обрабатывающих производствах / в ИТ	-	+	-	+	-	-	—*
Коэффициент обновления основных фондов в обрабатывающих производствах	-	+	-	—*	-	+	-

	Свердловская область	Челябинская область	Курганская область	Оренбургская область	Пермский край	Республика Башкортостан	Удмуртская Республика
Увеличение количества фундаментальных исследований, осуществляемых научными коллективами, способными на выполнение научных исследований на мировом уровне	+	-	+	-	-	-	-
Увеличение количества выданных патентов на изобретения и полезные модели, числа созданных передовых производственных технологий	+	-	-	-	-	—*	-
Инвестиции/создание рабочих мест/число резидентов в территориях опережающего развития	+	+	+	-	-	+	-
Место в рейтинге инновационного развития субъектов РФ	-	+	-	-	-	±	-
Новая индустриализация							
Увеличение доли производственных предприятий в общем количестве субъектов МСП / увеличение доли малого бизнеса в промышленном производстве	+	-	-	+	-	-	—*
Увеличение доли продукции высокотехнологичных, инновационных и наукоемких отраслей в ВРП/объема их экспорта	+	+	-	—*	-	+	-
Увеличение доли иностранных высококвалифицированных специалистов	+		-	-	-	-	-
Увеличение охвата учащихся общеобразовательных организаций, осваивающих дополнительные общеобразовательные программы технической направленности, современные навыки (цифровые, гибкие компетенции, финансовые и пр.)	+	+	-	-	—**	-	-
Доля профессиональных образовательных организаций, подготавливающих кадры по 50 наиболее перспективным и востребованным профессиям	-	-	+	-	-	+	-
Численность перспективных исследователей в областях, приоритетных для научно-технологического развития / доля молодых ученых / доля студентов, вовлеченных в мероприятия научно-технологической направленности	-	+	+	-	-	-	-
Доля занятых в экономике, прошедших обучение по программам непрерывного образования	-	+	-	—*	-	+	—*
Доля педагогов, прошедших дополнительное обучение по вопросам подготовки 50 наиболее перспективных и востребованных профессий	-	+	-	-	-	-	-
Увеличение доли домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет	+	+	+	+	-	-	-

	Свердловская область	Челябинская область	Курганская область	Оренбургская область	Пермский край	Республика Башкортостан	Удмуртская Республика
Увеличение количества организаций в сфере ИТ / доли отечественных товаров на рынке ИТ	–	+	–	+	–	–	–
Увеличение доли отечественного программного обеспечения, закупаемого госорганами	–	+	–	+	–	–	–
Доля энергетических ресурсов, производимых с помощью возобновляемых источников энергии и (или) вторичных энергетических ресурсов, в общем объеме энергетических ресурсов	+	–	–	–	–	–*	–
Снижение энергоемкости ВРП	–	+	+	+	–	+	–*
Снижение объемов выбросов / накопленных отходов	+	+	–	–*	–	+	–*
Увеличение доли переработанных / утилизированных отходов	+	+	+	–*	–*	+	–
<p>Примечание – Составлено автором.</p> <p>* Показатели, которые описаны словесно в тексте стратегии, однако не представлены их количественные значения.</p> <p>** Включен показатель в целом по программам дополнительного образования.</p>							